КОСАРЕВ

Н. Трущенко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 15

692

Н. Трущенко

КОСАРЕВ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1988

ББК 66.75(2)2
Т 80

Рецензент:
доктор исторических наук В. И. ДЕСЯТЕРИК.

Автор выносит глубокую благодарность жене А. В. Косарева — МАРИИ ВИКТОРОВНЕ НАНЕЙШВИЛИ и его дочери ЕЛЕНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ КОСАРЕВОЙ, поделившимся с ним бесценными воспоминаниями о муже и отце, В. Ф. ПИКИНОЙ — комсомольскому работнику 30-х годов, мужественно стоявшему рядом с Косаревым в трагические для обоих дни, и ветеранам ВЛКСМ, оставившим мемуары о своем комсомольском вожаке.

Самые глубокие слова благодарности он передает также работникам многих архивов, среди которых особое место занимают сотрудники Центрального архива ВЛКСМ и Архива Института истории партии МГК и МК КПСС.

Т $\frac{4702010200-280}{078(02)-88}$ Без объявл.

ISBN 5-235-00734-4

ОТ АВТОРА

Косарев Александр Васильевич — генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ в 1929—1938 годах. О нем я впервые услышал в дни своей подготовки к вступлению в комсомол. Парторг школы и наша любимая учительница по истории Ольга Родионовна Дубиновская доброжелательно наставляла: «Обязательно прочитайте в «Комсомольской правде» выступления Косарева — о них вас скорее всего спросят на бюро райкома комсомола».

Мы, хотя до этого и вызубрили Устав ВЛКСМ, но не имели еще реального представления о бюро райкома, тем более о генеральном секретаре ЦК ВЛКСМ. Кем мы тогда были? Кандидатами в члены ВЛКСМ — будущими «рядовыми из рядовых» миллионной армии комсомольцев тридцатых годов. Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Косарев был от нас, провинциальных комсомольцев, очень далеко. Однако советы исторички выполнили старательно и в детском зале публичной библиотеки переворошили подшивку «Комсомольской правды». Но привлекли в ней наше внимание не речи, а фотографии: «Косарев среди челюскинцев», «Косарев и Чкалов», «Косарев и пионеры-артековцы на приеме в Кремле»...

На одной из фотографий Косарев был изображен со Сталиным. Они приветливо смотрят друг на друга. Сталин, пожалуй, даже ласково — по-отечески. Косарев очень довольный, улыбается открыто, чисто, так и светится весь от счастья...

Много-много лет спустя я взял в руки не газету с клише, а оригинальную фотографию А. В. Косарева. И, глядя на нее, я ненароком поймал себя на том, что непроизвольно сравниваю косаревскую улыбку с улыбкой другого человека — Юрия Гагарина! Или — наоборот? В чем-то были они очень схожи: широкие, простые, несказанно русские...

И в памяти нашей остались их короткие имена. Всемирно известное — Юрий Гагарин. Полузабытое — Александр Косарев.

«Сближали» их и какая-то удивительная общедоступность, и неподдельное стремление к общению. К Коса-

реву тысячи людей шли за советом, помощью. Потому что знали — обязательно отзовется, поддержит, решит... Шли к нему и просто так — побеседовать. Удивительно, как выкраивал он для всех время? И звали его все просто — Саша. Но в этом обращении не было и тени фамильярности. Люди подчеркивали им только одно — признак своего глубокого уважения, признание в Косареве товарища, друга.

Сашей его называли все — члены Политбюро Центрального Комитета партии и Советского правительства, всемирно известные писатели А. М. Горький, Анри Барбюс, Ромен Роллан, комсомольские руководители любого «ранга», молодые рабочие и колхозники.

Он был комсомольским вожаком в период самого бурного расцвета нашего союза молодежи. Это о его сверстниках и о нем самом слагали легенды и песни героических лет революции, гражданской войны и первых довоенных пятилеток. Прекрасное было время. Трудное время. Тяжелое время.

У меня с Косаревым было знакомство чисто визуальное, да еще по газетам. В мае 1938 года он приезжал в мой родной город — Горький. Местная молодежная печать сообщала: секретарь ЦК ВЛКСМ выступил на комсомольском пленуме в связи с арестом первого секретаря обкома ВЛКСМ Бориса Флаксмана — «врага народа». Через месяц я увидел самого Косарева. Он снова приехал в Горький, а потом и в Дзержинск на встречу с избирателями как кандидат в депутаты Верховного Совета РСФСР. Мы стояли в гуще двадцатитысячной толпы и держали в руках портреты, наклеенные на фанерные щиты; огромные и многочисленные, в рамках из живых цветов — с изображением Сталина, поменьше — Молотова, Кагановича, совсем маленькие и редкие — Косарева.

На портрете Косарев выглядел солиднее. Мы ожидали увидеть этакого спортсмена-гиганта, а на трибуне стоял невысокого роста, очень подвижный молодой человек в синем шевиотовом костюме с орденом Ленина на широченном лацкане пиджака. Голос у него был звонкий, и до нас отчетливо долетали отдельные фразы его выступления:

— Я старался быть прилежным учеником великого Сталина, честным большевиком и гражданином нашей Родины. Я обещаю вам не щадить ни сил, ни жизни во имя ее, партии, всепобеждающего советского народа.

Одноклассники настойчиво тянули меня ближе к три-

буне, чтобы разглядеть оратора лучше, но наткнулись на первую шеренгу людей в форме сотрудников НКВД и сразу успокоились.

— Слушали товарища Косарева? — спрашивала нас на уроке Ольга Родионовна. — Сильная речь. Настоящая, пламенная.

В ноябре 1938 года мы снова штудировали «Комсомольскую правду». Но теперь уже по совсем неожиданному поводу: Косарева сняли с работы, а потом и объявили «врагом народа». Какое-то время его имя дружно чернили газеты — центральные и местные, — потом оно, казалось, ушло в небытие, все равно что кануло в Лету.

Но это только казалось. В действительности память о Косареве продолжали хранить многие люди — партийные и комсомольские работники. Один из них напомнил мне о Косареве в самые суровые дни войны, в феврале 1942-го... Будучи ранеными, мы «валялись» близ передовой в каком-то сарае медсанбата. В длинную и бессонную от страданий ночь я разговорился с бодрствующим соседом — пропагандистом нашего 346-го горнострелкового полка — политруком Хананяном. Я служил в том полку заместителем политрука роты (по-нынешнему комсоргом), и Хананян по-партийному опекал меня, помогая в становлении армейского комсомольского работника. В ту ночь он сказал, наклонясь в мою сторону:

— Замполит, я до войны тоже комсомольским работником был, с Сашей Косаревым часто встречался. Бесценный был человек. В Цекамоле он не работал, а горел! Сам горел и других зажигал. А к нерадивым был строг — не дай бог... Комса его боготворила.

Его слова сначала как по живому телу острым штыком полоснули. В те времена в армии, да еще политработнику только за участие в разговорах такого рода можно было запросто разделить участь Косарева. Хананян замолчал. А когда, видимо, захлестнувшая его волна боли поутихла, вернулся к разговору:

— Много, замполит, было и до Косарева хороших комсомольских вожаков, и после будет немало. Только...

Но Хананяна прервал ворвавшийся в сарай военфельдшер с санитарами:

— Ходячие — по машинам! Тяжелораненые — лежите на месте, вам носилки сейчас принесем. Живо, живо!!!

Близ медсанбата рвались немецкие мины.

С тех пор долго ничто не напоминало о Косареве. Разве что в 1947 году? Вышла тогда в свет книга «Бое-

вой путь комсомола». В ней оценка деятельности бывшего комсомольского вожака была сугубо отрицательной. Десять лет спустя появилась книга «Наш Ленинский комсомол». Имя Косарева она обошла молчанием. Даже его предшественник на посту генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А. И. Мильчаков в воспоминаниях «Первое десятилетие» не нашел для Косарева теплых и достойных его имени строк.

Шли годы. В декабре 1954-го мне довелось читать лекции в местах, как говорится, «не столь отдаленных», короче — политзаключенным. В этом лагере отбывали свой срок осужденные по статье 58-й Уголовного кодекса РСФСР. Была такая статья с многочисленными пунктами. Все они сводились к одному — обвинению в контрреволюции...

Вскоре положенные лекции были прочитаны. Можно было и отправляться домой. Но закружила метель, замела дорогу к ближайшей станции внутрилагерной узкоколейки. Начальство предложило:

— Может, у нас останетесь?

Я невольно вздрогнул от таящейся в этом предложении двусмысленности. И остаться наотрез отказался.

— Напрасно! Концерт будет новогодний. Косарева увидите, поет замечательно, пляшет лихо...

— Какого Косарева?!

— Того самого. У нас отбывает. Работает истопником...

Только спустя более тридцати лет в беседе с Марией Викторовной Нанейшвили-Косаревой — женой Александра Васильевича (репрессированной в один с ним день) — я убедился, что это была ошибка. «Кому-то нужна была такая дезинформация, — рассудила она, — пустил кто-то слух по всем лагерям такого типа: «У нас, мол, Косарев...» Был репрессирован его брат — Матвей, но отбывал он свое заключение не в том районе, где вы читали лекции».

Моя жизнь сложилась так, что я стал профессиональным историком, посвятил большинство своих трудов славному пути Ленинского комсомола. Много за годы работы исследовал я различных исторических источников — документов в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центральном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства города Москвы, Центральном архиве ВЛКСМ, Архиве Института истории партии МГК и МК КПСС и

других. И с каждым новым документом тех лет все чеканнее отливался образ Александра Косарева. В Архиве Института мировой литературы имени А. М. Горького, например, мне посчастливилось раскрыть переписку Косарева с великим пролетарским писателем. Эти письма помогли увидеть новые грани характера и деятельности комсомольского вожака.

Потом пришел XX съезд КПСС. Народ полегоньку стал стряхивать оцепенение, которое он терпеливо нес под гнетом культа личности Сталина. Были сняты обвинения со многих людей. Реабилитировали посмертно и Косарева. В те дни один из ответственных работников как бы обронил фразу: «Следственное дело Косарева буквально залито кровью...»

После съезда произошла небольшая демократизация архивного дела. Поиск новых материалов об Александре Васильевиче несколько облегчился. Но уже многие и очень важные свидетельства его жизни и деятельности были безжалостно уничтожены, по разным причинам исчезли, безвозвратно затерялись. И все-таки каждый год поиска прибавлял выписок из архивных документов, вырезок из газет, записей ветеранов комсомола к папке «А. В. Косарев». Отчетливее становился образ будущей книги. Появились и первые мемуары современников об Александре Васильевиче, статьи Т. Меренковой о нем. Но поиск исследователя бесконечен. Думаю, что и сейчас, когда книга готова, я сумел собрать еще не все возможные свидетельства к биографии Косарева.

Зимой 1980 года в Высшей комсомольской школе я встретился с Еленой Александровной Косаревой — дочерью Саши, которую, так же, как и его жену и брата, не пощадила обстановка того жестокого и мрачного времени. Едва Лена, студентка Тимирязевской сельскохозяйственной академии, приступила в 1947 году к занятиям на первом курсе, как и ее арестовали. Девушка хранила под подушкой — фотографию отца.

Мы беседовали с Еленой Александровной не об этом. Разговор шел о Саше Косаревой — внучке Александра Васильевича. Ее назвали так в честь деда. Она заканчивала десятилетку и мечтала поступить в комсомольский вуз. Юное поколение Косаревых подтолкнуло меня: годы идут, а я застрял на стадии исследования, надо писать задуманную книгу. Нельзя не писать.

Решение окрепло. Оставалось, как казалось, дело «за немногим»: определить точный адрес издателя и жанр

книги. Выбор «подсказал» А. М. Горький. В середине апреля 1936 года, в канун X съезда ВЛКСМ Алексей Максимович обратился к Косареву с рядом интересных предложений. В частности, он просил комсомол взять на себя «еще одно героическое дело»... — «помочь росту литературы внутри страны и росту ее значения за рубежом...» «Взять на себя наблюдение за всеми серийными изданиями, каковы, например, «Жизнь замечательных людей», «Исторические романы» и все вообще издания этого типа».

Косарев живо отозвался на слова писателя. Уже с 1938 года книги серии «Жизнь замечательных людей» стали выходить с маркой комсомольского издательства.

Так созрело предложение издать книгу «Косарев» в серии ЖЗЛ, в которой уже выходили книги об организаторе Петроградского социалистического союза рабочей молодежи Василии Алексееве, комсомольском вожаке 20-х годов Петре Смородине, других комсомольских работниках. Но не только этим аргументом хотелось бы предвосхитить возможные сомнения устойчивых приверженцев данной серии: вписывается ли жизнь комсомольского вожака, трагически оборвавшаяся в 35 лет, в ряд биографий выдающихся сынов и дочерей всех народов?

Действительно, Александр Косарев никакой другой деятельностью, кроме комсомольской, не занимался. Вступив в очень раннем возрасте на рабочую стезю, он сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции стал профессиональным вожаком молодежи и остался им до своего последнего часа. Согласитесь, что труд организатора любого общественного движения, в том числе и юношеского, не всегда можно подвести под ту или иную единицу измерения. Выдвинутый временем в эпицентр событий огромного политического звучания, мощной духовной силы, Косарев благодаря своей самобытной натуре, недюжинным талантам организатора и политического деятеля, поразительной целеустремленности вырос и стал в одну шеренгу с целой плеядой прославленных первопроходцев социалистического созидания тридцатых годов.

Показать его именно таким я и стремился в работе над этой книгой. Я хотел, чтобы в жизнь новых поколений он входил как комсомольский вожак № 1.

Н. В. ТРУЩЕНКО,
доктор исторических наук, профессор,
лауреат премии Ленинского комсомола

МАЛЬЧИК ИЗ БЛАГУШИ

Он родился 14 ноября 1903 года в старом домике на Б. Семеновской улице, что на Благуше — северо-восточной окраине дореволюционной Москвы. Здесь по берегам Яузы и Хапиловки на Генеральной и Лаврентьевской улицах (составляющих теперь одну Электрозаводскую), а также на прилегавших улицах Семеновской и Нижнехапиловской (теперь Почтовая) располагались бумаготкацкие, суконные, шелковые, красильные и другие фабрики. Лефортово раньше других районов старой Москвы превратилось в рабочую окраину. На его-то пыльных улицах с редкими палисадниками перед домами и протекало детство Саши Косарева.

Отец — Василий Степанович, надорвавшийся на капиталистической каторге и рано ушедший из жизни человек.

Мать — Александра Александровна, женщина предприимчивая, по характеру сильная, настойчивая и справедливая. Сестра Косарева, Нина, считала, что Саша из детей был больше всех похож на мать.

Отец и мать трудились на трикотажно-платочной фабрике «Рихард-Симон и К°» (ныне фабрика «Красная Заря»). В шутку Сашины родители называли ее «фамильным предприятием» — здесь работало уже второе поколение Косаревых.

— Семья наша жила бедно, нужда ходила по пятам, — вспоминала позднее Александра Александровна. — Семь детей, один одного меньше. Если каждому по куску дать, и то надо иметь семь кусков. А куском разве накормишь? За стол садились девять человек, а зарабатывали только мы с мужем... Какие уж там заработки, на еду не хватало. А надо было еще всех одеть да обуть. Где взять? Бывало, скопим на одно пальто или на одни ботинки ребятишкам — они по очереди носят. Саша все больше ходил в сплетенных бабушкой чунях...

Как-то я сшила ему новую, правда, дешевенькую, курточку. Он поносил ее немного, а потом гляжу — нет кур-

точки. Спрашиваю: «Саша, а где твоя новая курточка?» — «Да там лежит», — отвечает. Раз спросила, два, а потом он мне признался, что Борьке отдал, своему товарищу. И, видя, что я расстроилась, сказал: «Мама, у меня ведь черная есть, а у него нечего надеть. Они еще хуже нас живут, да и отца у них нет».

Так в пору трудного детства родилась одна из чудесных черт Сашиной натуры — душевная щедрость и бескорыстие.

Детство не имеет четко очерченных границ. Оно плавно переходит в другой возраст, оставляя о себе на всю жизнь дорогие воспоминания. Сашино детство — без больших радостей — оборвалось сразу. В девять лет.

В тот хмурый весенний день мать повела его, еще ребенка, за руку. Не в церковноприходскую школу, до окончания которой осталось всего несколько месяцев, а совсем в другую сторону. Шли мимо крошечных огородов и халуп бедняков, вдоль грязной и вонючей речушки Хапиловки к одноэтажному кирпичному зданию — цинковальному заводу Анисимова. Вся округа задыхалась от зловония и нечистот, извергаемых заводиком в речку, от едкого запаха кислот и газа, непрерывно тянувшихся с его стороны. На заводском дворе мать, выставив мальчика вперед, умоляла мастера принять на работу Сашу.

— А лет-то ему сколько? — хмуро буркнул мастер.

— Десять минуло, десять...

Всю жизнь Александра Александровна детям внушала: «Правда в огне не горит и в воде не тонет; все минется, одна правда остается». А тут нужда заставляла: добавила Саше годик. Уж очень боялась, не возьмут на работу худенького, не по годам маленького мальчонку: «Как жить-то дальше?!» Ведь голод да безденежье привели их на анисимовский завод.

Глубокой зарубкой остался в памяти у Саши этот день. И когда потом он будет рассказывать ребятам, выросшим в советское время, о днях своего детства, то каждый раз перед глазами у него возникнет образ матери, униженно склонившейся перед мастером. «В царской России были очень распространены случаи подделки метрических свидетельств с тем, чтобы в этих документах возраст ребенка был повышен на 2—3 года. Такая подделка метрик была существенной доходной статьей в бюджете попов и волостных писарей», — читаем в одном из воспоминаний Косарева.

Чернорабочим начинал свою трудовую пролетарскую

биографию Саша. О первых днях работы на фабрике Саша рассказывал так:

— Привел меня мастер в темный сарай. Потолки низкие, пол земляной, на окнах решетки, словно в тюрьме. В пол врыты травильно-промывочные ванны, в которых мы, стоя на коленях (а земля всегда была сырой), промывали посуду перед тем, как ее цинковали. Если возле завода было трудно дышать, то каково же было нам, рабочим, двенадцать-четырнадцать часов дышать кислотными испарениями и газом. Придешь домой как очумелый, во рту горько, руки в язвах...

В 1914 году Саше удалось перейти на трикотажно-платочную фабрику «Рихард-Симон и К°». Его определили в рашелевый цех — на трикотажные машины. Условия труда и здесь были ненамного лучшими, а плата — мизерной. Беззастенчивую эксплуатацию сполна испытал на себе. Но новая работа нравилась больше. Пожилой слесарь Антипыч Старцев, к которому Косарев попал в обучение, наставлял: «Душа и руки, Сашка, должны в лад работать...»

Влившись в ряды российского пролетариата в годы нового рабочего подъема накануне первой мировой войны, он сразу стал участником стачек, которые на московских предприятиях следовали одна за другой. Среди рабочих все чаще и чаще можно было услышать о пролетарской солидарности.

Ранней весной четырнадцатого года, в день получки, Саша сказал матери:

— Мам, возьми деньги, а пятак я на газету отдал.

— На какую еще газету?

— На «Правду», нашу рабочую газету...

Начиналось все так. Смышленый и юркий, Саша застал однажды слесарей склонившимися украдкой над газетой. Слова, что произносились тогда, были Косареву уже знакомыми: о политических первомайских забастовках, о притеснениях московских рабочих. Увидев притаившегося подростка, рабочие затихли. Слесарь Матвеев — огромный, кулаки с пудовую гирю каждый — стал нехотя, но торопливо засовывать газету за пазуху. Но Антипыч остановил его:

— Погоди, Семен, не прячь. Этого мальца я знаю: ученик он мой — сын Василия и Александры Косаревых. Сашка! Молчок, что видел и слышал... Понятно? Не понял — так уши надеру... А ты, Семен, читать-то читал, да не уразумел, видно, важного.

Антипыч вынул из-за пазухи Семена газету, расправил аккуратно и, отыскав в ней нужное место, спросил Косарева:

— Читать-то можешь?

— Могу, грамотный я. В церковноприходской школе учился...

— Читай, Сашка, а ты, Семен, послушай.

Саша взял в руки газету, прочитал:

— «Правда».

— Здесь вот... — Антипыч корявым пальцем указал на статью, набранную буковками маленькими, но вроде почернее остальных. — Вот эту: «Пусть будет стыдно тем рабочим, которые небрежно и грубо относятся к юным пролетарским силам. Молодежь должна войти в наши ряды и повести наше дело во сто крат лучше, чем мы».

— Антипыч, а какое оно, «наше дело-то»?

— Ты сейчас помалкивай. Опосля и до этого дойдешь. Наше дело — пролетарское. А газета эта — рабочая, на трудовые гроши и для нас ее большевики выпускают.

В другой раз Антипыч сам подозвал Косарева:

— На-ко... — И протянул ему газету.

«Какой истиной звучит твое название «Правда»! — читал Саша. — Да ты и есть истинная народная правда. И я, как подросток, смотрю на тебя как на свою воспитательницу, учащую нас, как пройти по тернистой дорожке жизненного пути на ясную поляну».

— На ясную поляну, — повторил Саша вслух.

В этот день Антипыч рассказал пареньку о большевиках, о том, как рабочим бороться за лучшую долю. Узнал от него Саша и о готовящейся на «Рихард-Симоне» забастовке солидарности с борьбой рабочих против хозяев московских фабрик, уволивших 50 тысяч текстильщиков.

Потом, размышляя над услышанным, мальчишка решил для себя твердо: «Я тоже буду бастовать!»

Но 13 июля (1 августа) началась империалистическая война. Воюющие страны поставили под ружье свыше 70 миллионов мужчин, оторвав их от земли, станков и семьи — в России 47 процентов взрослого мужского населения.

С группой фабричных большевиков отправили на фронт и Антипыча. Без него Саша как-то сразу оказался не у настоящих дел — таскал металлические заготовки, убирал стружку. На производство пришли новые отряды пролетарского пополнения — женщины, подростки и де-

ти. Саша Косарев — рабочий, с каким-никаким, а уже со стажем, сразу же оказался в кругу заводил благушенских ребят.

Теперь Косарева определили учеником электромонтера. Саша радовался: это уже была дорога к современной рабочей квалификации!

Вскоре радость сменили огорчения. Среди монтеров процветал худший вид мастеровщины.

— Сашка, крой за политурой! Сашка, взболтай политуру — выпить хочется! — орали мастера. В минуты пьяного разгула собравшиеся к монтерам кулацкие сынки (их много тогда скрывалось на заводах, спасаясь от мобилизации в армию) подначивали:

— Новичков «крестить» пора! Крестить...

«Монтеры и механики, — вспоминал Саша, — в жестяной ковш наливали воды, под ковш пускали конец провода под током. В воду бросали пятачок и говорили: «Доставай!» Вы когда-нибудь испытывали эту боль? Нет?! Поверьте на слово, она ужасна».

Война намного ухудшила и без того бедственное положение трудящихся, особенно молодежи.

С фронтов приходили тревожные вести, похоронки. На фабрику возвращались рабочие — теперь инвалиды войны. Вокруг них собирались группами, обсуждали события на фронтах и в стране, рассказывали, что не поддался московский пролетариат шовинистическому угару; у многих в памяти жил случай, как рабочие разогнали на Симоновой слободе манифестацию, направлявшуюся на торжественный молебен «за здравие царя и воинства». Трехцветный флаг империи Романовых симоновцы разорвали, а царские портреты втоптали в грязь:

— Будет и на нашей улице праздник...

«ТАК ЧЬЯ ЖЕ ОНА — РЕВОЛЮЦИЯ-ТО?»

...В новый, 1917 год Россия вступала истерзанной кровопролитной империалистической бойней. Хозяйство разрушено. Положение трудящихся стало еще более невыносимым.

Новый год начался бурно, активными выступлениями пролетариата. 9 января рабочие колонны, как полки, поднявшиеся в наступление, двинулись к центру города — на Театральную площадь. Сашка Косарев вместе с благушенскими ребятами перебегал от одной колонны

к другой. Взрослые рабочие меж собой говорили: «Жив наш лозунг-то; поди, с четырнадцатого года не вспоминали его, а тут сам собой на память пришел: «Мы живы, горит наша алая кровь огнем неистраченных сил!»

Но в тот день полиция разогнала колонны людей, а пролетарские окраины Москвы долго еще не успокаивались, гудели. Потом как будто замерли в тревожном ожидании.

Через двадцать дней рабочие передавали из рук в руки листовку Московского областного бюро Центрального Комитета РСДРП и Московского комитета партии. Ее долгожданные слова обжигали сердца, возбуждали радость: «Товарищи! В Петербурге революция. Бросайте работу! Все на улицы! Все под красные знамена революции! Выбирайте в Совет рабочих депутатов! Сплачивайтесь в одну революционную силу!»

«В тот день, — вспоминала мать Косарева, — на московских заводах началась забастовка. Саша вместе с тремя коммунистами фабрики... бросил работу и закричал своим звонким голосом: «Кончай работу, выходи во двор, хватит работать на буржуев, хватит набивать их карманы!» Сам побежал, а за ним и другие рабочие. Я тоже выбежала во двор, подбежала к нему и ну давать ему подзатыльники. «Что кричишь, — говорю ему, — с ума сошел, тебя с фабрики выгонит хозяин». А здесь на грех и правда оказался хозяин, но он уже ничего не мог сделать с толпой рабочих, выходивших из цехов».

— Знамя! Красное знамя несите! — крикнул кто-то.

Но знамени не было.

Один из взрослых рабочих подтолкнул Сашу:

— Видишь флаги на заводоуправлении? Тащи их сюда!..

Косарев схватил близлежащую стремянку и стремглав бросился к зданию заводоуправления, у входа в которое сникли полотнища трехцветного флага самодержавной России — три полосы: синяя, белая и красная... Вырвав древко из гнезда, Саша ловким движением оторвал синюю с белой. Осталась красная. «Вот оно — знамя! — крикнул Косарев и стал передавать одно полотнище за другим в руки подоспевших рабочих.

— Ну, Александра, и парень у тебя вырос — ловкий, сообразительный...

Мать, возбужденная от событий, стояла рядом с подошедшим к ней сыном. Хотела было потрепать его вихрастую голову, да куда там — парня и след простыл.

Он уже бежал по фабричным закоулкам: «Бросай работу! В Питере революция, царя сбросили!»

Революция в Петрограде подняла и Москву.

Снова рабочие двинулись к центру города. В рядах пролетариев гордо шествовал и Саша Косарев. Шли по знаменитой Владимировке, собирались толпой на Рогожско-Сенной площади и Симонов Камер-Коллежском валу. Кто-то запел:

Смело, товарищи, в ногу
Духом окрепнув в борьбе...

И снова продолжали шествие. Проходя мимо Таганской тюрьмы, кричали: «Политическим свободу! Революция!» Не ведали, что в одиночных камерах этой тюрьмы сидел когда-то Л. П. Радин, автор песни русских революционеров, что сегодня у них на устах. А песня в тот день вместе с потоком людей разливалась и крепла, нарастала и ширилась:

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда.

Вскоре восторженно-радостное настроение сменилось первыми тревожными известиями о суровых реалиях классовой борьбы. Группы встречных рабочих передавали:

— У Яузского моста фараоны преградили нам путь. Только не сробели мы, пошли на них стенкой. А помощник пристава выстрелил в Астахова с Гужона...

— В Лариона Тихоновича, что ли?

— В него...

— Ну и мы им поддали! Полицейских наша братва разоружила, а помощника пристава сбросила в Яузу! Вот так-то...

Власти пытались сдержать натиск восставшего народа. Саша сутками пропадал на улицах города.

За три дня в Москве разыгрались события — одно необычнее другого. Они вихрем сменялись перед глазами подростка. У Спасских казарм Саша увидел, как братались рабочие с солдатами. Близ Казанского железнодорожного моста он чуть было не угодил под перестрелку с жандармами и юнкерами. Не ускользнуло от его зорких глаз и то, как полицейские, растерявшиеся под натиском рабочих, бросали оружие: на милость победителей. И

всюду митинги и красные знамена. Они — в руках пролетариев, на балконе здания городской думы. Их торжественно несли заводчики, лавочники, учителя гимназий и адвокаты. Огромные красные банты на рясах духовенства. Раскрасневшиеся от волнения, нарядные дамы прикалывали их к погонам и на грудь господ офицеров. Солдаты рассказывали, что даже бежавший из немецкого плена царский генерал Корнилов и тот свою речь перед войсками закончил словами: «Так несите же на острие ваших штыков красное знамя свободы родине!»

«Так чья же она, революция-то?» — размышлял Косарев. Было от чего растеряться пареньку, над чем задуматься.

«Теперь будет все по-другому» — на это надеялись рабочие, крестьяне, солдаты. Хотелось верить, что с падением самодержавия прекратится кровопролитная война, крестьяне получат землю, кончится голод, рабочий день будет сокращен. Шли недели за неделями. Стихло праздничное оживление. Ни одна из радужных надежд не осуществлялась.

Свергнув власть царя, февральская революция не уничтожила капитализм, власть буржуазии.

Буржуазно-помещичье Временное правительство, ставшее во главе страны после свержения самодержавия, упорно стояло на страже интересов капиталистов и помещиков.

Рассказы о революции, ее свершениях и загадках Саша жадно слушал во время обеденных перерывов, когда рабочие, рассаживаясь у станков, беседовали, поедая свой скудный паек. Косарев знал, что так говорят рабочие-большевики.

Узнал из этих бесед Саша и о двоевластии.

— Конечно, двоевластие долго не продержится, — рассуждали рабочие на коротких сходках.

— А Временное правительство?

— И оно тоже... Мы эту революцию своими руками совершили, а власть буржуазия захватила.

В один из дней в цехе появилась возрожденная газета «Правда». Из нее Косарев впервые узнал о Владимире Ильиче Ленине, его Апрельских тезисах.

— Никакой поддержки, никакого доверия Временному правительству, — читали рабочие. — Вся власть Советам! Долой войну!

Для Косарева «Правда» становилась любимой газетой. Умела она говорить с рабочими ясным, понятным язы-

ком. Очень отличалась она от других газет! Приносили в цех и меньшевистские, реже — эсеровские газеты. Из них, как из рога изобилия, лилось славословие о наступлении «новой эры», «эры свободы». «Какая же это «эра свободы»? — рассуждал в таких случаях Саша. — Буржуи наживаются на нашем труде, как при царе. Натуральная кабала, а не эра свободы».

Вот почему, когда в «Правде» появился пролетарский призыв бойкотировать буржуазные и мелкобуржуазные газеты, Саша по своей инициативе стал отгонять разносчиков таких газет от заводской проходной. Деятельная натура Косарева жаждала действия. Узнав об этом, взрослые рабочие покачали изумленно головами, посмеялись и решили: надо Косарева назначить распространителем большевистской прессы.

Встревоженные ростом влияния большевиков на массы пролетарской молодежи, меньшевики выдвинули задачу завоевать юные кадры на свою сторону. 8 апреля их газета «Вперед» выступила с программной статьей. Попала она в руки и московской пролетарской молодежи. Что же обещала партия меньшевиков ей? Какую программу юношеского движения намечала? Саша вслух читал ее одногодкам: «Борьба с уголовными романами, с желтой прессой и порнографией, общее посещение театров — вот наша программа».

— Саша, а что такое желтая пресса?

— А — порнография?..

— Да ну их к черту со своей порнографией и романами! — Саша в сердцах скомкал газету и забросил ее в угол.

Спустя годы Косарев в своих статьях и докладах не раз вспомнит, как «трухлявые меньшевики в те героические дни борьбы за власть звали рабочую молодежь в свои кружки, где пытались напичкать ее сознание обывательской и «культурно-просветительской» шелухой.

Рабочая молодежь не пошла за ними. Ее увлекли боевые лозунги большевистской партии, провозгласившей право молодых борцов на участие в строительстве новой власти».

Партия Ленина проявила подлинную заботу о важном резерве революционных сил, о пролетарском юношестве. Она приняла действенные меры по организации союзов рабочей молодежи, стягивала юношей и девушек под свои знамена.

В один из июньских дней Косарев прибежал в цех с «Правдой».

— Вот, хлопцы, слушайте: здесь статья есть толковая — «Борьба за рабочую молодежь» называется.

— Чья статья, Саша?

— Крупская напечатано... Да ты не перебивай, слушай: «...по какому пути пойдет все движение: будет ли организация молодежи в России пролетарской, пойдет ли она рука об руку с рабочей организацией своей страны, или же оторвется на время от рабочего движения, станет культурно-просветительской, окажется под буржуазным влиянием и будет обсуждать различные отвлеченные вопросы?»

Ребята слушали внимательно, а в конце Мишка Сенечкин — ученик слесаря из соседнего цеха — сказал задумчиво:

— Я теперь, Сашка, знаю, что такое порнография!

— Ну, что?

— Отвлеченный вопрос!

— Как зто — отвлеченный? — вмешался Матвей Лисицин — напарник Косарева.

— Ну, который нас от этого... ну, как его... от движения отвлекает...

В другой раз Косарев принес «Правду» весь сияющий:

— Пацаны! Крупская — это жена Ленина, вот кто! Теперь она о каком-то уставе союза рабочей молодежи пишет.

После чтения ребята задумались: «А у нас никакого союза нет...»

— Как нет? — встрепенулся Косарев. — В Замоскворечье на заводе Михельсона рабочая молодежь каждый вечер собирается. О Третьем Интернационале что-то толкуют...

И действительно, колыбелью первых революционных юношеских организаций в городе стало Замоскворечье. Здесь под руководством большевиков еще в марте 1917 года был создан оргкомитет, который объединил разрозненные молодежные кружки в Союз рабочей молодежи «III Интернационал». Летом большевики объединили в коллективы передовую пролетарскую молодежь и других районов Москвы; в Сокольническом — организаторами Союза рабочей молодежи «III Интернационал» стали молодые большевики Николай Жебрунов и Сергей Барболин, в Благуше-Лефортовском — Альберт Лапин. Вообще-то настоящая его фамилия была латышская —

Лапиньш. Но москвичи быстро переиначили ее по-своему: Лапин, да и только! Альберт поначалу сопротивлялся и, наконец, сдался.

Осенью 1917 года Е. М. Ярославский, Р. С. Самойлова (Землячка) и В. Н. Подбельский привезли пролетарскому юношеству Москвы первые известия о VI съезде РСДРП(б) и его резолюцию «О союзах молодежи». Они выступали на собраниях юношей и девушек Железнодорожного, Рогожского и Басманного районов. Пробивался на них и Косарев. Затаив дыхание Саша слушал рассказы о партийном съезде. Слова большевиков, сама жизнь убеждали его в том, что РСДРП(б) является единственной революционной партией, выражающей интересы всех трудящихся. Осенью 1917 года Александр Косарев решительно сделал свой политический выбор: прослушав очередной рассказ — теперь уже А. Лапиньша — о VI партийном съезде, он вступил в Союз рабочей молодежи «III Интернационал». Отныне его путь был один: с партией большевиков! Обманутые же меньшевиками, эсерами и анархистами юноши и девушки дружно покидали мелкобуржуазные союзы молодежи, вливались в СРМ «III Интернационал». Дневников рабочий паренек Саша Косарев не вел, но время это запомнилось ему крепко.

Десять лет спустя Косарев скажет: «Еще до Октябрьской революции пролетарская молодежь Москвы вместе с партией вынесла на своих плечах напряженную борьбу с меньшевиками и соглашательской идеологией. Рабочая молодежь требовала своего права на политическую жизнь, улучшения экономического положения, и только большевистская партия могла верно, точно, своевременно оценить настроения и запросы молодежи. Она, только одна она, организовала молодые силы».

Каким же остался в памяти современников Александр Косарев в том Великом, незабываемом, историческом 1917 году?

— Помню малыми парнишками Шацкина, 13-летнего Косарева, — рассказывал старейший участник революционного движения в России и ветеран партии Л. М. Михайлов. — Мы их тогда называли «сверчками».

Старшие товарищи по партии и союзу называли их еще «хвостиками», «шпингалетами»... А комсомольский поэт на пороге первого десятилетия московского Союза молодежи по этому поводу сочинил четверостишье:

Сквозь эти буйные, шальные
И молодые десять лет
Я помню день, когда впервые
Меня назвали «шпингалет».

«Я познакомилась с Сашей осенью 1917 года, — рассказывала ветеран московского комсомола Татьяна Васильева. — В то время во многих городах начали организовываться социалистические союзы рабочей молодежи III Интернационала. В них вступали тринадцатилетние-четырнадцатилетние рабочие ребята и девчата, познавшие уже всю тяжесть капиталистической эксплуатации.

Мы, девчата табачной фабрики, пришли в районный клуб на Красносельской, 76 на собрание союза. Там были рабочие с цинковального завода Анисимова, с фабрики Ранталера (теперь пуговичная фабрика имени Балакирева), с молочной фабрики Чичкина и других предприятий. Вот здесь я впервые встретила Сашу Косарева.

Еще до собрания — а пришли послушать доклад о «Задачах союзов рабочей молодежи III Интернационала» — много было разговоров, расспросов: кто где работает, сколько получает, как работает, чем занимается союз. Наше внимание привлек шустрый, смешливый вихрастый паренек. Как-то так получилось, что возле него организовался кружок. А он шутил, расспрашивал всех, сам рассказывал о тяжелой жизни и условиях работы на заводе...

— Нам надо требовать от хозяина завода, — говорил Саша, — улучшения условий труда, сокращения рабочего дня и повышения зарплаты. Правильно здесь говорят руководители союза — за свои права надо самим бороться, и всем вместе. Вот и вы должны своего фабриканта взять за жабры».

Так вступал в активную революционную борьбу фабричный паренек Александр Косарев.

Он стремился не пропустить ни одного сколь-нибудь значимого события общественной жизни. Саша все чаще и чаще забегал в садик-двор московского домика на Троицкой улице, близ Самотечной площади. В этом садике, вспоминал один из активистов московской молодежи Лазарь Шацкин, на собраниях союза выковывались первые кадры вожаков будущей коммунистической организации юношества.

Большим событием в общественной жизни Москвы стала демонстрация протеста пролетарской молодежи против империалистической войны. 15 октября под алыми

стягами юные рабочие Москвы шествовали на Скобелевскую (ныне Советскую) площадь. На красных полотнищах и транспарантах — лозунги: «Война — войне!», «Да здравствует III Интернационал!», «Мир хижинам, война дворцам!», «Вся власть Советам!» Саша шел с колонной Благуше-Лефортовского района.

Пасмурное до этого утро сменилось солнечным, ярким днем.

Шумно и бодро вступали на центральные московские улицы демонстранты — 12 тысяч человек. А навстречу им, как записал очевидец, «недоумевающие, перекошенные взгляды буржуазии, но даже она поражена величием юности. А по тротуарам, вокруг юных демонстрантов — фигуры взрослых рабочих. Это — красногвардейцы. Их послали комитеты партии с оружием охранять рабочую молодежь.

— Идите спокойно, хвостики... Мы вас в обиду не дадим. Вы — наше будущее!»

Теперь Саша Косарев шнырял по рядам демонстрантов. Ему только что поручили раздать первый номер журнала «Интернационал молодежи».

Но вот начался грандиозный митинг. Молодежь приветствовал секретарь МК РСДРП (б) В. М. Лихачев. За ним от большевистской фракции в Совете солдатских депутатов выступил А. Я. Аросев, а от Московского Совета рабочих депутатов — П. Г. Смидович. Никогда еще Москва не видела такого собрания юных пролетариев, их радостных улыбок, горящих глаз, возбужденного говора. Горячую речь произнес молодой рабочий трамвайного парка Сергей Афанасьев. Он подтвердил готовность рабочей молодежи следовать за большевиками. Буря оваций потрясла округу, когда зачитали приветствие В. И. Ленину. «Самому Ленину передадут его, — размышлял Саша. — Вот — здорово! Кто бы поверил год назад в то, что он — благушенский мальчишка вместе с двенадцатью тысячами ему подобных москвичей — будет принимать этот текст!» В заключение была принята резолюция: «Требуем немедленного перехода власти к Советам!»

Великий Октябрь приближался. В глубине рабочих и солдатских масс зрела пролетарская революция. Оцепенела в грозном затишье Москва. На заводах и фабриках большевики спешно организовывали отряды Красной гвардии.

Через десять дней восстал революционный Петроград!

Великая Октябрьская социалистическая революция круто изменила весь ход дальнейшего исторического развития человеческого общества. Она изумила, потрясла мир ленинским известием: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась».

Это известие подняло московских большевиков на решительные действия. Они немедля призвали рабочих к свержению буржуазии и установлению в городе власти Советов. Но контрреволюция оказала упорное вооруженное сопротивление. Развернулись ожесточенные многодневные бои. И в эти решающие, грозные дни особенно ярко проявилась верность пролетарской молодежи идеалам революции. Тотчас же вслед за заседанием Московского комитета партии собрались руководители Союза рабочей молодежи «III Интернационал». Их решение «Всем на баррикады!» было горячо поддержано трудящимся юношеством.

Документально доказано, что почти все члены Союза рабочей молодежи «III Интернационал» Москвы влились в Красную гвардию, сооружали баррикады, проявили в боях смелость и бесстрашие. Неужели он был не в рядах «почти всех»? Конечно же, нет! Скорее всего Косарев вступил в отряд Альберта Лапиньша — организатора Лефортовского союза рабочей молодежи «III Интернационал». И отряд состоял в основном из членов союза, юных пролетариев Благуше-Лефортовского района.

— Мы из Лефортовского района, не можем сидеть сложа руки, когда отцы наши сражаются за революцию. Дайте нам винтовки, мы тоже хотим быть воинами! — требовательно заявили бойцы его отряда в ревкоме.

Отряд немедленно вооружили берданками, и он двинулся к Алексеевскому юнкерскому училищу. Здесь разгорался горячий бой. Красногвардейцы уже не первый день безуспешно пытались выбить засевших там юнкеров. Тогда Лапиньшу пришла в голову шальная мысль. Он посоветовался с ребятами, и в первую же ночь вся его лихая сотня перелезла через каменную ограду, за которой стояло училище, и ударила по юнкерам с тыла. То был на редкость неожиданный удар. Юнкера сразу растерялись. И когда красногвардейцы двинулись атакой вновь, никакие усилия противника не смогли уже отбросить их.

Этот эпизод — первое боевое крещение — навсегда остался в памяти и командира отряда.

— Я часто думаю о величии наших дел, о росте людей, прошедших через этот бой, — вспоминал Альберт Янович Лапиньш.

Не в том ли бою начался социальный рост Александра Косарева, закладывались первые семена его гражданского мужества и морального величия?

РОЖДЕНИЕ СУДЬБЫ

Октябрь 1917 года.

Государство трудящихся рождалось в бурном потоке съездов, собраний и митингов. Иного рабочие и крестьяне пока не умели. Все-то приходилось им творить впервые на пустом месте...

Фабрика не работала, и Саша перебегал с одного митинга на другой. Революция озарила жизнь четырнадцатилетнего благушенского парнишки.

По московским улицам ходили расклейщики с рулонами афиш, ведрами с клеем и большими мочальными кистями. Они расклеивали листовки с декретами народной власти на рекламных тумбах, деревянных заборах, на стенах бывших дворянских особняков. Каждый день приносил сверстникам четырнадцатилетнего Саши Косарева все новые и новые вести: СНК определил 6-часовой рабочий день, запретил применение их труда в ночное время. Советская власть открыла детям трудящихся свободный доступ во все учебные заведения, ввела бесплатное образование и производственное обучение. Молодежь, достигшая 18-летнего возраста, получила право избирать и быть избранной во все государственные органы. Такие декреты вызвали огромный подъем политической активности у членов Союза молодежи. Как-то ненароком, но уверенно и твердо Косарев выдвигался среди них в ядро признанных вожаков.

«Саша был удивительный самородок, — вспоминал его друг Семен Федоров, — талант из рабочего класса нашей страны, расцветший сразу, как только была установлена Советская власть, как только был ликвидирован капитализм, душивший тысячи и миллионы народных талантов. Революция, партия подняли Сашу, богато наделенного природой политическим талантом вожака.

Но тогда, в 1917 году, этот талант нуждался в тщательной огранке и шлифовке...»

Для Косарева наступал период новых испытаний.

С первых часов провозглашения Республики Советов партия развернула решительную борьбу за мир, за демократический выход из империалистической войны. Но страны Антанты отказались вести мирные переговоры с Советской Республикой. Ее молодое правительство вынуждено было в сепаратном порядке начать их с Германией. Но вскоре выяснилось, что германские империалисты решили навязать Советской России грабительский и унизительный мир.

Против твердой ленинской установки на заключение мира выступила группа «левых коммунистов» — Н. И. Бухарин, К. Б. Радек, Г. Л. Пятаков и другие. Сравнительно легкая победа над внутренней буржуазией породила у них иллюзию возможности быстрого решения всех внешнеполитических и внутренних проблем. «Левые коммунисты» призывали немедленно «делать» революцию в других странах, выступали за «революционную войну» и даже договорились до сумасбродной идеи — о целесообразности утраты Советской власти, якобы в интересах международной революции.

Сторонники «революционной войны» повсеместно развернули яростную агитацию против заключения мира. В Московской партийной организации они имели особенно сильное влияние, к тому же вовлекли в дискуссию многочисленный и звонкоголосый отряд Союза рабочей молодежи «III Интернационал». Молодой, речистый Бухарин, без удержу захваченный идеей революционной войны, стал в Москве кумиром юных борцов. Его броские призывы к молодым москвичам взбудораживали умы и сердца многих членов союза. Среди них оказался и Саша Косарев. «Бухарин был общепризнанным нашим любимцем, — вспоминал А. Зверев, один из активистов союза. — Он имел решающее влияние в образовании нашей позиции по Брест-Литовскому миру. Мы, так сказать, совершенно по возрасту заразились «левым ребячеством» и задавали в этом тон Московской партийной организации».

События, связанные с заключением мира в Бресте (где велись переговоры), развивались стремительно.

28 декабря 1917 года пленум Московского областного бюро РСДРП(б) заявил о немедленном создании «добровольческой революционной армии для беспощадной войны с буржуазией всего мира за идеи международного социализма». Тотчас же в районных партийных организа-

циях началась запись добровольцев. Агитаторы из числа противников заключения мира пошли на собрания молодежи, использовали в своих целях трибуну Второй общегородской конференции Союза рабочей молодежи «III Интернационал»: «Погибнем с честью и высоко поднятым знаменем, чтобы загорелась международная революция в Европе!» — взывали они.

Под влиянием подобных призывов многие члены союза проголосовали на этой конференции против заключения мира с кайзеровской Германией:

— С честью погибнем за мировую революцию! — ревел зал.

В этом «сверхреволюционном» гаме тонули трезвые голоса. Тщетно пытался образумить расшумевшихся «леваков» большевик Анатолий Попов, твердо стоявший на ленинских позициях. Зал неистовствовал, не слушал его.

— Все — на бой, наш последний и решительный бой!

— С высоко поднятым знаменем революции!!! — кричал вместе со всеми Косарев.

Из Института благородных девиц, где проходила конференция, Саша перебежал в Преображенский народный дом. Здесь спорили еще ожесточеннее. Молодежь собиралась ехать на фронт. Вид у Косарева — «воинственный»; ноги путаются в длиннополой шинели, на голове невесть где раздобытая каска. Но на фронт в тот раз мальца не взяли. «А как же умереть за революцию?!»

Поздно вечером 11 марта 1918 года в Москву из Петрограда прибыл поезд № 4001, в котором вместе с членами ЦК партии, ВЦИК и Советом Народных Комиссаров находился Владимир Ильич Ленин. На другой день телеграммой за подписью Ленина Совет Народных Комиссаров известил мир о переезде Советского правительства в Москву.

Москва стала столицей социалистической Республики Советов.

Двенадцатое марта — день первой послеоктябрьской встречи Ленина с московскими трудящимися. Вечером он присутствовал на заседании Московского Совета в Большой аудитории Политехнического музея. Отсюда направился в Лефортово. Здесь, в манеже бывшего Алексеевского военного училища, собрались десять тысяч трудящихся города на митинг, посвященный первой годовщине февральской революции.

В ожидании открытия митинга Косарев взгромоздился на барьер манежного зала, близ трибуны. Он не сразу понял, почему так внезапно и трудно заволновался зал и взоры присутствующих устремились в сторону, где сквозь узкий проход, образовавшийся в толпе, продвигалась небольшая группа людей. За военным, пробивавшим проход, шел улыбающийся человек, небольшого роста, с рыжеватой бородкой клинышком и выразительным крупным лбом. «Неужели Ленин?» — подумал Саша.

Зал как выдохнул бурю оваций, возгласы: «Ленин! Ленин!!! Да здравствует вождь мировой пролетарской революции — товарищ Ленин!»

В короткой речи Владимир Ильич рассказал о текущем моменте, о причинах, вынудивших Советское правительство подписать тяжелые условия Брестского мирного договора. Косарев внимательно слушал Ленина и постепенно, не вдруг начинал разбираться в существе дискуссии по этому вопросу. Да что говорить об этом! Парнишка впервые услышал сами слова «ультрареволюционный», «левизна», «авантюризм», «фракция» и столкнулся с их зловещим для подлинной революции значением. И долго еще переживал он, что поддался красноречию Бухарина, а на деле получилось, что выступил-то вроде бы против Ленина, фигура которого вставала перед глазами подростка величественно, как символ пролетарской веры и надежности.

С переездом правительства в Москву общественная жизнь в ней забурлила с необыкновенной силой.

В конце лета среди членов союза все чаще и чаще возникали разговоры о создании всероссийской юношеской организации. Однажды после работы Саша забежал в Преображенский народный дом (здесь размещался «штаб» Лефортовского союза молодежи). Его внимание привлекла небольшая листовка — «Воззвание к союзам молодежи».

«Революционный энтузиазм, — читал вслух Косарев, — охвативший всю молодежь с начала революции, помог ей найти своих друзей в борьбе за социализм. Мы не пошли с теми, кто проповедовал смирение и соглашательство. Мы борцы... Нам не страшны бури... Для нас нет средних путей, а один-единственный курс — на социализм».

Саша перевел дух и продолжал чтение: «Все наши общие вопросы могут получить разрешение только на Всероссийском съезде.

Товарищи, мы призываем вас к усиленной работе... Время дорого!»

В конце листовки — адрес: Остоженка, дом 53.

Не раз забегал Саша в это здание бывшего Катковского лицея, в котором в 1918 году размещался Народный комиссариат просвещения. Здесь на четвертом этаже, в комнате 124, постоянно собирались активисты московского Союза рабочей молодежи «III Интернационал» — надежные помощники Оргбюро по созыву съезда.

В этой комнате парни и девчата набивались плотно, усаживались кто на столах, кто на широченных мраморных подоконниках, кто — прямо на узорном паркетном полу. До хрипоты спорили, каким должен стать всероссийский союз, как назвать его, быть ли ему партийным (большевистским), интернационалистским или совсем беспартийным. Когда аргументы исчерпывались, спорящие стороны устремлялись к высокому, всегда невозмутимому юноше — Коле Пенькову, секретарю оргбюро.

— Коля, рассуди нас...

И Пеньков в который раз за этот вечер и уже не первой группе спорщиков разъяснял:

— Советовались мы с Надеждой Константиновной Крупской. Она считает, что союз наш должен быть самодеятельной организацией и работать под руководством партии большевиков. Такая организация станет лучшей школой воспитания из рабочей молодежи активных борцов за социализм. Крупская по этим вопросам с Лениным разговаривала...

— С Лениным?!

— Да. С ним. И не один раз.

У ребят загорались глаза: «скорее бы съезд...»

В канун первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции этот величайший исторический момент в жизни юношества Советской Республики совершился. В предвечерний час 29 октября 1918 года при сером осеннем свете, в зале Дома съездов Наркомпроса, состоялся Первый Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи. На нем был создан комсомол — передовой отряд советской молодежи. Он объединил разрозненные союзы в одну общероссийскую коммунистическую организацию.

17 ноября 1918 года общегородская конференция Союза рабочей молодежи Москвы единодушно присоеди-

нилась к постановлениям первого съезда революционной молодежи России и приняла название — комсомол!

Так Александр Косарев стал членом Российского Коммунистического Союза Молодежи.

«ЗАЯЦ» ПОНЕВОЛЕ

Осенью 1918 года, когда съезд провозгласил образование комсомола, Советская Республика переживала тяжелые времена. Мирная передышка, так тяжело отвоеванная у кайзеровской Германии и в борьбе с «левыми коммунистами», оказалась кратковременной. Внутренняя контрреволюция развязала в стране гражданскую войну, а империалисты начали вооруженную интервенцию против молодой Страны Советов. Над страной, истекающей кровью и измотанной мировой войной, зазвучал призыв Ленина: «Социалистическое Отечество в опасности!»

Рожденный в это грозное время комсомол всю свою молодую и кипучую энергию подчинил одной задаче: помочь партии и народу отстоять завоевания Октября, сохранить базу мировой пролетарской революции. Торжественную и суровую клятву приняли делегаты первого съезда комсомола: «Близится последний и решительный бой. Ни шагу назад! Да здравствует Советская власть!»

Они были первыми. Сама жизнь учила Сашу Косарева и его товарищей по союзу, что социалистическая революция не добренькие пожелания, а суровая и острая борьба. За эту революцию надо бороться не только в ходе ее свершения, но и в период ее укрепления, защиты ее завоеваний.

По просьбе Благуше-Лефортовского райкома комсомола Косарев был переведен с фабрики на работу в союз. Имел он к тому времени за плечами пятилетний стаж работы на производстве и прочную репутацию активиста пролетарского молодежного движения. Пятнадцатилетнего паренька с обостренным классовым чутьем и революционным сознанием назначили пропагандистом Благушенского куста.

Комсомольцы сразу же оказались в бурном водовороте разнообразных дел.

По зову Коммунистической партии они добровольно вступали в ряды защитников Октября — становились бойцами, командирами и политработниками молодой Красной Армии. Многие московские юноши уходили в

органы Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), вливались в отряды частей особого назначения (ЧОН). Они охраняли склады, мосты, важные объекты и вместе с коммунистами проходили военную подготовку. Саша Косарев — в Лефортовском 33-м запасном полку. Часто Саша собирал комсомольцев своего куста по тревоге: отправлял на облаву дезертиров, ликвидацию саботажей, прикомандировывал к продотрядам — собирать хлеб по продовольственной разверстке — изымали все излишки его над самым что ни на есть минимумом, который оставался крестьянской семье. Наступал период «военного коммунизма». Вся промышленность, вплоть до мелкой и кустарной, была национализирована, осуществлялся лозунг: «Кто не работает, тот не ест!» Повсеместно утверждалась железная дисциплина.

Немало пришлось бороться и с сыпным тифом. Скопление людей на железнодорожных станциях, голод, холод и грязь рождали эпидемии. Саша организовывал отряды из девушек-дружинниц. Они выходили на призывные пункты, вокзалы, в другие места массового скопления людей. Здесь дружинницы убирали помещения, мыли полы, организовывали санитарную обработку вагонов-теплушек, скребли стены, сиденья диванов в вокзальных залах. Комсомолки стирали белье в госпиталях, вели санитарно-просветительную работу.

И на фронтах гражданской войны комсомольцы доказали свою преданность революции, Советской Республике. Стремление победить врага было у них сильнее смерти. Оно наполняло молодые сердца фантастическим бесстрашием и сказочной крепостью, неудержимо влекло их туда, где «гремела атака и пули свистели, и громко строчил пулемет».

Вступить в комсомол в 1918—1920 годах значило идти добровольно на фронт гражданской войны. Тысячи юношей и девушек — рабочих и крестьян — вливались в ряды Красной Армии и с оружием в руках выполняли данную на съезде клятву. Шла на фронт, как сказал поэт, молодость нашей страны

...ершистая, неловкая,
вселявшая во всех буржуев страх,
в кожанке, с алым бантом и винтовкою
и с чистотой возвышенной в глазах.

Весной 1919 года белогвардейский адмирал Колчак захватил Сибирь и угрожал походом на Москву. В это грозное для Республики Советов время Центральный Ко-

митет РКСМ объявил первую всероссийскую мобилизацию комсомольцев на фронт. Каждый четвертый комсомолец московской организации стал в те дни бойцом Красной Армии.

С завистью провожал Косарев своих товарищей на войну. По условиям мобилизации в армию брали парней, которым исполнилось семнадцать лет. А Саше? Если не изменятся условия мобилизации — призыва еще целых два года ждать...

Его одногодки атаковали военные комиссии. Врали напропалую, что им «давно уже семнадцать». При этом смотрели чистым мальчишеским взглядом в суровые лица комиссаров, задыхаясь чадили злую махру и притворно говорили басом. И ведь удавалось! Некоторые рослые и крепкие ребята «просачивались» сквозь заслоны мобилизационных комиссий, досрочно отбывали на фронт. Косареву такие «номера» не проходили. Знали его военкомы как активиста: настоящий возраст от старших товарищей разве скроешь, коль у всей округи на виду. Да и ростом мал. Правда, крепышом и ладным парнем вымахал, хоть куда! «Но только, видно, не на фронт...» — сокрушался Саша.

Вслед за первой последовала вторая всероссийская мобилизация комсомольцев на фронт. И опять та же картина...

На дверях соседнего Рогожского райкома комсомола появилась записка: «Все ушли на фронт. Райком закрыт». Ветер трепал эту записку, дождь смывал остатки выцветших чернил, а Косарев ходил мрачнее осенней тучи.

В суровом девятнадцатом Советская Республика вела решающие битвы на Восточном и Южном фронтах. Жестокие бои разгорались и под Петроградом. В течение того года он дважды осаждался интервентами и белогвардейцами. Второе испытание выпало на его долю в конце сентября. Белогвардейцам удалось внезапно прорвать наш фронт, устремиться к пролетарскому Питеру. В самом городе подняло голову контрреволюционное подполье.

Центральный Комитет партии призвал на помощь всех петроградских рабочих, все боевые части фронта. Коммунисты и комсомольцы читали защитникам города страстные слова ленинского призыва: «В несколько дней решается судьба Петрограда, а это значит наполовину судьба Советской власти в России... Бейтесь до последней кап-

ли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки, победа недалека! Победа будет за нами».

Весь Петроград поднялся на врага.

— Не быть Питеру под белогвардейцами и не быть красной молодежи порабощенной. Лозунгом юного пролетария будет: «Иду на бой!» — заявили комсомольцы и вся пролетарская молодежь города.

Поздно вечером 18 октября Оскар Рывкин — председатель бюро Центрального Комитета комсомола — собрал на Малой Лубянке, дом 12 (где размещался тогда ЦК РКСМ) экстренное заседание работников Цекамола. Явились Ефим Цетлин и Алексей Леонтьев. Запыхавшись, прибежали Соня Моисеева и Римма Юровская.

— Что случилось, Оскар? К чему такая спешка?

— Время военное, Соня. И я буду говорить по-военному. В Петрограде положение тяжелое. Весь союз мобилизован и во главе с Канкиным на фронте.

— Мы же только что провели всероссийскую мобилизацию?! Все способные носить оружие — в армии...

Обсуждали события горячо и приняли краткую резолюцию:

«Петрограду необходима помощь. Питер не раз спасал революцию, не одну сотню дал он на все фронты. Помощь от ЦК будет и моральной поддержкой, она поднимет дух комсомольского отряда, а потому послать Рывкина на неделю или полторы с 20 работниками из Москвы».

Так для борьбы с Юденичем сформировался небольшой отряд из комсомольцев столицы во главе с председателем бюро ЦК РКСМ Оскаром Рывкиным.

Получил символическую разверстку и Благуше-Лефортовский райком. Целый день убеждал Косарев райкомовцев включить его в состав отряда. Отвечали ему односложно, но безапелляционно: «Иди и работай! Потребуешься — вызовем...»

Обескураженный и расстроенный паренек поделился своими переживаниями с партприкрепленной[1] к райкому комсомола Т. Ф. Людвинской.

— Да что вы все фронтом бредите?! Не тужи, малыш, придет и твой черед. Сам видишь, как ломятся к Москве беляки...

Слово «малыш», сказанное сочувственно и мягко, со-

[1] Партприкрепленные — коммунисты, которым партийные комитеты поручали обеспечение повседневной связи с комитетами РКСМ, оказание им помощи — *Н. Т.*

всем по-матерински, полоснуло по уязвленному самолюбию Косарева. «Я покажу вам, какой из меня «малыш» получился...»

В тот день Саша пулей влетел в свою небольшую полуподвальную квартиру на Большой Семеновской улице.

— Мама, подруби шинель, на фронт ухожу!

Эта шинель была его гордостью. В октябрьские дни члены Союза рабочей молодежи отбили у юнкеров склад с обмундированием, а Лазарь Шацкин добился у ревкома разрешения на раздачу его плохо одетым участникам боев. Саше досталась кавалерийская, необыкновенной длины шинель — первый материальный подарок революции.

— Чего еще выдумал? — проворчала мать. — Не отрывай от дела. Фронт?! Тебе воробьев с кустов сгонять или из-под пушек выгонять лягушек, а ты — на фронт...

— Да ты что, мам? Я же теперь партийный!

Мать в сердцах бросила тряпку, которой только что мыла пол, и с изумлением смотрела, как Саша, взяв топор, буквально «подрубил» шинель.

Тем временем ЦК РКСМ быстро организовал небольшую демонстрацию. В руках провожающих появился транспарант: «Победить или умереть! Вперед! Вперед!»

«Поезд отошел от Николаевского вокзала, провожаемый напутственными криками, — вспоминал Зуйков (один из двадцати комсомольцев-добровольцев этого отряда). — Теплушка дырявая. На улице ветер. Расшатанная дверь скрипела и стучала от ударов колес на стыках рельсов.

Холодно...

В углу, сжавшись комком, в ботинках со стоптанными каблуками, носками кверху (как у турецкого султана), в потрепанном сером пиджаке и в кепке с порванным козырьком примостился Рывкин. От холода он ворочался, потом, кряхтя, натягивал пиджак на голову, пытаясь нагреть и ее.

И так до утра. Не спишь — лучше, а заснешь — закоченеешь.

Утром, как начало рассветать, стали знакомиться.

Полному пареньку, одетому в шинель темно-коричневого цвета (такие во времена царского режима носили городовые отрядники), единогласно дали кличку «городовой». Вновь «крещенный» злился, но помаленьку привык. Высокого, с ярко-рыжими волосами назвали просто «рыжий». Ничего, не обиделся — веселый был парень. Крес-

тили всех подряд. Неожиданно из-под нар вылезла «некрещенная» фигура. Маленький и тощий паренек. За ним другой...

— Вы как сюда попали?

— А так... Нас райком не пускал... Но теперь-то мы уже уедем, не вернет.

Первому пятнадцать лет, второй — на год старше. Первый был Саша Косарев, второй — фамилии не помню. На основании этого факта надлежит исправить неточность: на питерский фронт, во главе с товарищем Рывкиным, из Москвы уезжало не двадцать человек, а двадцать два».

В Питере тоже все комсомольцы рвались на фронт. Но на линию огня не всех посылали. Надо же кому-то и в тылу...

— Оставляете меня с мелюзгой и девчатами! Что пользы в этом? — возмущался в ревкоме горячий парень инвалид Шибаев. Ему предложили остаться председателем революционной тройки в Смольнинском районе. Возмущались, впадали в обиду все те комсомольцы, на долю которых выпало оставаться пока в городе. Но и здесь они жили как на фронте, эти «тыловики». В промежутках между возведением внутренних укреплений учились метать гранаты, рассыпаться в цепь, владеть пулеметом.

Началась военная жизнь Саши Косарева в сводно-боевом отряде, который состоял главным образом из молодежи. Постановлением Петросовета отряд значился партизанским, а его бойцы — партизанами.

Ныне установлено, что подразделение, в котором служил Косарев, дислоцировалось в Питере — в «резерве». Петроградская партийная организация берегла молодежь. Ей больших трудов стоило умерить революционный пыл молодых защитников города, чтобы не расточать понапрасну сил неокрепших подростков, рвавшихся на передовые линии. Из них-то в основном и состоял этот отряд. Он нес сторожевую службу и связь при штабе внутренней обороны города. И все же бойцы сводно-боевого отряда с часу на час ждали распоряжения выдвигаться на фронт, на подмогу. В один из дней в нем обнаружилось своеобразное «дезертирство»: группами и одиночками комсомольцы убегали на фронт, вплотную к решительным схваткам. Среди таких сорванцов и оказался Саша Косарев. Иначе как же ему было попасть в район непосредственных сражений. Об этом он рассказывал редко:

«Мне вспоминается такая картина. В 1919 году, когда наступал Юденич на Ленинград, был такой случай. Юденич находился в 6 верстах от Ленинграда. Ставился вопрос: сдавать город или не сдавать? Партия и Совет постановили не сдавать. Взяли нас, а нам было тогда по 13—14 лет, дали нам в руки по гранате и говорят, кидать нужно так, ложиться нужно так, завтра Юденич будет в город входить, там такие-то укрепления, там вот дома, где окна завалены мешками с песком, чтобы пули не пробивали, и вот вам нужно туда залезть, и когда он начнет наступать с Балтийского вокзала, вы давайте его гранатами забрасывать. Нас учили тогда, когда враг наступал. Нас тренировали к уличному бою».

21 октября войска, оборонявшие Петроград, поддержанные кораблями Балтийского флота, перешли в наступление. Петроград выстоял! Армия Юденича была разгромлена. Победила стойкость борцов за дело революции, в первых рядах которых шли коммунисты и комсомольцы. «В боях с врагом, — отмечал Н. И. Подвойский, — молодежь доказала, что она «действительно достойна великих жертв, которые принесло и приносит старшее поколение, чтобы добиться для нее мира светлого, радостного и просвещенного».

Не довелось Саше Косареву — бойцу молодежного отряда пойти в смертельную атаку на беляков. Не сохранилось в его памяти ни единой жаркой схватки с врагом. Да и не было ее. Об этом Косарев сам многократно свидетельствовал. В анкете, заполненной им в 1924 году, на вопрос «Участвовал ли в боях?» Саша четко ответил: «Нет». В более позднее время (не раньше 1935 года) он, заполняя графу личного листа по учету кадров с вопросом: «Участвовал ли в боях во время гражданской войны?», вновь написал: «Нет».

А как же соотнести более поздние воспоминания Сашиных современников, рассказы родственников с утверждениями самого Косарева? Ведь в них часто упоминается, что был он под Питером ранен? Что ж? Фронтовая жизнь проходит в основном из подготовки к боям. А нередко случается и такое: наступило время подниматься в атаку, а ты? Тебя среди атакующих нет, потому что лежишь уже в прифронтовом лазарете. Видимо, шальная пуля обожгла тело защитника красного Питера — московского комсомольца Саши Косарева. Оказался раненым он без желанного боя. Но приписывать себе «подвигов» в анкетах не стал.

СЛАДКИЙ ПЛОД УЧЕНЬЯ

Шла весна 1920 года. Демобилизованный красноармеец Александр Косарев, оправившийся после ранения, не спеша шагал по улицам Петрограда; всматривался в здания, поражаясь красотой городских ансамблей, вчитывался в вывески с названиями учреждений. На улице Красной на здании Дворца Труда одна из них привлекла особое внимание юноши: «Российский Коммунистический Союз Молодежи. Петроградский губернский комитет». Сразу вспомнился Лефортовский райком, шумные дела комсомольские — братва дружная, до работы жадная, в спорах задиристая. «В Питере, поди, не хуже московских...» — и открыл наобум первую попавшуюся дверь губкома. Надо же такому «чуду» случиться? Только порог переступил, как сразу лицом к лицу с Рывкиным столкнулся.

— А, «заяц» московский, объявился! — обрадовался Оскар. — Да, ты никак ранен был? Герой! А меня вот Центральный Комитет партии отозвал. Снова в Цекамол вернулся. Ты-то чего в губком пришел, демобилизовали, что ли?

Рывкин быстро переглянулся с коренастым юношей в форме красного командира и боевым орденом на френче.

— Образование-то у тебя какое, фронтовик?

— Три класса «цепеша», — выпалил Саша озорно. — Церковноприходской школы, то есть... И, вдруг спохватившись, что не все выложил из своих «университетов», добавил: «А еще в 33-м пехотном полку прошел 96-часовое обучение...»

— Не тужи, парень. Я тоже ее самую, «цепеша», кончал. За три года наскреб учебных едва-едва восемь месяцев. Зимой ходить не в чем было; босиком пять верст по снегу не находишься... Давай знакомиться: Петр Смородин.

— Знаешь, Косарев, этот Смородин — настоящая легенда среди питерских комсомольцев, — вступил в разговор Рывкин. — В ноябре восемнадцатого года в бою под Нарвой Петра тяжело контузило. Больше суток валялся он без сознания. Отвезли его в лазарет, а Смородин удрал из него, прослышав, что в Питере открывается городская конференция Союза молодежи (Петр был одним из его организаторов). А по городу тем временем слух прошел, что погиб наш славный боевой друг Петя Смородин в бою. Открыли ту конференцию вставанием в

память погибших за власть Советов. Среди них помянули и Петра. А он вошел в зал позже других, неопознанный: с перевязанной головой, кустистыми усами и роскошной каштановой бородой. Послал в президиум записочку, дескать, раненый фронтовик просит слово без очереди. А когда на трибуне появился, сбросил папаху и как рявкнет командирским голосом: «Вы что, черти драповые, панихиду по мне устроили? Я вам еще покажу, где вы плохо работаете!» Зал тогда долго гремел от хохота и аплодисментов: «Ну, Петя, вот отмочил...»

Петр между тем говорил по телефону.

— Ты чего, Рывкин, из меня икону делаешь? — Смородин погрозил Оскару увесистым кулаком, а тот продолжал свое:

— Знаешь, что Петр ответил, когда ему нагоняй сделали за то, что долго не приезжал на вручение ему ордена Красного Знамени?

— ?..

— Коммунист не за награды сражается, а за идею!

Тут Смородин вскипел не на шутку:

— Хватит байки рассказывать. Ну, было такое, тебе-то что? Будешь дальше мой портрет разукрашивать, я тебе, Оскар, как блудливому мальчишке уши надеру... Не посмотрю, что ты у нас главный секретарь в комсомоле! Помнишь, как канавинские пацаны Шацкина по тому месту, где спина завершает свое благородное название, отшлепали?

Этот случай «ветераны» в комсомоле помнили хорошо. Ранней весной 1918 года Лазарь Шацкин приехал в Нижегородскую губернию создавать союз молодежи. Явился он сперва к канавинской молодежи расфуфыренный: в шляпе, накрахмаленной сорочке с галстуком. Такой наряд молодым канавинским рабочим в диковинку не был. Сами пофорсить умели в праздники. А тут московский агитатор за союз, да в таком наряде прикатил... Не сдержались они. То ли шутки ради, то ли «проучить» на всякий случай решили московского франта. Об этом никто толком не мог потом рассказать. Только стянули канавинские озорники с Лазаря модные брюки, повалили его на спину, «салазки» сделали и наподдавали ему шлепков... Сами же надели эти брюки на Шацкина, пуговки аккуратно застегнули и сели как ни в чем не бывало слушать агитатора. Только пришедший в себя от такого приема Лазарь начал про союз рассказывать, как разразился хохот. Все смеялись, а Шацкин громче всех. Это и

спасло положение и его авторитет. Союзы рабочей молодежи на заводах Канавина вскоре были созданы.

— Ну, теперь действительно хватит байками заниматься. Давай, Оскар, о парне подумаем. Может, направим его на курсы в школу политграмоты? Ты, Сашка, партийный?

— Большевик!

Вступил Косарев в ряды Российской Коммунистической партии в 1919 году, в дни партийной недели. От вступающих в РКП(б) не требовалось тогда никаких рекомендаций. В «Общеагитационной листовке ЦК РКП(б) в связи с партийной неделей» так и было сказано: «Рабочим, крестьянам, красноармейцам, матросам — дорога в нашу партию!

Товарищ! Если у тебя на руках есть мозоли, значит, тебе никакой рекомендации не требуется».

У Косарева было все: и мозолистые руки, и место в строю вооруженных защитников социалистической Отчизны.

Косареву шел шестнадцатый год, когда он стал коммунистом.

...Вот и отгремели бои за Питер. Отшумели самые сильные грозы гражданской. Комсомолу нужны были политически грамотные вожаки. А тут как раз Петроградский губком комсомола открыл районные трехмесячные школы-курсы политической грамоты.

— Ну, секретарь ЦК, — обратился Смородин к Рывкину, — направим Косарева учиться, или он вместе с тобой в Москву вернется?

Желание и реальная возможность учиться взяли верх.

Саша попал в Нарвско-Петергофскую районную школу. Жил со всей комсой в общежитии, коммуной. Все-то у них было общее: и скудный паек, который сдавали в общий котел, и книги, и даже пара относительно сносного, «выходного» обмундирования — одна на всех. Щеголяли в ней по улицам Питера по очереди.

В редкие дни отдыха Саша без устали колесил по городу. С интересом наблюдал, как Марсово поле из пыльного военного плаца превращается в нарядную площадь-сад. Он и сам участвовал в этом превращении — на коммунистическом субботнике 1 мая 1920 года.

Здесь, на площадке между гранитными стенами, сошлись пути многих героев гражданской войны, пламенного большевистского агитатора В. Володарского, председателя Петроградской чрезвычайной комиссии по борьбе

с контрреволюцией М. С. Урицкого, предательски убитых правыми эсерами, многих других славных сынов молодой Республики Советов. Часами бродил Косарев по Петропавловской крепости. Пробирался в Кронштадт и зачарованно любовался крейсером «Аврора».

Такие экскурсии по городу как бы дополняли обучение на курсах. Учился Саша прилежно. В школе читали не только доклады о текущем моменте. Их Косарев и раньше наслушался: в комсомольской ячейке, на фронтовых биваках. Те докладчики были ораторами пламенными. Слова из их уст вылетали сочные, призывные — на подвиг и на бой зовущие. Теперь же — в школе политграмоты — он познал учебу нового, более высокого порядка. Занятия строились в ней не на общих призывах (как бывало на митингах), а методично, основываясь на революционной теории. Преподаватели терпеливо разъясняли слушателям все, что было им неясно, трудно усваивалось.

Курсы дали пареньку азы теории. Вышел Косарев из школы вооруженным основами марксизма-ленинизма, начальными навыками самостоятельной работы с книгой. Приобщился Саша и к великому искусству живописи. Впервые это произошло, когда слушателей школы водили в Эрмитаж. Коллекция его картин недавно вернулась из эвакуации, из Москвы. Часть ее быстро развернули для показа трудящимся. Картины потрясли Косарева. Не великолепие Зимнего дворца («это все буржуйское, крепостными создано», — ворчал Саша), а сами картины: «Последний день Помпеи» Брюллова, «Девятый вал» Айвазовского, «Возчики камней» Рубенса... От обилия имен художников, названий картин кружилась голова, а экскурсовод открывал ошеломленным рабочим пареням и фабричным девчатам все новые и новые страницы волшебного мира искусства.

— Вот они — плоды пролетарской революции! — восторгался Косарев. — Искусство — трудовому народу...

Учиться с отрывом от работы больше Александру Косареву не пришлось. О тех трех месяцах учебы остались самые лучшие воспоминания[1]. Впереди были ночные бдения над книгой. «Учусь в институте самообразования», — шутил он в кругу друзей.

---

[1] Только однажды — в 1928 году — счастье учиться еще раз улыбнулось Саше: на курсах марксизма ЦИК СССР.

Таков был удел многих представителей его поколения. Потому и ценил Саша Косарев время своей трехмесячной учебы, а когда закончил ее, то охотно принял предложение Нарвско-Петергофского райкома стать заведующим курсами. Сам же тем временем с жадностью продолжал постижение политических наук.

Теория помогла молодому коммунисту-фронтовику занять правильную позицию в надвигавшейся сложной политической обстановке, подчас настолько сложной, что и опытные партийные кадры не всегда в состоянии были принять верное решение.

Редко, но все же встречался Косарев со своим петроградским наставником Петром Смородиным. Демобилизовавшись в мае 1920 года, Петр работал заведующим экономически-правовым отделом Петроградского губкома комсомола. Летом, когда губком проводил работу по укреплению райкомов комсомола более сильными кадрами, Смородина направили организатором (так тогда называлась должность секретаря) 1-го Городского района. Теперь Косарев стал встречаться со Смородиным еще реже, но связь с ним не терял. Притягивал его этот юноша прямотой суждений, открытой русской душой и бескорыстным служением революции.

...В конце сентября 1920 года питерская комсомолия провожала свою делегацию на третий съезд комсомола. С шутками загрузили в вагон целый бочонок сливочного масла. Других продуктов — кот наплакал... Сочувственно напутствовали: «Не отощайте в Москве. Поди, не будут вас кормить там: голод, он везде — голод!»

Съезд открылся во вместительном зале на Малой Дмитровке, где раньше заседало купеческое собрание, затем там угнездились анархисты, а когда их разогнали, все здание занял Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова.

2 октября на съезде с речью выступил В. И. Ленин. Восторженные впечатления о ней привезли с собой делегаты. Все только и говорили о ленинских наказах молодежи. В политшколе, где Косарев работал по-прежнему организатором трехмесячных курсов, комсомольцы стали изучать заветы Ильича. Саша буквально до дыр зачитывал октябрьские номера «Правды», в которых впервые была опубликована ленинская речь «Задачи союзов молодежи».

«Задачи? — размышлял Косарев. — Какова же из них главная: учиться? Значит, он ее выполнил, окончив

политшколу. Нет, пожалуй, Ленин не о такой учебе говорил. Вон что он дальше сказал: «взять себе всю сумму человеческих знаний... которые являются неизбежными с точки зрения современного образования». А что это означает: «неизбежными»? Наверное, то, что на каждый момент одни и те же знания не подойдут, они должны пополняться...».

Саша вновь и вновь возвращался к заветным страницам «Правды», настойчиво и вдумчиво искал ответы на волновавшие его вопросы. И тут он пришел к выводу, который показался ему целым открытием. Оказывается, каждый понял задачи союза по-своему, нашел в ленинской речи мысли, созвучные только его настроению, его сокровенным замыслам и мечтам:

— Быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей — вот главная задача! — торжественно провозглашал на занятиях слушатель Сеня Могучев из «Путиловца».

— А по-моему: учиться коммунизму! — вмешивался Сергей Зимин из Северной судоверфи.

— Бросьте вы, почитайте-ка вот эту фразу: «уметь самим вырабатывать коммунистические взгляды...»

Споры переносили в общежитие. И так несколько вечеров подряд и далеко за полночь.

Косарев учился читать произведения Ленина, у него вырабатывалась привычка советоваться с Лениным.

В 1921 году ценой неимоверных усилий и тяжелых жертв Советская Республика отстояла свое существование, победоносно закончила войну с интервентами и белогвардейцами. Три года гражданской войны, последовавшие за войной империалистической, разорили страну, отбросили ее экономику на уровень... второй половины XVII века.

«Россия вышла из войны, — читал Косарев строки из ленинского доклада на X съезде партии, — в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти: семь лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двигаться! Вот мы в каком положении» [1].

«А каким вышел из военных лет комсомол?» — задумывался Косарев. Союз родился, рос и закалялся в

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 68.

«пламени, пороховом дыму». Но та же война вырвала из его рядов и лучших активистов, прошедших суровую школу классовой выучки в огне пролетарской революции. Многие из них пали смертью героев в боях с белогвардейцами и иностранными интервентами, в борьбе с бандитами, в схватках с кулаками.

Период «военного коммунизма» — быт комсомольцев, жизнь «по тревоге» — наложили специфическую печать на облик и стиль комсомольских работников.

Саша и его друзья по комсомолу еще не работали в мирных условиях, а отсюда и складывался в их среде тип, скорее комсомольского комиссара, нежели руководителя широких масс молодежи. После того как отгремели последние выстрелы гражданской войны и наступили революционные будни, страстный порыв защитника Родины следовало заменить знанием, практической сметкой. Уж на что Петр Смородин — лихой вояка — и тот усмотрел, что в условиях мирного времени надо иначе работать с молодежью.

— Чисто военными мерами действуем. Не организаторами комсомольскими, а комиссарами над молодежью стоим! — огорченно сказал Смородин на одном из заседаний. (В феврале 1921 года его избрали первым секретарем Петроградского губкома РКСМ.) Потом то же самое, да еще с многочисленными и яркими примерами Петр повторил курсантам политшколы на очередных занятиях.

— Состав союза существенно изменился: стал моложе. В 1921 году в рядах нашей питерской организации состоит, в основном, молодежь пятнадцати-шестнадцати лет. Работать с ними военными методами нельзя, — наставлял Смородин.

Именно в это время Косарев обратился в губком комсомола с просьбой перевести его из только что созданной Центральной комсомольской политшколы на практическую работу. Предварительно посоветовался с ее руководителем Орестом Петропавловским. Рассказал ему все честно, как «на духу»: тянет, мол, ближе к комсомольским ячейкам, к комсе, в ее гущу. В губкоме тоже видели, что перерос Косарев функции организатора курсов.

Однако в тот раз его просьбу отклонили или оставили, как говорится, открытой, «до предполагавшегося перемещения работников политпросветотдела».

— Ты чего нахмурился? — спросил Смородин. —

Не беспокойся, парень, не долго тебе ждать придется. — И, окинув Косарева взглядом, обратился к членам бюро:

— Смотрю я, хлопцы, на Косарева, на Мишу Тужилкина и думаю: «Как вы, вожаки комсомольские, только концы с концами сводите?» Косарев — армейское обмундирование донашивает: галифе — заплата на заплате, ботинки — веревочкой подвязаны!.. — Заметив, как Саша смущенно спрятал ноги глубже под стул, продолжал вдохновенно: — Ничего, братва! Скоро все богатства мира будут принадлежать трудовому народу. — И, поймав себя на патетике, сделал небольшую паузу и завершил свою речь обычным, будничным тоном: — У меня есть такое предложение: просить губком партии выдать из реквизированных складов новое обмундирование Косареву и Тужилкину.

И было оно кстати. На дворе февраль, а у Саши шинель «подбита ветерком», тоже дырявая. Решение это было, хотя и слабой, но все же компенсацией за отказ.

Петр Смородин слов на ветер не бросал. Уже в марте губком направил Сашу в Василеостровский райком комсомола. Началась инструкторская жизнь Александра Косарева, полная забот, беготни по ячейкам и бурным собраниям.

Однажды Миша Тужилкин — уже секретарь Василеостровского райкома комсомола, вызвал Косарева в свой «кабинет». В нем полрайкома сидело. В руках Тужилкина телеграмма. Саша успел только прочесть: «Правительственная».

— Вот, Саша, какой ты у нас, оказывается, — «всемирно известный»! ЦК комсомола тебя аж запрашивает. Деликатно, правда, запрашивает: «Сообщите мнение об оставлении Косарева для работы в Московском комитете».

Косарев угрюмо смотрел в пол. Не ожидал он такого оборота от земляков — «заварили кашу...» Недели две назад его посылали в Москву за канцелярскими принадлежностями. Забежал Косарев и в Басманный райком. Никого знакомых из бывших лефортовцев в нем он не встретил. Аппарат райкома комсомола сменился, и не единожды. Но расторопные москвичи быстро засекли, что парень, забегавший к ним — «с хваткой, что надо!» Быстро о нем сообщили в МК, оттуда — в ЦК, и закрутилась машина...

Вечером на заседании Василеостровского райкома ком-

сомола собравшиеся активисты решили: Косарева в Москву не отпускать.

— Это будет нарушением союзной дисциплины... — рассуждал Миша Тужилкин. — Не заводитесь, товарищи. Вот и губком комсомола считает, что надо прислушаться к просьбе москвичей. Косарев с ними в девятнадцатом году на защиту Питера приехал. А хорошие кадры везде нужны.

Но питерцы все-таки «завелись». Очень уж им не хотелось расставаться с толковым и энергичным активистом. Решили еще раз побороться за Сашу. Но Петроградский губком удовлетворил просьбу москвичей.

Косарев горячо прощался с питерскими комсомольцами.

Здесь он стал участником и свидетелем больших исторических событий: встречался с В. И. Лениным и делегатами II конгресса Коминтерна, патрулировал по улицам Петрограда, охранял учреждения, предприятия и мосты в тревожные дни кронштадтского мятежа... Всех их не перечислить. Время было такое — суровое и героическое. Каждый день — история!

Саша расставался с друзьями, не ведая, что через несколько лет иными путями он вернется в этот город.

При первой же встрече с Мишей Тужилкиным Саша подарил ему любительскую фотографию. На ней Косарев — совсем молоденький парнишка — как будто остановился и замер внезапно перед объективом фотоаппарата на фоне осенней аллеи. И надпись: «Мише Тужилкину! На память о буйном Сашке. Помни! Не забывай, держи связь со мною, а я всегда готов ее поддерживать с тобой. Твой Сашка Косарев».

НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

В один из первых же дней своего возвращения в Москву Косарев встретил благушенского соседа Ваську Зудова с «Гужона».

— Чем занимаешься?

— Да вот зажигалки точу, на Хитровом рынке и на Сухаревке сбываю. Еще печки-«буржуйки» клепаю. На них нынче огромадный спрос... Антипыча Старцева с «Симона» помнишь?

— Как же не помнить? Хорошо помню. Я же у него

учеником был, четыре года — до самой империалистической.

— Он с войны без ноги вернулся. Теперь тоже кустарничает.

— Вот это — новость! Антипыч? Большевик Антипыч! И тоже кустарничает? — сокрушался Косарев.

— А Петька Зимин, — продолжал Васька выкладывать новости, — фартово устроился! Он в трактире половым работает. Чаевые такие получает, закачаешься!

— Какие — чаевые?

— Взятка вроде, «на лапу» за услуги. Он анекдот вчера рассказал, умрешь со смеху. Значит, так: в Октябре взятка от большевиков за границу сбежала, а в «нэпабре» опять к нам вернулась...

— Да иди ты со своими анекдотами... — Косарев сплюнул в сердцах и зашагал прочь от озадаченного парня: «Где же плоды революции, куда грести дальше?»

Косарев вернулся в Москву в декабре 1921 года. В самый разгар новой экономической политики — нэпа. Пути ее дальнейшего развития определил В. И. Ленин на X съезде партии. Он подвел черту под эпохой «военного коммунизма». Нэп означал крупный поворот в судьбах социализма, революционное значение которого еще до конца не оценено.

Теперь на основе новой экономической политики открывались новые формы сотрудничества рабочих и крестьян, укреплялся их союз. Партия заменила продразверстку продналогом. Крестьяне могли свободно распоряжаться излишками произведенных ими продуктов, продавать их на рынке.

Получила отдушину и мелкая буржуазия городов: в определенных пределах ей давали право заниматься частнопредпринимательским оборотом, арендовать фабрики, заводить ремесленные мастерские. Государство давало концессии иностранным капиталистам. Введение нэпа, конечно, оживляло капиталистические элементы — торговцев, скупщиков, арендаторов, кулаков. И внутри страны встал вопрос: «Кто кого?»

Партия рассматривала отступление как меру, не угрожавшую потерей социалистической перспективы, ибо командные высоты сохранялись за пролетариатом, и в соревновании «кто кого?» социализм должен одержать полную победу над капиталистическими элементами, ожившими в годы нэпа. Мы как государство, отмечал Ленин, прибавим к своей политической власти экономиче-

скую власть, а это приведет к укреплению диктатуры пролетариата.

Все усилия рабочего класса в тесном союзе с трудящимся крестьянством направлялись на ликвидацию разрухи, на развитие крупной промышленности в городах и кооперации в деревне, на победу социалистического уклада жизни.

Нэп... Далеко не всем был ясен смысл новой экономической политики. И было над чем задуматься. Всюду появились бесчисленные лавочки, «мальчики-подручные», которых частник-хозяйчик заставлял работать по 15 часов в сутки.

Нэп ухудшил экономическое положение части рабочей молодежи. Многие, недалекие по уму, директора предприятий в первую очередь увольняли подростков. И все потому, что первыми декретами Советской власти им был установлен сокращенный рабочий день, льготная оплата труда. Выброшенная за ворота фабрик и заводов молодежь пополняла и так уже немалую армию безработных. Часть ее деклассировала, порывала связь с производственной атмосферой, попадала нередко в полон рыночных спекулянтов, в цепкие лапы проституции.

Нэп... Ошалевшие от возможности свободной торговли нэпманы, спекулянты, жулье лихорадочно спешили насладиться «благами» переходного периода: аферами, ресторанами, казино, лихачами...

Когда на улицах Москвы загорались белые шары фонарей и начинали спотыкаться намотавшиеся за день лошади, на Неглинке, около Госбанка и в Театральном проезде наступало время оживленного движения. Неестественно веселые женщины бойко дефилировали в густой толпе мужчин, нагруженных свертками белья. Это — проститутки (среди них и малолетки). Они приветливо зазывали мужчин в «семейные номера» Сандуновских и Центральных бань. А окрест — блестящие витрины гастрономических магазинов, разодетые буржуи и оголенные дамы, пряная атмосфера пикантности, щекотания чувств. Нэп...

Период «военного коммунизма» был так прост, ясен и понятен.

Теперь же — нэпман с жирным загривком идет по тротуару с видом победителя, бросает брезгливо прохожему рабочему:

— А ну посторонись, это тебе не восемнадцатый год...

Некоторые парни и девчата, не поняв сущности новой экономической политики, впали в уныние, утратили перспективу. Они приходили в ячейку хмурые, выкладывали на стол комитета комсомольские билеты: «За что боролись?» Нелегко было осуждать вчерашнего лихого конника, чоновца, хватавшегося за ремень, где раньше была кобура с кольтом, при виде ненавистного ему буржуя. А теперь? Сидит этот парень — защитник революции и власти народной — по-прежнему на голодном пайке...

Действительно: за что боролись? Саша Косарев тоже мучительно размышлял над этим.

Александра Косарева направили работать организатором в одном из подрайонов Бауманского райкома РКСМ. «То Благушенский куст, то организатор подрайона...» — размышлял Саша, выслушав решение о назначении без энтузиазма. Заполняя анкету в МК РКСМ, на вопрос: «Какую работу считаете наиболее подходящей для себя», ответил не задумываясь — «организационную», но мечтал не о подрайоне.

Через несколько дней Сашу вызвала к себе секретарь райкома партии М. Костеловская:

— Косарев, — обратилась она без обиняков и рассуждений. — Исполнительная комиссия райкома на совместном заседании с парторганизаторами решила рекомендовать тебя комсомольским секретарем. Справишься?

— Справлюсь! Должен справиться... — выпалил, не задумываясь, Саша.

Костеловская на такую поспешность и горячность ответа только улыбнулась. Подумав немного и как бы взвесив правильность собственного решения, сказала:

— Ну вот и хорошо... Район ты в основном знаешь. Лефортово с Благушей — твоя «вотчина», басманцы — ныне бауманцы — тебя, говорят, приняли нормально. А предшественника твоего мы от работы отстраняем, запутался он в хозяйственных делах... Судить будем. Вот такие-то «дела»... Тебе и эти «дела» в райкоме расчищать придется.

15 января 1922 года Косарев с волнением подходил к небольшому зданию на Бакунинской улице. Вот и дом № 3. Здесь разместился райком, в котором Саше предстояло испытать свои силы на самостоятельной работе. «Справлюсь ли?» Раньше — в Благуше и Питере — работа тоже была не из простых. Но все-таки наставлялся он старшими товарищами: П. Усановым,

М. Тужилкиным, был, как говорится, прикрыт их спинами.

Бауманский район — большой. Одних комсомольцев около девятисот душ, а актива? На последней конференции в райком избрали девять человек, а работают в районе шесть — три члена и три кандидата... Остальные разъехались по всей стране. Штатных работников райкома — и того меньше...

Как увеличить состав актива, сделать его мобильным и работоспособным?

Это был для Косарева вопрос вопросов. К тому же Бауманский район — центральный. Большинство наркоматов и ведомств располагалось на его территории. Однажды в орготделе райкома партии Саша взглянул на список учреждений и «ужаснулся» — так велик он был: «Мать честная, и везде надо создавать ячейки союза?! За неделю в районе и сейчас проходит до 150 комсомольских собраний! Что же дальше-то будет?..»

Правильное по тем временам решение он нашел, вспомнив, как начинал в 1918 году комсомольскую работу в Лефортовском районе ответственным за Благушенский куст. Не райком и не подрайком тогда создали на Благуше, а куст — вроде как бы и не уставное, но все-таки объединение. Кустовые организаторы себя, безусловно, оправдали, многое успевали сделать, а главное, приближали райком комсомола к молодежи. Этот-то опыт и подсказал сейчас Косареву выход из положения. Бауманцы разбили свой район на пять участков. В каждом создали нечто вроде общественных бюро или советов — всего из пятидесяти человек. Они-то и стали опорными коллективами райкома. Состав привлеченного актива сразу вырос, а работа оживилась. В МК этот опыт одобрили. О Косареве пошла молва как о толковом, инициативном работнике.

Опыт работы среди молодежи накапливался как-то незаметно и вроде бы сам собой. А в действительности много людей и событий влияли на процесс формирования молодого вожака.

С весны Косарева стали приглашать на заседания бюро райкома партии. Входили в него люди яркие, деятельные, с большим революционным прошлым. Чаще, чем с другими, Саша встречался по работе с заведующим орготделом А. И. Монаховым — в прошлом руководителем революционного большевистского подполья на Сор-

мовском заводе, активным участником Великой Октябрьской социалистической революции. Он часами беседовал с Косаревым, обсуждая состояние комсомольских дел, мудрыми советами наставлял молодого руководителя. Его вниманием Саша нередко даже злоупотреблял. На посту заворга райкома партии Монахова сменил Николай Николаевич Мандельштам — член партии с 1903 года, лихой участник боевых операций против банд Махно и Григорьева.

Косареву скидок на молодость и неопытность не делали. Уже 3 июля райком партии заслушал доклад о работе комсомольской организации — первый и удачный Сашин отчет в партийном комитете.

30 сентября 1922 года Косарева избрали членом Бауманского райкома ВКП(б).

Саша не забывал разговор с Васькой Зудовым об Антипыче, своем первом фабричном наставнике. В один из дней разыскал его. Слесарь работал в артели кустарей-инвалидов и на косаревские вопросы отвечал односложно, нехотя. Из беседы Косарев, однако, понял, что Антипыч после революции был в Красной Армии, потом партизанил где-то на Украине. В жарком бою с петлюровцами потерял ногу. В Москву вернулся, а здесь — нэп, всем не до него — кругом безработица. Молодым и здоровым работы нет, куда тут перестарку да инвалиду... Крепко запала обида у героя гражданской.

В другой раз Косарев забрал у Антипыча нехитрые спрáвки и чудом уцелевшие мандаты и, посоветовавшись с А. И. Монаховым, выправил Антипычу документы на право получения продовольственного пайка красного партизана.

— Это, Антипыч, тебе для начала...

Старый слесарь смотрел на Косарева растроганно.

— Я Лександре всегда говорил: «Хорошего парня, дескать, растишь». А она все отмахивалась: «Куда там, хороший? Пострел, да и только!» А ты — вон какой?! Не забыл про меня. Отзовется тебе, Сашка, все хорошее отплатится.

Тем временем перед московской комсомолией вставала тьма неотложных дел.

Ударным фронтом работ в Москве стала заготовка топлива. В годы войны в городе сожгли пять тысяч ветхих домов. Из-за недостатка угля, нефти, дров и сырья многие фабрики и заводы в городе стояли или работали с перебоями. Г. М. Кржижановский мотался по Москве в

поисках всего, что можно было бы сжечь в топках ТЭЦ и дать электроэнергию столице.

Однажды на Казанский вокзал прибыли эшелоны с углем и дровами, но разгружать их было некому. Тогда городской комитет партии объявил комсомольский воскресник по разгрузке эшелонов.

«В воскресенье день был морозный, снежный. К Казанскому вокзалу с песнями шли колонны молодежи. Во главе колонны — секретари райкомов и заводских ячеек комсомола. Они несли красные знамена.

Настроение у всех было отличное. Работали, не чувствуя усталости. Среди молодежи, — рассказывала Татьяна Васильева, — я увидела Сашу Косарева — он работал лопатой так, что за ним едва поспевали ребята более крепкого сложения. И все-то с шутками, с остротами, прибаутками. Он удивительно умел вселять бодрость и как-то неожиданно появлялся там, где уставшие ребята сбавляли темп.

— А ну запевай! — раздался его звонкий голос.

И вот уже звенела задорная комсомольская «Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка, иного нет у нас пути, в руках у нас винтовка». И руки работали проворнее. А вот уже в другом конце опять слышен его голос:

— А ну, братья-бауманцы, покажем Хамовникам, как надо работать».

Такие задачки Саша решал запросто. А жизнь подбрасывала другие — все сложнее и сложнее. Ответы на них искала вся пролетарская молодежь столицы. Для того и собралась она на губернскую конференцию, чтобы сплотить организацию для решения новых задач, перевоспитать или отбросить тех, кто поплыл по течению.

...Зеркальные залы и сад с искусственными гротами и скалами знаменитого «Яра» — места гульбищ и попоек нэпмановской Москвы на сей раз заполнили шумливые делегаты губернского съезда московского комсомола. Не очень-то гармонировали заношенные куртки и брюки с бахромой, красные косынки и буденовки делегатов с позолотой стен и блеском зеркал.

Песни сменяли одна другую. «Здесь, — вспоминал ветеран московского комсомола Лев Гурвич, — осенью 1921 года я впервые встретился с Сашей Косаревым. Типичный рабочий парень с московской окраины, небольшого роста, вихрастый, с лихо сдвинутой на затылок кепкой, любящий «отколоть» и «подшутить». Очень по-

движный, задиристый и ершистый. Косарев выделялся своим острым реагированием на все происходящее, резкостью суждений. Сразу загорающийся, задорный и неуемный. Чуть скуластое лицо с глубоко сидящими глазами, порывистыми движениями, быстрая речь. В этот день Косарев, как и многие другие делегаты съезда, особенно сосредоточен. Вместо простых, ясных задач: помощь фронту, участие в борьбе с белогвардейщиной и бандитизмом — возникли новые, доселе неизвестные. Надо было определить пути и методы работы в условиях новой экономической политики.

Притихнув, внимательно слушал Косарев все выступления.

Припоминаю, как в перерыве он вместе с несколькими басмановцами (Кормилицин, Егорушкин, Комиссаров, Баранов и кто-то еще) запальчиво вступал в споры...»

— Во что превратился комсомол? В монашеский орден?! Разве танцы преступление перед союзом? — наступала на Косарева раскрасневшаяся работница с «Гознака».

— Не в этом дело... Пусть рабочая молодежь танцует, коль ноги сами заходили под звуки «пленительного вальса». Беда в том, что мы ничего не можем противопоставить танцулькам. На Урале, говорят, вопрос о танцах вырос в целую дискуссию, в результате которой из союза вылетели, как миленькие, даже некоторые члены губкома. И я считаю, что это неправильно! — Саша рубанул ребром ладони воздух. — Тут одними тезисами о популяризации новой экономической политики не поможешь. Точка! — отпарировал Косарев.

— А что, Саша, в союзе можно говорить только о революции, капитализме и Интернационале? А о любви, весне, цветах?.. — не унималась девчонка с «Гознака».

— Вот именно, — поддержала ее подружка. — В клуб придешь, а там доклад о «финансовом капитале» или «о государственном капитализме»...

— Тебе, я вижу, доклады не повредят, — обрезал собеседницу Саша. — Но плохо и то, что, кроме таких докладов, в наших клубах не устраиваются литературные вечера, например, или о спорте... На этот участок мы направляем самых никудышных работников.

— Саша, а разве наши губкомовцы не замкнулись в свою циркулярную превосходительность? — вступил в

разговор секретарь комсомольской ячейки из Коммерческого института.

— Это малость есть... Да и мы, райкомовцы, бумаги строчим, на всякий случай, стопками. Представительствуем всюду. Прекратить бумагомаранье надо, забросить все в тартарары, отказаться от представительств в десятках присутственных мест, уйти от бесчисленных заседаний. А то все заседаем да совещаемся: ходим как слепая лошадь по кругу на молотильном току... Видел я в деревне такую клячу. Она хоть хлеба молотит, а мы что? Воду в ступе...

— Слыхал? — снова вступал в разговор студент Коммерческого института. — В ячейке Свердловки родилась идея ликвидировать наш союз. Работа по труду, быту и образованию передана, дескать, в госорганы. Союзу осталась только воспитательная работа, а ее любая школа лучше нас осуществит. Следовательно, союзу делать нечего.

— Скверно! Очень скверно понимают, значит, товарищи смысл и содержание воспитания, если представляют его только как изучение теоретических наук. Это изучение, конечно, является важной частью коммунистического воспитания. Но ограничиться этим — значит превратить наш союз в культурку!

Общественная жизнь выдвигала новые проблемы.

Спекулируя на послевоенных трудностях, по-своему рассматривая нэп как уступку капитализму, зашевелились меньшевики. Они пытались настроить молодежь против Советской власти.

МК решил провести широкую конференцию, на которой откровенно рассказать юношам и девушкам о всех трудностях и их причинах, дать бой меньшевикам и меньшевистским подголоскам. Один из участников этой конференции рассказывал, как, войдя в фойе помещения, он увидел толпу, в центре которой Косарев ожесточенно спорил с одним из молодых меньшевиков. «Спорил страстно, с глубокой силой внутренней убежденности и веры в свою правоту... Саша громил под одобрительные возгласы окружающих своего противника. Тот уже не наступал, а как бы «линял» у всех на глазах и теперь лишь пытался кое-как прикрыть свое отступление, но упорно бормотал что-то о низких заработках молодежи.

— Да ты опять перепеваешь чужие слова! Мы сами хозяева своих предприятий и участвуем в установлении в них зарплаты, — наступал Косарев. — Это твои за-

граничные учителя врут об эксплуатации в России. Мы сами со всем пролетариатом строим свою промышленность. И когда тяжело взрослым рабочим, молодежь не будет требовать для себя особых привилегий.

Меньшевичок вскоре совсем замолчал и стал пробираться через толпу, осыпаемый насмешками.

Все еще пылающий, весь в азарте спора, с расстегнутым воротом косоворотки, Косарев искал глазами, с кем бы еще продолжить схватку».

ПИСЬМО ИЛЬИЧУ

Их было семь человек — членов бюро Бауманского райкома комсомола. Заведующий политпросветом райкома Вася Прохоров, как и Косарев, подростком вступил в партизанский отряд легендарного Камо. Был ранен. После госпиталя — снова фронт, бои, тревожные бивааки... Под стать им были и другие райкомовцы.

Из Питера Саша привез привычку к жизни коммуной. Мать огорчилась, когда узнала, что сын отказался и столоваться, и ночевать дома.

— Ды ты что фокусничаешь? Райком твой через двор от родного дома, от семьи, а ты — в коммунию!

— Не в коммунию, мама, — успокаивал Саша, — а в коммуну. Слово это — французское. Может, слышала про Парижскую коммуну?

Мать тотчас же насторожилась.

— Это что ж, ты теперь в Париж намылился? Так прямо, без обиняков и говори — не хитри. Я — мать. Тебе, пострелу, неведомо, что я глаза свои выплакала, пока ты в Питере скитался. А теперь — Париж...

Мать укоризненно смотрела на сына. А Саша, ласково гладя ее седую голову, говорил умиротворенно:

— В Париж мне, мама, пока ехать незачем. Революционная волна во Франции сникла... А коммуна — это община. Общиной комсомольской теперь жить будем: я, Сеня Федоров и Коля Кормилицин. И все у нас будет общее: жилье, книги, барахло, шамовка... К коммунизму идем. Это понять надо, мама.

Немногое поняла Александра Александровна из этих слов сына. Только чуткое материнское сердце подсказало: «Нет худого в этой коммуне, и ребята с ним будут жить ладные, что — Сеня, что — Коля...» А уразумев,

что в Париж Саша не собирается, успокоилась окончательно.

— А младших сестренок я, мам, поднять на ноги помогу. (В девятнадцатом году отец Саши умер от сыпняка.) Коммунары на это согласны.

Жили в коммуне дружно. Сходились в общежитие запоздно, горячо делились впечатлениями о прошедшем дне, спорили до первых петухов. После зарплаты несколько дней шиковали, объедались купленными у нэпманов окороком, колбасой...

«— Загнивает мировой империализм, а с ним и наши недобитые буржуины, а пахнут у них продукты замечательно!» — шутил Сеня Федоров, расправляясь с куском ароматного окорока.

Через несколько дней после «кутежа» коммунары потуже затягивали пояса и питались теперь чем бог пошлет. Когда же становилось невмоготу, гуськом тянулись через двор к бабе Саше — матери Косарева, — благо жила Александра Александровна рядом, рукой подать. И она концы с концами едва-едва сводила, но морковным чаем поила коммунаров щедро — вприкуску с постным сахаром, а то и пустым — «с таком».

Дела райкомовские поглощали Сашу целиком. Идеи, инициативы рождались одна за другой. Однажды бауманцы надумали выпускать районную комсомольскую стенную газету. Позднее перешли на издание ее типографским способом. Набирали и печатали ее комсомольцы-полиграфисты во внеурочное время — на субботниках: то в типографии «Пролетарское слово», расположенной на Южном мосту, то в 5-й типолитографии МСНХ — в Мыльниковом переулке.

Газету назвали «Путь молодежи».

В тот день готовили очередной номер на четыре полосы — двадцать девять заметок. Все — от первой до последней — написаны молодыми рабочими; не очень грамотно, но откровенно, от души. Писали о подготовке к губсъезду РКСМ. Об учебе, как самом боевом деле («Теперь пора учиться, чтобы строить наш новый мир»), сообщали, что комсомольцы идут на учебу, как раньше уходили на фронт. Была в газете и коротенькая информация от рабочих завода «Радио». Они открыли комсомольский клуб, провели в нем вечер шефства над красноармейской частью. Молодежь живет небогато, но для шефства ребята отчислили три процента жалованья, подарили красноармейцам 75 аршин мануфактуры.

Всеведущий Сеня Федоров, просматривая материал к очередному номеру, предложил:

— Надо бы еще письмо Ильичу сочинить и в газете дать. Выздоровел он. Говорят, что сегодня даже из Горок переехал в Москву и приступил к работе...

Это сообщение вызвало у присутствующих всеобщее ликование.

— Здорово, Сеня, придумал! — загорелся Косарев. — А начнем письмо так: «Ильичу — привет!» Пойдет?

Тотчас же в единственной и всегда переполненной представителями ячеек комнатушке райкома приступили к составлению текста письма.

На другой день тот номер газеты «Путь молодежи» вышел трехтысячным тиражом. Комсомольцы нарасхват читали газету, передавали свой экземпляр другим. Внимание всех приковало письмо:

«Ильичу — Привет!

РКСМ Бауманского района шлет свой горячий привет Вождю мировой революционной армии, дорогому товарищу, Владимиру Ильичу Ленину. Дорогой учитель, во время твоего отдыха каждый день, приносивший весточку о твоем здоровье, вносил радость и энергию в наши юные сердца.

Твое возвращение мы встречаем с радостью, как и вся Рабочая Россия, как весь мировой пролетариат. Мелкие и крупные сплетни, газетные утки и все грязные желания и намеки, распространяемые болтунами всех цветов, повисли в воздухе.

Ты отдохнул и снова сильный, бодрый вернулся к рулевому колесу и взял в твердые руки управление величайшим кораблем — коммуной. Мы от лица рабочей молодежи даем тебе наказ: беречь себя во имя счастья рабочих всего мира».

Бауманцы читали и радовались: «Здорово получилось!»

Вася Прохоров, спокойный и рассудительный юноша (по прозвищу Дед), предложил немедленно, сегодня же послать Ленину газету «Путь молодежи» с короткой сопроводительной запиской, в которой попросить ответа.

Писать записку усадили Татьяну Васильеву:

— У тебя почерк, Таня, красивый. Наш не годится. Мы под деловыми бумагами подписываемся здорово! А письмо Ильичу лучше тебя — некому.

Кто-то предложил:

— Пиши печатными буквами, чтоб как в газете...

— Я красиво, как в газете, не сумею, — сокрушалась Таня. — Чем советы давать, взяли бы и набрали записку типографским способом...

Это была идея.

Записка, сопровождавшая газету, гласила:

«Дорогой учитель
Шлем Привет
И ждем Ответное словечко.
Редакция 3 октября 1922 года».

О том, что произошло после, рассказал спустя полвека Василий Васильевич Прохоров: «Одни твердили, что не может нам Ленин ответить — у него за время отдыха накопилось дел, наверное, десять тысяч и теперь новых дел подоспело еще десять тысяч, а приветствия ему пишут со всего мира, — разве это мыслимо всем отвечать.

Другие убеждали, что если посмотрит Ленин наши заметки и согласится с текущим моментом в РКСМ Бауманского района, то обязательно даст ответ». Косарев выслушал все доводы, согласился с большинством и продиктовал постановление: «Срочно отправить В. И. Ленину сегодняшнюю газету «Путь молодежи» с приветствием. Поручить Шуре Липкинд (это была наша активистка) передать газету Марии Ильиничне». Шура поехала в «Правду», отдала М. И. Ульяновой пакет. А в субботу, 7 октября она примчалась из редакции «Правды» сияющая, вручила Косареву конверт и торжественно объявила: «Товарищи! Мария Ильинична просила передать, что Ленину наша газета понравилась!»

Александр Лисовский, работавший в те годы кустовым организатором в Благуше, писал, что все ячейки моментально узнали, что Владимир Ильич нам ответил и что газета ему понравилась: «Еще дружнее пошла у нас работа, еще больше заявлений поступило в комсомол».

Записка Владимира Ильича Ленина от 6 октября 1922 года была опубликована в очередном номере газеты, выпущенном 30 октября, в день беспартийной конференции рабочей молодежи. Состоялась она в «центральном клубе РКСМ», там торжественно принимали в союз новое пополнение. Каждому вручали бесплатно номер газеты, в котором было тиснуто клише с факсимильным текстом ленинского ответа:

«Дорогие друзья! Горячо благодарю вас за привет. Шлю вам, со своей стороны, лучшие приветы и пожелания. Ваш В. Ульянов (Ленин)».

НЕ ТОЛЬКО ОДНИ УСПЕХИ

С каждым годом обстановка в стране улучшалась. Успехи в восстановлении народного хозяйства были более значительными, если бы не засуха и неурожай 1921 года, поразившие огромные пространства Поволжья, Северного Кавказа и юга Украины. Это страшное бедствие привело к невиданному голоду, который охватил 34 губернии с населением свыше тридцати миллионов человек.

Лозунг «Все на борьбу с голодом!» не сходил с повестки дня комсомольских собраний в суровую зиму 1921/22 года.

Косарев организовал в районе (как это было всюду) сбор средств голодающим. Комсомольцы ходили со специальными кружками для пожертвований, отчисляли деньги от своего небольшого заработка, крохи продовольствия — от еще более скудного пайка. Они выходили на субботники, устраивали концерты, сборы от которых направляли в фонд голодающим. Только за два дня, 4 и 5 марта 1922 года, комсомольцы Москвы собрали в помощь голодающим 5 миллиардов 110 миллионов рублей и большое количество продовольствия. Не стоит удивляться такой большой по нашим дням сумме денег: в те годы они обесценились.

— Деньги встречай! — кричал Косарев в день получки, увидев в окно райкомовскую пролетку, и весь крохотный коллектив работников Бауманского райкома комсомола дружно высыпал на улицу — зарплату привозили в мешках на извозчике, стакан семечек стоил 250 тысяч рублей.

Но трудности преодолевали упорно. Экономика страны укреплялась, промышленность возрождалась. По призыву МК ВКП (б) бауманцы вместе со всей комсомолией столицы принимали участие в восстановлении заводов АМО, «Серп и молот», фабрики «Трехгорная мануфактура» и других предприятий. Косарев был, вспоминал писатель Борис Галин, «непременным участником многих заводских субботников, его часто видели в синей спецовке с перепачканными землей или машинным маслом руками. В этом человеке навсегда остался жить рабочий паренек».

Косареву было в ту пору 19 лет. И немудрено, что сквозь должностную серьезность нет-нет да пробивалось естественное для такого возраста мальчишество. Были у него и неудачи. Были и огорчения — большие и малень-

кие — те, что проходили, не оставив о себе даже воспоминаний, но не избежал Саша и таких случаев, которые оставили след в его документальной биографии.

Однажды Саша вместе с Сеней Федоровым ехали в час «пик» на буфере трамвая. То ли торопились, то ли просто слихачили. Трамвай в такой час был облеплен людьми. Да и вообще «висенье на буфере» было рядовым для тех лет явлением, а прокатиться «на колбасе» — высшим мальчишеским шиком. Ехали в тот раз лихо, крепко вцепившись в продолговатое резиновое крепление для прицепа второго вагона, действительно похожее на колбасу. Трамвай, скрипя на поворотах, несся по знакомым улицам, а Саша с Сеней махали кепочками встречным знакомым.

— Привет пешеходам! Красота...

Но милиция и в те времена наказывала нарушителей порядка на городском транспорте. Таких лихачей милиционеры с буфера снимали и безжалостно отправляли в участок.

Словом, задержали Сашу милиционеры, и пришлось секретарю райкома комсомола пережить неприятные минуты объяснения в отделении своего же района... Еще строже с Сашей об этом случае разговаривали в МК комсомола.

— Ты же — вожак молодежи, — укорял секретарь МК Матвеев. — Чему ее учишь? Нет еще у тебя, Косарев, настоящей солидности...

— Нет, — смиренно соглашался Саша и хитро поглядывал на секретаря. И вдруг сорвался: — Сам-то ты, поди, каждый день на подножке трамвая висишь, безбилетником ездишь?

От такой неожиданной отповеди Матвеев аж поперхнулся, а сидевшие в комнате члены бюро МК дружно рассмеялись: косаревский «козырь» крыть было нечем — все трамвайную подножку любили, на ней и покурить можно...

Да что говорить о том случае, когда жизнь секретаря райкома всегда на виду, и каждый день приносит свои «сюрпризы» — то одно, то другое... Взять, к примеру, такую большую работу, как шефство РКСМ над флотом. Саша работал еще в Василеостровском райкоме, когда до них долетели первые раскаты кронштадтского мятежа и партия приняла решение возродить и укрепить Красный Военно-Морской Флот. Флот в ту пору был ослаблен до крайности. Многие корабли погибли в мировую вой-

ну, часть их увели иностранные интервенты. Оставшиеся немногие суда стояли безжизненно на приколе. «Кладбищем кораблей» называли тогда военно-морские базы.

Весной 1922 года Коммунистическая партия приняла решение об укреплении флота. Возродить его — в то время это означало влить в экипажи кораблей, в ремонтные мастерские свежие силы и кадры. Их руками отремонтировать машины, приборы и орудия, поднять затопленные корабли. И корабли ждали молодое пополнение. Вскоре после X съезда партии была проведена мобилизация коммунистов на флот, затем — комсомольцев. Среди них были и бауманцы.

Учитывая роль, которую играет Красный Военный Флот в деле обороны страны, и считая необходимым принять действенное участие в деле возрождения морских сил Советской России, V съезд РКСМ 16 октября 1922 года постановил принять шефство над Красным Военно-Морским Флотом республики.

Комсомол Москвы стал застрельщиком этого большого дела. Каждую кандидатуру на флот горячо обсуждали на комсомольских собраниях. Из лучших отбирались самые лучшие.

Писатель-моряк Леонид Соболев рассказывал:

«Шефский подарочек» — так называли их те, кого они пришли оздоровлять, а кое-кого и сменять. Так звали их в экипажах матросы-инструкторы, отсидевшие всю гражданскую войну в тылу. Так звали их старики боцманы, никак не мирившиеся с новым и непонятным типом новобранца — разговорчивого, самостоятельного, въедливого до неполадок, с места заявляющего о том, что он пришел «оздоровлять» флот. Так звали их и многие из командного состава, побаивавшиеся их политического превосходства над собой...

Весной, пройдя строевую подготовку в экипаже и разбившись по школам, комсомольцы впервые увидели корабли. Какие корабли!.. Из всего Балтийского флота на плаву было лишь несколько миноносцев, учебное судно «Комсомолец» и линкор «Марат».

Секретари уездных и губернских комитетов комсомола очищали трюмы, драили палубу, стояли вахты, чистили картошку, заменяли на политчасах политруков, учились артиллерии, машинному делу, гребле, теребили старых моряков, вытягивали из них знания и опыт.

Они завоевывали флот, как неизвестную страну».

В последующие годы направление комсомольцев на

флот стало почетной работой союза. Косарев придавал ей особое внимание. Балтийцы подарили ему тельняшку и форменку. Подарок так пришелся ему по душе, что матросская тельняшка надолго стала постоянным предметом его повседневного туалета. Бауманцы посылали подарки, собирали инструменты для корабельных мастерских, организовывали военно-морские кружки, привлекавшие способную и пытливую молодежь. В этих кружках будущие краснофлотцы проходили морскую допризывную подготовку.

Наступило время очередной комсомольской мобилизации на флот. Бауманский район одним из первых в Москве завершил ее. Косарев бойко доложил об этом на бюро МК. Его доклад одобрили и даже приняли решение сообщить об успехах бауманцев в центральной печати, а за досрочное выполнение самого задания районную комсомольскую организацию занести на Красную доску — так в ту пору называли Доску почета.

Через неделю из Петрограда пришло известие о чрезвычайном происшествии! Не все бауманцы явились во флотский карантин. То ли в Питере они оказались впервые и решили сначала город осмотреть, то ли по другой какой причине, только многих из них в отряде москвичей на Балтике вовремя не оказалось. Пришлось Косареву за недисциплинированных посланцев района держать строгий ответ на бюро МК. Да он и сам казнил себя за то, что направил отряд новобранцев без сопровождающего.

— За битого двух небитых дают... — шутили друзья, когда Косарева, вопреки его желанию, переводили на работу в Московский комитет РКСМ. — Сдавай дела.

В райкоме партии такому решению воспротивился один А. И. Монахов. Но что значит один голос, да при такой неясной формулировке: «Согласиться с решением МК РКСМ о снятии Косарева с работы в районе и направлении на работу в МК РКСМ».

Так и не понял тогда Саша, как понимать это решение: то ли наказание за легкомыслие, то ли выдвижение по должности? Но вскоре успокоился: «Все-таки заместителем заведующего организационным отделом взяли...» Так Саша перебрался на Большую Дмитровку и стал осваивать работу в МК РКСМ.

Несколько месяцев проработал Косарев в Московском комитете комсомола, а жить продолжал интересами родного Бауманского района. Коля Кормилицин, сменив-

ший его на посту секретаря райкома, трудно входил в эту роль. Первое время Косарев вел молодого вожака, как говорится, «на помочах». С каждой неделей Коля работал увереннее, а Косарев уже не в силах был отказаться от «опекунства». Этим и воспользовался в карьеристских целях один из ответственных работников райкома. Наговорами и сплетнями он сталкивал немногочисленный коллектив райкома, дескать, «Кормилицин — не секретарь», «Косарев по-прежнему в районе командует...». Рассчитывал таким нечестным путем дискредитировать Колю Кормилицина, прокрасться к портфелю секретаря райкома комсомола.

Мандельштам, которому райком партии поручил разобраться в возникшем конфликте, после беседы с комсомольцами об этом работнике сделал такую запись в блокноте: «Играет похабную роль, он вреден, его нужно удалить!»

Приближалась районная отчетно-выборная комсомольская конференция. Райком партии энергично помогал в ликвидации напряженности в аппарате райкома комсомола, повышении роли выборных органов районной организации РКСМ. В его постановлении о подготовке к комсомольской конференции содержалась на первый взгляд нейтральная фраза: «Не возражать против введения в состав райкома тов. Косарева».

20 апреля 1923 года бюро Бауманского райкома РКСМ приняло неожиданное для Саши решение: «Просить исполкомкомиссию райкома РКП о ходатайстве перед МК РКСМ об отзыве тов. Косарева для работы в районе». Письмо в райком партии подписал Н. Кормилицин.

— Ты что, добровольно доспехи секретарские снимаешь? — Косарев хмуро смотрел на товарища. — И почему ты мне решил их передать? А то, что карьерист и интриган их «перехватить» сможет — о реальности такого варианта ты подумал? Эх, голова садовая! Нас и в организации «сговора» за спиной МК РКСМ обвинить могут! Ты об этом тоже не задумывался? Чем докажешь, что это не так?

— Нет, Саша. Что он спит и во сне видит это кресло, нетерпение проявляет, я ведаю. Об этом и в райкоме партии знают. Ты же сам видишь?! Слыхал я где-то, что самая опасная ложь это — «слегка» извращенная истина. Он по этому принципу действует, и мне с ним, столь уже изощренным, не совладать. В райкоме твоя, Саша, силь-

ная и настырная натура нужна. И райком партии так тоже считает. Я там записку о нашей заварухе читал. В ней прямо так и сказано: «Мнение Бауманского райкома комсомола в МК РКСМ было представлено Косаревым...» Ты-то что, Саша, от меня все время таишься? Я же видел, как все эти месяцы продолжал жить райкомом, может быть, даже бредил им...

Вскоре Александр Косарев вернулся в Бауманский райком комсомола, к друзьям и единомышленникам по работе: Кормилицину, Точисскому, Павлову, Федорову, Хорупко, Егорушкину, к тысячной армии комсомольцев.

ТРОЦКИСТЫ ЗАШЕВЕЛИЛИСЬ

Осень 1923 года выдалась в Москве теплой, солнечной. Казалось, что бабье лето решило накрепко обосноваться в столице. Общественная же жизнь была раскаленной.

Партийные организации, а вслед за ними и комсомольские ячейки буквально кипели политическими страстями. В Болгарии, а вслед за ней в Германии разыгрались революционные события. Каждое утро Косарев буквально впивался в газеты. Они пестрели заголовками: «Эрнст Тельман поднял героическое восстание гамбургского пролетариата», «Баррикадные бои», «Беспримерное мужество восставших»... В московских партийных организациях собрания проходили под лозунгом — быть готовым в любую минуту дать отпор международной реакции и помочь германским товарищам. Отзывчивая молодежь Бауманского района тотчас же приступила к сбору и отправке продовольствия детям восставших гамбургских рабочих. В некоторых московских комсомольских комитетах без ведома партийных органов даже начали запись добровольцев. Куда? На это никто толкового ответа не давал.

В Цекамоле была уверенность, что восставшие немецкие пролетарии обратятся за помощью к рабочим Советской России. Во всех губкомах на всякий случай возникли мобилизационные комиссии.

Революция в Германии! Было трудно даже представить, сколько благотворных перемен она могла принести с собой.

Однако и другие события накаляли политическую атмосферу в партии.

— Слыхал?! — с этими словами поздно вечером, когда в здании наступала тишина, в комнату райкома комсомола стремительно вошел Николай Николаевич Мандельштам.

Саша встретил его недоуменным взглядом.

— Троцкий, а за ним еще сорок шесть партийцев, в том числе некоторые члены ЦК, подали в Центральный Комитет письма с критикой политики партии.

— Да как же так? — не удержался Косарев. — Война на носу, а в ЦК разногласия! И опять — Троцкий. Еще в сентябре слух прошел, что он в Совнарком не ходит, а на заседаниях Политбюро читает французские и английские романы... Что же эти «сорок шесть» критикуют?

— Внутрипартийный режим, весь партийный аппарат, ЦК...

— А за что?

— За бюрократизм будто бы. Пишут, что если так будет продолжаться, ЦК приведет страну к гибели. Требуют свободу группировок в партии. Внутрипартийный режим, установленный X съездом РКП(б) и запретивший в ней фракции, Троцкий объявил «режимом фракционной диктатуры большинства».

— Но ведь резолюцию «Об единстве» писал сам Ленин. Вы же нам на политзанятиях об этом рассказывали! — вырвалось у Косарева.

— Вот в этом-то и все дело! Так получается, что Троцкий пользуется болезнью Ленина. Пытается легализовать свою фракцию. Он и его сподвижники стремятся сыграть на недостатках партийного аппарата, оставшихся в наследство от времен «военного коммунизма».

— А ты, Косарев, — продолжал Николай Николаевич, — хотя и молод, но на ус себе наматывай: Троцкий с дружками своими подыгрывают меньшевичкам да эсерам, да новой буржуазии, которые прямо-таки жаждут выйти в условиях нэпа на открытую политическую арену. Так что, Сашок, готовься к боям.

Боевая обстановка действительно накалялась. Только фронт открылся с другой, чем ожидали, стороны. Думали: «Германия!», а получилось иначе.

Газеты сменили тон: «Защитники красной крепости — Гамбурга — окружены», «Кровью залиты улицы и площади города». В последних числах октября пало коалиционное правительство левых социал-демократов

и коммунистов в Саксонии, а вслед за тем германскому рейхсверу и фашистам удалось потопить восстание рабочих в Гамбурге. Коммунистическая партия и комсомол Германии были объявлены вне закона и ушли в подполье. В Болгарии реакция восторжествовала еще раньше.

Лихорадка ожидания близких перемен оборвалась. События развернулись не так, как хотелось бы.

Теперь все внимание переключилось на события внутри партии. Острота международного положения до этого момента как бы не позволяла партии заняться своими внутренними делами вплотную.

Пленум ЦК и ЦКК РКП(б) призвал к укреплению начал рабочей демократии внутри партии. По предложению Дзержинского он осудил выступления Троцкого и «платформы 46-ти» как фракционные. Постановление пленума не публиковалось, но партийный актив о нем был осведомлен. Сторонники оппозиции (это слово стало уже пробиваться в разговорах) продолжали нагнетать обстановку, готовились к дискуссии.

В шестую годовщину Октября «Правда» открыла широкое обсуждение вопросов партийной жизни. В статьях, заметках и речах на партсобраниях обсуждалось положение дел в ячейках и во всей партии.

Многие из вступивших в РКП(б) после Октября не знали о дореволюционном прошлом Троцкого. Ходили слухи о расхождении его с Лениным по крестьянскому вопросу. В связи с этим «Правда» поместила статью Троцкого, в которой тот напоминал, что подобные слухи он еще в 1919 году опроверг печатно. Однако дыма не было без огня: кто знал историю партии, тот понимал, что опровержение 1919 года не затрагивало факта ранних расхождений Ленина с Троцким по поводу его теории «перманентной революции» и отрицания революционной роли крестьянства.

5 декабря Политбюро ЦК и Президиум ЦКК РКП(б) приняли резолюцию «О партстроительстве». Приняли единогласно. В партийных ячейках вздохнули удовлетворенно: «Наконец-то удалось договориться!» Резолюция призывала изживать недостатки, обновляя «снизу» партийный аппарат путем его перевыборов. Но, говорилось в ней, рабочая демократия «вовсе не предполагает свободы фракционных группировок, которые для правящей партии крайне опасны, ибо всегда грозят раз-

двоением или расщеплением правительства и государственного аппарата в целом...».

Прошло всего два дня. Москвичи еще читали свежий номер «Правды» с этой резолюцией, а троцкисты уже расползлись по партийным ячейкам с очередным пасквилем своего лидера. Это был «Новый курс (Письмо к партийным совещаниям)» — фракционный манифест Троцкого против ЦК партии. Вскоре появился и сборник его статей «1905 год» с предисловием «Новый курс». В них Троцкий изображал всю предшествующую историю партии как «приготовительный класс» для нового курса. Он обвинял руководство РКП(б) и прочил старым большевистским кадрам перерождение, проводил связь между ними и скомпрометировавшими себя социал-демократическими лидерами II Интернационала: Виктором Адлером, Карлом Каутским...

Спасти большевистские кадры от перерождения, а партийный аппарат от бюрократических методов, «превращающих молодое поколение в пассивный материал для воспитания», утверждал Троцкий, должна учащаяся молодежь.

В тот же вечер Косарев сидел у Мандельштама со сборником Троцкого «1905 год».

— Ты посмотри, Николай Николаевич, чего он пишет. — Косарев ногтем отчеркнул на полях брошюры место, особенно заинтересовавшее его. — «Молодежь должна брать революционные формулы с боем, выработать собственное мнение, собственное лицо и быть способной бороться за это мнение с мужеством и независимостью характера...»

Эх, как закрутил! Что-то намеков много, а? «Бороться за собственное мнение», «за независимость характера» и т. д. и т. п.! Разъясни мне, пожалуйста, с кем мне бороться надо, против чьего мнения?

Мандельштам вертел в руках карандаш, будто скручивал самодельную цигарку, и, глядя на Косарева в упор, сказал хмуро:

— С кем-кем? Со мной — «аппаратчиком» — сегодняшняя молодежь должна бороться... И не советоваться, «с грибом старым», а «независимость характера» во всем проявлять. Так-то...

— Я не собираюсь с тобой бороться! Видишь, советоваться пришел...

— Ты-то не собираешься, это — факт. Троцкий в иные души метит. Нужно быть слепым, чтобы за его

словами о «независимости характера», «твердых убеждениях» не разглядеть старых троцкистских идеек.

Николай Николаевич положил карандаш в деревянный стаканчик хохломской росписи. Откинулся на спинку кресла и, натужно упершись руками в край крышки стола, словно собирался его сдвинуть, продолжал:

— Вчера с нами Надежда Константиновна Крупская встречалась. Говорит, что Владимир Ильич себя еще неважно чувствует. Но вот напомнила она нам одно местечко из ленинской статьи, опубликованной в журнале «Просвещение». — Николай Николаевич вынул из нагрудного кармана пиджака лист бумаги, плотно исписанный: — «Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело».

— С кем? Ты-то, Косарев, знаешь, с кем имеешь дело? От кого Ленин вас остерегал? — И, заметив небольшое замешательство у Саши от таких вопросов, сказанных к тому же напористо и быстро, как пулеметная очередь, Мандельштам продолжил в спокойном тоне: — Эту статью Ленин в 1914 году написал против Троцкого. Вот вы и должны знать, с кем сейчас имеете дело!

— А эти ленинские слова я сам в «Сборнике социал-демократа» в 1916 году прочел. Они прямо как к сегодняшнему дню Владимиром Ильичем написаны: «За полную самостоятельность союзов молодежи, но и за полную свободу товарищеской критики их ошибок! Льстить молодежи мы не должны».

Николай Николаевич прошелся по комнате и остановился над сидевшим Косаревым. Он долго не мигая глядел Саше в глаза, словно силился прочитать в них что-то очень важное для этого разговора.

— Троцкий льстит молодым людям! Понимаешь? Льстит! Лестью он разлагает юных. И не первый раз пытается сделать это. Не первый! Ты его доклад на втором съезде комсомола «Текущий момент и задачи рабоче-крестьянской молодежи» читал?

— Нет. Я тогда в Питере к боям готовился...

— В этом докладе, Саша, он уже проповедовал идею «юношеского авангардизма», а простачки из Цекамола ее даже в резолюцию съезда «О Красной Армии» протащили... Вы все дунаевских да гарберов на своих пленумах тогда изобличали, а идейный-то растлитель молодежи выше сидел и сейчас сидит.

Косарев удивленно глядел на заворга райкома партии. Такого о Троцком он никогда еще не слышал. «Да

правда ли все это? Не загибает ли Мандельштам? Что-то круто берет он». А тот продолжал:

— Партия в комсомоле своего помощника видит, на него свой курс держит. А Троцкий? На — учащуюся молодежь. Он ее даже барометром партии назвал. Она-де представляет все социальные прослойки, входящие в нашу партию, впитывает их настроения, а по молодости и отзывчивости будто бы склонна придавать этим настроениям активную форму. Это уже не просто лесть, Саша. Это — прямой призыв к учащейся молодежи: активно действовать! Троцкий требует влить эти прослойки как «революционные» в партию, в то время как РКП(б) берет курс на расширение пролетарской, рабочей части своих рядов. Ты о социальном составе студентов в Москве знаешь?

— Знаю. На днях как раз в МК говорили об этом. Рабочие среди студентов-комсомольцев составляют чуть более тридцати восьми процентов. Рабочих-некомсомольцев в вузах почти нет... Шестьдесят процентов вузовских комсомольцев вступили в РКСМ в двадцать первом — двадцать третьем годах — уже в годы нэпа.

— Вот-вот! — перебил его Мандельштам. — Значит, нет у них еще классовой закалки!

— Какая тут классовая закалка! — согласился Косарев. — В постановлении МК по этому поводу прямо записано: «Многие из них вступили в союз для получения командировки в вуз или для того, чтобы пролезть в партию».

— А остальные группы московских студентов из кого состоят, знаешь?

— И об этом в МК говорили. Половину студентов представляют интеллигенты. К тому же среди них много мелкобуржуазной молодежи, выходцев из той среды, которая идейно еще не «приняла» Советскую власть. Есть сведения, что среди них немало и таких, которые лелеют мысль о реставрации капитализма. Многие из них — «лебеди»...

— Кто-кто?!

— «Лебеди». Так Петр Смородин — новый первый секретарь Цекамола величает тех сынков интеллигенции, которые возникли и настойчиво стучались в двери комсомола в пору приемных экзаменов в вузы.

— Теперь прикинь-ка, Косарев, кого Троцкий считает «барометром» партии, на кого «новый курс» держит? Как же вы, комсомольцы, на это реагируете?

— В дискуссию пока Цекамол вмешиваться не рекомендует; дискуссия-то по внутрипартийным вопросам. Ну а комсомольские активисты-коммунисты? Эти в своих ячейках дискутируют...

— Косарев! — Николай Николаевич снова встал и отчеканил: — Помни, Троцкий выбрал очень удачный для себя момент. Ленин лежит больной и непосредственного участия в руководстве партией и государством не принимает. Троцкий объявил борьбу партии. И вам участия в этой борьбе не избежать.

В ЦК РКСМ по вопросу об участии комсомольцев во внутрипартийной дискуссии не сложилось единого мнения. 6 декабря 1923 года бюро Центрального Комитета комсомола решило просить Политбюро ЦК РКП(б) выделить к следующему заседанию докладчика по вопросу об отношении комсомола к внутрипартийной дискуссии.

Через день секретарей ЦК РКСМ Петра Смородина и Василия Васютина и двух представителей Центрального Комитета партии в ЦК РКСМ Ф. Леонова и П. Петровского пригласили к И. В. Сталину.

Встреча была короткой.

— Я ознакомился с решением бюро Цекамола, — произнес Сталин медленно, с расстановкой между словами, тихо и с мягким восточным акцентом. — Думаю, что переносить партийную дискуссию в комсомол нецелесообразно. Не следует троцкистам с их разлагающей молодежь программой предоставлять трибуну на комсомольских собраниях. Подождем — увидим, как события будут развертываться дальше.

Сталин окинул взглядом лица присутствующих цекамольцев и, задержав его на мгновение на Смородине, продолжал, уже отвернувшись в сторону окна:

— Политбюро ЦК партии и Президиум Центральной Контрольной Комиссии приняли резолюцию «О партийном строительстве». За нее голосовал и Троцкий. Это... — Сталин сделал большую паузу, вытряхнул пепел из трубки. Задумался. И как бы доверяя свои сокровенные мысли комсомольским вожакам, заключил: — Это дает некоторую надежду на то, что дискуссию удастся направить на деловые рельсы.

— А нам, комсомолу, как вести себя, товарищ Сталин? — спросил Петр Смородин. — Комсомольцы гу-

дят. Троцкисты уже кое-где вылезли на трибуны наших собраний...

— Я же сказал: нецелесообразно... — отреагировал Сталин с оттенком некоторого неудовольствия в голосе. — Вам рекомендуется подготовить специальные тезисы об очередных задачах комсомола. В них и покажите отношение Союза молодежи к оппозиции. Тезисы вынесите на широкое обсуждение, добейтесь их одобрения местными комсомольскими организациями.

Сталин снова замолчал.

Цекамольцы переглянулись: «Ну, конечно, — тезисы с осуждением оппозиции!.. Как же мы сами до этого не додумались...» А Петр Смородин тем временем продолжал:

— Товарищ Сталин! Тезисы — это здорово! Мы составим их незамедлительно и выразим в них свое неприятие раскольнической тактики троцкистов.

Все присутствующие поддержали Смородина и тут же высказали пожелание, чтобы Сталин изложил эту точку зрения на заседании бюро ЦК РКСМ.

— Хорошо... — ответил Сталин. И, когда все удовлетворенно заулыбались, заключил: — Я подумаю...

10 декабря Сталин позвонил Смородину и, уточнив, состоится ли объявленное на завтра заседание бюро ЦК РКСМ, сказал, что он на нем будет.

11 декабря на бюро обсуждался вопрос «О внутрипартийной дискуссии». Сталин выполнил свое обещание. Более того, на бюро он сделал целый доклад. В нем дал характеристику положения в партии, остановился и на позиции комсомола в сложившейся ситуации. Сталин вновь высказался против обсуждения в комсомольских организациях вопросов внутрипартийной дискуссии.

Во время доклада кто-то не выдержал и перебил докладчика вопросом:

— А проводить отдельные собрания большевиков, работающих в комсомоле, для обсуждения вопросов дискуссии можно?

— Я думаю, что созывать такие собрания тоже нецелесообразно... Союз молодежи — единая организация.

«Доводы Сталина, — вспоминал В. Васютин об этом заседании бюро, — были настолько логичны и убедительны, что ни у кого из присутствовавших не возникло возражений. Предложения Сталина были приняты единогласно. Постановление того бюро ЦК комсомола соответствовало генеральной линии партии».

А комсомольских активистов нельзя было уже призвать к умеренности. Партийная жизнь кругом бурлила вовсю.

СТУДЕНТЫ «ВУЗЯТ»...

В один из дней Сашу Косарева и Сеню Федорова пригласили на партийное собрание в Хлебную биржу. «Мы пришли туда как на обычное собрание, — вспоминал Федоров, — и вдруг началось такое, что мы сначала только изумленно переглядывались, а к концу совсем растерялись.

Один выступающий за другим, а в этот вечер в Хлебной бирже собрались все, кроме Троцкого, лидеры будущей оппозиции бросали страшные обвинения в адрес ЦК партии. Мдивани, например, заявил: что ничто уже не поможет, только хирургический путь, ножом надо резать.

Мы были ошеломлены. Что в партии? Что делать?»

В эту ночь Саша спал плохо: понимал, над партией нависла угроза. Вскоре во Введенском народном доме, где не было вечера, чтоб в его стенах не проходило острых дискуссий с троцкистами, состоялась партийная конференция Бауманского района. Обстановка в зале накалилась с первых же минут. За одних только счетчиков голосов для избрания президиума конференции голосовали... полтора часа. А впереди был еще доклад, прения и выборы нового состава райкома...

Саша уходил с конференции взволнованный: за линию партии на ней было подано только на несколько голосов больше. Тут-то Косарев и увидел воочию троцкистов и отчетливо понял, как опасно положение в партии.

— Готовься, Сеня! — обратился он к хмуро шагавшему рядом Федорову. — Бои предстоят нам и в комсомольской организации жаркие.

11 декабря в Колонном зале Дома союзов вопросы дискуссии обсуждал актив Московской партийной организации. Косарева пригласили на него как секретаря райкома комсомола. Несколько часов он напряженно следил за речами, а в перерыве оказался прибитым к группе споривших активистов.

— Где у нас база для оппортунистического перерождения в духе Второго Интернационала?

Саша приподнялся на цыпочках и увидел в центре группы Михаила Ивановича Калинина.

— Где у нас империализм? — с жаром наступал Калинин. — Где подкуп рабочей аристократии за счет колониальных барышей?.. Вы кругом панику наводите: «бюрократизм», «давление нэпманов, кулачества», «опасность перерождения»! Однако почему, позвольте вас спросить, вы усмотрели главную опасность в перерождении именно нас, старых большевистских кадров? Какие мы для этого дали вам основания, чем провинились? Не тем ли, что под руководством Ленина возглавили Октябрьскую революцию и защиту страны от интервентов? — Голос у Калинина с каждой фразой становился сильнее, а хохолок седеющей бородки задорно вздернулся вверх. — А ну-ка, ответствуйте теперь, чем она надежнее нас застрахована от «перерождения»? Зачем вы ей льстите? Хотите в партии одно поколение с другим столкнуть? Не выйдет! Не тратьте время и энергию попусту. Этот номер у вас не пройдет!.. Вот если бы партия вас послушалась, да на манер меньшевиков допустила бы в своей среде фракции и группировки, вот тогда бы она действительно начала бы перерождаться из революционной в оппортунистическую!..

Калинин выступил и на собрании актива. Вынесенная им резолюция была принята всеми голосами, кроме пяти.

Самым трудным полем борьбы с троцкистами оказались вузы. Комсомольская организация Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана почти целиком оказалась на стороне троцкистов. И если бы только она одна... Бауманский район считался одним из студенческих. Здесь работали семнадцать вузов и техникумов. Нельзя было упустить из-под своего влияния студенческую молодежь.

Домой Саша приходил далеко за полночь, точнее: под утро...

— Ну как? — спрашивал его дворник Никита, сгребавший нападавший за ночь снег.

— Вузят!.. — бросал Косарев устало...

— Чегой-то?..

Но Саша уже поднимался по лестнице в свою «коммуну».

Словечко «вузят» вместо «бузят» последние недели гуляло по Москве. В вузы Косарев бросил основные силы комсомольского актива Бауманского райкома. Сам почти полностью переселился в МВТУ. На помощь ме-

стным партийным и комсомольским кадрам в МВТУ пришли коммунисты из ЦК РКСМ.

Постепенно студенческая молодежь прозревала, отходила от троцкистов. Большая группа студентов-коммунистов из московских вузов выступила в «Правде» с открытым письмом против Троцкого. Вскоре к ним стали присоединяться все новые и новые студенческие коллективы. Многие из студентов по разным причинам не смогли сразу же подписаться под подлинником открытого письма. Теперь о своей позиции они извещали редакцию газеты в персональных заявлениях. Их имена «Правда» опубликовала дополнительно.

Вскоре стало известно, что ЦК РКСМ решил созвать 17 января свой пленум и обсудить на нем участие комсомола во внутрипартийной дискуссии.

28 декабря на закрытом заседании бюро Центрального Комитета комсомола постановило созвать пленум ЦК РКСМ, но не немедленно, на чем настаивали члены бюро Я. Цейтлин и О. Тарханов, а 17 января. Бюро решило также «просить ЦК РКП(б) допустить на Всероссийскую партийную конференцию членов и кандидатов ЦК РКСМ».

Наступил новый, 1924 год.

Накал напряженной борьбы с троцкистами не снижался. Теперь они полезли на трибуны комсомольских собраний. Лесть по адресу учащейся молодежи и демагогия лились из их уст рекой.

Особенно острые схватки с троцкистами вела московская комсомолия в районах, насыщенных вузами, — Бауманском, Хамовническом и Краснопресненском.

В первый день января 1924 года Косарев, получив свежий номер «Правды», по привычке пробежал глазами первую полосу. Его внимание задержалось на заголовке «К вопросу о двух поколениях». Под статьей стояли подписи П. Смородина, В. Васютина, А. Леонтьева, Ф. Леонова, П. Петровского и других — всего девять подписей членов ЦК РКСМ. Прочитал и понял: не статья это, а гневная отповедь цекамольцев Троцкому: «провести грань между молодежью и стариками в нашей партии, — Косарев буквально впился глазами в текст, — это значит сказать, что нашей Коммунистической партии будущее уже не принадлежит, подобно тому, как оно не принадлежит Каутскому, русским меньшевикам... Мы хотели бы рассматривать рабочую демократию, новый курс партии не как замену влияния ста-

рых кадров партии взаимодействием самых различных влияний, но как еще большее по объему и еще более глубокое втягивание всей молодежи под руководящее влияние большевистских кадров партии».

С аналогичным по содержанию письмом в том же номере «Правды» выступили и питерские губкомольцы.

Косарев отложил газету в сторону. «Значит, решился-таки Цекамол на дискуссию», — подумал он, не ведая о событиях, предшествовавших этой публикации. Не предполагал Саша и того, что произойдет в ближайшие дни в главном штабе Союза молодежи.

8 января бюро ЦК РКСМ снова вернулось к проблеме внутрипартийной дискуссии и решило еще раз обратиться в ЦК РКП(б).

«Насколько я помню, — рассказывал Васютин, — в разговоре со Смородиным Сталин пояснил, что ставить этот вопрос на заседании Политбюро он не считает нужным, перенос дискуссии в РКСМ тоже нецелесообразным...

Об этой беседе Смородин информировал членов бюро».

Но вопрос о внутрипартийной дискуссии возник на бюро снова. 15 января члены бюро собрались для обсуждения проекта тезисов об очередных задачах РКСМ. При формировании повестки дня пленума ЦК РКСМ на 17 января секретарь ЦК комсомола Лазарь Файвилович попросил обсудить его предложение о созыве все-таки экстренного пленума. По требованию четырех членов бюро и было решено созвать такое заседание ЦК на 16 января, 10 часов утра.

Почему именно 16 января, 10 часов утра?

На 14 часов того дня намечалось открытие XIII Всероссийской партийной конференции. О том, что настойчивое предложение Файвиловича созвать экстренный пленум было чем-либо связано с открытием партконференции, никто не подумал. Как и условились, Петр Смородин открыл заседание пленума ЦК РКСМ в 10 часов. Тотчас же поднялся Оскар Тарханов и неожиданно внес предложение поручить кому-либо из руководителей ЦК РКСМ выступить на XIII партконференции с критикой оппозиции от имени всего комсомола. Это предложение девятью голосами против шести было отклонено. Про-

тив него голосовали и оба представителя ЦК партии в Цекамоле Леонов и Петровский.

В тот же день в Цекамоле прогремел разряд «грома». В «Правде» появилась статья, тоже под названием «К вопросу о двух поколениях», а подписали ее, как и в новогоднем номере «Правды», тоже девять, но иных членов ЦК РКСМ: А. Безыменский, А. Трейвас, А. Шохин, Л. Файвилович и другие. Они активно поддержали Троцкого.

Смородин метал «молнии».

— Кажется, я совершил большую ошибку, поддержав Петровского и Леонова, — повторял он многократно.

В тот день сторонники Троцкого действовали особенно активно. Они бесплатно вручали «Правду» пассажирам в трамваях, людям, стоявшим в очередях за продуктами. Слух об утреннем заседании экстренного пленума ЦК РКСМ в искаженном виде пополз по Москве.

Косарев недоумевал: «Что же это означает?» Он звонил в ЦК, бегал в МК комсомола, но толкового ответа так и не добился. В ЦК РКСМ, правда, сказали:

— Не мельтеши... Вот вернутся секретари с партконференции — проясним... О том, как развивались события, рассказывал В. Васютин:

«Потом все мы отправились на открытие XIII конференции РКП(б). Во время обеденного перерыва я встретил Емельяна Ярославского и рассказал ему обо всем, что произошло на нашем заседании, выразив опасение, что троцкисты раззвонят об этом как о своей победе. Ярославский ничего не ответил, только просил быть вечером дома и передать об этом Смородину.

Поздно вечером 16 января в гостиницу, где мы жили, позвонили из ЦК партии и пригласили на 22 часа к Сталину.

В приемной уже ожидали Леонов и Петровский. Через несколько минут нас принял Сталин».

— Я случайно узнал о состоявшемся сегодня экстренном пленуме ЦК РКСМ. — Сталин, мягко ступая по ковру, медленно прошелся по кабинету, попыхивая трубкой. — Значит, все-таки пленум состоялся! Экстренный пленум... Товарищ Смородин, расскажите о нем подробнее.

Смородин сообщил, что обсуждалось предложение о выделении представителя ЦК комсомола для выступления на XIII конференции РКП(б) по вопросам партий-

ной дискуссии. Леонов и Петровский выступили против этого предложения по мотивам, что это будет сродни перенесению дискуссии в РКСМ. Большинство членов ЦК комсомола, полагая, что Петровский и Леонов отражают директиву ЦК партии, проголосовали против предложения Тарханова.

— После нашего заседания, — добавил Смородин, — я узнал от Леонова, что ни он, ни Петровский никаких указаний от ЦК РКП(б) не получали, а выражали свое личное мнение. Думаю, что мы совершили большую ошибку, которую надо быстро исправить.

Сталин посмотрел в сторону представителей ЦК партии в комсомоле:

— А вы, товарищи, может быть, до этого беседовали с кем-либо из секретарей ЦК партии?

— Нет, товарищ Сталин, мы ни с кем не встречались и никаких указаний не получали. Да и не могли мы, Иосиф Виссарионович, ни к кому обратиться за указаниями, так как до самого заседания не знали, что будут предлагать члены бюро, потребовавшие созыва экстренного пленума ЦК. Сейчас мы думаем, что Смородин прав, считая принятое решение ошибкой, — откровенно признался Леонов.

Петровский согласно кивнул головой.

— А статью в «Правду» вы тоже без чьего-либо согласия писали? Может быть, по просьбе Бухарина?

— И свое письмо о поколениях, которое «Правда» первого января напечатала, мы тоже ни с кем не согласовывали, — за всех ответил Смородин.

— А о статье Трейваса, Файвиловича и иже с ними вы тоже ничего не знали?

— Нет...

— Черт знает что у Бухарина в редакции творится. Правая рука не знает, что делает левая. В одной газете, да еще в центральном органе партии прямо-таки ристалище комсомольское устроили...

Цекамольцы сидели подавленные: «Обскакали, выходит, нас сегодня сторонники Лео...»

— Ну что же, — резюмировал Сталин. — Раз все присутствующие оценивают сегодняшнее решение пленума ЦК комсомола как ошибку, надо созвать новое заседание пленума.

Сталин сделал большую паузу и мерными ударами трубки о край пепельницы стал выбивать из нее пепел. «Раз, два, три..., — считал про себя Смородин. — Как

гвозди в гроб заколачивает... Пришло же на ум такое дурацкое сравнение».

А Сталин тем временем продолжал:

— Надо созвать пленум. Прямо, без обиняков, сказать товарищам об этой ошибке и исправить ее...

На этом разговор был окончен.

На другой день, 17 января, состоялся намеченный ранее пленум ЦК комсомола. Он обсудил и утвердил тезисы «Об очередных задачах союзного строительства». Открывая пленум, Петр Смородин сделал заявление о том, что члены ЦК, голосовавшие вчера против выделения нашего представителя для выступления на XIII партийной конференции, считают свое голосование ошибкой.

18 января «Правда» опубликовала официальное сообщение об очередном пленуме Цекамола и его резолюцию: «В происходящей дискуссии по вопросам партийного строительства, — говорилось в ней, — всплыл вопрос о двух поколениях в нашей партии, поставленный оппозицией в явно фракционных целях. В этой фракционной борьбе оппозиция заходит так далеко, что прибегает к использованию документов, не характерных для настроения большинства рабочей молодежи... Пленум считает, что та постановка вопроса, которая дана Троцким и всей оппозицией... не отвечает фактическому взаимоотношению «стариков» и «молодых» в коммунистическом движении... объективно может привести только к одному: к восстановлению молодого поколения... не прошедшего в полной мере революционно-марксистской школы Ленина, против руководящего влияния большевистского костяка нашей партии».

Это решение стало сильным оружием в борьбе молодых революционеров с оппозицией. Комсомольские активисты двинулись в молодежные аудитории бороться за линию ЦК партии, за решение январского пленума ЦК РКСМ.

НАСТУПАЛО ВРЕМЯ КРУТЫХ ПЕРЕМЕН

...Накануне Косарев был в губернии. Сойдя с поезда на перрон Николаевского вокзала, Саша без промедления вышел на Каланчевскую площадь. У крыльца бывшего «Царского павильона» рабочие спускали с крыши длинное до земли красно-черное полотнище.

— Что случилось?..

Ответ сразил Косарева:

— Ленин помер!

Лицо Александра стало серым. «Скорей, скорей в райком...» Он не шел — стремглав бежал по московским улицам и переулкам, а в голове мелькали воспоминания, одно дороже другого. Сильные душевные переживания глубоко врезаются в человеческую память и оживают при других, нередко более значимых, обстоятельствах. Вот и сейчас встречи с Лениным, одна за другой, возникали в памяти юноши.

...С весны 1918 года, когда Советское правительство переехало из Петрограда в Москву, активист Союза рабочей молодежи Саша Косарев шел на всевозможные ухищрения, только бы еще и еще раз увидеть Ленина.

Сейчас вспомнил он, как в июне 1918 года приятель из Симоновского подрайона сообщил доверительно: «В полдень на заводе АМО Ленин будет...» Кузовной цех, куда сразу по приезде на АМО направился Ленин, тогда только достраивался, был в лесах. От свежей щепы, от сосновой рощи на цех накатывали острые, пьянящие запахи. По зыбкому настилу-времянке Ленин проворно поднялся на второй этаж. С невысокой трибуны, сбитой из досок, Ильич внимательно взглянул на людей; Косареву показалось, что и на него. Ленин, не мешкая, начал речь о тяжелом переходе от разрухи, вызванной войной, на дорогу социализма.

Это была вторая встреча Косарева с вождем революции. Саша на всю жизнь запомнил его слова:

— Без труда, без затраты огромной энергии мы не сможем выйти на дороги социализма.

Потом Косарев слушал Ленина на заводе «Динамо» — седьмого ноября двадцать первого года. Рабочие привели в порядок помещение цеха малых моторов, поставили скамейки, иллюминировали по возможности «зал», а над трибуной на железной ферме прикрепили портрет Карла Маркса.

— Можете ли вы помочь электрифицировать деревню?

Этот с ходу брошенный вопрос прояснил многое. Начиналась новая, столь желанная пора в жизни молодой Республики Советов — хозяйственное строительство...

В тот траурный день Саша собрал пленум райкома комсомола. А потом все активисты пошли на фабрики и заводы — повсеместно проходили траурные митинги, посвященные памяти вождя. Косарев — в Дом научных работников.

Заседание научных работников открыл ветеран партии С. И. Мицкевич. Собравшиеся в зале сидели в скорбном молчании, угрюмые, некоторые беззвучно плакали. Тихо, почти вполголоса, исполнили похоронный марш: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Мицкевич предоставил слово наркому просвещения А. В. Луначарскому.

Луначарский начал тихо, без пафоса, почти по-домашнему:

— Отошедший от нас человек был велик во всех проявлениях своей личности. Мы поражались исполинским силам этого ума, который проявлялся не только в больших произведениях или больших актах замечательной, полной мирового значения жизни, он проявлялся постоянно в процессе повседневной работы, при разрешении каждой проблемы, которую жизнь ставила перед ним.

Владимиру Ильичу присуща была какая-то небывалая духовная грация, доброта великана, которой он был преисполнен, которой он дышал.

Луначарский вдруг замолчал. Снял пенсне и долго протирал их белоснежным платком.

— Несмотря на черты, которые я указал, — продолжал Анатолий Васильевич дрогнувшим голосом, — на его ласковость и прекрасные товарищеские чувства к близким, он был недобродушен. В социальном смысле слова он был бестрепетным хирургом, и маленьким добрячкам-обывателям могло даже казаться, что Ленин жестокий, сухой, величавый геометр, зодчий, который не считается с тем, что строить ему приходится большое здание. Он брал все в необычайно крупных размерах и жил в атмосфере вопросов необычайно крупных масштабов, как другие живут в семейной обстановке.

Луначарский обвел взглядом зал, повернулся в сторону президиума собрания:

— Здесь в зале я вижу людей, которые не меньше моего знали Владимира Ильича. То, что я скажу, не может быть не чем иным, как импровизацией. Как ученый, Владимир Ильич был необычайно объективен и холоден, неподкупен. Чувство никогда не толкало его к приятным, но ложным выводам. Он был настоящим исследователем. Для него, конечно, наука не была самоцелью. Она определялась, в конечном счете, практической задачей, тем сильнее, чем практические задачи были рискованнее. Его работы создавали впечатление непередавае-

мого блеска. При чтении их испытываешь какое-то внутреннее волнение, такая в них ясность, простота и чистота мысли. Таково же было и его ораторское искусство. Всякая его речь была не чем иным, как политическим актом. Он говорил тогда, когда нужно было, с неизменной содержательностью, внутренним убеждением, гипнотической силой. Голос его, преисполненный волевого нажима, и жесты — все это совершенно зачаровывало слушателей, и можно было слушать его сколько угодно, затаив дыхание, а когда гремели бесконечные, поистине благодарные аплодисменты, то всякий испытывал глубокое сожаление, почему он перестал говорить — такое колоссальное наслаждение доставляла возможность следить за мыслями учителя.

Луначарский замолчал. Казалось, он закончил свое выступление, и Мицкевич хотел уже предоставить слово следующему оратору, но Анатолий Васильевич, будто бы вспомнив еще что-то очень важное и сокровенное, продолжил:

— Если вы спросите, были ли отрицательные черты во Владимире Ильиче? Не знаю, не вспомню, не могу найти от края до края этого, в политике, в товарищеской жизни, личной, в теории... Не знаю, не могу вспомнить ни одного случая, ни одной черты отметить, которую можно было бы назвать отрицательной. Положительный тип с головы до ног, чудо, как человек, и вместе с тем такой живой, такой живой, что и сейчас, когда он лежит в Колонном зале Дома союзов и когда около него проходит целый народ, пораженный горем, он все-таки самый живой из всех, кто сейчас здесь живет и дышит и в этом городе, и в этой стране.

Этими словами Луначарский закончил свою речь. После него выступал М. Н. Покровский, потом еще кто-то.

Косарев слушал их речи, но в голове по-прежнему звучали только что сказанные Луначарским слова: «он все-таки самый живой из всех, кто сейчас живет и дышит в этом городе и в этой стране...» Саша сидел в оцепенении, бесконечно и непроизвольно повторяя эту фразу: «самый живой из всех, кто сейчас живет... самый живой...» — словно боялся, что она забудется, а с ее исчезновением из сознания уйдет что-то очень важное, ради чего он, собственно, и пришел в этот зал. Косарева поразила не образность слов. Вся только что произнесенная Луначарским речь была как бы сплетена из сильных оборотов блестящего оратора, потрясенного фактом смер-

ти величайшего из людей. Но именно в этой фразе была заложена органическая созвучность мысли Луначарского с его, косаревским, настроением. Хотелось восстать против самой мысли о смерти Ленина. Протестовать. Но Ленина уже нет. Ленин умер... Луначарский помог ему найти нужную формулу: «Ленин жив, Ленин будет жить в наших делах, освященных его великим гением, и мы будем не покладая рук трудиться над выполнением его заветов».

Смерть великого Ленина потрясла миллионы сердец. Вся страна оделась в глубокий траур. Огромное безграничное горе накрыло ее широкие просторы.

Дни прощания с Лениным длились как тяжелый сон. Косарев с колонной бауманцев восемь часов подряд шел к гробу Ленина по московским улицам. На всю жизнь запомнил он часы движения этой огромной вереницы людей до мельчайших деталей: сотни дневных костров в дымчатой мгле московских улиц, клубы морозного пара над толпой при входе в Дом союзов.

Высокий светлый лоб лежащего в гробу посреди огромного Колонного зала, уставленного темно-зелеными пальмами; скорбная, словно окаменевшая фигура Надежды Константиновны Крупской, застывшие воины почетного караула, сдержанная тишина — и вдруг чей-то громкий вскрик и плач... Надрывные гудки, словно навсегда повисшие в воздухе над деревянным сооружением Мавзолея.

Ленина больше нет.

Только сейчас Косарев понял, что Ленин как-то незаметно, будто ненароком, вошел в его жизнь и наполнил ее высшим духовным содержанием, а ленинский завет: в учебе, труде и борьбе «действовать так, как того действительно коммунизм требует» озарил его долгий комсомольский путь.

Сотни, тысячи рабочих в эти скорбные дни приносили свои заявления в партийные ячейки. Они сами выдвинули лозунги: «В партию, с партией и за партию!», «Кто крепче — в ряды РКП(б)». Учитывая размах этого движения, ЦК РКП(б) объявил ленинский призыв рабочих от станка в партию.

Вступила в ее ряды и мать Косарева — Александра Александровна.

В нашей семье можно партгруппу создавать, радовался Саша. И действительно, вскоре два брата — Матвей и Михаил — и старшая сестра Нина тоже стали коммунистами.

Движение, развернувшееся среди взрослых рабочих, произвело большое впечатление на пролетарскую молодежь. Она сплачивалась вокруг РКСМ, а Российский Коммунистический Союз Молодежи — вокруг партии Ленина. Пятьсот комсомольцев — юношей и девушек от станка — передала Бауманская районная организация столицы в первые дни ленинского призыва в ряды РКП (б).

В «Обращении к Центральному Комитету Российской Коммунистической партии — продолжателю дела Ленина», принятом на экстренном пленуме ЦК РКСМ 22 января 1924 года, комсомол дал клятву верности делу ленинизма.

26 января Косареву дали гостевой билет на II съезд Советов СССР. Страна продолжала прощаться с Лениным. И первое заседание съезда было посвящено ему. Выступали М. И. Калинин, Н. К. Крупская, И. В. Сталин, К. Цеткин, рабочий с «Красного путиловца» Сергеев и беспартийный крестьянин Краюшкин. В тот день выступил и Петр Смородин. От имени комсомольцев страны он дал обет быть верными заветам Ильича. В зале звучал зычный голос первого секретаря ЦК комсомола, а Косарев, охваченный сильным душевным порывом, про себя повторял его речь: «Мы, молодежь, не успели еще перенять опыт и мысли, которые Ильич передавал старой гвардии. Но мы готовы пожертвовать своей жизнью за то великое дело, к которому вел рабочий класс Владимир Ильич.

Мы думаем, что теперь, когда нет с нами вождя, осталась его наследница, его партия. И мы сумеем на деле доказать, что из наших рядов, под руководством закаленной, старой, мудрой большевистской гвардии, закаленной в боях Российской Коммунистической партии выкуем и закалим сотни тысяч борцов-ленинцев. Они уверенно пойдут навстречу грядущим битвам и будут вершить великое дело Ленина».

Смерть Ленина побудила Косарева, как и тысячи других комсомольских активистов к глубоким раздумьям, что же надо сделать ему, товарищам по союзу, чтобы не на словах, а на деле стать большевиком-ленинцем, проникнуться единой волей и твердой решимостью научиться по-ленински жить, работать и бороться, вести за собой трудящуюся молодежь города и деревни.

Анализируя работу райкома, Саша видел, что достигнуты, пусть небольшие, но и заметные успехи в идеологическом воспитании молодежи.

Взять хотя бы Бауманский район, прошедшая дискуссия показала, как мучительно и долго разбиралась молодежь в существе разногласий Троцкого с партией, а добравшись до сути, вяло реагировала на активные еще выступления троцкистских подголосков.

Своими раздумьями комсомольские работники делились со старшими товарищами — партийными работниками, писали в «Правду», использовали трибуну комсомольского журнала «Юный коммунист», газеты «Юношеская правда». Реагируя на их выступления, ЦК вынес резолюцию январского пленума «О положении и очередных задачах РКСМ» на обсуждение комсомольцев. Оно выросло в союзную дискуссию. Повсеместно комсомольцы выражали чувства преданности ленинизму, клеймили троцкистов как мелкобуржуазных отступников. Эта дискуссия показала, как окрепли большевистские настроения среди молодежи.

В то время часто возникали споры о самом комсомоле. Чаще всего о том, чем является союз молодежи: резервом партии или ее инструментом. И немудрено. В те годы оттачивались и проверялись на практике принципы Коммунистической партии и комсомола.

Подсаживаясь в круг активистов-бауманцев, Косарев вступал в их спор:

— Комсомол — это резерв партии, — убежденно говорил Сеня Федоров, заядлый спорщик по «теоретическим» проблемам комсомола.

— Маловато ты, Сеня, отвел комсомолу места — «резерв», — перебивал его Коля Кормилицин. — Комсомол — это инструмент партии, а не только ее резерв.

В спор вступал горячий полемист Косарев. И что тут начиналось. Не спор, а целая битва:

— Резерв!

— Нет, инструмент!

— Нет, резерв...

В те времена споры такого порядка часто рассеивались только с помощью партии. И в этом случае тоже. Мудрое слово Центрального Комитета помогло и тогда предотвратить дискуссионную лихорадку. 3 апреля 1924 года ЦК РКП(б) провел представительное всероссийское совещание о работе среди молодежи. В нем приняли участие 12 членов ЦК (половину из которых составляли члены Политбюро ЦК РКП(б), а также работники ЦК РКСМ, представители от десяти губернских комсомольских организаций. На нем с короткой речью «О противоречиях в

комсомоле» выступил Сталин. Однако в его речи акцент был сделан не на организационную самостоятельность, не на самодеятельный характер работы и существа комсомола, а на некую служебную для партии роль РКСМ. В представлении Сталина комсомол — «подсобное орудие партии». И этот первый, никем в ту пору не замеченный шаг к насаждению командной терминологии был сделан два месяца спустя после смерти Ленина. Казарменный, императивный подход Сталина проявился и в определении характера отношения РКСМ к молодежи: комсомол, внушал Сталин, «инструмент в руках партии, подчиняющий своему влиянию массы молодежи».

Споры после этого совещания прекратились. Но уходили с него некоторые цекамольцы в недоумении, вызванном не этими словами Сталина, а по другому поводу:

— Я прежде всего должен сказать кое-что о той позиции, которую ЦК молодежи занял в вопросе о партийной дискуссии. — Цекамольцы насторожились. А Сталин, не глядя на них, резюмировал: — Ошибкой было то, что ЦК РКСМ продолжал упорно молчать после того, как места уже высказались. Но было бы неправильно объяснять молчание ЦК союза нейтральностью. Просто переосторожничали.

Петр Смородин сидел ошеломленный: «Кто же из нас, товарищ Сталин, переосторожничал?..» И постепенно он начал понимать, почему последние недели генсек перестал звонить ему. Вспомнились все короткие встречи и продолжительные беседы об участии комсомола во внутрипартийной дискуссии, а также неоднократно повторенная Сталиным фраза: «Я же сказал — нецелесообразно...» Всплыли они в памяти отчетливо, до мельчайших подробностей. Петр хотел сразу же после совещания подойти к Сталину, спросить пояснения, но, вспомнив ту январскую вечернюю (почти ночную) встречу с генсеком, его мерное поколачивание трубкой о край пепельницы, свой подсчет ее ударов «раз, два, три...» и нелепые размышления по этому поводу, остановился. Лихой комиссар гражданской войны вдруг впервые в жизни почувствовал, что ему стало не по себе... «Как же вы так легко, товарищ Сталин, сняли с себя ответственность за тогдашнее наше «молчание» и запросто, будто ненароком, переложили ее на плечи комсомольцев. «Переосторожничали»? Да, мы же в бой рвались!..» И тут Петр почувствовал, что работать ему в Цекамоле осталось совсем недолго.

Вскоре итоги совещания в ЦК РКП (б) обсудил комсомольский актив Москвы. Докладывал секретарь Центрального Комитета партии Андреев. Вопреки обыкновению, Петра Смородина на этом, столь ответственном, собрании не было.

В конце заседания кто-то из активистов задал Андрееву вопрос: «К кому во время дискуссии с Троцким примыкал Смородин?»

Андреев, с оттенком сочувствия Петру, ответил:

— Товарищ Смородин держался как будто нейтрально. Кое-когда это ему удавалось, кое-когда нет...

В зале отчетливо и настоятельно прозвучал новый вопрос:

— Где Смородин, что произошло с ним?

— «Что произошло с товарищем Смородиным, что будет с ним?» — отвечу кратко. Товарищ Смородин оставлен в составе секретариата ЦК и продолжает работать. Он уехал в отпуск, который ему предоставлен ЦК и по его просьбе. Может быть, товарищи заподозрят, что это — «дипломатический отпуск» и т. д. Пусть подозревают... Я откровенно сказал, что товарищ Смородин в своей работе дошел «до чертиков», до «последней черты»; с товарищем Смородиным было несколько нервных припадков, и он должен был уйти, чтобы его партия не потеряла окончательно.

Косарев уходил с актива обескураженным: «Смородин — «дошел до ручки», до «нервных припадков»!» Нет, это объяснение явно противоречило косаревскому представлению о недюжинной силе и выдержке Петра. «А может, сказывается контузия и черепное ранение? Вот она, гражданская-то, когда начала отзываться...» Саша искал оправдание столь неожиданному уходу Петра. Искал и не находил. Или это было отстранение от работы? «Неужто роль первого секретаря ЦК — так непомерно тяжела, что даже такого богатыря сломила?»

В дни внутрипартийной дискуссии Косарев проходил новый курс политического воспитания. Заседания бюро райкома партии, партактивы стали ареной острых боев с троцкистами.

II и III райпартконференции. Прекрасные ораторы партии поднимались на их трибуны: В. В. Куйбышев, Я. Э. Рудзутак, а их оппонентами были Е. А. Преображенский, М. П. Томский, К. Б. Радек. Никого из них не ограничивали регламентом. Всем дали выступить. Это были

подлинные баталии: за подходящим словом ораторы «в карман не лезли» — речи остроумные, подчас резкие.

На обеих партконференциях Косарев успешно выступил с докладами о работе Союза молодежи, об усилении партийного руководства комсомолом. Его ответы на вопросы делегатов и заключения по докладам были уверенными и четкими, свидетельствовали о том, что Саша успешно приобретал навыки ведения партийной полемики.

На III райпартконференции среди вопросов, заданных Косареву, был и такой: «Чем вы объясните, что среди делегатов очень много комсомольцев?»

В зале возникло оживление.

— Ваша заслуга в этом, товарищи! — ответил Саша, обводя зал взглядом, улыбаясь и довольно потирая руки. — Партийная организация района, коммунисты во время дискуссии с троцкистами стали больше уделять внимания комсомольским ячейкам — конкретнее руководить ими. — Саша сделал небольшую паузу и, подняв над головой присланную ему записку, продолжил: — А вопрос этот я бы подправил малость. Это не комсомольцев много участвует в работе конференции, а активных коммунистов стало больше работать в РКСМ. Ленинский призыв в партию увеличил пролетарское партийное ядро в комсомоле.

И вот Косарев на XIII съезде партии. Коммунисты-бауманцы оказали Саше высокое доверие — избрали делегатом съезда. В большой повестке дня был вопрос и «О работе среди молодежи». Для подготовки решения была образована даже специальная комиссия, в которую вошли видные деятели партии: К. Е. Ворошилов, Н. К. Крупская, А. И. Микоян, Е. М. Ярославский, а также и комсомольские работники. Среди них и А. Косарев — всего 61 делегат. Саша внимательно выслушивал поправки членов комиссии к проекту резолюции «О молодежи», которые вносили секретарь Закавказского краевого комитета комсомола Николай Чаплин, секретарь ЦК КСМ Украины Александр Мильчаков и другие. Временами сам вносил предложения. Небольшие, но дельные. Съезд признал необходимым наладить систематическое изучение молодежью истории партии, ее программы, тактики и организационных принципов.

Это был первый съезд партии без Ленина. В кулуарах таинственным шепотом передавали: «Ленина нет, но есть его политическое завещание...»

Перед последними заседаниями М. И. Калинин — один из членов комиссии по приему бумаг В. И. Ленина, за-

читал московской делегации ленинское «Письмо к съезду», написанное в конце 1922-го — начале 1923 года, то есть задолго до внутрипартийной дискуссии, навязанной партии Троцким.

Как объявили делегатам, письмо передала Н. К. Крупская после смерти Ленина. В протоколе о передаче документа она записала: «Владимир Ильич выражал твердое желание, чтобы эта его запись после смерти была доведена до сведения очередного партийного съезда».

В «Письме к съезду» Ленин проявил величайшую заботу об укреплении единства партии, создании устойчивого ЦК, способного предотвратить раскол партии. В этих целях он предложил увеличить состав ЦК и довести число его членов до 50—100 человек.

Ленин дал характеристику некоторым членам партии. Он указал не небольшевизм Троцкого, напоминал о штрейкбрехерском поведении Зиновьева и Каменева в октябре 1917 года. В письме была дана критика недостатков Сталина.

М. И. Калинин читал текст ровным голосом, казалось, даже нарочито спокойно, почти флегматично.

«Товарищ Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как показала уже его борьба против ЦК.., отличается не только выдающимися способностями. Лично, он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно» [1].

Наступила долгая пауза. Все молчали. Молчал и Калинин. Потом он, как бы над чем-то размышляя, сообщил москвичам, что ознакомление с текстом ленинского завещания (слово «завещание» он произнес громче обычного, с нажимом) сейчас происходит всеми делегациями.

— Да-с... Завещание...

«Сталин слишком груб», — произнес он. И делегаты не сразу поняли: читает ли Каменев ленинский текст или это его собственные слова? Видимо, и до Михаила Ивано-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 345.

вича дошло, что получилась двусмыслица и следует дать пояснение.

— Товарищи, у Ленина есть дополнение к зачитанной мною части «Письма к съезду». Я продолжаю чтение:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех отношениях отличается от товарища Сталина только одним перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношениях Сталина и Троцкого, это не мелочь, или такая мелочь, которая может получить решающее значение»[2].

Письмо потрясло Косарева. По-новому взглянул он на только что прошедшую внутрипартийную дискуссию. Ленин еще шире раскрыл ему глаза на личину Троцкого, указал на неведомые доселе черты характера и личности Сталина, дал политическую оценку другим работникам партии. Факт присутствия при чтении ленинского письма, имевшего сугубо закрытый характер, не просто поднял его в собственных глазах (хотя, конечно, и это было). И, наверное, в эти напряженные минуты Косарев размышлял над тем, а что бы Ленин написал о Троцком, если бы знал о дискуссии в партии в 1923 году? Изменил ли бы он свое завещание? Пожалуй, нет... А слова о Троцком, оценку его деятельности, политической платформы осудил бы со всей свойственной ему принципиальностью, прямотой и резкостью.

Ознакомившись с письмом, делегаты съезда приняли во внимание заслуги Сталина, его непримиримую борьбу с троцкизмом, обещание учесть критику и сочли возможным оставить его на посту генерального секретаря. Размышляя над этим обстоятельством, Косарев, конечно же, понимал, что он со всеми делегатами съезда, а вместе с тем и сам лично как бы принял на себя огромное бремя ответственности. А дальнейшее будущее было непредсказуемо.

Наступало время крутых перемен.

Под знаком XIII съезда партии проходил в июле

---

[2] Там же, с. 346.

1924 года VI съезд комсомола. На первом торжественном заседании съезд постановил присвоить комсомолу имя Владимира Ильича Ленина и переименовать РКСМ в Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодежи — РЛКСМ!

Повестка дня съезда была обширной. Косарев внимательно выслушивал отчет ЦК и доклады об основных задачах комсомола, о политическом воспитании и ленинизме, о перспективах юношеского труда и задачах экономической работы РЛКСМ, о работе в деревне и другие.

Съезд проводил Петра Смородина на учебу в комвуз. Косареву жалко было расставаться со своим руководителем и наставником в комсомоле, замечательным вожаком молодежи. На Смородина выпала доля быть у союзного руля в самые трудные, первые годы нэпа. На посту первого секретаря ЦК РЛКСМ Петра Смородина сменил Николай Чаплин.

«БЕЗГРАМОТНЫЙ ЧЕЛОВЕК СТОИТ ВНЕ ПОЛИТИКИ...»

Осенью 1924 года Троцкий навязал партии новую дискуссию. Толчком к ней послужила его статья «Уроки Октября». Под таким названием, сквозь которое явно проступала большая претензия Троцкого на роль учителя, он напечатал ее и в едином сборнике, в котором собрал все свои старые статьи о 1917 годе. Теперь эта книга бросала свет на его прошлогоднюю попытку опорочить старую большевистскую гвардию. Нагло, безудержно бахвалясь, Троцкий пытался изобразить дело так, что будто бы не он летом 1917 года пришел к большевикам с группой «межрайонцев» и этим признал ошибочность своих меньшевистских взглядов, а Ленин перешел на его позиции. Это была не просто гнусная, прикрытая словесными вывертами ложь. Она преследовала определенную цель: подменить ленинизм троцкизмом, ленинскую теорию социалистической революции «теорией перманентной революции» Троцкого.

Весь враждебный Советам мир заулюлюкал.

Буржуазия, оппортунисты из лагеря социал-демократии, ренегаты всех сортов и оттенков восторженно приветствовали новое выступление Троцкого. Отщепенец Суварин, изгнанный из рядов Французской компартии и Коминтерна, прочил кризис партии большевиков. Немецкие социал-демократы размножали «Уроки Октября» и прода-

вали их в своей стране по льготной цене, а в Москве Косарев, пробегая мимо Сухаревки, видел, как спекулянты, наоборот, втридорога продавали эту книжонку воспрянувшим нэпманам.

Саша мучительно размышлял: «Почти год прошел, как все коммунисты, а вместе с ними и комсомольцы изучали историю партии. Да, видимо, что-то не усвоили комсомольцы из истории борьбы с Троцким. Иначе с чего бы некоторые из них тоже потянулись к книжонке?»

Новая дискуссия с Троцким развернулась в печати и на собраниях. В «Правде» и в созданном после смерти Ленина теоретико-политическом двухнедельнике «Большевик» появились статьи по политической учебе комсомольцев.

В этой дискуссии с троцкистами комсомольцы учились новым приемам политической борьбы.

Ночи напролет проводил Косарев над томиками произведений В. И. Ленина, теоретическими статьями в «Правде» и партийных журналах. Именно в то время, заполняя «Анкету активного работника РЛКСМ», на вопрос: «Есть ли желание учиться?» — Косарев ответил: «Очень хотелось бы заниматься в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова».

Желание Косарева совпадало с мнением Бауманского райкома партии, который принял 1 июля 1924 года решение: «Просить Московский комитет направить товарища Косарева в университет как вполне выдержанного товарища, доказавшего это на долгой практической партработе. Райком партии считает, что товарищу Косареву для дальнейшей работы необходимо пополнить теоретические знания».

Ожидание решения не отвлекло Косарева от круговерти повседневных дел.

В дискуссии с троцкистами комсомол поднялся на новую ступень политической борьбы. Свои мысли и чувства о новом выступлении Троцкого московские и ленинградские комсомольцы, работники ЦК РЛКСМ выразили в письме «Комсомол и Октябрь»:

«Мы привыкли считать основой всех основ для каждого большевика уважение и преданность к партии как к целому, как к боевому коллективу. Ленин, имя которого с гордостью носит наш союз, и партия сливаются для нас воедино... *По-ленински* понять всю нашу партийную историю, и в частности, ее октябрьские страницы, — говори-

лось в письме, — вот наша задача. Но ни прежние выступления Троцкого, ни его новая книга не могут служить нам проводником на этом пути».

Поход за знаниями, в который вступил комсомол с ленинским лозунгом «учиться коммунизму», дал к 1924 году хотя и хорошие, но только первые успехи. Даже в Москве оставалось много молодых людей, которые в руки не брали политических книг. Косарев поручил активистам райкома сделать анализ общей и политической подготовки молодежи Бауманского района. Ответ оказался неутешительным. Из трех тысяч комсомольцев и десяти тысяч беспартийной молодежи, занятой на предприятиях и в учреждениях района, образование повышали только 730 человек. Проблема ликвидации общей и политической неграмотности молодежи, да еще в обстановке идейной борьбы с троцкизмом становилась самой злободневной. Вот когда Косарев особенно остро и рельефно осознал всю глубину и значимость ленинских слов: «Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика». Саше становилось не по себе, когда он доходил до следующей фразы Ильича: «...недоучившимся у нас нет места. Тогда, когда будет коммунизм, тогда ученье будет мягче. Теперь же я говорю, что ученье не может не быть суровым — под страхом гибели».

Круто, очень круто и остро ставил вопрос Владимир Ильич. «Когда же придет ответ из «Свердловки»?» Но дни летели, а ответа не было.

Теперь изнурительные ночные бдения над книгой стали для Косарева явлением повседневным. «Пока суд да дело, — решил он, — надо самому ликвидировать политическую и общую неграмотность, тут для работы над собой конца края нет!» Именно к этому времени относятся воспоминания современников Косарева: «Он много и настойчиво, упорно читал, стараясь этим восполнить нехватку образования. Обладая цепкой памятью, он очень любил поделиться впечатлениями от прочитанного, поспорить». «Он и рос намного быстрее нас, — рассказывал о Косареве работник Бауманского райкома комсомола Семен Федоров. — Тогда мы не очень вдавались в анализ, почему у Саши всегда можно было узнать то, о чем никто не имеет представления. Но сейчас, спустя полвека, просто поражаюсь, откуда у Косарева было все это — широта взглядов, интересов и знаний.

Вроде и жил у всех на виду, так же мотался по предприятиям, по собраниям. В комнате райкома, где он работал, кабинетов-то как таковых тогда не было, вечно толкался народ, сидели и на столах, и на полу, дымили, обсуждали новости. Правда, иногда Сашка исчезал куда-то на целый день, так, что его никто не видел, а вечером, лежа на койках, мы слушали его рассуждения о том, что он успел прочитать. Это была или работа Ленина, или брошюра по истории партии, которые в это время начали выходить.

Но, думаю, Косарева все-таки сама природа наделила не только любознательностью, но и особой способностью все схватывать на лету, легко усваивать даже понятия, чрезвычайно далекие от его образа жизни». Несколько лет спустя Косарев приступит к изучению математики и химии, а преподавал ему тогда их комсомольский активист, будущий профессор А. Г. Кульман. «Необычайно одаренный был человек, — скажет он о Косареве, — во всем талантливый!»

В Бауманском райкоме комсомола Саша привлек многочисленный вузовский актив, чтобы наладить дело политического просвещения молодежи района. Руководителями организованных политшкол стали учителя-добровольцы, студенты-комсомольцы и молодые преподаватели медицинского и индустриально-педагогического института имени Карла Либкнехта. Райком же настойчиво «пробивал» в фабзавкомах и у директоров предприятий помещения для таких школ. Через год в районе насчитывалось тридцать восемь школ, а в них постоянно работало 300—400 учителей и руководителей. Это были энтузиасты общественники. За свои труды они не получали никакого вознаграждения, кроме благодарности учеников.

Именно в то время у комсомольцев впервые зародилась идея проведения среди учащихся общественно-политической практики. Преподавание общеобразовательных дисциплин теперь увязывалось с задачей ликвидации политической неграмотности учащихся, вовлечения их в общественную жизнь. А бауманцы нашли для этого несложный, но по тем временам эффективный путь: при изучении литературы и русского языка учителя помогали учащимся написать статью в стенгазету, а в старших классах — политический доклад. На занятиях по устной речи вырабатывалось уменье вести собрание, участвовать в прениях, кратко формулировать вопросы и предложения. Такой пешаблонный подход к занятиям нравился и пре-

подавателям и ученикам. Косарев, довольный, ходил по райкому: «На этом участке, кажется, дело двинулось...»

Создали в районе и сеть краткосрочных кружков политграмоты. Более 500 комсомольцев занималось в них. Потом взялись за создание кружков с более сложной программой — повышенного типа. Их посещала тысяча комсомольцев. Не забыли и студенческую молодежь. В вузах и техникумах района создали кружки по истории партии (в вузовских учебных планах в то время такой дисциплины не было), по изучению текущего момента и другие.

Четко определил Косарев свою позицию к учебе комсомольцев, приняв на бюро райкома решение: освободить три дня в неделю — субботу, воскресенье и понедельник — от всяких собраний для учебы.

Окрепла, выросла Бауманская районная комсомольская организация столицы. Летом 1924 года она насчитывала немногим более пяти с половиной тысяч членов. Среди них рабочие составляли всего 58 процентов. А через полгода организация выросла на три с половиной тысячи комсомольцев. Рабочие парни и девчата составляли в ней почти 63 процента. Нездоровые явления среди молодежи, имевшие место в период дискуссии с троцкистами, в основном были изжиты. А дел у Косарева не убывало. Много сил и энергии отдавал он экономическо-правовой работе.

Трудными были времена. Безработица сохранялась. За полгода райком устроил на производство и в учреждения 600 безработных юношей и девушек. Это была настоящая победа! Но оставалось еще 200 безработных ребят. И комсомольцы не успокоились, пока не трудоустроили каждого из них. Обследовали условия труда рабочих-подростков на 63 предприятиях и 600 мелких частных кустарных мастерских. «Мы увидели, — делился Косарев своими наблюдениями на районной партийной конференции, — что 12-летние ребята работали по 12—14 часов. Эти подростки получали мизерное жалованье, жили у своего хозяина, спали в летнее время где-нибудь на сеновале, кормили их плохо». Дорого обошелся нарушителям такой «обход» закона.

Молодежь района все больше убеждалась в том, что райком — выразитель и защитник ее интересов. Авторитет комсомола укреплялся. На заводе электроламп райкомовцы помогли улучшить работу касс взаимопомощи. Рабочих завода «Радио» призвали взять шефство над до-

мами беспризорного ребенка. На одном из заседаний бюро Косарев заслушал доклад дирекции об организации ученичества на Измайловской вязально-трикотажной фабрике. В результате здесь была открыта школа ФЗУ. Много вопросов из жизни и быта молодых рабочих райком рассмотрел совместно с комсомольскими ячейками фабрик «Революционная волна», имени Н. Баумана, 5-й типографии.

Это была большая и конкретная работа, а Косарев продолжал настойчиво искать новое поле деятельности. Комсомольцы вместе с представителями органов здравоохранения обследовали состояние здоровья всех молодых рабочих и комсомольских активистов в возрасте до 18 лет. И оказалось: почти половина — больны, многие туберкулезом, другими серьезными заболеваниями. На здоровье сказывались последствия войны, голод, жизнь в неотапливаемых помещениях, нехватка одежды и обуви. Райком комсомола добился, чтобы только в 1924 году профсоюзы направили 510 подростков в дома отдыха, 62 — в санатории и на курорты. Комсомольцы усилили и санитарно-просветительную работу. Медики чаще стали выступать в молодежной аудитории с лекциями о малярии, скарлатине, венерических заболеваниях, о гигиене труда и отдыха.

Обо всем этом Косарев обстоятельно докладывал на бюро, пленумах и районных партийных конференциях. Коммунисты района всегда поддерживали молодого вожака комсомола Косарева, которому до всего-то было дело, и по любому вопросу имевшему собственное мнение.

В условиях гражданской войны, когда Советская Республика стала «вооруженным лагерем», возможности широкого распространения чуждой идеологии были известным образом ограничены. Иная ситуация сложилась после перехода страны к нэпу. Ожившие антипролетарские силы развернули идеологическое наступление и на культурном фронте. Частник пытался издавать произведения реакционных писателей, легкое чтиво. Косарев и в этом не мог остаться равнодушным, в стороне.

— Много ли мы видим хороших книг? — говорил он, выступая перед коммунистами района. — Видим только первые попытки создания таких книг. К тому же стоят так дорого, что недоступны рабочей молодежи, а между тем частный рынок преподносит молодежи «мусорные» книжонки. И стоят они дешево. Товарищи! Частный книжный рынок перещеголял Госиздат! Это же позор!

Не забывал Саша и про пионеров. На всю Москву прогремел тогда праздник трех поколений — участников революционного большевистского подполья и Октябрьских боев, современных комсомольцев и пионеров. На импровизированном «костре» пионеры передали несколько десятков подростков в комсомол.

Всегда и во всем он вносил четкие, конкретные предложения, проявлял заботу о детях. Действовал энергично. Использовал в этих целях авторитет райкома партии.

— Что нам нужно сейчас сделать, как наладить работу среди детей? — так начал он одно из выступлений на заседании Бауманского райсовета.

Саша сделал паузу, достал из кармана бумагу и передал ее в президиум.

— Это — наша просьба исполкому райсовета: передайте Милютинский сад в наше распоряжение для пионеров. А это — смета, разработанная нами о передаче комсомолу и клуба имени 1 Мая. Здесь мы тоже с пионерами работать будем. Все это — мелочи по сравнению с тем, что мы для детей еще должны сделать. Нам нужно организовать самостоятельное детское движение. Понимаете, *самостоятельное*.

И в других делах Бауманский райком задавал тон в работе столичной организации РЛКСМ. 30 апреля 1924 года Александра Косарева избрали членом бюро МК комсомола. МК РЛКСМ даже порекомендовал Косареву «Отчет о работе Бауманского районного комитета РЛКСМ и материалы к 6-й райкомконференции» издать типографским способом. Несколько раз комсомольцы бегали на Южный переулок в дом № 4, где помещалось руководство 5-й типографии «Транспечати», прежде чем им удалось добиться согласия на исполнение заказа.

Наконец несколько экземпляров брошюры увидели свет. На обложке и титульном листе ее была тиснута фраза: «Книжку хранить в делах ячейки». И она сохранилась до наших дней. Отчет подписали секретарь райкома комсомола Семен Федоров и заведующий политпросветотделом Василий Чемоданов — друзья Саши. Почему не Косарев? К выходу брошюры в свет Саши уже не было в Бауманском райкоме комсомола. 2 сентября 1924 года Косарева отозвали в распоряжение Центрального Комитета РЛКСМ, а затем перевели на работу в КИМ — Коммунистический интернационал молодежи.

СЕКРЕТАРЬ ГУБКОМА

В один из ноябрьских дней 1924 года Косарев сидел не в обычном кабинете первого секретаря ЦК комсомола на Старой площади. Эта беседа проходила в одном из зданий на Воздвиженке. Здесь на третьем этаже разместилась значительная часть работников Центрального Комитета комсомола.

Николай Чаплин хмуро смотрел в окно.

— Ну, как КИМ? — спросил он, как бы для порядка, словно оттягивая начало нелегкого разговора.

— Что, как? — встрепенулся Косарев.

— Нравится?..

— Ты чего, Николай, резину тянешь? Сам же направил меня в аппарат КИМа работать. Говорил: «Привыкай к международной деятельности... Может, и красным дипломатом станешь, как Чичерин, Литвинов!» Или забыл?

— Нет, Косарев. Ничего я не забыл. Просто жизнь наша, комсомольская, заставляет такие курбеты делать. — Тут Чаплин сделал замысловатое движение рукой, словно желая им обозначить всю сложность ожидаемого «кувырка».

— И кому же ты эти хитрые курбеты заготовил?

— Не догадываешься будто? Тебе! В Пензу поедешь работать, — загудел густым басом Чаплин и так резко повернулся в кресле, что оно застонало, заскрипело под его могучей комплекцией.

— В Пензу? — оторопел Саша.

— Да, в Пензу. Ответственным секретарем губкома комсомола. Потянешь? С Гессеном в КИМе я уже договорился. Он тебя отпускает. Секретариат Цекамола такое решение поддерживает единодушно. С Центральным Комитетом партии я твое назначение тоже согласовал.

— Выходит, обложил ты меня, Чаплин, основательно, как медведя в берлоге, а теперь сам же, как наивное дитё, и спрашиваешь, справлюсь ли...

— Не то говоришь, Косарев. Дела в Пензе серьезные, не до пререканий сейчас. Бывшего секретаря губкомола Яковлева Центральный Комитет из Пензы отозвал. Не справился он там с местными молодыми троцкистами в период дискуссии. Повели они за собой большую группу комсомольцев. Шумит комса, никак не успокоится. А у тебя по части переубеждения бузотеров опыт накопился богатый. Если уж ты бауманских подпевал Лео

переубедил, то этих-то на путь истинный тем более сумеешь наставить.

Сейчас там, в губернской организации, проверка непролетарского состава комсомольцев начинается. До твоего приезда мы ее приостановили. Но не в ней одной только дело. Всю работу там укреплять надо.

А Косарева терзали сомнения: «Чего это они меня с места на место кидают? То в райком, то в горком, то снова — в райком. Опять же — КИМ... Теперь — в Пензу! Хоть и на губернскую организацию бросили, все равно: «Прощай, Москва! Надолго ли?..» Не ведал Саша, что МК и ЦК внимательно изучали его, присматривались к нему, пробовали, где пойдет у него дело лучше.

Чаплин, словно читая мысли Косарева, продолжал:

— Поверь, не хочется мне тебя Пензе отдавать. Ты здесь ох как нужен! Но и там крепкого парня ждут. Все подробности об организации узнаешь в Цекамоле у Абрамова. Он ее хорошо знает. В общем, так: пару дней на знакомство с документами и на сдачу дел, да на сборы...

— Какие уж тут сборы, Коля! Ты наши баульчики походные знаешь. В них всегда смена белья наготове: «ноги в руки» и айда — в командировку. Вот и все наши сборы.

Посмеялись. Помолчали.

На столе зазвонил телефон.

— Здравствуйте, товарищ Муранов! Да. Косарев у меня, — ответил Николай в трубку. — Сейчас он у вас будет.

— Звонил Матвей Константинович Муранов. Знаешь такого?

Косарев недоуменно пожал плечами: «Слыхал о нем что-то отдаленное...»

— Ну ты даешь: «отдаленное»! — Чаплин засмеялся заразительно. — Таких, как Муранов, нам, комсомольским вожакам, знать надо. Революционер, депутат четвертой Государственной думы. Всех их, большевистских депутатов, царь в пятнадцатом году в Туруханский край выдворил.

Летом этого года, — продолжал Чаплин, — Матвей Константинович в Пензе был. Сейчас он в Центральной Контрольной Комиссии партии работает и тебя ждет. Жми быстрее!

От Воздвиженки до Старой площади, где размещалась

ЦКК ВКП(б), хорошего хода минут двадцать пять — тридцать. Пулей пролетел Саша это расстояние.

Грустью веяло от бульваров Москвы. Редкие автомобили хлестали по стеклам подвальных окон каскадами коричневой невысыхающей грязи. Свинцовое небо нависло над городом, словно зацепилось за липы Александровского сада. «Стоит ноябрь, а осень не отступает...» — думал Косарев, обходя огромные лужи и кучи неубранных преющих листьев.

Муранов — немолодой человек, с густой шевелюрой и пушистыми усами («как у Антипыча», — отметил про себя Саша), встретил Косарева приветливо. За пять лет работы инструктором Центрального Комитета партии Муранов часто встречался с комсомольцами. Вот и сейчас, разговаривая с Косаревым, он рассказал ему, как, будучи в командировках в губерниях Подмосковного угольного района, в Вятке, Ижевске, Великом Устюге, в Северо-Двинской, он помогал местным большевикам укреплять и комсомольские организации.

— В Пензе я, товарищ Косарев, был весной да немного лета прихватил. Работал там в качестве председателя губернской комиссии по проверке непролетарского состава партийной организации. В конце прошлого года сложилась в ней тяжелая обстановка. Троцкий, сам знаешь, потерпел тогда полное поражение в Москве, Петрограде, в других промышленных городах и губерниях. Но свое оружие, Иудушка, не сложил. А его подголоски подняли голову в нескольких провинциях. В Пензенской городской организации их борьба приобрела довольно-таки острый характер. Возглавил ее редактор губернской газеты «Трудовая правда» Костерин, заведующий губфинотделом Валентинов да еще кое-кто...

Муранов помолчал немного и, как бы рассуждая сам с собой, продолжал:

— Да... Еще раз мы убедились, что печать, брат, — великая сила. Нельзя ее из партийных рук выпускать. А пензенские большевики упустили. Удалось подлецу Костерину замолчать в газете истинный ход партийной дискуссии с троцкистами в двадцать третьем году, исказить политику нашей партии. Удалось ему с дружками обмануть и часть коммунистов. Да еще как! Седьмого января этого года проходило в Пензе городское партийное собрание. Две трети присутствовавших на нем проголосовали за троцкистскую платформу. А в губернии? Там еще в трех уездах троцкисты оказались в большинстве.

Муранов снова замолчал. Встал, прошелся по комнате и, не торопясь вернуться в кресло, продолжил:

— В феврале уполномоченным Центрального Комитета партии ездил в Пензу Анатолий Васильевич Луначарский. Очень ярко и убедительно рассказал он местным коммунистам о задачах партии в связи с итогами дискуссии. Ты-то сам Анатолия Васильевича слышал?

Косарев утвердительно кивнул головой.

— Это хорошо. Дар слова у него необыкновенный. И мыслями богат человек. Умница. Ты его почаще слушай...

Пошерстили мы тогда местных троцкистов: Луначарский — зимой, я — весной. Пензяки меня потом и делегатом на Тринадцатый съезд партии избрали. А осенью, сам видишь, Троцкий с «Уроками Октября» вылез. Ленинизм своими писаниями вздумал подменить. За комсомол взялся. Ленинскую гвардию хулит, всюду старых большевиков в перерождении обвиняет. Мы в тюрьмах заживо гнили да по ссылкам скитались... А он? Спрашивается, где он в это время обитал, на какие состояния существовал?

Теперь ленинским призывом рабочих от станка в партию укрепили мы пролетарское ядро и в Пензенской партийной организации. Людей там в партию приняли достойных и честных, преданных революции, храбро сражавшихся с беляками, да с контрой всякой. Ты, поди, тоже на фронте был?

— Под Петроградом.

Муранов оживился:

— Это — хорошо! Крепкой ты, говорят, косточки, пролетарской. На одних дрожжах мы с тобой, парень, замешаны. Дело у нас одно. И противник общий.

Косарев смотрел на Муранова и все больше и больше улавливал в нем что-то близкое: большие, худые, натруженные руки, неторопливая, степенная речь. Была в нем какая-то особая уверенность и основательность и в осанке, и в словах, и в движениях.

— А в Пензе ты разную молодежь встретишь. Не торопись только о ней вывод делать. Простая вроде истина, да не забывай ее: Пенза — не Москва. Знаю, что здесь, в Москве, да и в Питере тоже, вы, комсомольцы, большие дела закручиваете. Все о мировой революции толкуете, к меньшему себя не готовите... А в Пензе?

Трудовая Пенза от царского господства получила в наследство россыпь полукустарных предприятий да пи-

тейных заводов. Ты вот на «Рихард-Симоне» работал? Знал я предприятия этой компании — акулы империалистические. А в Пензе? Самые крупные предприятия механический завод с писчебумажной фабрикой, кирпичный завод да спичечная фабрика. Фабрика гнутой мебели еще. Заметь, не какой-нибудь, а гнутой мебели. С форсом фабрика.

Муранов замолчал, как будто что-то припоминая.

— В гражданскую войну предприятия из-за отсутствия сырья и топлива бездействовали, здания и оборудование пришли в негодность. Среди молодежи и в Пензе много безработных. А крутиться тебе, Косарев, придется больше среди крестьянской молодежи. В деревне ей тоже не сладко, к кулаку нанимается. Вот так-то дела обстоят: в городе — нэпман, в деревне — кулак. Нелегкий хлеб тебя там ожидает. Поэтому, товарищ Косарев, тебя, а не другого комсомольского вожака туда направляют. Ты деревню-то знаешь?

— Несколько месяцев я замзавом в орготделе МК работал. В деревенских ячейках несколько раз довелось бывать. В командировках. Одним словом: «туда и обратно». Разве таким путем деревенскую жизнь узнаешь?..

— Значит, опыта работы с крестьянской молодежью в Пензенской губернии набираться будешь. Ты ей московский да питерский дух с собой привези, наш пролетарский дух, но не важничай. Хлопцев хороших ты в Пензе найдешь много. Присматривайся к ним внимательнее. Твоя задача помогать им, растить смену себе. Революционер имеет свою мораль и этику. Он на любой работе как боец: всегда на посту. Солдата, осмелившегося уйти с поста раньше, чем придет смена, знаешь, как на языке военного устава называют? Дезертиром!.. — И, заметив протестующее движение Косарева, поспешил остановить его, положив руку на Сашино плечо. «Кисть, хотя и худая, но сильная», — отметил про себя Косарев.

— Знаю, знаю, что сказать хочешь. Обиделся за дезертира? Не надо. Ты лучше пойми смысл моего совета: уходи с поста секретаря губкома комсомола в Пензе только тогда, когда работой своей подготовишь себе достойную смену. Заместителя, значит. Иначе — грош тебе цена. Пензякам товарищем будь, а не вождем столичным. Большую работу тебе партия и комсомол доверяют. Доверием этим дорожи.

Долго еще продолжалась эта беседа.

Вечер уже охватил столицу, когда Косарев вышел на

Старую площадь. Погода резко сменилась. Подморозило: ноябрь — зимы запевка. «Удивительный человек этот Муранов, — думал Косарев, обходя плохо вычищенные места тротуаров рано обезлюдевшего центра Москвы. — Революционер с подпольным стажем, и депутатом в Думе был, и в ссылку прямо из Таврического дворца угодил, и занят по горло, а, поди, весь вечер со мной беседовал... Вот у кого надо учиться уму и человечности — у старой ленинской гвардии большевиков! Как это он сказал? «На одних дрожжах нас с тобой, Косарев, замесили, на пролетарских! А задание-то тебе, Санька, дали...» И улыбнулся довольный.

В этот поздний час, 14 ноября 1924 года, телеграфные аппараты отстукивали в Пензенский губком партии срочную депешу ЦК РЛКСМ: «Рекомендуем секретарем Косарева тчк партии 19 года зпт союзе 17 года тчк шлите мнение Цекамол».

Положительный ответ из губкомов партии и комсомола пришел незамедлительно. Они просили Центральный Комитет комсомола откомандировать Косарева быстрее.

22 ноября вместе с инструктором ЦК РЛКСМ Ужонковым Косарев прибыл в Пензу.

Небольшое здание вокзала, забитые народом залы ожидания.

Раздвигая локтями толпу пассажиров, хлынувшую к вагонам, к москвичам подошли два парня:

— Кутырев, — представился первый юноша Ужонкову. — Мы вас, товарищ Косарев, третий день встречаем...

— Косарев не я! А — он, — поправил Ужонков губкомовца. И, воспользовавшись паузой, съязвил: — Что замерли? Маленького ростом секретаря для такой большой организации привез — так, что ли, тебя понимать?

Но парень оказался не из робких. Не обращая внимания на продолжавшего говорить Ужонкова, он протянул Косареву руку:

— Мы по росту да по одежке людей не принимаем. Давай, Косарев, знакомиться. Я — Кутырев. До тебя оставался за секретаря губкомола.

— Кочкин, — представился второй юноша, — заведующий учетно-статистическим подотделом.

23 ноября срочно созванное совещание работников аппарата Пензенского губкома комсомола проходило необычно. Повестка дня не объявлялась. Не волновались работники, которые, как правило, готовили вопросы к

совещаниям и бюро. Представитель Центрального Комитета сказал:

— На предстоящей губернской конференции мы будем рекомендовать ответственным секретарем вашего губкома Сашу Косарева.

Сидевший рядом с ним невысокий крепыш поднялся и как-то ясно, почти по-детски улыбнулся навстречу устремившимся ему лицам. Эта неподдельная открытая улыбка, задорный чубчик как-то сразу сняли появившееся поначалу напряжение.

А Ужонков продолжал:

— Что сказать вам о нем? Работал на московском заводе. С пацанов узнал «порядки» капиталистического предприятия. Здесь же вступил в Союз рабочей молодежи, боролся за создание на заводе комсомольской ячейки. Был на фронте. Ходил против банд Юденича. Комсомольскую работу знает, проявил себя хорошим организатором. Да вы его сами подробнее попытайте...

Долго в тот день не расходились по домам губкомовцы.

Известие о том, что из Москвы приехал новый секретарь, мгновенно облетело ячейки небольшого города. Как бы между прочим в губком потянулись активисты. Тесным кольцом обступали москвичей, дотошно расспрашивали Косарева о работе комсомольцев в столице.

Особую способность Косарева привлекать слушателей отмечали многие ветераны комсомола Пензы. В тот ноябрьский вечер провожали они своего будущего секретаря до самого номера гостиницы. А в номере — опять расспросы. Саша рассказывал о московской молодежи, своих товарищах, о том, какую острую борьбу за молодежь провели они в схватках с троцкистами. И тут проявилось свойственное ему качество — чувствовать аудиторию, умение общаться с нею, держать ее в неослабном внимании. «С первых дней пребывания в Пензе, — вспоминал ветеран местной комсомольской организации Василий Кашигин, — Александр Косарев показал себя инициативным, энергичным и способным руководителем. Новый секретарь понравился всем, покорил простотой и общительностью, глубоким знанием дела».

На другой день бюро губкома партии рассмотрело вопрос «Об использовании Косарева» и приняло решение: «Согласиться с постановлением губкома РКП(б), выдвинувшего Косарева на пост ответственного секретаря губ-

кома РЛКСМ, и предложить ему приступить к исполнению обязанностей с 28 ноября 1924 года».

Удивительно быстро «врастал» Косарев в дела губкома. Через месяц он уже прекрасно владел обстановкой в губернской комсомольской организации. Многочисленные беседы с молодежью помогли Саше быстро и точно узнать настроения и запросы юных пензенцев, сблизили его с ними. «Мы, несомненно, выросли, — писал он в губернской газете в день открытия комсомольской конференции. — Но наряду с ростом мы наблюдаем большую текучесть в организации. На 100 человек, вступивших в комсомол, 60 из него выходят...» Так он обнажил одну из самых болевых точек пензенского отряда РЛКСМ.

X Пензенская губернская конференция РЛКСМ проходила с 25 по 30 декабря 1924 года. На ее обсуждение было вынесено много вопросов: доклад ЦК комсомола, отчет губкома о ходе дискуссии с троцкизмом, работа в деревне, дальнейшие задачи детского коммунистического движения и другие.

С напряженным вниманием слушал Косарев выступления делегатов. Некоторые речи не вызывали у него удовлетворения, наоборот, — посеяли даже тревогу. Не было в них боевого комсомольского настроя. Не чувствовалось ответственности активистов за положение, понимания опасности троцкистского влияния на молодежь.

Тут и проявился весь Косарев, его неугомонный, искрометный характер. Сидеть спокойно и молчать он уже не мог. Встал, попросил слова.

— Новый троцкизм — подстриженный, приумытый «под большевика», является последышем старого троцкизма. Вот почему, товарищи, нельзя ограничиться тем отпором на выступления Троцкого, который уже дан. Надо, чтобы каждый, я повторяю: каждый комсомолец понял смысл и глубину разногласий между Троцким и партией.

В зале воцарилась тишина. Может быть, поэтому и донеслась до чуткого уха Косарева реплика, сказанная тихо, но нарочито отчетливо. «Чего тревожить то, что и так всем ясно...»

— Дискуссия закончена, это — факт! — сказал Саша отчетливо и громче прежнего в сторону обронившего ту фразу. — Но ясно не всем и не все. Надо показать комсомольцам итоги дискуссии. Наша партия — пролетарская. А комсомол — ее сын и помощник. И мы должны

укрепить пролетарское ядро в губернской организации. Это — наша первая задача.

Ленин учил партию, что она станет на путь прочных побед только тогда, когда завоюет на сторону рабочего класса крестьянские массы. Здесь, товарищи, — основной узел большевизма. Этот вопрос — пробный камень для каждого большевика...

Саша обвел зал долгим взглядом и спросил:

— Сколько сейчас крестьян в Пензенской комсомольской организации?

Он вышел из-за трибуны и подошел к краю сцены.

— Ну, кто из вас скажет: сколько?

— Много нас! — робко отозвались делегаты из сельской местности.

— Правильно! Много. Больше шестидесяти процентов в Пензенской комсомольской организации — крестьяне. Так вот, слушайте все, а селяне особенно, Троцкий всегда и во всем недооценивает роль крестьянства, и прежде всего в строительстве новой жизни. А Ленин, товарищи, тесно связывал социалистическую революцию, ее настоящее и будущее с союзом рабочего класса и крестьянства. Без союза пролетариата и крестьян большевизм — не большевизм! Крепить его — наша вторая задача.

В зале раздались аплодисменты. Когда они стихли, Косарев завершил:

— Уже по одному этому большевизм несовместим с троцкизмом!

Отличительная черта нашей партии состоит в том, — продолжал Косарев, — что она представляет собой вылитый из одного куска стали боевой отряд. Ленин боролся за создание такой партии, и он ее построил.

Делегаты снова дружно зааплодировали.

— А кто противостоял Ленину в борьбе за такую партию?

Зал замер.

— Меньшевики и Троцкий! Вот кто. Вплоть до семнадцатого года борьба против большевистской партии была основной профессией Троцкого. Он мечтал о партии, сшитой из фракций, группировок и группировочек, как деревенское одеяло из разноцветных лоскутков.

И еще об одном хочу сказать вам.

Без чего вообще нельзя вообразить нашу партию?

Без превосходного ядра, без ее старой гвардии. Я, товарищи, перед тем как в Пензу ехать, был у Матвея Константиновича Муранова. Работники из губкома пар-

тии, присутствующие на конференции, его знают. Перед прощаньем он мне бумагу дал: «Прочитай, говорит, на досуге». Раскрыл я ее дома, а там цитата из ленинского письма к немецким коммунистам. Владимир Ильич его в 1921 году немцам написал.

Косарев достал из кармана лист бумаги.

— Я зачитаю вам эту выдержку: «У нас в России выработка группы руководителей шла 15 лет (1903—1917), 15 лет борьбы с меньшевизмом, 15 лет преследований царизма, 15 лет среди коих были годы первой русской революции (1905), великой и могучей революции». — Подняв этот лист высоко над головой, Косарев воскликнул твердым и звонким голосом: — В течение пятнадцати лет Ленин тщательно и заботливо подбирал и проверял на деле эту группу руководителей партии — лучших своих соратников и продолжателей его дела! А Троцкий те же пятнадцать лет тоже боролся. Но боролся он, товарищи комсомольцы, против большевиков. Теперь же, когда Ленин ушел от нас, Троцкий снова стал нападать на большевистский Цека. В «основной нерв большевизма» направил свои стрелы Троцкий. А вы ворчите: «Зачем снова тревожить?..»

По-ленински изучить всю нашу историю и, в частности, ее октябрьские страницы — вот наша третья задача. И на этом пути ни прежние выступления Троцкого, ни его новая книга «1917 год» не станут для нас проводником.

Именно так, товарищи, ответили на новую вылазку Троцкого московские и ленинградские комсомольцы. И вы должны поддержать их — не на словах, а на деле!

— Поддержим!!!

Зал сотрясали дружные аплодисменты. Кто-то из делегатов выскочил на сцену, горячо тряс в рукопожатии косаревскую руку. А он стоял разгоряченный, щеки пылали, а глаза горели, словно он только что одержал победу над сильным и серьезным противником, но схватке с ним еще быть.

Очевидцы вспоминают, что партийная страстность, какая-то особая наступательность в выступлении Косарева произвели на делегатов конференции огромное впечатление. Они увидели в нем выдержанного коммуниста, непримиримого и решительного противника троцкизма, способного умело и твердо проводить ленинские идеи в жизнь.

В перерыве делегаты оживленно обсуждали выступление Косарева и сходились на том, что из Москвы к ним приехал хорошо подготовленный руководитель, принципиальный коммунист. Не было ничего неожиданного в том, что делегаты единодушно избрали его в состав губкома, а на организационном пленуме и ответственным секретарем губкома РЛКСМ.

Через несколько дней журнал «Юный коммунист» в хроникальной заметке сообщил, что Пензенский губком комсомола заявил о своей солидарности с письмом ЦК, Московского и Ленинградского комитетов РЛКСМ «Комсомол и Октябрь» по поводу выступления Троцкого.

НА БЕРЕГАХ СУРЫ

В Пензу Косарев прибыл 22 ноября, а уже 25 ноября начала работать комиссия по проверке непролетарского состава губернской организации РЛКСМ.

— Значит, так, Ужонков, — Косарев испытующе посмотрел на инструктора ЦК комсомола. — Порядок проверки составлял сам губком комсомола, Центральный Комитет его утвердил. Это и тебе и мне ясно.

— Ясно, так чего же ты медлишь, начинай проверку...

— А то медлю, что надо нам с тобой сейчас решить: какие ячейки проверять будем? Есть предложение: изучить состав только школьных ячеек, затем в госучреждениях и те смешанные ячейки, в которых непролетарский элемент составляет большинство.

Ужонков нахмурился и принял нарочито независимый вид. Сейчас он в Пензе представлял «верховную» комсомольскую «власть». А Косарев? Что — Косарев? Он просто секретарь губкома, и от него, Ужонкова, зависит, пройдет это предложение или нет. В ЦК комсомола Ужонков пришел с низовой работы, как говорится, «под горячую руку» взяли. Уверовав в свою особость, быстро приобрел командную осанку.

— Им политические физиономии, Косарев, почистить бы не мешало...

— То есть?..

— Оптимист ты, Косарев. Тут же классовые противники кругом, троцкисты! А ты — «то есть»!

Лицо у Саши побелело, глаза сузились.

— Послушай, Ужонков, ты вчера с обеда до ужина что делал? В гостинице спал, а я в ячейках был, кое с

кем удалось встретиться. В организациях напряженно проверку встречают, говорят о ней как о чистке в комсомоле. Чистки допускать не следует, понял? В губкоме партии меня поддерживают. Чтобы комса сгоряча дров не наломала, обещали во все тринадцать комиссий дать уполномоченных от каждого уездного комитета партии. И не просто уполномоченных, а коммунистов со стажем пять-шесть лет, рабочих по социальному положению.

— Ну, если уж губкомпарт согласился... — пошел на попятную Ужонков.

— И еще, — сказал Косарев уже тоном, не допускающим возражения. — Проверке не подвергать членов партии, работающих в комсомоле. Здесь летом был Муранов — инструктор Центральной Контрольной Комиссии РКП(б). Он рассказывал мне, что сам ими занимался.

Сообщение о том, что Косарев и в ЦКК побывал и там ему, а не Ужонкову все инструкции дали, задело представителя ЦК за живое. Хотел было снова заупрямиться, но, подумав: «А ну его, Косарева... Настырный и обегал всех...» — сопя, согласился.

В дни проверки Косарев мотался по городу и уездам, сидел в комиссиях, приглядывался к людям. Шутка ли, прошло через него полторы тысячи человек! Почти третья часть организации. За плечами каждого, хотя и короткая, но — биография, судьба... Перепроверили и результаты работы некоторых комиссий, завершивших работу ранее, до приезда представителей ЦК. Кое-кого исключенных из комсомола несправедливо восстановили в членстве РЛКСМ. Среди них было много крестьян. Но встречались и молодые люди, не скрывавшие своих враждебных комсомолу взглядов. «И как только такой чуждый элемент проникает в комсомол», — размышлял Косарев.

Итоги работы обсудили на пленуме губкома, а в феврале 1925 года Ужонков доложил их на бюро ЦК РЛКСМ.

Косарев приехал в Москву на два дня. Рассказал о результатах проверки Муранову. По совету Матвея Константиновича Цекамол принял резолюцию и довел ее до сведения ЦК РКП(б).

Главный результат проверки, как того и добивался Косарев, состоял в оживлении работы в комсомольских ячейках, усилении интереса юношей и девушек к ней, освобождении организации от чуждых элементов. «Одновременно следует признать, — записал ЦК РЛКСМ в резолюции, — недочеты проведения проверки, выразившиеся в представлении ее как чистки». «Это в адрес

Ужонкова надо отписать. Говорил ему, чтобы в его докладе и намека на чистку не было... Все наоборот сделал, упрямец», — с огорчением воспринял Косарев эту запись, но с трудом сдержался и на объяснения не полез.

Первоочередной заботой нового секретаря губкома стало укрепление пролетарского ядра в губернской организации. Сашу многое объединяло с комсомольскими активистами из рабочих: тяжелое детство, изнурительный труд на частного предпринимателя, радость борьбы за новое общество. Все они были товарищами по классу, осуществлявшему свою диктатуру — диктатуру «его величества — рабочего класса».

Еще необходимо было добиться усиления партийного руководства комсомольскими организациями. Коммунистов в губернии было куда меньше, чем комсомольцев. От их связи с комсомольскими организациями, умелого руководства ими зависела широта партийного влияния на массы беспартийной молодежи.

— Я прошу включить вопрос о партийном руководстве комсомолом в повестку дня губернской партконференции. Статью Сталина читали? — И положил журнал «Юный коммунист» на стол оторопевшего секретаря губкома.

Аргументы Косарев привел убедительные. К тому же пришел он в губком партии с обстоятельным анализом состояния комсомольской организации. А напористость в разговоре этого вихрастого паренька так привлекала секретаря губкома партии, что, терпеливо выслушав Сашу до конца, он с его доводами согласился.

Однако на самой партконференции при обсуждении повестки дня некоторые делегаты внесли предложение: вопрос о работе губкома РЛКСМ с пленарного заседания снять, но рассмотреть его на секции.

И на сей раз Косарев аргументированно обосновал, как важно обсудить этот вопрос именно на пленарном заседании и со всеми делегатами, а не частью конференции.

Не в первый раз в Пензе проявилось его ценное качество: уменье передавать людям свою убежденность в решении вопросов — именно так, а не иначе. Да и разве был тот вопрос второстепенным, когда только-только отгремели бои с троцкистами за молодежь? И в Пензе сторонники Троцкого, хотя уже не занимали ответственных постов, но затаились и оружия своего не сложили — ожидали сигнала своего идейного вдохновителя. Да и не

только троцкисты! Вон из Москвы все время доходят слухи о новой оппозиции. И опять комсомол...

Косарев страстно, задорно, как и подобало комсомольскому вожаку, доказал делегатам неправомерность предложения — снять вопрос с пленарного заседания.

— Комсомол, — говорил он в докладе на конференции, — достаточно здоров, вырос за последнее время, это явление положительное. Широкие слои молодежи значительно продвинулись к парторганизации. Это повышает политическую роль и значение комсомола для партии как одной из форм ее влияния на широкие рабоче-крестьянские массы, как одной из форм воспитания молодежи в коммунистическом духе.

И уже обращаясь к делегатам конференции непосредственно:

— Мы нуждаемся, товарищи, в помощи партячеек, их участии в регулировании роста комсомола, укреплении надлежащего пролетарского и партийного влияния в комсомоле.

Косарев не дожидался высоких партийных собраний. Он использовал любое общение с местными партийными работниками, чтобы заинтересовать их жизнью комсомольских организаций, добиться неформального руководства ими. Тем более что в Пензе пришлось заниматься такими вопросами, которые в Москве были уже давно решены. Он не раз ставил в пример отеческое отношение секретаря Городищенского уездного комитета партии Сарайкина к комсомольцам и их вожаку Федянину. Косарев дважды приезжал в этот уезд, «выступал на собраниях молодежи, очаровал всех эрудицией, простотой и силой влияния своего слова», — вспоминал Федянин. Здесь Косарев ближе сошелся и с Сарайкиным.

Сарайкин — зрелый партийный работник, образованный коммунист, прошедший окопную школу в годы первой мировой войны, в русском экспедиционном корпусе во Франции. Он всегда внимательно относился к молодежи, умел дать комсомольцам мудрый совет и нужное направление в работе.

Однажды в уездный комитет комсомола пришел Князев — активист из села Нижний Шкафт — и рассказал, что на суконной фабрике много беспорядков: предприятие старое, оборудование износилось, крыша протекает, количество производственных травм возросло.

— Что вы хотите? — спросил Федянин комсомольца.

— Провести забастовку.

«Это слово нас обескуражило, — рассказывал Федяшин. — Фабрика сдана в частную аренду группе компаньонов-нэпманов. По договору арендаторы обязаны были в предусмотренные сроки ремонтировать и восстанавливать оборудование, а раз они этого не делают, нужно принимать какие-то меры. Но можно ли бастовать, мы не знали.

О нашем разговоре я поведал Сарайкину. Он предложил мне поехать туда и тщательно разобраться на месте:

— Только, смотри, не наломай дров.

Выяснилось, что комсомольцы настроены против арендаторов агрессивно.

— Мы же — советские люди, а нас эксплуатируют нэпманы, — возмущались ребята.

Положение было действительно тяжелым. К счастью, на фабрику приехал представитель из Пензы. Он посоветовал не горячиться. Трест осведомлен обо всем. Если сильно нажать на арендаторов, они могут отказаться от предприятия, его придется закрыть, и люди останутся без работы.

Переговоры закончились тем, что положение все же улучшилось. Комсомольский азарт ослабел. Забастовку предотвратили». Помогли и рассказы Косарева о том, как отстаивали комсомольцы-бауманцы в первые годы нэпа права рабочей молодежи.

Дела в губернской организации заметно двигались вперед. К осени 1924 года комсомольская организация численно выросла почти в два раза. Партийная прослойка увеличилась — каждый десятый комсомолец был в то же время членом или кандидатом в члены РКП(б). Самого же комсомольского вожака избрали членом губкома партии.

В январе 1925 года в жизни пензенской молодежи произошло большое событие — вышел в свет первый номер газеты «Знамя ленинца» — органа губкома и горрайкома РЛКСМ. На ее полосах и появилась статья Косарева «Непролетарскую молодежь — в комсомол!» — первая проба его пера. Очень волновался Саша, когда писал ее: «Получится ли?» Не потому ли он и поставил под ней свой псевдоним — Бауманский?!

В Пензе и рабочих поселках работа улучшалась. Но сложной оставалась обстановка на селе. В некоторых уездах — Н-Ломовском, например, кулаки создавали бандитские шайки, убивали партийных, советских, комсомольских активистов и селькоров.

Постепенно у Косарева накапливался опыт работы с крестьянской молодежью. И здесь, как и во многих других случаях, добрыми советами и наставлениями его питали партийные работники.

Однажды на заседании Городищенского укома партии Сарайкин спросил комсомольских укомовцев:

— Сколько в уезде молодых крестьян из бедняцких семей за харчи и убогую одежонку на кулаков батрачат? — И пояснил: — Среди них полно неграмотных, о наших советских законах они знать ничего не знают. Кто им эти законы разъясняет?

Ответить на такой простой вопрос никто не осмелился. Оказалось, что уком комсомола работы среди батраков попросту не вел.

— Подумайте хорошенько сами о том, как собрать батраков, да хорошенько подготовьтесь к встрече с ними, — посоветовал Сарайкин.

Подобных встреч в Пензенской губернии еще никто не проводил. За подготовку ее горячо взялись активисты укома Петр Черентаев, Николай Капустин, Владимир Анисимов. Они объехали все сельские комсомольские ячейки, побывали в отдаленных деревнях, провели учет батраков, гнувших спины на кулаков и кустарей, разъяснили молодым батракам цель предстоящего собрания.

Интерес у батрацкой молодежи оказался настолько большим, что многие участники собрания добирались в Городище за 50 и даже за 80 километров — из далеких деревень Столыпино, Ильмино, Базарной Кеньши, Русского Сыромяса и Нижнего Шкафта. Девяносто два участника собрания впервые услышали на нем, что, оказывается, есть такая организация, как профсоюз, которая призвана защищать их интересы от кулаков. От уездного прокурора они узнали о советском законодательстве по охране труда подростков. То был вечер настоящих откровений. Вопросов они задали ораторам много, откуда только смелость взялась. И все же на призыв секретаря укома РЛКСМ Федянина записываться в комсомол от решительных действий воздержались. Однако после этого собрания молодые батраки без стеснения обращались в уком за советом и помощью, а вскоре начали вступать в комсомол.

Косарев поддержал почин городищенцев. Вскоре такие собрания батраков прошли и в других уездах губернии.

Под влиянием революции деревня менялась. Изменялась и деревенская молодежь. Но жизнь и быт крестьянских девушек по-прежнему строились по дедовским законам. По-прежнему не смели иметь своего суждения, до 19 лет даже на сельский сход не могли приходить. Нарушат этот неписаный «порядок» — засмеют, прохода по деревне не дадут. А попробуют встрять в спор мужиков — сейчас же обрежут: «Не твоего ума это дело».

Процесс пробуждения самосознания у деревенской девушки протекал медленно. «Его надо ускорить, — решил Косарев. — Надо собрать девчат вместе, как прошлый раз мы собирали батрацкую молодежь. Рассказать о комсомоле, об активности городской женской молодежи, и начать надо с уездных конференций».

Первая такая конференция состоялась тоже в Городищенском уезде. 8 Марта собрались здесь девчата из местных фабрик и ближайших деревень. Девушки внимательно прослушали доклад о Международном женском дне. Поначалу, правда, очень стеснялись: потупили очи долу. И только когда докладчик стал рассказывать о союзе молодежи, встрепенулись, стали задавать вопросы. Уже под конец конференции первыми оживились молодые работницы, да так, что смело заговорили о неравной оплате их труда на предприятиях. Молодые крестьянки с испугом смотрели на бойких фабричных девчат.

Косарев же, общительный и веселый по натуре, временами даже балагур, подмигнул лукаво гармонисту Сереге Степкину и запел:

Увезли мово милого
За Советы воевать,
А я в вишенках останусь:
Буду лучшей жизни ждать...

Девушки дружно рассмеялись и окружили гармониста, а Саша, улыбаясь своей доброй, открытой улыбкой, продолжал:

Ты культура, ты культура,
Просветительный кружок!
Просветила ты, культура,
Деревенскую молодежь...

Эту частушку девчата, оказалось, знают, потому что конец ее стали подпевать. Вдруг Косарев как-то весь подобрался, посерьезнел, положил руку на мехи разошедшейся гармоники и, когда наступила тишина, запел задушевную, совсем незнакомую собравшимся песню:

Там вдали, за рекой
Загорались костры,
В небе ясном
Заря догорала.
Сотня юных бойцов
Из буденновских войск
На разведку в поля поскакала.

Степкин быстро подобрал на гармонике ее мелодию, и теперь она плавно, настраивая слушателей на лирический лад, разливалась по клубу. А девчатам, видно, вспомнился тот, уже быстро удаляющийся в прошлое, восемнадцатый год, когда в округе Пензы свирепствовали солдаты восставшего белочешского корпуса. Судьба юного буденовца, «закрывшего свои карие очи», как-то ненароком и сразу полонила их; притихли девчата, пригорюнились.

— Что, красавицы, запечалились, понравилась вам песня?

— Очень! — воскликнули девушки хором. — Откуда вы эту песню, Саша, знаете, сами сочинили?

— Нет, девчата, я песни петь люблю, а сочинять их, извините, талантов нема... А слыхал я ее в Ходынских лагерях, под Москвой. Я в эти лагеря летом прошлого года к красноармейцам ездил. Там эту песню во всех батальонах пели, и я вместе с ними. — И, обращаясь к Степкину, Косарев сказал наставительно: — Ты, Серега, вот что: собери-ка местных гармонистов, да разучи с ними наши, советские песни. Да не такие, «Как родная меня мать провожала», а — «Наш паровоз, вперед лети!», «Взвейтесь кострами, синие ночи!», другие... С песней-то дела лучше спорятся.

— Саша, а что это за «Взвейтесь кострами»?

— Это песня юных пионеров. И написал ее мой тезка, Сашка тоже, поэт наш — комсомольский, Александр Жаров. — И опять Косарев, не дожидаясь просьб и новых вопросов, запел вдохновенно:

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы — пионеры —
Дети рабочих...

Долго в тот вечер звенел молодыми голосами клуб.

Конференция приняла обращение ко всей женской молодежи вступать в ряды комсомола. Такие встречи прошли и в других уездах. В итоге около трех тысяч девушек губернии вступили в комсомол в 1925 году.

Организовал Косарев и шефство городских организаций над сельскими ячейками. На работу в деревне губком рекомендовал многих городских комсомольских активистов. Работа среди крестьянской молодежи оживилась. Заметно повысился ее интерес к комсомолу. Около десяти тысяч молодых крестьян вступили в том году в РЛКСМ.

Губком активнее стал работать среди молодежи национальных меньшинств. В этническом отношении Пензенская губерния была как пестрое полотно. Большинство среди нерусского населения составляли мордва и татары. Косарев сразу же обратил внимание на то, что в комсомольской организации их мало.

— Недооценка работы среди национальных меньшинств — опасна, — говорил он в феврале 1925 года на пленуме губкома РЛКСМ, — еще опаснее приклеивание различных национальных ярлыков и так далее. Нам надо добиться того, чтобы вся организация занималась этой работой, чтобы по-настоящему руководила ею.

Проявленное губкомом внимание к молодежи национальных меньшинств, массовые мероприятия, которые он стал проводить с участием нерусского населения, не замедлили положительно сказаться и на ее отношении к комсомолу. Только в 1925 году в комсомол было принято 954 мордовских юношей и девушек и 294 молодых татар. Росла и их политическая активность.

В редкие свободные часы Косарев поднимался на возвышенный левый берег Суры, где впадала в нее речка Пенза: весной — когда жители высыпали на берег смотреть, как трогается ледостав, движутся по ожившей после зимней спячки реке побуревшие громады льда и разливаются по луговому заречью вырвавшиеся из плена воды, или теплыми майскими вечерами — просто так: обдумать житье-бытье, послушать пение ошалевших соловьев. Необъяснимая душевная тревога охватывала его в эти считанные случаи уединения. Шел тогда Косареву двадцать второй год... А незавершенные комсомольские дела надвигались лавиной. И вновь он в вихре событий забывал о неустроенности быта, о том, что пора-де остепениться...

Пенза — городок хотя и губернский, по московским масштабам небольшой, но история его Косарева заинтересовала: в 1670 году пензенский люд участвовал в восстании Степана Разина, пятьдесят лет спустя город стал

местом раскольнического бунта против Петра I, в 1774 году был взят Емельяном Пугачевым.

Из века в век утверждалась Пенза в городском обличье и к Великому Октябрю стала узловым пунктом трех железнодорожных линий.

Обо всем этом Саша узнал из рассказов Володи Бубекина. Работал Володя секретарем Спасского укома комсомола, а когда Косарев приехал в Пензу, Бубекин был уже членом бюро и заведующим политпросветотделом губкома комсомола. Начитанный юноша рассказывал Косареву об истории родного края, водил Косарева по тихим улицам вечернего города, от здания к зданию, как бы представляя ему Пензу, а городу — комсомольского вожака. Вдохновенно посвящал Сашу в «тайны» вековых историй. Он поведал, что в Пензе учился и начал первые литературные опыты В. Г. Белинский, здесь отбывал ссылку Н. П. Огарев, служил М. Е. Салтыков-Щедрин, основателем рисовальной школы и богатой картинной галереи при ней был известный художник К. А. Савицкий. В Пензенской гимназии в 1855—1863 годах работал отец Владимира Ильича Ленина И. Н. Ульянов.

Сам же Бубекин — скромный трудяга и застенчивый человек — пришелся по душе шумному и общительному Косареву. Был Бубекин на год моложе Косарева. Не прошел его трудовой школы, не участвовал в острых баталиях с троцкистами и восторженно смотрел на Косарева, особенно в тех случаях, когда Саша, как бы на лету, схватывал суть сложных проблем и безошибочно принимал решения. А Косарева поражала эрудиция Бубекина, его умение писать остро и выразительно. В Пензе они подружились и уже не расставались никогда.

Оба юноши тонко чувствовали тягу молодежи к культуре и горячо заботились о повышении ее образования, политических знаний.

Прежде всего навалились на ликбез в деревне. Саша буквально зеленел, когда слышал от молодых крестьян реплики:

— Мать моя, совсем неграмотная, а, поди, ведь прожила свой век, да еще как, не нонешним в пример...

Или:

— Отец тоже прожил без грамоты. Зачем учиться? Мы все такие...

Косарев не жалел времени, чтобы переубедить таких девчат или парней. Вместе с губкомольцами возрождал

кое-где загасшие очаги ВЧК — ликбеза — Всероссийской чрезвычайной комиссии ликвидации безграмотности.

Бубекин только поражался косаревскому терпению и настойчивости в этом деле.

Под руководством Косарева губком оживил работу школ фабрично-заводского ученичества, начал создавать школы крестьянской молодежи. Бубекин привлек местных учителей-коммунистов к разработке дополнений в типовые программы разделами, учитывающими специфику местных условий. В этом деле у Косарева имелся и собственный опыт, накопленный еще на работе в Бауманском райкоме комсомола.

Косарев часто сокрушался:

— Ну, что за фильмы показываем мы молодежи?! Смотрит она Дугласа Фербенкса да Мери Пикфорд, Гарри Пиля еще... Из советских актеров одну Веру Холодную знает...

Но советских героических фильмов тогда еще не было. Отечественная кинематография делала только первые шаги.

Да что — кино! В клубах, избах-читальнях не хватало самых простых игр: шашек, домино... А досуг молодежи организовывать надо. Выдвинул тогда губкомол лозунг: «Днем — по ячейкам, вечером — в клуб!»

Как-то Косарев с Бубекиным зашли в клуб механического завода. Остановились около местного художника, рисующего схему-карту «Что делается в Европе?». Поначалу им карта очень понравилась. Популярная, с политическими карикатурами. Вот на изображении территории Советского Союза — рабочий с молотом. Он подает руку крестьянину, а под рисунком надпись: «У нас началась смычка рабочих с крестьянами». А на карте Испании нарисованы тюремные застенки: «В Испании арестован Коммунистический союз молодежи. Взрослые коммунисты уже давно сидят». Италия — «Итальянские бедняки, разоренные капиталистами, собираются выехать в Россию. Фабриканты тоже тянутся к нам. У них нет сырья для фабрик, нет покупателей на машины, а СССР и сырье даст и машины купит».

— Это как раз то, что нашей молодежи надо! — воскликнул Володя Бубекин. — По такой карте хоть географию изучай, хоть политграмоту. Это же — настоящая наглядная, злободневная агитация! Здорово!

— Погоди радоваться... — вдруг нахмурился Косарев. — Агитация это — точно. Но за что? Против кого?

Посмотрел Володя на Финляндию, а там надпись: «В Финляндии плохо уродились хлеба, но помещики не дают ввозить хлеб из России», глянул западнее — там своя надпись: «Американцам, снабжавшим Швецию и Норвегию хлебом, приходится убираться восвояси: более выгодно делать закупки в России», взглянул на Турцию — опять схожий текст: «Мы снабжаем хлебом Турцию, разоренную европейской буржуазией...»

— Теперь-то ты разобрался в этой «популярной» агитации? В стране с хлебом туго. Свой народ досыта не кормим, а тут... Заграница — бери! Ешь на здоровье! От такой агитации антоновские и кронштадтские мятежи поднимались. Тонко, стервецы, придумали: вроде бы об успехах наших эти надписи глаголят, а вдуматься, так мороз по коже пробирает. Где же ты, братец, материалы для такой карты взял?

— Так секретарь комсомольский дал...

Пошли Косарев с Бубекиным секретаря ячейки искать, а когда нашли и рассказали о причине своего волнения, тот выслушал их спокойно и разложил перед оторопевшими губкомовцами журнал «Юные строители» с оригиналом карты.

— Журнал этот, — пояснил Бубекину Косарев, — в Москве издается для подростков. Проморгали в Цекамоле его, не видят, что у них под боком кулацкие прихвостни творят.

— Завтра же позвоню в ЦК, — согласился Володя.

И друзья еще напористее навалились на политпросвет, на политическую подготовку комсомольского актива.

Косарев обратил внимание на то, что большинство секретарей сельских ячеек избрано на эту роль впервые, опыта комсомольской работы не имеют. Таков уж был у Косарева характер: увидел прорехи в работе — ликвидируй, не жди, когда тебе на них свыше укажут или особые условия создадут. Внес тогда Саша на обсуждение бюро губкома комсомола предложение об организации школы деревенского актива. Ее первыми слушателями стали 75 сельских активистов.

«ЗАКРУТИЛИ ДЕЛА В ЦЕКАМОЛЕ...»

Это было весной 1925 года. Бубекин пришел в тот день к Косареву с книгой Зиновьева «Ленинизм».

— Читал?

— Вчера закончил.

— Ничего не пойму я, Сашка. Ведь это — Зиновьев, а пишет как Троцкий... Что у них общего? Зиновьев же все время настаивает на исключении Троцкого из партии за фракционность, за неверие в победу социализма в СССР!

— Это точно, Володя! Четырнадцатая партконференция отлично поправила Троцкого выводом: можно добиться полной победы социализма в СССР и в условиях капиталистического окружения. И мы, Вовка, этой победы добьемся. Построим социализм!

— Да погоди ты, Сашка, свои восторги изливать. Ты обратил внимание на одиннадцатую и на двенадцатую главы этой книги?

— Обратил. По Зиновьеву получается, что диктатура пролетариата создает лишь условия передышки, а не предпосылки для построения социализма в СССР, в условиях капиталистического окружения, когда мировая революция еще не победила.

— Вот-вот! — воскликнул Бубекин: — «Условия передышки», а не «предпосылки» для победы социализма. Ну, писал бы это Зиновьев в 1921 году, а то ведь — в 1925-м! Смотри, как он ленинские взгляды на новую экономическую политику толкует: «Нэп — самое широкое задуманное отступательное движение ленинизма...» Пишет так, как будто бы даже не было и одиннадцатого съезда партии, не было на нем решения о приостановке отступления и о перегруппировке сил с целью наступления на капиталистические элементы!..

— Точно! Получается вроде бы то, что мы не социализм строим и партия не идет во главе масс в этом деле, а лавирует, как бы только продержаться до победы мировой социалистической революции...

— Вот именно! Чем же тогда Зиновьев от Троцкого отличается? А его позиция от теории «перманентной» революции Троцкого?

Друзья решили, что надо еще раз прочитать последние ленинские работы, документы партии: надо же разобраться, почему Зиновьев объявляет государственную промышленность и транспорт СССР госкапиталистическими. Разве этим он не внедряет в сознание рабочих прочную мысль, что никакой экономической базы для построения социализма в СССР нет? Он же среди них пессимизм сеет...

И тут Косарев рассказал Бубекину, как еще в январе, когда он был на третьем пленуме ЦК РЛКСМ, слушал доклад секретаря ЦК РКП(б) Андреева, а от Центральной Ревизионной Комиссии партии выступления Ярославского и Сольца. Что-то насторожило его в их речах...

Еще до пленума ему поручили выступить по одному из докладов — о работе в деревне. Волновался ужасно, невзирая на то, что кругом братва знакомая. Но выступил хорошо, спокойно: о деревенском активе, о частой сменяемости секретарей сельских ячеек. Даже работников ЦК покритиковал за боязнь, имеющуюся у них при выдвижении крестьян на комсомольскую работу.

Пленум ЦК комсомола заканчивался. Стенографистки свернули свои тетрадки и покинули зал. И тут неожиданно для всех ленинградские товарищи поставили вопрос о расширении состава бюро ЦК РЛКСМ.

Косарев насторожился: организационного вопроса в повестке дня не было. Чаплин спокойно выступил против этого предложения, но атмосфера на пленуме стала понемногу накаляться. Последующие выступления показали, что среди членов бюро ЦК единства нет.

Со сложным чувством возвращался Косарев домой. Приятно было вспомнить слова одобрения в адрес своего выступления, но озадачивали события, разыгравшиеся на пленуме за пять минут до закрытия. 25 членов ЦК проголосовали тогда за расширение состава бюро ЦК РЛКСМ. Получилось, что представители Ленинграда и их сторонники имеют сейчас в бюро ЦК большинство численностью в одиннадцать человек. «Сумеют ли они этим большинством воспользоваться по-умному? Неужели в ЦК партии не был согласован этот вопрос? Конечно, в Центральном Комитете партии об этом не знают, — убеждал себя Косарев. — Кабы знали, тогда зачем нужно было голосовать за предложение Павлова из Татарии: отложить решение вопроса до его согласования в ЦК партии. Но и это предложение не прошло. Павлов получил только 15 голосов...»

Под мерный стук колес тревожные мысли лезли в голову одна за другой. Ворочался с боку на бок всю ночь. «Арзамас! — кричал на весь вагон проводник. — Рузаевка! Кому в Рузаевке выходить — не проспите!»

В конце марта в губком фельдъегерь принес пакет: «Только секретарю губкома». «Что бы это могло значить? — встревоженно подумал Саша. — Таких надписей на цекамольских бандеролях раньше не было».

В пакете оказалась брошюра, изданная типографским способом — «Стенограмма заседания закрытого внеочередного пленума ЦК РЛКСМ от 16—17 марта 1925 года». Саша запер кабинет на ключ. Посмотрел на часы. Стрелки показывали двенадцать дня. Решил, что до обеда прочитать успеет. «Раз — «закрытый пленум», значит, замкни, Сашка, рот на замок и никому ни гугу — ни свату, ни брату...» Посмотрел на повестку дня: «Сообщение о решении Политбюро в связи с положением в Цекамоле». Снова надвинулась волна воспоминаний о третьем пленуме ЦК РЛКСМ. «Неужели на нем ленинградцы такой узелок завязали, что пришлось Политбюро ЦК партии вмешиваться?»

Доклад на пленуме ЦК комсомола сделал А. А. Андреев. Косарев читал текст, и в памяти отчетливо возникали те последние пять минут последнего пленума ЦК. Оказывается, члены бюро Центрального Комитета РЛКСМ Файвилович и Гессен (оба ленинградцы) за несколько дней знали о тайном намерении расширить состав бюро Цекамола с целью создать в нем ленинградское большинство. «Вопрос ставится в конце пленума, — говорил Андреев, — для того чтобы ЦК партии поставить перед лицом уже свершившегося факта... Это означает желание всячески уклониться от партийного руководства ЦК». Косарев продолжал читать далее: Политбюро для изучения вопроса образовало комиссию в составе Зиновьева, Сталина, Куйбышева, которая и выработала решение, утвержденное 10 февраля ЦК партии. В соответствии с ним Файвилович освобождался от работы в ЦК РЛКСМ. Но события на этом не закончились. 23 февраля, то есть спустя 10 дней после оглашения этого решения, ЦК партии узнал, что Толмазов — секретарь Ленинградского губкома — разослал в 17 крупных комсомольских организаций страны приглашения на Ленинградскую губернскую конференцию. Это уже была попытка созвать под видом губернской всесоюзную комсомольскую конференцию.

Саша оторвался от чтения. Теперь ему стал понятен неожиданный звонок секретаря Сталинградского губкома комсомола:

— Алло! Косарев? Здорово! Ты приглашение на Ленинградскую конференцию получил? Нет?! Ну, будь здоров! А мне прислали...

Саша не придал тогда большого значения этому звонку. Только самолюбие оказалось немного задетым: «Эх,

питерцы, что же вы «своего» забываете? Где-то вы теперь, знакомые василеостровцы, московско-нарвские хлопцы? Посмотреть бы на вас сейчас! Или, как и меня, раскидала вас комсомольская судьба по белу свету?.. Ну, не прислали приглашение — и ладно! Мало ли конференций комса собирает...»

Саша вновь принялся за стенограмму. Для оценки факта созыва конференции была создана новая авторитетная комиссия ЦК партии. К этому времени в ее распоряжении были уже документы, характеризующие поведение отдельных членов бюро Цекамола. Тут Андреев сослался на письмо секретаря Вятского губкома комсомола Кондакова на имя Сталина, в котором он прямо писал, что в бюро Цекамола ведется настоящая обработка отдельных представителей с мест: «Когда я был на приеме у секретаря ЦК Цейтлина, мне пришлось убедиться, что вопросы практической работы его меньше всего интересуют. Центральным вопросом нашего разговора был вопрос о так называемых группах в ЦК комсомола... Потом Цейтлин спросил меня: «К какой группе принадлежу?» Я ответил: «Ни к какой, я — против групп». Тогда он мне заявил, что «я — чаплинист», и на этом разговор закончил».

— Чем же ты, Чаплин, так насолил им? — произнес Косарев вслух. Но то, что прочитал он дальше, приоткрыло завесу на разыгравшиеся в Цекамоле события шире

«Кроме того, — продолжал Андреев в докладе, — целый ряд других сведений показывает, что фракционная работа в бюро Цека не только не была прекращена после решений ЦК партии от 10 февраля, но она, наоборот, была раздута. Все это говорит за то, что самый факт созыва Ленинградской конференции не есть только факт ленинградский. С этим связана нездоровая, неработоспособная, фракционная, кружковая атмосфера внутри Цекамола».

Косарев несколько раз перечитал этот абзац. Нет, он не ошибся, Андрей Андреевич дважды повторил слова: «фракционная работа», «фракционная атмосфера».

«В 1923 году тоже была фракция — фракция троцкистов, — размышлял Саша, отвлекшись от доклада. — И была она в партии. Фракционеры противопоставляли молодежь старой гвардии партии. А сейчас Андреев говорит о положении в бюро ЦК комсомола, о неподчинении молодых оппозиционеров решениям ЦК партии. Ну и дела!..» — и снова принялся за чтение.

Политбюро ЦК РКП(б), заслушав доклад комиссии, указало секретарю Ленинградского губкома партии Залуцкому на недопустимость факта созыва конференции, граничащего с попыткой образовать двоецентрие в комсомоле. Потребовалось освободить Сафарова, ответственного в губкоме партии за работу комсомола. Немедленно были сняты с работы в комсомоле Цейтлин, Гессен, Касименко (Украина) и Файвилович. «И Гессен — туда же!..» — подумал Саша про своего «начальника» в КИМе.

Политбюро обязало членов бюро ЦК РЛКСМ прекратить всякую групповую борьбу.

Внимательно читал Косарев выступления в прениях. И чем дальше, тем больше убеждался в том, что и после доклада Андреева полярные позиции сохранились. Покоробило его выступление Каталынова, огласившего заявление от имени ленинградской организации. Веяло от него неискренностью. Было оно какое-то чванливое, напыщенное, изобиловавшее фразами: «боевая Ленинградская организация», «наши революционные традиции»...

Вспомнился Питер 1919—1921 годов, учеба и работа в комсомольской политшколе, Василеостровский райком комсомола... Да, действительно — боевое времечко было, и ребята лихие. Теперь об их делах в гражданскую уже как о традициях говорят. Были, были и есть эти славные традиции ленинградского комсомола, для всей молодежи Республики Советов — пример! В Ленинграде Косарев впервые по-настоящему почувствовал жаркий отзвук трех русских революций. Их дух исходил от каждого здания. Да, что — здание! Каждый камень дышал здесь пьянящим воздухом свободы, недавних сражений. Не город — история! А теперь... «Что же они этим так беззастенчиво кичатся?» — подумал Косарев. А конец речи Каталынова его прямо-таки ошеломил: «Каким бы несправедливым ни казалось решение Политбюро, мы все-таки ему подчиняемся».

— Ну и ну! — Саша возбужденно шагал по кабинету. Не в силах молчать, он размышлял вслух. Не терпелось поделиться впечатлением с Бубекиным, но на пакете оттиснута строгая, предупреждающая фраза: «Только секретарю губкома».

— Кто им подсказал такие выверты? «Несправедливое решение, но мы ему подчиняемся...» Что-то очень знакомое напоминали эти слова. А когда его осенило — застыл, пораженный открытием:

— Постой-постой, Косарев! — воскликнул Саша. — Кто подсказал им такое? Да Троцкий же, вот кто! Вот это — новость! От нее не устоишь — закачаешься... Ну, конечно же! В 1923 году Троцкий своих ошибок не признал, но все-таки «взял руки по швам». Я, говорил, — «солдат революции», «партия всегда права». Он тогда большевистскую партийную дисциплину отождествил с солдатским повиновением. Не было и сомнений в том, что формула только формального «признания» решения партии представителями Ленинградской комсомольской организации перекликается с общеизвестным заявлением Троцкого.

Косарев перечитал выступления Мильчакова, Высочиненко, Курникова, выражавших вторую точку зрения членов ЦК на пленуме. Они потребовали от ленинградских «цекистов» признания решений Политбюро ЦК РКП(б) по существу, а не формально.

В конце пленума ленинградцы сдали письменное заверение ЦК РЛКСМ о своем «искреннем, честном желании работать по-товарищески, не занимаясь никакой борьбой против единства рядов комсомола».

Косарев облегченно вздохнул:

— Вот и хорошо! Давно бы так, а то развели антимонию, такие узелки завязали, что двум комиссиям ЦК партии пришлось развязывать.

Брошюра имела протокольные приложения и резолюцию пленума, которую ЦК РЛКСМ предписал огласить на пленумах ЦК нацреспублик, обкомов и губкомов РЛКСМ.

— Ну, закрутилось! — молвил Саша и пошел в губком партии информировать о событиях в ЦК РЛКСМ, договариваться о сроках созыва комсомольского пленума.

Никогда и ни в чем Косарев не высказывал своего столичного происхождения. Он органично влился в актив губернской организации, стал ее признанным вожаком. Как-то ненарочито, искренне стал Саша жить интересами и помыслами пензенской молодежи, всеми силами старался оторвать ее от провинциальной приземленности, расширить кругозор и цели.

«Знамя ленинца» — газета в четверть формата губернской партийной газеты — широко рассказывала молодым читателям о работе комсомольцев страны и за рубежом. Саша советовал редактору: «Чаще печатай ма-

териалы о КИМе, международном движении пролетарской молодежи! Не скупись...» Он и с трибуны IV Всесоюзной конференции говорил об этом.

«Мы сидим в президиуме IV Всесоюзной конференции комсомола. Ярославский, Чаплин, Соболев, Ломинадзе и другие товарищи слушали выступающих по докладу, — вспоминал об этом событии Мильчаков.

Председатель объявляет: «Слово имеет товарищ Косарев — секретарь Пензенского губкома комсомола».

На трибуну выходит задорный паренек лет двадцати. Было что-то располагающее в улыбке и, я бы сказал, в ухватках этого энергичного юноши. Мы переглянулись: «Боевой парень!»

Оказалось, оратор недоволен частой сменой работников в составе делегации комсомола в Исполкоме КИМа. Он хочет, чтобы жизнь и борьбу рабочей молодежи шире освещали наши газеты и журналы, чтобы проводилась повсеместная и настойчивая интернациональная работа.

— Если в Москве и Ленинграде мы мало знаем о КИМе, то могу вас заверить, товарищи, в провинциальных и деревенских организациях о нем ничего не знают».

Темпераментной, яркой личностью вошел Косарев в историю Пензенской комсомольской организации и всего себя отдавал тому, чтобы жизнь и работа каждого юноши и девушки этого уютного города на Суре, холмистой и лесистой губернии заиграла бы достойными гранями.

«В Пензе Косарева не только уважали, но и любили, — вспоминала А. А. Карпова, знавшая Сашу по совместной работе в губкоме. — Активисты часто собирались, чтобы побеседовать с ним. Нравилась его настойчивость, принципиальность, уважение к собеседнику, стремление до конца разобраться в трудных вопросах. Встречи с товарищами Косарев очень любил и нередко приглашал их домой. К нему часто заезжали товарищи из уездов. Беседы затягивались за полночь. Много говорили о делах, о прочитанных книгах».

На губернской партийной конференции коммунисты избрали Косарева делегатом с совещательным голосом на XIV партийный съезд. Зимним стылым вечером делегация коммунистов-пензяков отправлялась в Москву.

Паровоз все дальше и дальше увозил ее от Пензы. Косарев глядел в окно вагона. Мимо мелькали знакомые поселки и деревеньки, в которых жили и трудились парни и девчата, полюбившиеся ему чистой искренностью, а не-

которые и патриархальной нетронутостью, общим горячим стремлением быть в рядах активных строителей новой жизни. Ехал — не ведал, что еще в октябре в ЦК комсомола обсуждался вопрос об отзыве его в Москву. Решили положительно, но исполнение отложили до очередного съезда ВЛКСМ. Не предполагал Саша, что на сей раз он насовсем уезжает из Пензы.

Для пензенцев Косарев надолго оставался своим. Еще многие годы к нему будут идти письма молодежи, неизменно начинавшиеся словами: «Поскольку Вы наш...»

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

В воскресенье, 18 декабря 1925 года, в переполненном Андреевском зале Большого Кремлевского дворца собрались люди, сумевшие успешно возглавить и поднять народ на восстановление послевоенной экономики, добиться первых ощутимых успехов на фронте мирного социалистического строительства. Это были делегаты XIV съезда ВКП(б). Им предстояло определить конкретные задачи движения вперед по пути, раскрытому Лениным.

Продолжительный звонок призвал всех занять места в зале. Косарев вместе с делегацией Пензенской парторганизации.

Съезд объявили открытым. Но едва сеньорен-конвент (совет старейшин) от имени делегаций внес предложение о составе президиума, как ленинградская делегация огласила текст своего заявления. Она требовала заменить в списке президиума одного из кандидатов другим. Косарев насторожился: «Тоже мне — нашли проблему...»

Как выяснилось, поправка к списку со стороны ленинградцев носила явно фракционный характер, и большинство делегатов отклонили ее.

Косарев и многие другие делегаты непроизвольно даже привстали с кресел, чтобы посмотреть, кто же поддержал ленинградцев. Они одни голосовали за свое предложение.

На другой день — в субботу, после организационного отчета ЦК и доклада Центральной Ревизионной Комиссии ленинградские делегаты потребовали своего содокладчика по отчету ЦК — Г. Е. Зиновьева.

Наступила тягостная тишина. Со времен Бреста ни одна из внутрипартийных оппозиций не выдвигала по отчету ЦК своих содокладчиков. Упорное настояние

ленинградской делегации означало, что всей политической линии ЦК противопоставляется иной политический курс.

Зиновьев выступал с докладом в тот же день, вечером. Массивный, импозантный, с небрежно сбитой гривой черных волос. Он начал речь уверенно, резко рубя воздух рукой. Но с его крупной по комплекции особой никак не гармонировал сипловатый тенорок — высокий, почти фальцет — временами он даже утомлял слух. Зиновьев нападал на Центральный Комитет и по существу защищал тезис о невозможности построить социализм в нашей отсталой стране, пока не будет победы пролетариата в Западной Европе...

Делегаты съезда все более убеждались, что выдвижение «новой оппозицией» своего содокладчика по отчету ЦК оказалось необоснованным и раскольническим шагом.

Речь Зиновьева, выступления Л. Б. Каменева, Г. Я. Сокольникова и других их сторонников произвели на Косарева тяжелое впечатление. Съезд не стеснял их в высказываниях. Но выходили они на трибуну только с обвинениями ЦК, демонстрировали свое неверие в возможность построить социализм в одной стране.

Всю полемику между ораторами Саша слушал с величайшим вниманием. Но вот слово предоставили генеральному секретарю ЦК комсомола Николаю Чаплину.

Громадный Чаплин, раскачиваясь на ходу, широко раздвигая руки, как медведь, взгромоздился на трибуне, заговорил густым, громким басом:

— Товарищи, я взял слово для того, чтобы сказать о разногласиях внутри нашего ЦК в связи с той борьбой, которая весь истекший год лихорадила комсомольскую организацию.

Зал, еще не остывший от короткой, но жаркой дискуссии по только что возникшему вопросу — продолжать или прекратить прения по первому пункту повестки дня, — не сразу приковал свое внимание к оратору. А голос Чаплина уже гудел над головами делегатов:

— Я хочу поставить здесь такой вопрос: кто виновен в том, что комсомольская организация пережила жесточайший кризис в лице своего ЦК — кризис, сильно подорвавший нормальное развитие юношеского движения? Кто виноват в перенесении вопросов внутренних трений и разногласий в Политбюро ЦК в комсомольскую организацию?

Зал поначалу замер. Затем по рядам прокатилась волна реакции на столь остро и так прямо поставленный

вопрос. Когда шум затих, а Чаплин, как опытный оратор и боец, выдержал необходимую паузу, в рядах раздались нетерпеливые голоса: «Кто?»

— Зиновьев! Вот мой ответ.

Это была бомба!

Саша вгляделся в зал и увидел, как одобрительно закивали головами сидевшие рядом комсомольские работники: Иван Жолдак, редактор «Комсомольской правды» Тарас Костров, секретарь ЦК комсомола Александр Мильчаков и другие. А Чаплин продолжал свое обвинение:

— Из тех фактов, что я привел, вы видите, что борьба в комсомоле является отражением внутрипартийной борьбы. Эти факты проливают свет на истинное положение вещей в партии, говорят нам о том, кто хочет действительного, коллективного руководства: большинство Центрального Комитета или меньшинство во главе с Зиновьевым? Я думаю, что именно большинство ЦК не на словах, а на деле стоит за коллективное руководство партией.

Я должен сказать, что комсомольский актив кое-чему научился в последних дискуссиях с троцкизмом, вырос и закалился. Члены партии, работающие в комсомоле, хотя и молодые, но кое-чему научились, и льстивыми, звонкими фразами нас не проведут. Мы сумеем вести нашу работу так, чтобы комсомол всегда и везде шел нога в ногу с ленинской партией, работал под руководством партии и ее Центрального Комитета.

Конец речи Чаплина потонул в овациях.

Съезд разоблачил «новую оппозицию», одобрил генеральную линию партии — курс на индустриализацию страны и построение социализма.

Разбитые на нем зиновьевцы не подчинились партии и голосовали против доверия ЦК.

28 декабря съезд принял обращение к ленинградским коммунистам, осуждающее выступление зиновьевцев. В нем выражалась уверенность, что «ленинградская организация, всегда шедшая в авангардных рядах партии, сумеет исправить ошибки, допущенные ленинградской делегацией».

В начале января в Ленинград выехала большая группа членов ЦК и видных деятелей партии: К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, В. М. Молотов, С. М. Киров,

Г. И. Петровский, а вслед за ними — комсомольские работники — делегаты XIV съезда и члены ЦК РЛКСМ. Они должны были разъяснить широким массам коммунистов и комсомольцев города решения съезда и идейно разоружить оппозиционеров.

В составе этой группы был и Александр Косарев.

— Вам там, товарищи, на первых порах будет трудно, — напутствовал цекамольцев Николай Чаплин. — Зиновьевцы основательно затуманили головы ленинградским коммунистам и комсомольцам. Но туда же выезжает Сергей Миронович Киров. Он вам поможет и в обиду вас не даст.

...Менее шести лет прошло с того серого октябрьского дня, когда благуше-лефортовский комсомольский активист Саша Косарев прятался под нарами старого пульмановского вагона, «зайцем» добирался до красного Питера защищать его от нашествия Юденича.

Шесть лет! Много ль, мало? Смотря чем измерить их! У иного пролетают они как мгновения, не оставив в памяти ни единой зарубки. А тут — целая комсомольская судьба: работа в двух районах: Петрограда и Москвы. Первые идеологические бои за молодежь с троцкистами. Недолгая по времени, но до чего же насыщенная работа в Пензенском губкоме комсомола! Сколько встреч, человеческих судеб, событий обогатили Александра Косарева. И всюду, как трудолюбивая пчела, накапливал он драгоценные крупицы опыта.

Шесть лет... В далекое прошлое ушли грозовые годы войны. И вот Косарев снова едет в город на Неве — теперь уже Ленинград. И не под лавкой пульмановской военных лет теплушки, а в классном, комфортабельном вагоне «Красной стрелы». От непривычной обстановки — полированного дерева панелей, малинового плюша па диванах, хрустальных плафонов верхнего электроосвещения, фигурной медной пайки стеклянных дверей — Саша немного смущен. Хорошо, что рядом друзья-единомышленники: Иван Жолдак — секретарь Харьковского окружкома комсомола, Сергей Соболев и Давид Ханин — коренные ленинградцы, противники «новой оппозиции». Соболев — ветеран петроградского движения молодежи, один из создателей комсомола в Питере.

Под монотонный мерный стук колес думы лезут после напряженных дней чередой. Вспомнились питерские комсомольские наставники: «Вот уже и Оскар Рывкин ушел на партийную работу; теперь — секретарь Выксун-

Репродукция с картины П. Белоусова
«В. И. Ленин выступает перед делегатами III съезда РКСМ».

А. Косарев и П. Смородин в группе слушателей центральной политшколы Петроградского комитета РКСМ. 1920 г. II выпуск ЦПШ ПК РКСМ.

А. Косарев. 1922 г.

Учащиеся Черемховской школы ФЗУ. 1923 г.

А. Косарев выступает на I Всесоюзном радиособрании комсомольцев, посвященном VI Всесоюзной конференции ВЛКСМ.

С. В. Косиор и А. Косарев.

А. Косарев в группе краснофлотцев.

Делегаты VII Всесоюзной конференции ВЛКСМ во главе с А. Косаревым на ипподроме во время конноспортивного праздника. 1932 г.

Бригада Филимонова перед «молнией», извещающей о рекорде проходки штольни.

В группе секретари ЦК ВЛКСМ А. Косарев и Д. Лукьянов.

Группа строителей Московского метро. 1930-е годы.

А. Б. Халатов, Д. Лукьянов, А. Косарев в президиуме совещания комсомольцев железнодорожного транспорта.

А. Косарев, П. Ангелина, С. Салтанов. 1935 г.

А. Косарев среди гостей из Монголии на X съезде ВЛКСМ. 1936 г.

Косарев, Орлов, Салтанов и другие в группе комсомольцев-краснофлотцев, награжденных орденами на приеме в ЦК ВЛКСМ. 1936 г.

Группа комсомольцев-метростроевцев читает листовки, выпущенные редакцией «Комсомольской правды». 1937 г.

С. М. Буденный, Я. И. Алкснис, А. Косарев и другие
на Тушинском аэродроме в день авиационного праздника. 1937 г.

А. В. Косарев среди делегатов Октябрьского района
на V Харьковской городской конференции. 1937 г.

А. Косарев.

А. Косарев среди комсомольцев завода «Красный треугольник». 1938 г.

ского укома партии Нижегородской губернии. Петр Смородин — на курсах марксизма-ленинизма...»

«Красная стрела» подкатила к платформе Октябрьского вокзала. На перроне их встретил Ятролянц — управляющий делами губкома.

— Здорово, что ЦК прислал вас на подмогу! Одним нам с оппозиционерами в комсомоле не справиться, глубоко корни пустили... В партийных организациях цековцы уже начали вразумлять отступников. Ударили по оппозиционерам из «главного калибра». Теперь ваш черед!

Только посланники Цекамола разместились в гостинице «Европейской», как их пригласили к Сергею Мироновичу Кирову. Разговор был кратким. Главное: довести до сознания молодежи решения съезда партии и методы работы «новой оппозиции» на нем.

— О том, как ведут себя зиновьевцы в Ленинграде, увидите на собраниях... На встречах с коммунистами самыми недисциплинированными крикунами и бузотерами стали «зеленые».

И, прочитав в глазах цекамольцев вопрос, пояснил:

— «Зелеными» коммунистами мы прозвали зиновьевцев, громче всех вопящих о партийной демократии в партийной среде. Это отвратительно настроенный молодняк. Их примерно до трехсот человек, и все они незаконно получили партийные билеты. Теперь кочуют с одного собрания на другое. Кричат громче всех. Только ничего у них не выходит. Полегоньку разгадывают их обманутые зиновьевцами партийные организации. Готовьтесь встретить «зеленых» и на комсомольских собраниях, особенно в Московско-Нарвском районе. Этот район оппозиция считает своей цитаделью.

Времени на изучение обстановки не было. Цекамольцы разъехались по районам, чтобы на месте определить свое «поле» деятельности, связаться со здоровыми партийными и комсомольскими силами.

— Ты, Косарев, в 1920 году в Московско-Нарвском районе учился? — спросил Сергей Соболев. И, не дожидаясь ответа, предложил: — Будешь в комсомольских организациях этого района разъяснять решения съезда партии. Район, сам знаешь, большой, промышленный. Здесь уже несколько дней пропагандистскую работу ведут слушатели «Свердловки». В случае чего, с ними связь держи, они помогут. Тебе самый трудный участок даем. Зиновьевцы называют Московско-Нарвский район «твер-

дыней Саркиса» — секретаря здешнего райкома партии и ярого оппозиционера.

По вечерам посланцы Цекамола собирались в «Европейской» у «Мироныча», как они тепло прозвали Кирова. Подводили итоги дня. Из цекамольцев первым слово, как правило, предоставляли Соболеву и Ханину, ранее работавшим в Ленинграде.

— Выборгский комсомол, не в пример партийным товарищам, все еще бузит, — докладывал Ханин. — Вынес резолюцию, в которой осуждает товарища Комарова за обвинение секретаря губкомола Румянцева в призыве к расколу партии и комсомола.

— Это мнение всей комсомольской организации? — перебил Киров.

— Нет, — вступил в разговор Косарев. — В комсомольских коллективах эту линию многие не поддерживают. Четвертого января, например, в понедельник, в Ленинграде намечали провести день союзной работы. Здоровая часть комсомольцев решила включить в повестку дня своих собраний доклад об итогах XIV партсъезда.

— Ну и как?

— Московско-Нарвский и Выборгский райкомы, Сергей Миронович, немедленно разослали в эти организации телефонограмму: «Союзный день отменяется на неопределенное время. О следующем союзном дне будет сообщено особо».

— В том же Выборгском районе, — продолжал Ханин, — когда организатор коллектива ВКП(б) на «Светлане» решил созвать коммунистов, работающих в комсомольской организации для того, чтобы информировать их о решениях съезда партии, то из райкома комсомола пригрозили ему: «Если не отменишь этого собрания, вызовем в контрольную партийную комиссию...»

— Ну и ну! До чего распустили своих молодчиков зиновьевцы: комсомольские работники угрожают контрольным партийным органом коммунисту. И не просто коммунисту, а партийному руководителю... — Киров сжал кулаки и возбужденно сказал: — Зиновьевская комсомольская верхушка так разложилась, так зарвалась, что партийными работниками начала командовать! Неслыханно! И это после двадцать девятого декабря, когда на собрании партактива Выборгского района на Лесном по докладу Орджоникидзе восемьсот коммунистов-выборжцев приняли резолюцию, осуждающую действия оп-

позиции! Постыдную роль играет комсомольская верхушка в Ленинграде.

— Сергей Миронович! Я хочу рассказать кое-что из анализа партядра в ленинградской организации. — Слово взял Сергей Соболев. Говорить ему трудно. Каждое слово вытягивает из себя словно с болью, все-таки родная организация, столько сил ей в свое время было отдано...

— Раньше нам в ЦК РЛКСМ казалось, что партийные силы в Ленинградской комсомольской организации крепкие; партядро в ней — четверть всего состава. Это в два с половиной раза выше, чем партийная прослойка во всем РЛКСМ. Теперь посмотрим, товарищ Киров, на Василеостровскую партийную организацию. В ней комсомольский актив составляет тридцать один процент!

— Это что — плохо или хорошо?

— Судите сами, Сергей Миронович. Но, по-моему, это была не подготовка молодых к приему в партию, а прямая вербовка их зиновьевцами. Молодежь-то вроде сама по себе и ничего, но зеленая, производства не нюхала...

— Вот-вот! Именно из таких юнцов зиновьевцы команду горлопапов и готовили.

— Мы успели на сегодня только несколько комсомольских коллективов учесть, — докладывал дальше Соболев. — В них тысяча двести коммунистов работает. Из них сто человек с производственным стажем до года, у двухсот — едва-едва год наскребли.

— Они не коммунистами себя в комсомоле чувствуют, а комсомольцами в партии... — вставил Ханин.

— Ну а что разбитые оппозиционеры про ваши первые успехи говорят?

Цекамольцы смущенно замолчали, а у Саши вдруг сорвалось:

— Кир-р-ро-ва победа, говорят...

И замолчал, спохватившись.

Но Киров рассмеялся заразительно и снял возникшее напряжение и неловкость:

— О нашей пирровой победе мы уже наслышапы. Но партии, запомните, не победа и не полупобеда нужны. Мы должны завоевать умы и сердца молодежи! Ясно?..

7 января Центральный Комитет комсомола утвердил новый состав Северо-Западного бюро ЦК РЛКСМ во главе с Сергеем Соболевым. В него вошел и Александр Косарев. Работать Косареву стало легче. Все-таки на комсомольские собрания он приходил теперь не просто про-

пагандистом решений партийного съезда, а представителем регионального руководящего органа РЛКСМ.

Через неделю грянул гром. На бюро Ленгубкомола оппозиционер Румянцев протащил резолюцию, в которой лишь формально, в силу партийной дисциплины признались решения съезда обязательными. Это означало, что бюро губкома РЛКСМ по-прежнему оправдывает линию оппозиции и пытается противопоставить Ленинградскую организацию комсомола всей партии и всему Союзу молодежи. На повестку дня был поставлен вопрос об оздоровлении Ленгубкомола. Вскоре секретарем Ленинградского губкома комсомола стал Сергей Соболев.

Поток дезинформации населения города сокращался с каждым днем. Но представителям партии и комсомола, приехавшим из Москвы, по-прежнему приходилось нелегко. Преодолевая «оппозиционные судороги» зиновьевцев, они постепенно, изо дня в день, рассеивали туман клеветы, ликвидировали путаницу в умах молодежи, завоевывали ее сердца.

Весь январь и февраль того года пульс Ленинградской комсомольской организации бился напряженно, порой лихорадочно. Цекамольцы учились у старших товарищей — посланцев ЦК ВКП(б) мастерству политической полемики, искусству побеждать в ней самого искушенного в оппозиционной борьбе противника.

После избрания С. М. Кирова первым секретарем Ленинградского губкома партии он обосновался в Смольном, но жить продолжал в гостинице вместе с московскими товарищами, которые поддерживали его в трудной должности. Сколь трудна она была в те дни, видно из эпизода, рассказанного Германом Нагаевым:

«...В кабинет заглянул секретарь:

— Сергей Миронович, звонит Калинин.

— Спасибо! Сейчас. — Он подошел к столу, поднял трубку. — Слушаю вас, Михаил Иванович. Что? Ворошилова не пустили на вагоностроительный? Прорвался, а его вынесли за ворота. Совсем распоясались зиновьевцы. Вы хотите ехать? Хорошо, поедемте вместе. Я за вами заеду.

Киров позвонил секретарю и попросил срочно вызвать машину.

...Разгневанный Ворошилов действительно ходил около заводских ворот.

— В проходной не коммунисты, а банда оппозицио-

неров, — возмущенно заговорил он, пожимая руку Кирову. — В гражданскую мы таких сволочей предателей ставили к стенке. Ты, Мироныч, построже с ними.

— Хорошо. Постараюсь, — сказал Киров и первым вошел в проходную.

— Ваши пропуска? — потребовал старший из вахтеров.

— Я Киров — первый секретарь Севзапбюро ЦК и Ленинградского губкома, — резко сказал Киров. — Живо ко мне начальника охраны!

...Из длинного приземистого помещения, приспособленного под клуб, долетали резкие крики и гул толпы...

Когда Киров, Ворошилов и Калинин появились на сцене, Комаров прервал оратора:

— Товарищи, внимание! К нам на собрание прибыли члены ЦК товарищи Калинин, Киров и Ворошилов.

Раздались робкие аплодисменты. Вдруг кто-то засвистел, посыпались враждебные выкрики.

Председатель, повременив, зазвонил в колокольчик. Крики постепенно стали утихать.

— Продолжайте! — крикнул председатель, но тот уже был сбит с толку, оборвал нить мысли и, махнув рукой, сошел с трибуны.

— Выступай ты, Сергей Миронович, — шепнул Калинин. — Ворошилову надо поостыть.

— Ладно, — согласился Киров и попросил слова...

Киров, взойдя на трибуну, понял, что переубедить собрание едва ли удастся.

Он начал сдержанно, по-деловому рассказывать о решениях съезда.

— Знаем, читали! — закричали в зале.

— Лучше расскажите, почему напали на Зиновьева?

— На Зиновьева никто не нападал! — повысил голос Киров. — Это он напал на Центральный Комитет. Это он со своими приспешниками ринулся в бой, ополчился против генеральной линии партии, против ленинского плана строительства социализма и, как следовало ожидать, был разбит.

В зале одновременно послышались одобряющие аплодисменты и свист.

Киров, выждав тишину, усилил голос. Он говорил просто, понятно, и многие в зале начали одобрительно перешептываться. Киров почувствовал это, оживился и закончил свою речь призывом поддержать решения съезда и осудить оппозицию.

Но тотчас председательствующий предоставил слово парторганизатору Абрамову — крупному мужчине с энергичным лицом. Он вышел на трибуну, уверенно сознавая, что в зале подавляющее большинство его сторонников, заговорил зычным голосом:

— Киров сейчас поносил нашего товарища Зиновьева. А ведь Зиновьев старый член партии и один из видных ее деятелей. Еще накануне Октябрьской революции, когда за товарищем Лениным охотились ищейки Временного правительства, Зиновьев ездил к нему в Разлив, рискуя жизнью. Работал в эмиграции в большевистской печати. А что из себя представляет Киров? Мы его совершенно не знаем...

В зале закричали, резко затопали, засвистели. И трудно было понять, одобряют они или негодуют.

Абрамов решил, что одобряют, и крикнул:

— Я решительно призываю голосовать против решений съезда.

Его слова потонули в хлопках, свисте, гуле. Абрамов сел с видом победителя.

Пока звонил колокольчик, Калинин пожал руку Кирова, как бы говоря: «Ничего, не волнуйся» — и подошел к председателю. В зале сразу угомонились.

— Слово товарищу Калинину, — объявил председатель.

Калинин, взойдя на трибуну, долго протирал очки, выжидая полной тишины. Потом надел их, осмотрел собравшихся и заговорил неторопливо:

— Смотрю я на вас, товарищи, и не верю, что передо мной питерские рабочие. Я сам в трудные годы царизма был питерским рабочим. Мы много митинговали. Выступали против самодержавия, но такого не было. Да, не было! Ворошилова, прославленного полководца, героя гражданской войны вынесли с завода. На что же это похоже? А?

А ваш парторганизатор напал на товарища Кирова. Дескать, он ноль без палочки по сравнению с Зиновьевым. А Киров здесь, в Петрограде, в 1917 году участвовал в революционных боях. Киров — старый подпольщик, большевик с 1904 года. Он был одним из организаторов томской вооруженной демонстрации студентов и рабочих в январе 1905 года и свое пролетарское образование получил в одиночной камере томской тюрьмы. За свою революционную деятельность он трижды сидел в царских тюрьмах. В бурные годы гражданской войны он руково-

дил военной экспедицией по доставке оружия на Кавказ для Одиннадцатой армии... Именно он, Киров, отстоял от белых Астрахань — оплот Советской власти на Волге. А когда был освобожден Кавказ, он поднял бакинский пролетариат на трудовой подвиг и за короткий срок восстановил нефтяные промыслы Баку. А что сделал Зиновьев? Он восстановил лишь вас против ЦК и генеральной линии партии.

— Правильно! Верно! — раздались негодующие голоса.

— Но я верю, товарищи, — продолжал Калинин, — что это заблуждение, эта ошибка будет исправлена. Я призываю вас не посрамить славное имя ленинградского пролетариата и осудить оппозицию, принять резолюцию, одобряющую решение съезда и генеральную линию ЦК».

На комсомольских же собраниях было всего вдоволь. И шуму, и брани, а на некоторых из них дело доходило даже до потасовки. В выражениях не стеснялись. В карман за смачным словечком не лезли. Но мотивы дискуссии были теми же, а методы работы зиновьевцев среди молодежи были более хулиганскими, чем на партийных собраниях.

Косарев не узнавал комсомолию Московско-Нарвского района. Ее как подменили. А пригляделся внимательнее к ней, увидел, что враждебно настроенных юношей и девушек — явное меньшинство. «Такие вот и вынесли, наверное, Клима Ворошилова за проходную», — решил Саша. Большинство же составляли любители просто побузить, увлеченные азартом игры в оппозицию. «Говорят с чужого голоса, — размышлял Косарев. — Твердых не больше половины, но держатся они спокойно и сплоченно».

На табачной фабрике Косарев только вышел к столу для доклада о съезде партии, о делах комсомольских, как с передней скамьи поднялся парень и, обернувшись вполоборота к комсомольцам, не к Косареву, крикнул:

— Ты нам, гусь московский, скажи: зачем вы к нам понаехали и ленинградцев с постов комсомольских снимаете; Румянцева — нашего секретаря губкома, редактора «Смены» — за что? Все о демократии толкуете, о дисциплине, а сами как при царском режиме распоясались?!

И сел с видом победителя. В зале свист, топот ног, крики:

— Верните Румянцева!

— Когда хозяйничать перестанете?

Косарев набычился, готовый броситься в атаку, но

сдержался. Когда же зал немного утих, крикнул в него звонким голосом:

— Румянцева не я, а Цекамол и Центральный Комитет партии отстранили от работы в юношеском движении как недисциплинированого коммуниста, как человека нестойкого, помогавшего оппозиционерам разложить верхушку боевой пролетарской ленинградской организации.

— Ты-то сам из каких пролетариев, чтобы к нашей рабочей передовой организации примазываться?! — снова крикнул парень из первого ряда.

В зале опять воцарился шум.

— Из каких я пролетариев, спрашиваешь? А ну, покажи свои руки, мозгляк! — не сдержался Саша. И, увидев, как бузотер инстинктивно спрятал свои руки за спину, обращаясь уже к собранию, сказал:

— Видите, он свои белы рученьки за спину сховал! А мои руки, товарищи, прятать от рабочих глаз нечего. Вот они, мои руки какие — в струпьях все они, кислотой изъеденные на цинковальной фабрике Анисимова в одна тысяча девятьсот двенадцатом году еще...

И, успокоившись, добавил тихо, но так, чтобы слышно было в зале:

— Не питерский я, это — факт! Из московских рабочих. А «Интернационал» — гимн наш, он что: про одних питерских рабочих сочинен, что ли? Вот этой самой, мнимой исключительностью вашей и затуманили вам мозги оппозиционеры! Над всемирным пролетариатом вознестись хотите. Только и слышно на ваших собраниях: «Ленинградцев бьют!», «В ленинградцев стреляют!», «Ленинградский пролетариат — соль земли пролетарской!» Кричите бездумно, словно прихвостни оппозиционеров. Никто ленинградцев не бьет. Город ваш, он — Ленина город, святой всем нам город, колыбель пролетарской революции. И рабочий класс здесь сильный, только протрезветь кое-кому надо. Факт!

Зал притих от такого оборота, а Косарев продолжал:

— Секретарем Ленинградского губкома комсомола назначили Серегу Соболева. Он — питерский до мозга костей. Многим из вас мать еще своим подолом сопли вытирала, когда он комсомол здесь, в Питере, создавал. Это тоже — факт!

— Все равно недемократично! Он, хотя и наш, питерский, но из Москвы привезенный!

— Недемократично, говорите! А демократично приспешники оппозиции поступили, когда Марью Синцо-

ву с Леной Басовой на товарищеский суд потащили только за то, что эти девушки среди вас съездовскую литературу распространяли: правду о партийном съезде комсомольцам разъясняли? Вот вы до чего докатились: на восьмом году пролетарской революции документы партии пришлось среди вас подпольно распространять! Только хватит! Не будет больше такого. Партия не допустит и слово свое до народа доведет открыто и честно! За тем мы сюда и посланные.

— Прошу слова!

С задней скамьи поднялся парень и, разгребая плотные ряды собравшихся, быстро оказался у стола президиума.

— Дать ему слово! Говори, Петруха! — послышались голоса из рядов сторонников оппозиции.

— Я, мужики, знаете, к ней самой, к оппозиции, принадлежу. Только на хрена она мне сдалась, эта оппозиция, если нас, пролетарских парней, ленинградских с московскими она лбами сталкивает. А этого хлопчика — «товарища Косарева», как нам его сейчас представили, я с девятнадцатого года знаю. Он, хотя и москвич, но наш он, ребята, питерский. Мы ж на Юденича вместе ходили, потом в районной школе политграмоты учились. Иль не узнаешь меня, Сашка? Петька Хмуров я.

Зал снова взревел. Теперь от неожиданности:

— Вот это — «факт»!

— Двурушник! — кричали оппозиционеры.

А Петька Хмуров рубил сплеча вдохновенно:

— Хватит болтать да слушать наших обанкротившихся горе-руководителей из старого губкома. Пора чрезвычайную комиссcию создавать, новый губком созывать. Голосуй, председатель собрания, за доверие ЦК!

Не все собрания заканчивались так неожиданно и хорошо. Не всегда Косарев уходил с победой или удовлетворенный. Оппозиция глубоко пустила корни. Но от собрания к собранию сам оратор чувствовал силу правдивого большевистского слова, могущество партийной правды. Крепла и аргументация в докладах, обогащалась фактами и рекомендациями, выработанными на совещаниях у Кирова выводами:

— Перед съездом партии, — рассказывал молодежи на другом собрании Косарев, — вышла из Ленгубкома и пошла гулять по рукам городского комсомольского актива знаменитая «синяя папка». В ней были тенденциозно подобраны статьи ряда партийных товарищей,

вплоть до члена Политбюро ЦК ВКП(б) Николая Ивановича Бухарина и других ответственных работников партии. Комсомолец — он же и член партии, работник «Смены» Барабашев снабдил их самыми развязными, извращающими смысл статей и партийную линию примечаниями. Эту свою пачкотню он согласовал с секретарем Ленинградского губкомола Румянцевым.

Зал сидел напряженно. Факты сами по себе были комсомольской массе малоизвестны. Выступавшие на прошлых собраниях лидеры оппозиции говорили о них намеками: дескать, «есть у нас синяя папочка, прочтете — закачаетесь...». Косарев говорил ровно, спокойно. Теперь он подходил к вопросу, о котором не любила разглагольствовать зиновьевская верхушка:

— Когда представители ЦКК ВКП(б) потребовали у губкома партии ответа, как и почему допускались подобные вещи в руководимой им комсомольской организации, то губком оказался «в нетях», ему-де было неизвестно. Бесподобное объяснение прекрасно иллюстрирует хваленую организационную «твердость» и политическую бдительность прежних руководителей ленинградской организации.

Тут зал засвистел, затопал.

— Сам-то ты откуда такие подробности знаешь? Ты что, в ЦКК работаешь, что ли? Наших партийных руководителей чернить вздумал!

Но Косарева сбить было непросто. По предыдущим собраниям он знал, какое сейчас впечатление произведет на комсу его рассказ.

— Я, товарищи, — сказал он просто, почти дружелюбно, — был делегатом XIV партсъезда. Сам слышал об этом из уст Емельяна Ярославского — секретаря ЦКК. Он на двадцать второй ленинградской партийной конференции был и все документы такого порядка на руках имеет. И все делегаты партсъезда о них знают. Потому и выступаю я у вас, что зиновьевцы до сих пор от ленинградских коммунистов и комсомольцев эти факты скрывают.

— Скажи, какой правдивый нашелся! — закричал кто-то в зале.

— Ладно, жарь свою правду! — отозвались в другом конце.

— Но это «цветочки», а вот и «ягодки», — продолжал Косарев. — Когда секретаря губкома партии Куклина спросили, как он оценивает «теоретические изыскания»

Барабашева и Румянцева, он так ответил. Слушайте! У меня в руках бюллетень съезда партии. Кто не верит, пусть потом подойдет, сам прочитает: «Я рассматриваю, — говорил Куклин, — вопрос таким образом: у меня на книжке Ленина мой сынишка нарисовал гуся и корову. Такое ли это преступление? Для меня, конечно, очень больно, если изуродована книжка Ленина. Точно так же и на этой книжке, ведь это сделано по недоразумению, по недомыслию, и молодости ставить это в вину тоже не годится».

Может, Барабашев и Румянцев думают, что Куклин «защищал» их таким выступлением перед партией? Неужели им до сих пор не ясно, да и вам, сидящим в этом зале, неужели не ясно: Куклин политически третировал их, выставив перед всей партией молокососами и партийными недорослями?! Неужели вам не понятен политический смысл выступления этого представителя оппозиции? Он же на глазах у всех отрекся от тех, кто так искренне хотел защитить его, Куклина, политическую линию!

После таких выступлений и бурных дебатов Косарев приходил в «Европейскую» измочаленный до предела и направлялся к Кирову на очередную ночную «оперативку».

В рядах организации происходила мучительная борьба за единство, изживание оппозиционных настроений, в изобилии взращенных бывшими руководителями Ленгубкомола.

Два месяца подряд каждый райком, каждый коллектив, каждая цеховая ячейка представляли собой жаркую арену борьбы сторонников решений XIV съезда ВКП(б) с оппозиционерами. И было бы неправильно представлять себе, что стоило только прочесть в Ленинграде пару десятков докладов о XIV съезде ВКП(б), — и организация присоединилась к позиции всей партии. Дело обстояло далеко не так просто и легко. «Славная» деятельность оппозиционного губкома и руководящего районного актива не могла пройти совершенно бесследно. Новому Севзапбюро ЦК РЛКСМ, обновленной «Смене» и всем ленинградским работникам, не попавшимся на удочку «левой» фразы оппозиционеров, пришлось вести кропотливую борьбу за массы комсомольцев.

Внимание всего многотысячного комсомола было в эти месяцы приковано к Ленинграду. Ведь события развивались в пролетарской, наиболее испытанной организации. С тревогой и надеждой каждый комсомолец думал: «За

кем пойдет ленинградский комсомол, останется ли он по-прежнему в первых рядах союза под руководством партии или последует за своими сбившимися с ленинского пути руководителями?..»

Александр Мильчаков, не раз наблюдавший, «как разговаривал Косарев с рабочими ребятами и девчатами, не отделываясь «начальственными», «общими фразами», подчеркивал, что комсомольцы чувствовали в нем своего товарища, ясного и простого, понимающего их запросы и интересы и идущего им навстречу».

Блестящий наставник в этой трудной работе был рядом, всегда доступный цекамольцам — Сергей Миронович Киров. «Часами расспрашивал он о настроениях молодежи, — вспоминал сам Косарев. — Не раз советовал глубже изучать эти настроения и чутко подходить к каждому человеку». И Косарев «воевал» за душу каждого рабочего активиста. Бывало, после собрания уведет парня куда-нибудь в угол и внимательно по-дружески растолковывает ему весь вред ошибок. А потом с торжеством говорил: «Знаете, секретарь этой ячейки — прекрасный парень. Он честно понял свои заблуждения и теперь станет решительно бороться за партийную линию».

По ночам, уже смыкающимися от сна глазами Александр читал «Ленинградскую правду». Старейший большевик И. И. Скворцов-Степанов, назначенный ее редактором, вел газету блестяще. Была она чем-то похожа на фронтовой бюллетень, передающий сводки с мест боев. Да это и был самый настоящий фронт. Фронт идеологический. Наиболее упорные «бои» разыгрывались по-прежнему в Московско-Нарвском районе, особенно на заводе «Красный путиловец». Но и здесь очаги оппозиции заметно ослабевали.

Газета сообщала о жизни большого города, его заботах и культурных новостях. «В понедельник, 18 января, — читал Косарев, — в кинотеатре «Пикадили» устраивается просмотр нового советского боевика «Броненосец «Потемкин» в постановке режиссера Эйзенштейна». Кроме того, сообщала газета, будет демонстрироваться первый опыт «сюжетной хроники» «Рабочее строительство в Ленинграде» производства киносекции.

«Жизнь-то вокруг как интересно идет. Ничего, скоро и мы этот «броненосец» смотреть пойдем! Надо же, первый советский боевик! Здорово!..» И засыпал как убитый.

А на другой день снова «в бой»! «И снова в бой, — цитировал Косарев Блока. — Покой нам только снится...»

Оппозиционеры «недоумевали», как же так, «каким образом комсомольский актив, который в течение нескольких лет руководил организацией, «внезапно» оказался ей не пригоден?» И полились как из рога изобилия старые измышления: «Не массам стали неугодны оппозиционные комсомольские кадры, а руководящему аппарату».

— Молодые оппозиционеры, — сказал Косарев однажды, — так долго извращали истину, что, наконец, сами поверили своим измышлениям. Что же касается их заявлений о смене комсомольского актива в Ленинграде, то на самом деле комсомольские кадры, проводившие установки зиновьевцев, были смещены не свыше, а самими комсомольскими массами.

В «Ленинградской правде», молодежной газете «Смена» регулярно печатали сводки о собраниях комсомольских коллективов. Все чаще и чаще среди корреспонденций стали появляться сообщения коллективов с признанием своего недавнего ошибочного поведения, об осуждении его массами комсомольцев. Появились и персональные покаяния.

В Московско-Нарвском же районе каждую комсомольскую организацию по-прежнему приходилось брать «с боем». Ожесточенные схватки с оппозиционерами здесь продолжались, хотя и чувствовалось, как с каждым днем, каждым горячим собранием крепли ряды здоровых сил ленинградской комсомолии. Косарев видел, что и в поведении оппозиционеров произошли большие изменения. Теперь они усаживались не под самую трибуну докладчика, как раньше, а забирались в самый дальний угол, но шумели отчаянно. Голоса у молодежи звонкие: послушаешь — будто все собрание по-прежнему из сторонников оппозиции состоит. А дойдет дело до голосования, смотришь — из полутора тысяч присутствовавших их всего-навсего ну от силы полсотни наберется.

Косарев продолжал без устали разъяснять молодым оппозиционерам и сбитым ими с толку юношам и девушкам смысл их собственного поведения, причины того, почему же и как они оказались в сетях оппозиции:

— Факт вашей податливости на оппозиционность имеет ряд причин, — говорил он методично спокойным голосом. — Сказать, каких?

Зал в таких случаях затихал. И Косарев видел, как напряженными становились лица комсомольцев.

— Когда перед партийной массой, товарищи, встают вопросы о том, где у нас еще сохраняется капитализм, а

где развивается социализм, то молодежи решение этих вопросов дается труднее потому, что она уже не знает, чем был настоящий капиталистический режим па фабрике. Поэтому она труднее улавливает коренное отличие социалистической фабрики, принадлежащей пролетариату, от старой капиталистической фабрики, легче поддается на размалевывание оппозицией теневых сторон нашей современности. Вот и слышим мы голоса молодых: «Что вы о социализме нам толкуете, когда у нас то-то и то-то плохо?» Но скажу я вам, товарищи, что большую роль в вашем поведении сыграли и левые фразы оппозиции, на которые вы, как пескарь на удочку, клюнули, а за вами на нее попадалась и молодежь, всегда склонная к самой «яркой» и «левой» «революционности»...

Он остановился. По залу прокатилась волна рокота. И, заметив, что некоторые комсомольцы обменялись недоуменно взглядами, Косарев продолжил:

— «Как же не поддержать оппозицию!» — шумите вы на всех собраниях. — «Как же не поддержать ее, коль она говорит о борьбе с кулаком, а кто-то там пытается его, мироеда, прикрыть; кулацкую опасность затушевать? Давай сюда защитников кулака на расправу! Браво, оппозиция!»

Вот как вела и ведет себя на комсомольских собраниях обманутая оппозицией молодежь. Так рассуждала она, увлекаясь левой фразой.

— В яблочко попал Косарев! Так их! — кричали теперь участники собрания.

А Косарев, разгоряченный, заканчивал:

«Дело партии и наше тоже, товарищи — сторонники решений четырнадцатого съезда, — разъяснять и разъяснить молодняку его ошибки.

Партия боролась и будет бороться за молодежь, как за свою смену. И она никому и никогда не позволит из революционной смены сделать оппозиционную замену, не позволит противопоставить молодую рать старой партийной гвардии».

Так изо дня в день на партийных и комсомольских собраниях Московско-Нарвского района подрывались устои «цитадели» зиновьевской оппозиции. И, в конце концов, рухнули. Всюду коммунисты и комсомольцы требовали созыва внеочередных партийных и комсомольских конференций для очищения выборных руководящих органов от оппозиционеров и их сторонников.

СНОВА — СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА...

27 февраля актовый зал технологического института заполнили делегаты VII комсомольской конференции Московско-Нарвского района.

Сегодня Александр проснулся раньше обычного. Сосед уже плескался в ванной, заботливо положив на стул перед косаревской койкой свежий номер «Смены». Косарев пробежал ее бегло глазами, но задержался на строках признания лидерами комсомольской оппозиции своих ошибок: «Мы признаемся, что нас запутали, что мы сами безбожно запутались, что мы путали других».

Саша отложил газету в сторону. Вспомнились все собрания последних дней и комсомольская конференция Московско-Нарвского района.

Косарев, обладавший тонким и острым политическим чутьем, в сложной обстановке тех месяцев потянулся к комсомольцам-морякам Балтийского военно-морского флота.

В Пензе он продолжил начатую в Бауманском райкоме работу по укреплению шефства комсомола над флотом. Тогда бауманцы направили первую группу комсомольцев для службы на военно-морских судах и установили тесную связь с «плавучим сыном комсомола» — так они назвали учебное судно «Океан», вскоре переименованное в «Комсомолец». В Пензе не было поблизости кораблей и далекими были от нее морские просторы. Но и отсюда лучших своих комсомольцев-призывников организация направила в высшие военно-морские училища.

Теперь в Ленинграде Косарев глубоко осознал, что на Балтийский флот благодаря шефству комсомола влилась целая армия передовых комсомольцев. Вот почему он настойчиво добивался вовлечения флотского комсомола в активную жизнь комсомольской организации Ленинграда, и в первую очередь в дела молодежи Московско-Нарвского района.

С этого времени балтийский флотский комсомол стал составной и нераздельной частью Ленинградской организации РЛКСМ. Косарев выступал на кораблях и в Военно-морском училище имени Фрунзе. «Многие товарищи, — рассказывал М. Волков, — тепло вспоминают о собраниях с участием А. В. Косарева, которые помогли им глубже разобраться в той сложной обстановке и полнее уяснить поставленные партией задачи.

В свою очередь, А. В. Косарев привлек комсомольцев и комсомольский актив флота к подготовке комсомольской конференции Московско-Нарвского района. При открытии конференции представитель подшефного района военно-морского соединения отдал рапорт делегатам. Это был первый случай в истории комсомольских организаций города. Значительная часть бывшего районного актива находилась еще под влиянием оппозиции, но комсомольская конференция Московско-Нарвского района в целом прошла под знаменем единства комсомола с большевистской партией, поддержки решений XIV съезда партии».

На другой день — 27 февраля — Косарев писал в «Ленинградской правде»: «Партия и Северо-Западное бюро ЦК РЛКСМ вынуждены были через голову оппозиционного Московско-Нарвского райкома РЛКСМ пойти в массы, рассказать им правду о съезде... Старый актив не отражал мнения организации. В политическом отношении массы организации переросли своих руководителей. Организация решительно отмежевалась от оппозиционного актива и выдвинула на работу лучших представителей рабочей молодежи. Актив обновился на 90 процентов».

Была эта конференция для Косарева знаменательной еще и тем, что избрали его — первого секретаря Пензенского губкома комсомола — секретарем Московско-Нарвского райкома комсомола. Сашу смущало только одно обстоятельство: как к этому факту отнесутся в Пензенском губкоме партии: не сочтут ли беглецом? Там работа — тоже не сахар... Вспомнилось и предостережение Матвея Константиновича Муранова: «Солдата, осмелившегося уйти с поста раньше, чем придет смена, знаешь, как на языке военного устава называют? Дезертиром!»

С сомнениями хотел поначалу обратиться к Кирову, да, поразмыслив, решил: «У него и без меня хлопот полон рот...», пошел к Соболеву. Сергей выслушал Косарева спокойно и ответил вопросом:

— А ты что молчал, когда тебя Центральный Комитет в Северо-Западное бюро ЦК РЛКСМ кооптировал? Не догадывался, зачем тебя на Чрезвычайной Московско-Нарвской партийной конференции членом райкома ВКП(б) избрали, а на губернской партийной конференции в состав губкома ввели? Эх, Сашок, за пензяков не беспокойся, им в ЦК партии разъяснят, что не покинул

ты организацию, не дезертировал. Ты пока здесь вот как нужен. — И Соболев полоснул себя ребром ладони по горлу. — Позарез нужен! Надеюсь, понимаешь? Так что к Мироновичу не ходи, не вздумай обращаться. — Все это Соболев выпалил на одном дыхании. — Дай срок, укрепимся мы тут, окрепнет районная организация, спасибо тебе комсомольцы скажут, и катись в Москву снова. Тебе из Питера не впервой уезжать...

— Да ты что, Серега, никак обиделся? Я с тобой советуюсь, а ты — в пузырь!

От этих воспоминаний сейчас Косареву сделалось не по себе. «Разве не понятно, что он, Косарев, — человек выдержанный, дисциплинированный: где сочтут нужным, там и буду работать!»

Вечером 4 марта во Дворце имени Урицкого (бывшем Таврическом дворце) открылась губернская комсомольская конференция. Она подвела итог работы бригады ЦК РЛКСМ, направленной в помощь партийному и комсомольскому активу Ленинграда. Все разъехались по местам своей прежней работы. Все, кроме Соболева и Косарева.

В Ленинграде под руководством Сергея Мироновича Кирова — «человека, излучающего обаяние, как теплые лучи», безгранично преданного идеалам коммунизма, происходило дальнейшее формирование лучших качеств комсомольского вожака Косарева.

На VII съезде РЛКСМ он выступал от имени ленинградской организации. Об этом факте сохранились воспоминания одного из московских комсомольцев тех уже далеких лет: «Сама многоцветная весна заполнила Большой театр и растеклась буйными потоками и ручьями по партеру, ложам, галереям. Строгие пиджачные пары уже солидных «ветеранов» комсомола и традиционные защитные «безгалстучные» гимнастерки, перекрещенные портупеей, и пестрые, цветистые халаты представителей среднеазиатских республик.

В фойе, в коридорах встречались старые друзья, обменивались воспоминаниями, с жаром говорили о делах боевых, насущных. А время было горячее. Разбитые троцкисты и зиновьевцы пытались еще влиять на молодежь. Они повсеместно получали отпор.

Наиболее бурные бои происходили в Ленинграде. Поддержавшие оппозицию руководители были отстранены. На VII съезде выступали новые руководители ленинградского комсомола.

И вот на трибуне один из них, секретарь Московско-Нарвского райкома Александр Косарев.

Имя его мне было известно давно. Еще работая в Москве, он приходил к нам на Пресню. Но встречаться не приходилось.

«Старый активист» комсомольского движения показался мне совсем юным. Выступал он ершисто, темпераментно, с настоящим комсомольским задором. И в то же время очень задушевно и просто...

— Ленинградская делегация считает своим долгом сказать следующее: без кичливости, без чванства мы желаем заниматься практической работой... Ленинград хочет большевистского единства. Мы дадим решительный отпор всякому, кто попытается противопоставить ленинградскую делегацию нашему ЦК.

Зал ответил дружными аплодисментами. И запел «Молодую гвардию»...

Потом было много выступлений. Никогда не забыть замечательной речи «всесоюзного старосты», представителя ЦК партии Михаила Ивановича Калинина.

Окончив свою речь, Калинин сел за стол президиума рядом с Косаревым. И, казалось, это символ единства двух большевистских пролетарских поколений. Запомнилось: Косарев что-то шепнул Михаилу Ивановичу, и Калинин улыбнулся широкой, весенней, очень молодящей его улыбкой».

У Косарева были все основания так говорить о работе ленинградской организации. «Плоды» деятельности оппозиции он собирал не только на комсомольских собраниях. За шумными собраниями наступили дни заметной апатии и не только среди вчерашних бузотеров. Чувствовались не то усталость, не то разочарование. Обиженные и недовольные, связанные личной дружбой с идейно разгромленными оппозиционерами, исподволь продолжали свою подрывную работу. Позднее стало известно, что в этих целях Файвилович и Москвин создавали даже «свой» подпольный Московско-Нарвский райком...

Саша понимал, что нельзя допускать даже намека на разрастание апатии. Но и как предотвратить этот процесс, особенно если учесть, что актив в районе сменился? Его надо было многому научить, а некоторых активистов учить заново всему и ежедневно! А в самом райкоме штатных работников четыре-пять человек... Попробовал расширить их возможности организацией групп

внештатных инструкторов из наиболее подготовленных активистов. Это было его нововведением в комсомоле. Работать стало легче. Искал Косарев и пути укрепления связи райкома с ячейками. Как-то сам собой установился неписаный порядок: вечерами сходиться в райкоме — просто так, на товарищеский разговор. Делились новостями, коллективно продумывали планы на будущее. В ячейках ответственные организаторы завели дневники учета настроений молодежи, создавали так называемые «бытовые ядра».

Косарев настоял на организации встреч руководителей-хозяйственников с рабочей молодежью. В итоге родилось много полезных инициатив. На предприятиях района впервые прошли конкурсы на звание лучший молодой производственник. Решили и другую важную задачу. Дело в том, что на большинстве ленинградских предприятий молодежь трудилась, как правило, чернорабочими. Для нее организовали профессионально-технические кружки, а потом комсомольцы завода «Электросила» открыли новый почин — стали добиваться у администрации перевода подучившихся молодых рабочих на участки, где использовался квалифицированный труд. Их поддержали комсомольские организации и других предприятий. Через два месяца на заводе «Красный треугольник» на квалифицированную работу перевели 74 молодых производственника, на заводе «Красный путиловец» — 67.

Не забыл Косарев и о политическом просвещении, организации досуга. Были открыты политические школы и родился театр рабочей молодежи — ТРАМ.

ТРАМ много сделал для выхода комсомольцев из состояния апатии, равнодушия, наступивших после жарких боев с зиновьевцами. Он тот час же стал любимейшим театром молодежи — «художественным агитпропом комсомола». Его спектакли на актуальные темы сохраняли агитационность, присущую самодеятельным выступлениям первых революционных лет, рождали страстные споры о самых разных проблемах общественной морали молодежи — о любви и дружбе, о подлинном и ложном товариществе. Молодежь стремилась в театр, на сцене которого она узнавала себя. Каждая постановка ТРАМА горячо и страстно обсуждалась тут же, в зрительном зале, и на комсомольских собраниях, на молодежных вечерах и во время обеденных перерывов. Возвращались со спектаклей гурьбой, и Косарев

запевал веселую песенку из первого трамовского спектакля «Сашка Чумовой»:

Прощай, веселый комсомол!
У нас спектакль к концу пришел.
Шпану ведем в кутузку.
И дальше пьесу продолжать —
Излишняя нагрузка.
Ведь завтра нужно вам и нам
Идти к машинам и станкам
По мастерским и по цехам!
Так проводите нас туда,
За вечер нашего труда,
Зарплату выдав смехом.

В один из вечеров Сергей Миронович рассказал комсомольцам о ближайших планах: завершить строительство Волховской ГЭС, заложить Свирскую электростанцию.

— Но и Свирь не обеспечит энергией Ленинград, — заключил Киров. — Поеду в Москву. Дам бой в ВСНХ сторонникам «теории затухания» Ленинграда. И кому только пришла в голову дикая мысль сделать Ленинград мертвым городом? Глупо... Нет, мы спасем и разовьем промышленность Ленинграда. И это обеспечит процветание города...

Косарев слушал Кирова, и уверенность, что это так и будет, укреплялась с каждым словом Сергея Мироновича. Воображение уже рисовало ему картину обновленного, развернувшегося во всю мощь промышленного красавца: «С Кировым, будьте уверены, и не такие планы реальны!..» А сам спустя годы скажет:

— Как зажигал он молодежь своими речами! Каждое слово его речи электризовало...

В апреле 1926 года ЦК ВЛКСМ отозвал Косарева в Москву.

Еще много раз приедет Косарев в Ленинград. И не один раз встретится с Кировым, услышит его пламенные речи.

Немногим больше месяца спустя, 12 мая 1926 года, Киров выступал с докладом о хозяйственном строительстве, осуществлении генеральной линии партии — об индустриализации страны. Был одет он в неизменную гимнастерку защитного цвета. Крепкие кисти рук Сергей Миронович глубоко засунул за широкий ремень, оставив свободными большие пальцы. Косареву, сидевшему в президиуме, было видно, как он, словно в такт своим словам, ударял ими по краю ремня.

— Я не хочу говорить вам комплиментов. — Сейчас Киров вышел из-за трибуны и почти беседовал с залом. — Но должен сказать, что комсомол может сыграть тут гораздо большую роль, чем кто-либо другой, и вот почему: у вас есть большое желание, у вас есть большие возможности, у вас есть большая восприимчивость, большая чуткость, большая энергия, большой пыл; а здесь нужно все приложить: здесь нужен и холодный рассудок, здесь нужна и выдержка и темперамент, здесь нужен революционный дух, иначе эту задачу не выполнить, иначе вопрос, который стоит перед нами, не решить.

Эту длинную фразу Киров произнес на одном дыхании, усиливая голосом ее каждый новый элемент. Косарев не мог следить за аудиторией. Он весь был поглощен смыслом и темпераментом кировской речи, чувствовал, что она как бы заряжала, наэлектризовывала весь зал. В манере его речи не было и грана наигранности. Киров говорил самые что ни есть простые слова — так свободно и легко, пользуясь сильным голосом природного трибуна, что все простое и обыденное в этих словах обретало особый смысл, необыкновенное звучание.

В конце доклада Киров произнес:

— Для того чтобы успешно строить социализм, чтобы действительно осуществлять индустриализацию нашей страны со всеми вытекающими отсюда последствиями, нам в нашей коммунистической, комсомольской семье необходимо приложить все усилия, как мы это делали до сих пор и как завещал Ленин, приложить все силы к тому, чтобы ряды нашей партии были действительно железными, чтобы наше сознание было стальным в твердом проведении ленинских заветов. Если мы это выполним, мы индустрию построим, социализм организуем.

Девять лет спустя одно из центральных издательств попросило Косарева написать воспоминания о Сергее Мироновиче Кирове, павшем от пули, направленной злодейской рукой. (Саша входил в состав комиссии по расследованию убийства Кирова. Возглавлял ее нарком внутренних дел Ежов, и работу, как показалось Косареву, вел предвзято. Он вернулся из Ленинграда подавленный. На вопрос: «В чем дело?» — поделился сокровенными думами только с самыми близкими. Оказывается, его мнение по поводу гибели Сергея Мироновича с версией председателя комиссии Ежова расходилось. Он

был убежден: там все далеко не так, как изложено в официальном сообщении.)

«Вот уже о Мироновиче воспоминания пишут, — размышлял тогда Косарев, — а он стоит перед глазами как живой: улыбающийся, лобастый, с крепко посаженной головой. Писать воспоминания, когда столько встреч, бесед, впечатлений...» Их было действительно множество. Но из всех он пока выбрал те, что отметили месяцы ленинградских баталий:

«Месяцы моей работы в Ленинграде, в Московско-Нарвском райкоме комсомола, — писал Саша, — это время незабываемых встреч с товарищем Кировым. Сколько глубоких и душевных бесед! Сергей Миронович любил молодежь большой, умной, большевистской любовью. Он умел ценить ее и отыскивать среди комсомола нужные партии силы...

Он был членом нашего Московско-Нарвского райкома комсомола. И несмотря на огромную партийно-государственную работу, всегда урывал время, чтобы заехать к нам в район на собрание актива комсомола. А часто все члены бюро нашего райкома вваливались неожиданно к нему в кабинет. Не раз бывало, что при встрече на каком-нибудь собрании Сергей Миронович и сам затащит к себе для простой, сердечной беседы. И как много приходилось извлекать из этой беседы!»

Бок о бок Косарев работал с Сергеем Мироновичем несколько месяцев, но были они для молодого вожака «годами великой школы». Все современники Косарева сходятся на том, что именно в Ленинграде впервые и в полной мере проявились его блестящие способности оратора и навыки организатора молодежи.

ВОЖАК СТОЛИЧНОЙ КОМСОМОЛИИ

Косарева вызвали из Ленинграда с предписанием: приступить 2 апреля 1926 года к должности заведующего orграспредотделом (так назывался нынешний отдел комсомольских органов) Центрального Комитета ВЛКСМ. В столице Косарев узнал: ЦК ВКП(б) принял предложение Цекамола о введении его в состав бюро и секретариата ЦК ВЛКСМ. Саша отлично понимал, что ему оказывается высочайшее доверие партии.

Началась кипучая и стремительная жизнь. За ворохом дел Косарев не замечал, как летели не то что дни —

недели и месяцы — все время на собраниях, в командировках... Не случайно про эту его должность в комсомоле даже байку сложили: «Заворга ноги кормят...» Вся страна перед тобой, и всюду комсомольцы. Неугомонные, они и задачи-то ставили перед Центральным Комитетом ВЛКСМ с каждым годом все сложнее и многообразнее.

Партия призывала комсомол добиться существенного перелома в своей работе, оживить ее, усилить идейное и организационное влияние на разные категории молодежи, привлечь все подрастающее поколение к строительству социализма. Саша видел, что надо как можно быстрее и безболезненнее выходить из круга «узкомолодежных» вопросов, затянувшихся дискуссий о месте комсомола в политической системе общества, и повернуть широкие массы юношей и девушек лицом к производству, к решению хозяйственно-экономических и культурных задач.

25 марта 1927 года пленум ЦК ВЛКСМ провожал Александра Мильчакова на Украину в качестве генерального секретаря ЦК ЛКСМУ (была и такая тогда должность). Вместо него секретарем ЦК члены пленума избрали Сашу.

— Кандидатура Косарева, — сказал Николай Чаплин, — является бесспорной.

Его слова потонули в громе аплодисментов. Александр Косарев становился любимцем комсомольских кадров страны.

В конце апреля Чаплин как-то бросил Косареву реплику:

— Ты совсем от Москвы отошел, Саша. А в МК между Ивановым и Скотниковым идет открытая борьба за лидерство, и никакого мира уже не установить...

Действительно, взаимоотношения первого и второго секретарей МК ВЛКСМ накалились до предела. 27 апреля Чаплин вернулся с заседания бюро Московского комитета ВКП(б) озадаченный. В партийных органах решил: соперничавших между собой секретарей «развести» — отправить неуживчивых вожаков на учебу. В постановлении МК партии говорилось: «Исходя из политической сложности и вообще из общей трудности в работе Московской организации комсомола и необходимости дальнейшего укрепления налаживающихся взаимоотношений с ЦК комсомола, считать необходимым поставить

задачу дальнейшего укрепления руководящего центра МК ВЛКСМ».

Не сохранилось и следа о содержании разговора Чаплина с Косаревым. Удалось разыскать только протокол заседания бюро МК ВКП(б) от 10 мая 1927 года:

«3. Слушали: О положении в МК ВЛКСМ.

Постановили:

1. Ввиду создавшихся трудностей во взаимоотношениях внутри МК ВЛКСМ удовлетворить просьбу тов. Иванова об освобождении его от обязанностей секретаря МК ВЛКСМ.

2. Утвердить секретарем МК ВЛКСМ вместо тов. Иванова тов. Косарева, кандидатуру которого выдвигает ЦК ВЛКСМ.

3. Просить ЦК ВЛКСМ откомандировать тов. Косарева в распоряжение МК партии».

12 мая 1927 года Александра Косарева избрали секретарем МК.

Здесь новыми гранями заиграл его талант комсомольского организатора, вожака молодежи.

Стиль работы Косарева в МК ВЛКСМ рождался в обыденных ситуациях.

Однажды на встрече с комсомольцами завода «Геофизика» Саше рассказали о Семене Бочарове — грамотном механике, в комсомоле с 1921 года. Всем был парень хорош, а вот членские взносы упорно не платил несколько месяцев. Ячейка решила: злостного неплательщика из комсомола исключить — баста! Косарев мимо этого факта не прошел: «Какие ты, Семен, в комсомоле поручения выполнял?» Тут поведал парень секретарю МК невеселую историю:

— Выделили меня на борьбу с детской беспризорностью. На Сухаревку, значит, ездить — «вид, дескать, у тебя солидный, представительный...» Ездил, ездил... Вместо назначенной бригады на рейд являлось два, от силы — три человека. Бестолковыми были эти рейды. К тому же, спрашиваю я инструктора райкома: «Что мне делать, если я увижу беспризорника-поводыря, он слепого нищего ведет?» — «Забирай», — говорит... «Но ведь человека-то живого — инвалида — ведет, собаку бездомную и ту бросать жалко!» Не понравилось мне это.

Саша слушал внимательно. А стоявшие кругом райкомовцы ухмылялись иронически.

— Ну а дальше?

— Что дальше? Поручили мне борьбу с проституцией. Тут корешки посмеиваться стали, дескать, комсомол Сеньку «шефом» к «девицам» приставил. Я и это поручение завалил. Переключили на поимку наркоманов и торговцев кокаином, анашой да планом... Только какой из меня в этом деле толк, если я этих наркотиков и в руках не держал, не курил и не нюхал? Секретарь, дай мне поручение на заводе. Я же механик, у меня руки, говорят, золотые. Дашь, буду работать! И из комсомола меня не гони...

Присмотрелся к работе этой ячейки Косарев внимательнее. Ячейка большая — 110 человек, а среди них в стороне от дел комсомольских не один Семен Бочаров оказался.

Жизнь этой и других комсомольских ячеек и подсказала ему вывод, обусловивший рождение косаревского лозунга: «Дать каждому комсомольцу поручение по желанию, а спрашивать с него по умению!»

Став первым секретарем столичного горкома комсомола, Косарев глубже проникал в содержание и комсомольских собраний. Не «примагничивали» они молодежь, шли на них девчата и парни как на комповинность: «Разве такой должна быть школа коммунизма?»

Однажды Косарев шел по длинному коридору редакции «Комсомольской правды», которая размещалась тогда в Малом Черкасском переулке. Вдруг навстречу парень веселой приплясывающей походкой мчится, к груди связку книг прижимает, в руках ворох гранок. Налетел на Косарева, книги — на пол, гранки рассыпались. Косарев бросился помогать. Взял в руки одну гранку, прочитал заголовок: «Война безразличию!»

— Хорошо назвал статью — «Война безразличию!» Я его вот как ненавижу. — Косарев сделал выразительный жест ладонью по горлу: сыт, дескать. — А ты кто? Что-то я тебя раньше в редакции не встречал!

— Ильин, редактор отдела внутренней жизни. Я недавно в «Комсомолке» работаю.

— «Внутренней»! Это хорошо. Терпеть не могу международников — пижоны... А я — Косарев, секретарь МК...

— Я тебя знаю...

Так встретились Александр Косарев и Яков Ильин и подружились надолго и крепко, как раньше в Пензе с Бубекиным. «Они оба были под стать друг другу, — пи-

сал Борис Галин, — оба живые, задиристые, ненавидящие мертвечину, горазды на выдумку».

Своими размышлениями Саша и поделился с Яковом, ставшим вскоре заместителем главного редактора «Комсомольской правды». Оба сошлись на едином выводе:

— На комсомольских собраниях мы все больше о международной революции толкуем. Слов нет, международное и внутреннее положение молодежь должна знать хорошо. Послушаешь ее, она лорда Керзона и Чан Кайши к позорному столбу не хуже любого лектора-краснобая «пригвоздит». А если взять обыденную жизнь? Здесь, пожалуй, комса за деревьями леса не видит. Далеки еще комсомольские собрания от насущных вопросов жизни молодежи.

— Надо изучить, о чем спорят между собой комсомольцы, что волнует их, что интересует не на заорганизованных собраниях, а в домашней обстановке. О чем они говорят между собой по дороге с работы, в общежитиях? Важно знать, что из таких разговоров — от жизни то есть — можно вынести на обсуждение собрания.

— А почему бы и не помечтать на комсомольском собрании? — загорелся Ильин. — Разве нельзя на собрании поговорить с комсомольцами о том, каким будет их завод через десять лет?!

Вот тогда-то и договорились друзья провести свой первый эксперимент. Послали работников МК и корреспондентов «Комсомольской правды» на фабрики, в учреждения и учебные заведения послушать: о чем же толкует молодежь в обыденной обстановке? Как и предполагали, самые злободневные вопросы молодежь обсуждает в комнатах общежитий. У станков на обеденных перерывах, а самые скучные, трафаретные — на собраниях ячеек. К тому же выяснилось, что докладчики часто приходят на них неподготовленными, оповещение о дне и времени созыва собрания, о его повестке дня поставлено — хуже некуда! Все это еще больше снимало воспитательное значение комсомольских сборов.

Те выходы в молодежные коллективы по времени совпали со смотром ячейки «Краснохолмской мануфактуры». Тридцать пять дней «Комсомольская правда» изучала труд, быт и досуг молодежи этой фабрики, а свои наблюдения журналисты регулярно направляли в редакцию, рассказывали о них на полосах газеты. В «Комсомольской правде» даже появилась рубрика «Дела и дни одной комсомольской ячейки». Косарев не только внима-

тельно читал их. Он изо дня в день анализировал все материалы «редакционного портфеля» об этой ячейке.

Как-то Ильин позвонил поздно вечером:

— Саша, готовь статью о Краснохолмской фабрике. Дня через три о ней «разворот» дадим. Твою статью — передовицей, жирным шрифтом, понял?!

Назавтра у Косарева дел было невпроворот. Но отказаться от статьи на эту тему он не мог.

В коридоре уборщица гремела ведрами, мыла полы и собирала в бумажные мешки накопившийся за день мусор. В приемной дежурный настраивал детекторный приемник — подарок москвичам от комсомольцев Нижегородского телефонного завода.

— Разошелся народ? — И, не дожидаясь ответа, Косарев бросил дежурному: — Я тут еще задержусь, поработаю малость...

Заголовок к статье пришел на ум сразу — «Модель комсомольской работы».

Слабый узел этой модели Саша усмотрел в пренебрежительном отношении комсомольцев к таким фактам и явлениям в жизни молодежи, которые незаслуженно относились ими к «мелочам жизни». Не такими уж невинными и несущественными оказались на самом деле такие мелочи, как личная гигиена рабочего, игра в карты в общежитиях, неразборчивые отношения в интимной жизни парней и девушек, чтобы комсомольская ячейка равнодушно взирала на них, проходила мимо.

«Мы очень часто все наше внимание к мелочам жизни подменяем рассуждениями о больших делах и формальным пережевыванием тезисов и циркуляров», — написал Косарев с ходу корявым и размашистым почерком. Ну что тут поделаешь? Вожак московской молодежи политически и культурно рос стремительно, а почерк, поставленный дьячком в короткие месяцы учебы в церковноприходской школе, остался одним и тем же на всю жизнь.

Первые и, как показалось, нужные слова пришли сами, а дальше, подумал Саша, надо, пожалуй, выйти на хорошее обобщение: «Отсутствие интереса к «мелочам жизни» неизбежно влечет за собой невнимательность к товарищу по борьбе, по учебе, по работе». И снова наступила пауза. Косарев мучительно искал продолжения. Чувствовал, что дальше надо написать что-то очень важное, очень существенное, без чего статья — не статья, а так — очередной треск комсомольский будет, и толь-

ко! Шли минуты, а рука с пером все равно что застыла, повисла над бумагой. Взгляд упал на брошюру Ленина «Задачи союзов молодежи». Тут и вспомнил Саша, как глубокой осенью двадцатого года делегация питерского комсомола вернулась с III съезда РКСМ, на котором Ленин произнес эту речь, как хлопцы и девчата зачитывали октябрьские номера «Правды» с публикацией Ильича, а потом от руки переписывали ее. Сейчас же будто наяву прозвучали для Косарева ленинские слова о том, что идейность революционера, строителя нового общества проявляется во многих конкретных делах: в верности идеалам Коммунистической партии, готовности защищать власть Советов, социалистическую Отчизну, в повседневном будничном труде. «Ну да, — конечно же, — встрепенулся Саша, — идейность это — умение с коммунистических позиций оценить вчерашнее, сегодняшнее и будущее, увидеть в повседневных будничных делах ростки коммунизма, а главное — о них заботиться, взращивать, охранять от мещанского верхоглядства и пустопорожнего скепсиса. Как же я сразу-то не догадался с Лениным посоветоваться. Безусловно, комсомольцы должны уметь связывать высокие и прекрасные цели с повседневной практикой, трудными буднями борьбы за коммунизм и не рассматривать их как увлечение «малыми делами» или «отказ от великих революционных стремлений».

До рассвета просидел Косарев над брошюрой, размышляя над ленинским подходом к «великому» и «малому». Но выразил он ее в статье своим лексиконом, типичным Косареву в те годы:

— Мы боремся с таким «чистоплюйством», которое отрицает «малые дела», с такими комсомольскими работниками, которые за ежедневными буднями не видят пафоса созидания. Но, борясь с их «чистоплюйством», мы должны давать отпор и узколобому делячеству тех работников, которые не видят связи «малых дел» с нашими общими задачами, теряют революционную перспективу, или же, наоборот, «малые дела» из орудия строительства социализма превращают в самоцель.

Своими впечатлениями о комсомольской жизни на Краснохолмской фабрике Яков Ильин вскоре поделился в книге «Жители фабричного двора» с интригующим подзаголовком «Разве личная жизнь нас касается?».

Косарев воспользовался накопленным материалом посвоему.

Нет сомнения, что именно с этих пор стал отчетливо и ярко проявляться косаревский стиль в комсомольской работе.

Обсудив итоги смотра в МК на собрании комсомольского актива Замоскворецкого района, Саша помог комсомольским работникам по-иному взглянуть на привычное положение дел в ячейке: на заорганизованность, оторванность от жизни. Собрания молодежи стали интереснее, ближе к ее быту, производственным вопросам. На той же Краснохолмской фабрике комсомольцы вскоре провели интересное собрание об... овце и костюме! Докладчик на нем — прекрасный популяризатор и увлеченный своим делом человек — совершил с комсомольцами занимательную экскурсию по всему технологическому циклу, начиная от производства сырья, получаемого фабрикой из села, до выпуска на ней готовой продукции, показал роль и место комсомольцев в этом процессе. Много и «прорех» вскрылось в организации труда, технологии производства.

Именно тогда по инициативе МК ВЛКСМ и «Комсомольской правды» появились первые ростки движения молодых рабочих за высокую культуру труда. Вскоре оно стало главным в производственном воспитании молодежи: вечера рабочей смекалки, выставки предложений молодых рабочих, образцово исполненных чертежей, конкурсы по профессии, а в деревне — на лучшего комсомольца-крестьянина, который показательно ведет свое хозяйство. «Все это — следствие творчества рабочей и крестьянской молодежи», — говорил Косарев на пленуме МК ВЛКСМ в ноябре 1927 года. В то же время он подметил и весьма существенную деталь: «Конкурсы не могут быть «вечным двигателем» комсомольской работы».

«Большой болезнью в комсомоле» назвал Саша несоответствие форм и методов руководства с запросами молодежи.

— Наши способы и методы работы, — продолжал Саша, — должны возникать, видоизменяться в зависимости от изменений в условиях и обстановке нашей работы. Эта истина всем известна, но именно ею мы часто и пренебрегаем. — Здесь Саша рассказал о стиле работы одного секретаря райкома. Комсомольцы провели хронометраж его «кипучей» деятельности за месяц. Оказалось, что в райкоме он был всего 120 часов. Остальное время «горел» на заседаниях различных комиссий,

подкомиссий, советов, комитетов... До того прозаседался, что на посещение комсомольских ячеек с трудом выкраивал меньше 20 часов. Выход из заседательской суеты, в которой «тонули» многие комсомольские вожаки, Косарев увидел в научной организации труда. Малограмотного, игнорирующего такую организацию своего рабочего дня активиста, со своим извечным утверждением: «Долго нам еще до НОТа, успеть бы ячейки проверить» — Косарев не мог принять.

— Встает вопрос о НОТ, — говорил Саша на одном из пленумов ЦК ВЛКСМ. — Мы должны стремиться к тому, чтобы она стала стилем работы комсомольского аппарата. Уметь рационально использовать время, работать по плану, быть точным, умелым организатором, внимательно наблюдать жизненные процессы и делать своевременные выводы из них для повседневной практики — вот элементы, из которых должна состоять наша работа.

Весной 1927 года еще не остывший от полемики вокруг работы комсомольцев Краснохолмской фабрики Косарев с новыми впечатлениями вернулся из поездки по заданию ЦК ВЛКСМ в Сибирь. Здесь Саша столкнулся со схожими проблемами. Ими он и поделился на V Всесоюзной конференции ВЛКСМ.

«Воспитать активиста-общественника!» — такова главная идея этого выступления.

Неудовлетворенностью работой, деятельным желанием всемерно приспособлять усилия комсомола к возросшим требованиям масс, к запросам рабочей и крестьянской молодежи буквально дышала его речь. Она изобиловала примерами, фактами, именами. Косарев обратил внимание на ошибки в сложившейся системе выдвижения комсомольского актива:

— Вот, к примеру, комсомолец Клячип — рабочий, в союзе с 1923 года. Стал он агитатором ячейки. Работал неплохо. Избрали его членом райкома комсомола, затем членом бюро райкома, в губком комсомола... Мандатов у парня — масса! Во всех комитетах состоит. Все его приглашают, всюду присутствовать надо... Согнулся парень под тяжестью комсомольских постов и мандатов. Помощи ему никто не оказывает. Практическую работу запустил, работает над кипами протоколов. Итог печальный. Исключили парня из партии. А виноваты в этом мы. Непосильный груз на него взвалили.

Косарев привел факт и другого порядка — в комсомоле

зачастую не замечают общественного роста новых активистов: вот комсомолец Гаврилов, он вошел в состав строительного кооператива, стал старательно работать в качестве секретаря правления.

— Было у него три рубля собственных денег. С этого он и. начал. А сейчас эта жилищно-строительная кооперация достигла миллионных оборотов. Я вас спрашиваю, — Косарев обратился к сидевшим на конференции сибирякам: — какое участие принимала в этом деле комсомольская ячейка, какую она оказала ему помощь? Никакой!

Живое общение с залом, подчас стихийно разгоревшийся диалог были чертой косаревской манеры публичных выступлений.

В той же речи Косарев раскритиковал комсомольских работников за плохую связь с массами: «Я знаю лично присутствующих здесь парней, которые подолгу не говорят с молодежью, кроме как на языке докладов. И Саша рассказал, что на заводе «Динамо» в Москве побывали все члены Политбюро ЦК партии, а представителям ЦК и МК комсомола съездить в ячейку «некогда». «Чаплин по случаю с докладом туда попал. (Голос с места: «Саша, а ты был?») Нет, не был. Неужели, товарищи, мы с вами более заняты, чем члены Политбюро? Ведь это же глупость и ерунда так утверждать!»

Косарев не постеснялся назвать отрыв комитетчиков от молодежи «аристократическим отношением к массам». «Он призывал объявить войну чванству, высокомерию и подхалимству. А делегаты одобряли оратора возгласами: «Правильно!»

— Сейчас в союзе актуальна во всю ширь борьба за воспитание новых людей, таких у них качеств, как сила воли, настойчивость, самодисциплина, умение подчинить свои личные интересы интересам общественным. Нам нужно проводить волевые соревнования, приучать комсомольцев к тому, чтобы были они хозяевами слова. Задумал паренек бросить курить или пить, или в карты играть: сказал — сделай! Бросил курить и пить — приучайся к организации режима труда и отдыха, занимайся спортом, — учись выполнять принятые на себя обязательства. Такими «мелочами» актив должен воспитывать в себе твердую большевистскую волю.

Саша, как тонкий психолог, понимал, что ни одна книжка, пусть самая популярная — о вреде курения или алкоголя — не в состоянии соперничать с извечным

стремлением молодежи к состязаниям, желанием испытать себя, преодолеть свои слабости.

За время работы в МК особенно ярко проявилось неприятие Косаревым обывателей, обывательщины:

— Психология обывателя, мещанина, — говорил Саша на пленуме МК ВЛКСМ, — проявляется среди молодежи в эгоизме, в преобладании личных интересов над общественными. Иногда она сродни драмам Растеряевской улицы... Читали Глеба Успенского об этом?

В другом случае Косарев задел одну из острых для того времени тем: о политических анекдотах. Поговаривали, что известны и авторы подобных сочинений. Пустит такой «мастер» как бы невзначай «остроумную» байку, и пойдет она гулять по белу свету, пока не вернется к самому автору в еще более гиперболизированном виде. Вспомнил Саша, как много их появилось в первые годы нэпа, как бездумно, вместе с нэпманами, смеялись над ними, распространяли их и иные комсомольцы, не понимали, что было это сродни сползанию с классовых позиций. Теперь снова покатилась волна не «соленых», а откровенно антисоветских баек, враждебной пропаганды и агитации.

— Среди комсомольского актива даже гуляют, — говорил Саша, — анекдоты. Верно это?

Зал дружно отозвался: «Точно: гуляют!»

— Вот и на сегодняшнем пленуме некоторые ораторы попытались свои выступления подкрепить фразами из подобных сочинений. Может быть, они показались выступающим очень остроумными?! Но ведь эти анекдоты — антисоветские. Почему же мы сами распространяем, сами пропагандируем заложенные в них не наши, враждебные нам идеи? Знаете, кем мы становимся, когда выступаем в роли разносчиков этой антисоветской чепухи?

— Кем?! — кричали из зала. — А ну-ка скажи, Саша, кем?

— Некоммунистами! Вот кем...

ОПЯТЬ ОППОЗИЦИЯ...

Косарев пришел к МК в разгар борьбы с троцкистско-зиновьевским блоком. Он сложился еще летом 1926 года из троцкистов, «новой оппозиции» и примкнувших к ним участников ранее разбитых фракций и групп. Образова-

ние блока на троцкистской платформе явилось следствием паники оппортунистических элементов перед трудностями социалистической реконструкции народного хозяйства в условиях его технико-экономической отсталости и усиления угрозы военного нападения империалистов на СССР, продолжающейся борьбы за власть, упрочение ее в руках Сталина.

Оппозиция устраивала нелегальные собрания, подпольно распространяла свои материалы. Осенью 1926 года лидеры оппозиции пытались навязать Московской партийной организации свои взгляды, а всей партии — дискуссию. Они выступили со своей платформой на партийных собраниях заводов «Динамо», АМО, «Серп и молот», «Трехгорной мануфактуры» и других. На партийное собрание «Авиаприбор» явился весь их синклит с Троцким во главе. Однако попытка привлечь коммунистов этой ячейки на свою сторону им не удалась. Потерпев поражение в партийных организациях Москвы, Ленинграда, Киева и других городов, троцкисты и зиновьевцы вынуждены были публично заявить об отказе от фракционной деятельности. Но это, как показали дальнейшие события, был их очередной нечестный маневр.

Весной и летом 1927 года осложнилась международная обстановка СССР. Правительство английских консерваторов разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом. В Китае Чан Кайши совершил контрреволюционный переворот. Этим и воспользовались оппозиционеры. Они свалили на ЦК ВКП(б) вину за частичное поражение революции в Китае, клеветали на внутреннюю политику партии.

Как и в прошлом, лидеры вновь пытались найти поддержку у комсомольцев. Только теперь от разговоров о «барометре» и лести по адресу молодежи в их речах и писаниях не осталось и следа. Их заменила грубая, огульная, клеветническая критика деятельности комсомола и его руководящих органов.

Со всеми их письмами и заклинаниями Косарев знакомился «по подлинникам». Оппозиционеры обвиняли ЦК ВЛКСМ в насаждении бюрократического режима в комсомоле. Ее представитель, выступивший в дискуссии, состоявшейся в Комакадемии, с ядовитым сарказмом сравнивал обстановку в комсомоле с атмосферой в «погребе с прокисшей капустой».

Саша пришел к выводу: оппозиция поняла, что ни лестью, ни какими-либо другими демагогическими при-

емами ей не удастся завоевать комсомольские кадры. Потому-то и поставила она перед собой задачу: расчленить комсомол на «верхи» и «низы». Именно в этом и был смысл всех последних выступлений оппозиции, именно здесь скрывались истоки обвинений в бюрократизме.

Посоветовавшись в МК ВКП(б) и в ЦК ВЛКСМ, Косарев решил довести постановления партии об оппозиции до сведения актива Московской комсомольской организации. Около тысячи активистов собрались 16 августа 1927 года. И только трое из них заявили о поддержке оппозиционеров. Один из ораторов, из комсомольской ячейки завода «Авиаприбор» риторически требовал, чтобы ЦК ВКП(б) ответил ему на вопрос: «Когда будет война?» Другие выступали «по бумажке» — весь актив видел, как они старательно читали, «озвучивали» тексты, составленные их старшими наставниками.

Косарев слушал и ухмылялся: «Жидковатых шпаргалочников набрала себе оппозиция...»

А оппозиционеры действовали все более размашисто. По существу, они уже создали свою подпольную партию — с нелегальными органами, типографиями, членскими взносами. В октябре 1927 года объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) исключил Троцкого и Зиновьева из ВКП(б) и постановил предоставить все данные о раскольнической деятельности лидеров блока на рассмотрение XV съезда партии. 31 октября МК партии ознакомил с итогами пленума комсомольский актив.

«Когда мы обсуждали этот вопрос, — говорил Косарев, выступая в прениях, — мы исходили из того, что наша страна, партия, комсомол стоят перед опасностью создания второй партии, партии троцкистской... В этих условиях оппозиция попытается использовать комсомол, комсомольцев... Должны ли мы определить роль своего участия в этой дискуссии? Да, конечно. Наш союз в вопросах политической борьбы никогда не являлся нейтральной организацией. Нейтральность нами давно осуждена. Для Ленинского комсомола глубоко не безразлично, какое руководство будет в нашей партии — ленинское или троцкистское... Сейчас оппозиция ринется в комсомольские ячейки. Мы должны дать ее наплыву организованный отпор».

В этой дискуссии Косарев проявил себя предусмотрительным руководителем, правильно расставившим силы столичной комсомолии, заранее предугадавшим место и характер возможных выступлений оппозиционеров. Был

он коммунистом, уже умудренным солидным опытом, знающим повадки фракционеров, приемы и методы борьбы с ними. «Исходя из прошлого опыта, из дискуссии 1923 года, которая была в комсомоле, — предупреждал он активистов, — мы должны иметь в виду, что наряду с обсуждением партийных вопросов будут возникать различные вопросы комсомольского характера — это обязывает нас подвести сейчас итоги всей нашей прежней работы и обратить внимание ячеек, организаций, всех членов союза на предстоящие задачи».

Накануне этого пленума секретариат МК комсомола — Косарев, Васильев, Михеев, Носов, Чемоданов, Лукьянов и Васильева — составили проект «Товарищеского письма ко всем членам московской организации и ко всей организации ВЛКСМ о подготовке к XV съезду ВКП(б) и о задачах ВЛКСМ в связи со съездом». Значительная часть документа посвящалась борьбе с фракционерами:

«...Оппозиция в комсомоле, — Саша ходил по кабинету и диктовал стенографистке текст, — действует по старому принципу «клевещите, клевещите — что-нибудь да станется», и потому она бесконечно клевещет на комсомол... Расцветив гнойный букет ругательств безобразными антипартийными заявлениями...»

На последней фразе его прервала Татьяна Васильева:

— Саша, может быть, слово «гнойный» из текста извлечь? Грубое оно. Все-таки, обращение ко всем комсомольцам пишем. Некрасиво так, неэтично...

Но Косарев уже завелся:

— «...Они призывают бороться не с отдельными недостатками, с которыми решительно борется сам комсомол, а со всей системой партийного руководства комсомолом. Инициатива в постановке всех вопросов внутри комсомольской жизни, борьба с болезненными явлениями принадлежит целиком и полностью нашему союзу, а не троцкистским последышам в комсомоле, окривевшим на один глаз, и не примечающим всех достижений, как во всей стране, так и в комсомоле». — Косарев продиктовал эту фразу на одном дыхании. Остановился. Обвел глазами присутствующих с видом победителя. — Ну как? Будем убирать «кое-какие слова» или так пойдет? — И тут же смикшировал: — Ладно, может сгоряча я неприятное словечко ввернул, но без него тускло как-то получится, право... Давай, Васильев, — обратился Саша ко второму

секретарю МК, — диктуй дальше. Не забудь только сказать о том, как москвичи помогают английским горнякам, о шефстве над китайским комсомолом, о наших интернациональных связях, раз уж оппозиция упрекает комсомол в «национальной ограниченности».

На пленуме это письмо приняли под аплодисменты, без единой поправочки. Такое же единодушие комсомольцы показали и на собраниях: почти 19 тысяч членов ВЛКСМ столицы. Только 280 человек поддержали оппозицию. Но самый внушительный разгром понесли оппозиционеры в партийных организациях. Всего по Москве за политику партии проголосовало 97,8 процента коммунистов, против — 1,6 процента, воздержались — 0,6 процента.

Однако лидеры троцкистско-зиновьевского блока не унимались. Они решились на реванш, избрав днем для его демонстрации празднование 10-летия Великого Октября. В тот торжественный день — 7 ноября 1927 года, — когда многотысячные колонны трудящихся вышли под знаменами и лозунгами ленинской партии, оппозиционеры, сосредоточившись в Москве и Ленинграде, выставили свои затаившиеся было силы. Они раскатали на подпольных ротаторах листовки, приготовили соответствующие плакаты, самораспределились — кому где быть в этих двух городах, а в них — даже порайонно. Зазывали в свои ряды всех, даже родственников недовольных беспартийных. Невесть где разыскали свои старые портреты, не постеснявшись дать под ними надпись: «Вожди мировой революции»...

Такие портреты появились на балконах некоторых московских гостиниц.

Жалкие группки вышедших на улицу оппозиционеров под лозунгами блока были сметены мощным потоком демонстрантов-трудящихся. Гостиница «Париж» в Москве, с балкона которой пытались держать речь троцкисты, подверглась настоящей осаде со стороны демонстрантов.

— Снять их! Долой!!!

На балкон летели яблоки, старые галоши. Пришлось даже вызвать с Красной площади кавалерийский эскадрон, чтобы отрезать доступ к гостинице и избавить оппозиционеров от неприятностей.

Так оппозиционеры перешли все мыслимые пределы и демонстративно поставили себя вне партии.

А комсомольская жизнь кипела. И вожак столичной комсомолии — Саша Косарев — находился в самом эпицентре событий.

Пролетарский паренек, получивший навыки слесаря от Антипыча из «Рихарда-Симона и К°», по себе знал, какое большое значение для молодежи имеет производственная квалификация. Где бы ни работал Косарев: в Бауманском или Московско-Нарвском райкомах комсомола, в Пензенском ли губкоме или заворгом в ЦК ВЛКСМ — он всюду был самым ярым поборником фабрично-заводского обучения подростков.

Период реконструкции народного хозяйства был временем бурного роста численности рабочего класса. Высоко поднялся и его профессионально-технический уровень. Ряды рабочих пополнялись теперь людьми молодыми и квалифицированными, подготовленными в школах фабрично-заводского ученичества — ФЗУ. Это была необычная для прежних времен система школ, в которых подростки наряду с получением общего образования приобрели производственную специальность, с юных лет привыкали к трудовой обстановке и дисциплине, вырастали в квалифицированных рабочих. Такие школы по праву были «детищем комсомола». Зародились они еще в 1921 году на предприятиях Петрограда — Невском машиностроительном, Адмиралтейском и Балтийском заводах. Возвратясь в столицу, Косарев подробно рассказал о них бауманцам, а потом и в МК. Опыт питерцев заинтересовал москвичей. То было время, когда в стране начиналось восстановление промышленности, шел процесс концентрации производства... Но вместе с тем происходило и массовое увольнение подростков с едва становившихся на ноги предприятий. На заводах с трудом сохраняли старых и квалифицированных рабочих. Вот в этих-то условиях комсомол и взял на себя фактически всю практическую работу по созданию и развитию школ ФЗУ. «Заниматься приходилось всем, — вспоминал ветеран московского комсомола А. А. Каплун, — поисками помещений, добыванием станков, подбором мастеров и педагогов, организацией занятий, набором учеников и любыми другими вопросами. И повседневно — обеспечением материальной базы. Ходили договариваться с многочисленными учреждениями... Бюджетных средств государство тогда на это не выделяло. Их попросту не было».

Вот с такого «нуля» Косарев с товарищами и зачинал это дело.

Став секретарем МК, Косарев получил возможность осуществить давно зародившиеся идеи — организовать подготовку педагогических кадров для школ ФЗУ. Эту задачу стал выполнять Индустриально-педагогический институт имени Карла Либкнехта. И в этом случае тоже начинали с нуля. Не было у института ни помещения, ни средств, ни студентов, ни преподавателей. Но было комсомольское упорство и умение Косарева любое начатое дело доводить до конца.

Индустриально-педагогический институт был создан в 1924 году по настоянию комсомола. Его сразу назвали «Комсомольской академией». Трудное было время для этой «академии». Лекции вначале читались в помещении рабфака на Остоженке, а семинары проводились... во дворе, где студенты живописно располагались на штабелях сложенных бревен. Потом переехали на Разгуляй, в помещение бывшего медицинского института. Но мытарства продолжались. Ежегодно комиссия Моссовета по разгрузке столицы пыталась «выгрузить» институт в Ленинград, и каждый раз МК комсомола с помощью ЦК ВЛКСМ дрался за право института жить в столице и отсюда на всю страну рассылать плоды своего начинания. Была борьба и другая: за расширение приема, за высокие темпы подготовки кадров учителей, за совершенствование учебного процесса за профессорско-преподавательский персонал. «Фронтом индустриальной педагогики» назвали московские комсомольцы это поле своей деятельности.

Почему же, несмотря на поддержку столь важной формы подготовки «квалифицированного и классово сознательного рабочего» пополнения (а именно так оценил выпускников ФЗУ XII съезд партии), комсомолу пришлось сражаться за фабрично-заводское ученичество?

Неожиданно против школ ФЗУ выступил директор Центрального института труда ВЦСПС А. К. Гастев — один из зачинателей научной организации труда в стране. Он доказывал, что для подготовки квалифицированных рабочих вполне достаточно курсов по разработанной им методике со сроком обучения 3—6 месяцев. При этом теоретические занятия и политическое воспитание на курсах исключались, все сводилось к пооперационному обучению.

Комсомольцы резко выступили против предложений Гастева.

— Его предложения противоречат одной из основных задач социалистической страны: готовить рабочего — хозяина производства, имеющего широкое общекультурное, техническое и физическое развитие! — заявляли они.

Не было тогда ни одной конференции, ни одного актива, на которых бы и Косарев не выступал в защиту школ ФЗУ. А идеи Гастева получили поддержку у тогдашнего руководства профсоюзов, в Наркомате труда и у некоторых хозяйственников. Нашлись и директора предприятий, считавшие фабзавуч чужеродным делом для завода и вдобавок слишком дорогим. Косарева, комсомольцев такой отпор авторитетных лиц и организаций не обескуражил, уныния не вызвал, но аргументы заставил подбирать в защиту ФЗУ обоснованнее, а трибуну для выступлений — солиднее.

«Помню, — рассказывал один из ветеранов комсомола, — как на пленуме МК партии в 1927 году секретарь МК комсомола А. Косарев говорил, что чуть ли не с каждым трестом шли скандалы и бои за сохранение фабзавуча».

Косарев последовательно и настойчиво добивался расширения сети школ ФЗУ. Об этом он страстно говорил на XVII Московской губернской партийной конференции:

— Помочь молодежи найти свое место в общей системе строительства, найти свое место в этой борьбе за социализм — такова основная центральная задача нашей партии в постановке работы среди молодежи. За это время у нас были большие споры с профсоюзами... Профсоюзы высказываются против фабзавучей, которые готовят квалифицированных рабочих, пытаются подменить фабзавуч индивидуально-бригадным ученичеством. Мы считаем, что современный рабочий и тем более будущий рабочий должен стоять на уровне современной техники. Для этого он должен быть культурно грамотным. Эту грамотность может обеспечить только фабзавуч.

Борьба комсомольцев завершилась официальным признанием их точки зрения.

28 ноября 1929 года печать страны опубликовала приказ по ВСНХ СССР, подписанный В. В. Куйбышевым и согласованный с секретарем ЦК ВЛКСМ Александром Косаревым о дополнительном наборе 57 тысяч подрост-

ков в школы ФЗУ для подготовки к массовым профессиям. Народному хозяйству в связи со строительством новых заводов в ближайшие годы требовалось не менее 500 тысяч квалифицированных рабочих. Это означало решительный сдвиг хозяйственных органов к организованной подготовке классово-сознательных, технически и культурно воспитанных кадров для социалистической индустрии. Приказ ударял по вредной бесхозяйственной ставке на «самотек», он ставил задачу пополнения наших заводов организованно обученной рабочей молодежью, развеивал настроения отсталой части хозяйственников, все еще предполагавших краткосрочно, по гастевской системе, одной тренировкой приспособить рабочих к современным сложным установкам.

Для того чтобы закрепить достигнутые позиции, найти новые формы утверждения фабзавуча, ЦК ВЛКСМ в октябре 1930 года созвал первую конференцию школ ФЗУ. Инициатором ее был А. Косарев.

И на IX съезде ВЛКСМ он вновь выступил с резкой критикой некоторых органов и организаций, пытавшихся подменить ФЗУ — основную форму подготовки квалифицированных рабочих кадров — системой краткосрочных курсов. Воистину Косарев демонстрировал завидное постоянство и настойчивость в доведении начатого комсомолом дела до конца! Это был пример того, как нужно полезную инициативу превращать в долговременную программу, а не действовать по принципу незадачливого петуха, который прокукарекал, а там хоть пе рассветай... Только спустя годы историки и статистики подсчитают, что рожденная в столь подвижнической борьбе система подготовки молодого пополнения рабочего класса за десять лет — с 1928 по 1937 годы — дала народному хозяйству страны почти два миллиона производственников различных специальностей. Многие новаторы производства первых пятилеток получили в школах ФЗУ путевку в трудовую жизнь. Среди них был и конструктор космических кораблей С. П. Королев.

ГАРМОНИКУ — НА СЛУЖБУ КОМСОМОЛУ!

Может быть, в тот осенний вечер 1927 года, когда в МК комсомола зашла речь о гармонике, Косарев вспомнил Пензу, городищенскую конференцию девушек? Или Сашина любовь к песне под аккомпанемент доступного му-

зыкального инструмента сыграла тогда решающую роль? Доподлинно никто не дал из его современников ответа на вопрос, почему Косарев сразу же встал в ряды активных и последовательных сторонников русской гармони.

Сидели у Косарева в сумерках, не зажигая свет. Уборщица тетя Даша впервые после лета затопила печку-голландку, облицованную глянцевыми белыми изразцами. Язычки пламени весело заплясали на сухих сосновых поленьях. От сильной тяги загудела печная труба, а в стылый кабинет полились теплые волны, наполняя его домашним уютом.

Косарев придвинул стул поближе к печи. Его примеру последовали и остальные участники разговора. Несколько минут завороженно и в молчании смотрели на огонь, прислушиваясь к треску поленьев.

— В деревне, — промолвил Саша тихо, как бы боясь нарушить редкую минуту покая, — гармонь до сих пор остается почти единственным развлечением. Владеют ею в основном кулацкие сынки, примагничивают они гармошкой молодежь на свои «посиделки». Девчат потом портят. В городе — не лучше. Гармонь — в руках пьяных гуляк...

Собравшиеся насторожились: «Куда он клонит?» А Саша продолжал рассудительно:

— Так и живет по сей день гармонь со славой орудия выпивох и хулиганов. Гармошка — извечная спутница пьяного застолья. Даже Максим Горький об этом пишет. — Косарев снял с этажерки книгу. — Это — «Мать». — И начал читать вслух:

— «Павел сделал все, что надо молодому парню: купил гармонику, рубашку с накрахмаленной грудью, яркий галстух, галоши, трость и стал такой же, как все подростки его лет. Ходил на вечеринки, выучился танцевать кадриль и польку, по праздникам возвращался домой выпивши и всегда сильно страдал от водки. Наутро болела голова, мучила изжога, лицо было бледное, скучное». — Саша закрыл книгу и, возвращая ее на место, продолжал:

— Любила и любит молодежь гармонь. Только нам не спутница пьяного разгула нужна. Комсомольская задача: завоевать гармонь, сделать ее рычагом нашей культуры.

Такой поворот гармошкиной судьбы собравшиеся дружно приветствовали. Наметили даже план пропаганды этого музыкального инструмента, а вскоре «Комсо-

мольская правда» начала кампанию «За гармонь!». И сразу же вокруг нее возникли противоречивые мнения. Чего греха таить: многие, и не без оснований, считали гармонь синонимом бескультурья в музыке и быту. Именно таких маловеров пытались переубедить сторонники движения под лозунгом: «Гармонь — на службу комсомолу!» Но ошеломлены они были, когда в рядах противников гармошки оказался Демьян Бедный — один из зачинателей поэзии социалистического реализма. Заявив, что гармоника «играла не для мужика Епишки», поэт ударил по лагерю ее сторонников своим главным стихотворным оружием:

У русской гармошки — немец родитель.
И у нас она оказалась — не гармонь,
А музыкальный вредитель.

Эх, и досталось же бедному Демьяну от комсомольцев за это выступление. «Разделали» они его в своей печати, как говорится, «под орех». Дотошные до всего, в поисках аргументов и истины, они докопались до Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона и нашли достойный ответ: гармонь вытеснила на Руси все другие народные инструменты! В том числе и гусли, за которые ратовал Д. Бедный.

«Мы за гармонь, — писала молодежь из села Крюково Московской губернии в «Комсомольскую правду», — как за широко распространенный универсальный инструмент, который мы должны использовать в нашей работе. Мы вложим в гармонь не пьяную песню, какую приводит Демьян Бедный в своем стихотворении, а нашу бодрую советскую».

От многих и других авторитетных людей выслушивали комсомольцы всевозможные упреки. Были и среди них «Фомы неверующие» со своим извечным принципом: «ничего-то у вас не выйдет...». И такие, что подводили под свои аргументы даже «теоретическую» основу: «Не дело комсомолу — политической организации — заниматься какой-то гармоникой...» Но комсомольцы не сдавались, во всю ширь развернули свою кампанию.

— Читал?! — В кабинет Косарева смерчем ворвался Яша Ильин. — Читал, как твою инициативу с гармоникой белогвардейская печать в Берлине подает? Такую философскую антимонию развела: хоть стой, хоть падай... Комсомол, по-ихнему, совершенно потерял свою привлекательность, и приходится ему теперь тащить молодежь

в свои ряды чуть ли не на аркане, используя гармонь и другие фокусы...

Друзья рассмеялись.

— Ты, Яков, эту статью орловским губкомовцам и Жарову покажи.

Несколько дней тому назад поэт Александр Жаров — горячий сторонник лозунга «Гармонь — на службу комсомола!» — вернулся из командировки в Орел, где проходил конкурс гармонистов. По инициативе комсомола такие конкурсы широкой волной прокатились уже по всей стране. В них приняли участие тысячи гармонистов. «Комсомольская правда» писала: «Самых больших помещений не хватало, чтобы вместить желающих попасть на конкурсы. Старики и старухи, никогда не бывавшие в клубах и театрах, приезжали за 80—90 километров, чтобы послушать лучших в уезде гармонистов». В Орле Александра Жарова за активное участие в пропаганде этого движения произвели в почетные гармонисты и вручили грамоту такого содержания:

«Заповеди гармониста: 1. Гармонист — первый враг хулиганства, пьянства, дебоширства и т. д.

2. Гармонист никогда не играет на гармонике на таких вечеринках, где процветает хулиганство.

3. Гармонист всегда помогает комсомолу в его работе среди рабочей и крестьянской молодежи».

Что ни день, то поступали сообщения: об организации все новых и новых кружков гармонистов, о продвижении гармонистами со своей гармошкой простой и нужной агитации за субботники и воскресники, за выборы в Советы, за кооперацию и комсомол, о частушках, в которых «разделывали» кулаков и пьяниц, об объединении молодежи вокруг полезных дел. Голосисто вела за собой гармоника веселый и бодрый народ. Десятки тысяч гармонистов, объединившихся вокруг комсомола, стали активными помощниками союза в организации культурного досуга молодежи. «Это надо же, — размышлял Косарев, — гармонь — всего лишь музыкальный инструмент, а оказалось, что от того, в чьи руки она попадет, какие песни будет играть — от этого зависит, кто будет и влиять на молодежь. Мы ли, вооруженные новыми песнями, или кулацкий сынок разгульной «Цыганочкой»? Здорово все-таки! Новый репертуар гармоники вытеснял залихватскую «Эх, раз что ли!», пошлую «Стаканчики граненые...» и другие традиционные для нее, вульгарные песни».

И вот на главной сцене страны, в Большом театре, состоялся настоящий праздник советской гармоники, посвященный итогам московского конкурса гармонистов. Он показал бесплодность споров на тему: оправдан ли прием гармоники на службу комсомолу?

— Гармонике обеспечен успех, — говорил на одном из таких праздников А. В. Луначарский.

Косарев слушал его и улыбался довольный. Отныне в прошлое уходили дебаты вокруг этого непритязательного музыкального инструмента. А Луначарский продолжал:

— Взявшись за гармонику, комсомол учел, что популярная на селе балалайка не голосиста, ей не под силу организовать вокруг себя массы. Комсомол оказался большим реалистом, взявшись и удачно решив вопросы, как лучше организовать вокруг гармоники здоровое веселье.

И если присмотреться к цифрам, то они лучшие показатели этого дела.

Две с половиной тысячи конкурсов.

Тридцать тысяч выступивших гармонистов.

Три миллиона слушателей.

Вот итог, которым мы можем вместе с организатором этого дела — комсомолом — гордиться. — Луначарский подошел к стоявшей на столе гармонике и чуточку картинно, сжав мехи, надавил на клавиатуру. Раздался мощный аккорд. — И если, — продолжал Анатолий Васильевич, — комсомол нажал на кнопку, на которую откликнулись три миллиона, это значит, что он правильно нажал!

Последние слова Анатолия Васильевича потонули в буре оваций. Косарев с восторгом смотрел на ликующий зал. Повлажневшая от волнения челка все время непослушно сползала на лоб. Он откидывал ее резким движением руки и снова аплодировал с воодушевлением. Вместе с ним комсомолу и гармошке аплодировали члены жюри конкурса — ректор Московской консерватории композитор М. М. Ипполитов-Иванов, композитор и фольклорист профессор А. Д. Кастальский, известный скрипач Л. М. Цейтлин, другие яркие представители советской музыкальной культуры.

Это был подлинный праздник советской гармоники, на котором раскрылись богатые возможности совсем недавно еще непризнанного музыкального инструмента. На концерте под гармонь пели лучшие певцы страны А. В. Нежданова, И. С. Козловский и М. П. Максакова.

Е. В. Гельцер исполнила танец Тао Хоа из балета «Красный мак» под аккомпанемент оркестра гармонистов, которым дирижировал Ю. Ф. Файер — дирижер Большого театра. Солисты-гармонисты исполняли русские песни и вальсы, вариации и классические вещи. «Обновляемый репертуар, — писала «Комсомольская правда» об этом концерте, — вытягивал ноту за нотой из гармонных мехов — Чайковский следовал за Шопеном, Бизе за Брамсом, Алябьев за Римским-Корсаковым».

Косарев покидал зал театра вместе с Луначарским.

— Я вот что хочу сказать, Анатолий Васильевич, — как бы размышляя вслух, промолвил Саша. — Многим нашим деятелям культуры все еще кажется: отшумят праздничные дни, охладится пыл комсомольцев, и гармонь заглохнет, сойдет на нет, как и многие другие хорошие дела, начатые, но, увы, уже забытые комсомолом. Чего таиться, водится за нами такой грех.

— Гармонику мы не забудем, ей успех обеспечен, — ответил Луначарский, удовлетворенно потирая руки. — С новым годом у нас на всех фронтах будут новые сдвиги и новые успехи. Мы гармонь не забудем. Она будет процветать, окруженная лучшими представителями музыкального мира.

По инициативе Косарева при МК комсомола была создана компетентная комиссия по работе с гармонистами. На бюро МК ставились практические вопросы ее деятельности. Не забыл своего обещания и А. В. Луначарский. При Московской консерватории и еще при двух музыкальных училищах открыли классы гармоники.

Летом 1928 года гармоника стала героиней Всесоюзной выставки, организованной Государственным институтом музыкальной науки. С какими только экземплярами не познакомились ее многочисленные посетители. Тут были и неказистые прародительницы гармоники и ее современные «фавориты», с нежным и ясным тембром оркестровых инструментов: стрелинговские, захаровские, васинские, разинские гармоники и баяны Синицкого. Но, увы, все они по-прежнему были дорогостоящими, малодоступными молодежи музыкальными инструментами. Комсомол и дал тогда новый клич:

«За гармонь фабричного советского производства, за доступную рабочей молодежи гармонь!»

Во время конкурсов гармонистов московские комсомольцы близко познакомились с крупным музыкантом, профессором консерватории Л. М. Цейтлиным. Он был

одним из организаторов знаменитого в те годы Персимфанса Моссовета — первого симфонического оркестра без дирижера — такова была новая и своеобразная форма музыкального исполнения, когда толкователем, интерпретатором музыкального произведения становился весь коллектив. Это был великолепный по красоте и мощи исполнения симфонический ансамбль. В него входили лучшие музыканты Москвы, и концерты Персимфанса каждый раз являлись событием в культурной жизни столицы. Подкупало комсомольцев в этом оркестре не столько исполнительское мастерство музыкантов, сколько преувеличенное мнение, что такая форма могла родиться лишь в стране победившей пролетарской революции. Сама мысль об этом волновала, вызывала у молодежи бурю восторга.

Началось все с того, что Цейтлин предложил дать концерт классический музыки для молодежи. Косарев сразу подхватил эту идею:

— Я, правда, не знаю, как все у нас получится. Ведь не привык наш актив к серьезной музыке, не знает ее. Надо, наверное, хорошее вступительное слово. Да и программу надо суметь подобрать. Но давайте попробуем.

Собрались в клубе имени Кухмистерова (ныне Центральный дом культуры железнодорожников). «Вступительное слово к концерту, посвященному Бетховену, вдохновенно произнес Луначарский, — вспоминал Л. Гурвич. — Он раскрыл перед нами широкие просторы мировой культуры. показал тесную связь творчества Бетховена с французской революцией, учил слушать и понимать его гениальную музыку.

Успех, как говорится, превзошел все ожидания.

— Первый опыт удался, — сказал Косарев, — попробуем еще. Мы только начинаем понимать, какое могучее орудие культуры — музыка. Она может организовать сознание и чувства не хуже, чем слово. Надо нам эту силу и заполнить».

Вскоре Персимфанс стал выезжать с концертами в подмосковные города и в клубы рабочих окраин.

Но непросто и нелегко доставались комсомолу такие победы на пути культурной революции. «Находились тяжелодумы, — рассказывал Косарев об этом в январе 1928 года, — которые обвиняли нас в том, что мы скатились на рельсы культурки. Коммунистически воспитывать молодежь, — утверждал Саша, — мы сможем только при условии, если во всей культурно-просветительной

деятельности будет наше качество, наше содержание... МК сделал хорошее дело, которое возбудило всю общественность — это конкурсы гармонистов. Мы сделали громадный сдвиг в деревне, когда занялись гармоникой. Вот маленький, конкретный пример, давший блестящий эффект. Вот культурно-просветительные мероприятия, которые дали в итоге десятки, сотни новых художественных пропагандистов».

Первые удачи окрылили. Теперь Саша воевал за внесение в аудиторию рабочей молодежи высоких образцов музыкальной культуры.

«Почему труппа Большого театра не может играть на сцене какого-либо заводского клуба или на сцене заводской окраины? — размышлял Косарев. — До каких пор актеры большого таланта и высокой культуры будут выступать только в центральных театрах и не выезжать в клубы заводских окраин? Вы думаете, молодой рабочий лишен тяги к хорошей музыке? Пролетарий, строящий социализм, имеет право в первую голову пользоваться самыми лучшими культурными ценностями, и мы — Ленинский комсомол — должны помочь партии продвигать культурные ценности в рабочую среду, в среду рабочих окраин».

В 1931 году в докладе на пленуме ЦК ЛКСМ Украины Косарев раскрыл целую программу пропаганды музыкальной культуры среди молодежи.

«ДАВАЙ ПОЖЕНИМСЯ...»

В двадцатых годах комсомольцы выдвинули лозунг: «Не подлаживаться под пережитки старого!» Не действовать по мещанскому принципу «как люди — так и мы» и непримиримо бороться с такими опытными конкурентами, как бутылка горькой, пресловутая «теория стакана воды» и т. д. Согласно этой противообщественной «теории», поддержанной «золотой молодежью», удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. С проповедниками «свободной любви» комсомольцы повели самую беспощадную борьбу.

Только спустя годы Косарев, готовясь к своей первой поездке за границу в Германию, прочитал в воспоминаниях Клары Цеткин о реакции Ленина на эту «теорию». «Конечно, — вспоминала Цеткин в этой связи слова Вла-

димира Ильича, — жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана воды, край которого захватан десятками губ? Но важнее всего общественная сторона. Питье воды — дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу».

— Нам бы эти слова знать тогда, в те годы...

— О чем это ты, Саша, так горько сокрушаешься? — спросил сидевший рядом Володя Бубекин. Косарев, возвратясь из Пензы, постоянно поддерживал связи с другом, познакомил его с Ильиным. Яков сразу «разгадал» в Бубекине талантливого журналиста, дал ему несколько заданий для «Комсомолки». Выполнил их Володя блестяще. По рекомендации Ильина он позднее стал работать в «Комсомольской правде», где и проявились его недюжинные способности.

— Конечно, нам в ту пору трудно приходилось. Помнишь, какой тогда спрос на советскую художественную книгу был? Огромный! Но небывалый прорыв в нашей воспитательной работе сделали иные из них — «Собачий переулок», «Без черемухи»...

— Да, и родная «Молодая гвардия» нам тогда лихо подсобила, издав «Луну с правой стороны» Малышкина... Мы, Володя, в то время юношеские секции по всестороннему обслуживанию культурных запросов молодежи создавали. Я недавно в своих бумагах прошлых лет рылся, послушай-ка, вот один из планов такой юнсекции:

«Понедельник. Доклад — «Будет ли война и как скоро?»

Вторник. Световая газета.

Среда. Лекция — «Любовь с черемухой и без...»

Четверг. Юмористические рассказы Михаила Зощенко.

Пятница. Беседа — «Почему мы спим и видим сны?»

Суббота. Вечер частушек.

Воскресенье. Диспут о пудре, духах, короткой юбке и галстуках».

— Что, что?! — воскликнул Бубекин.

— Диспут: о пудре и короткой юбке!

Друзья рассмеялись. Наивным уже показался их недавний подход к таким проблемам.

— Ты чего, Бубекин, смеешься? Или забыл, как в

Пензе на аппаратном собрании отчитывал «Катю маленькую» — технического секретаря из губкомовской приемной за то, что она постоянно свои ноготки чистила?

— Не помню! — оторопел Володя.

Косарев встал в позу докладчика и, подражая бубекинской манере говорить, выпустил целую тираду:

— «Товарищи комсомольцы! Такое поведение «Кати маленькой» тормозит прибытие нашего паровоза революции к полному социализму...»

— Иди ты! Да не было такого, Саша! Придумал ты...

— Было, Володя, было...

— А ты?

— Что, я?

— Ты же, Саша, совсем недавно аплодировал стихам «О соловьях и розах». Напомнить?

— Ну, давай...

Все заводы да колхозы,
Трактора и вагонетки
И ни строчечки — о розах,
Ни полслова — о беседке.
Да, ни слова! Да, ни звука!
Пусть навеки меркнет в прошлом
Обывательская скука,
Обывательская пошлость.
Розы — мимо! Грезы — мимо!
Мимо — лирика ночная!
Ближе девушки любимой
Нам республика родная!

— Это кто же сочинил такое?

— Хуторянин Андрей, Саша. И ты ему аплодировал.

— Не может быть! Чушь какая-то...

— Саша, а как насчет девушки? Тебе же четверть века скоро исполнится! Понимаешь — века?!

При этом напоминании Косарев замкнулся, насупился.

Квартировал Саша со своим коллегой Гошей Беспаловым в маленькой и неказистой гостинице «Париж», которая в ту пору называлась 27-м домом Советов. Ее давно уже снесли, и на этом месте громоздится теперь серое здание Госплана СССР. В Сашином номере — рядом с комнатами Николая Чаплина — постоянно была молодежь. Шутки, смех наполняли ее... И не одна девчонка лукаво заглядывала в хитрющие глаза секретаря МК. Но не встретил пока среди них Саша той — единственной, что полонила бы его сердце, накрепко привязала к себе.

В «Париже» жили многие партийные и советские работники — семьями и в одиночку. Это были преимущественно ответработники с периферии, ожидавшие постоянной квартиры в Москве или нового назначения в провинцию.

На вопрос друга Саша промолчал, а чуткий и тактичный Володя Бубекин не стал допытываться до того, что для многих стало «тайной полишинеля».

А Саша? Он давно уже заприметил девушку, живущую на том же этаже, наискосок от его комнаты.

Косарев — смелый и решительный боец, не знающий, что значит спасовать, и с профессионально отработанным подходом к людям, вдруг начисто оробел. Он узнал только, что отец девушки — старый большевик Виктор Иванович Нанейшвили. Теперь он возглавляет Торговую академию, а приехали они в Москву недавно из Перми. Девушку же зовут Маруся, и учится она в Институте народного хозяйства имени Плеханова. Но даже довериться, рассказать друзьям, что нравится ему эта девушка, у Саши не хватало ни смелости, ни сил. «Эх, Бубекин, Бубекин — друг закадычный! Горит твой Сашка Косарев синим пламенем...»

Но как часто бывает в жизни, случай сам приходит на помощь влюбленным. В канун седьмого ноября Маруся позвонила по телефону в номер и спросила Гошу Беспалова. Ей очень хотелось попасть на Красную площадь, на праздничный нарядный парад, а билета не было. Гошу же она хорошо знала по Перми, рассчитывала на его помощь. Но Беспалова в тот момент дома не оказалось.

Поначалу Саша даже оторопел. Голос этой девушки звучал краше самой лучшей музыки. Но Маруся «вернула его на землю»:

— Может, вы поможете?

— Нет проблем!.. — согласился Саша. — Пропуск на Красную площадь у меня имеется, но один. Правда, на два лица, — сконфузился Саша.

Так пришлось им идти на парад вместе.

Это был юбилейный парад. Страна Советов праздновала свое первое десятилетие. Ровным строем, четко печатая шаг, мимо Мавзолея В. И. Ленина и незамысловатых трибун с приглашенными на Красную площадь прошли кремлевские курсанты, потом прогарцевали кавалеристы в буденовках, лихо промчались по брусчатке пулеметные тачанки. Завершили парад артиллеристы и летчики, а потом по площади промчались броневики и

танкетки. Временами Саша косился в сторону девушки, и каждый раз она, как будто подстерегала его скрытые движения глаз, обращала свое лицо в его сторону, словно спрашивала: «Вы что-то хотите сказать?»

После военного парада на Красную площадь широким потоком влились колонны трудящихся столицы. Стяги залили его кумачом.

— Пойдем к бауманцам?!

И они, взявшись за руки, пробились через милицейский заслон в яркую, шумную и многоголосую колонну...

— Косарев! Иди к нам! — кричали девчата из колонны Измайловской ткацко-прядильной фабрики.

— Сашка! Девушку крепче держи... — вторили им парни из завода «Манометр», — крепче, не то отобьем!

— Маруся! Ты же — плехановская! Тащи Косарева к нам, студентам...

Оба — довольные и раскрасневшиеся от встречи с друзьями, что кругом их признали, веселые от того, что и знакомство их наконец-то состоялось — вместе с колонной бауманцев уже не шли, бежали вниз: мимо храма Василия Блаженного, Спасской башни — к Москвереке...

— Хорошо! День-то сегодня какой солнечный! — кричал Саша друзьям. — По-настоящему — праздничный! — И он еще крепче сжимал маленькую, мягкую и теплую ладошку Маруси. — Какой же счастливый сегодня день!

Через два месяца он сказал Марусе тихо, но твердо:

— Давай поженимся!

Они пришли к бабе Саше — матери Косарева. Та ласково глянула на обоих, потрепала голову сына и сказала слова простые, но произнесла их тепло, душевно, проникновенно:

— Вижу, неспроста вдвоем пришли...

8 марта сыграли скромную свадьбу. «Кроме самых близких друзей и родных, никого на ней не было, — вспоминает сейчас Мария Викторовна. — Из «моих» была Лена Джапаридзе (дочь знаменитого бакинского комиссара Алеши Джапаридзе), Ходшашвили... Кто еще? Не помню сейчас всех. Немного было. Дали нам тогда квартирку небольшую в доме 8 по Русаковской. Мой свадебный наряд составляла юнгштурмовка. Саша был в костюме. И, представьте себе, в сорочке... с галстуком! Многие комсомольские вожаки галстук тогда презирали, считали его мещанским пережитком. Наиболее невоздер-

жанные на язык называли галстук «собачьей радостью». Саша же ратовал за то, чтобы парни галстука не стеснялись.

— Косаревы все были певучие, — вспоминала Мария Викторовна на исходе 1987 года. — А Саша, по-моему, пел лучше всех. Был у него хороший, чистый баритон. Как он пел в тот вечер, как плясал...

Баба Саша мне в первый же день заявила:

— Ты, Маруся, учись спокойненько. Хозяйственных забот в голову не бери. Я сама справлюсь.

Так и ходили мы с Сашей к ней обедать.

Мария Викторовна задумалась, вспоминая, видимо, те годы.

— Вот ведь неграмотной женщиной она до старости осталась, а такт у нее природный был, культура внутренняя...»

РЕШЕНИЕ, ПОДСКАЗАННОЕ ОПЫТОМ

Вторая половина 1928 года стала для Косарева временем новых серьезных испытаний. В сентябре прошел Объединенный пленум МК и МКК ВКП(б). Обсуждали на нем ближайшие задачи Московской партийной организации, особенно в условиях развертывания критики и самокритики. Косарев выступил на этом пленуме остро. Особенно резко он говорил о недостатках партийного руководства комсомолом.

На выходе из зала Саша столкнулся лицом к лицу с первым секретарем МК ВКП(б) Н. А. Углановым. Он хмуро, даже неприязненно взглянул на Косарева. Саше показалось, что Угланов хотел что-то сказать ему, но смолчал, заметив подходившего к ним В. М. Молотова.

Косарев возвращался в МК комсомола в смятении: «Не пойму: говорили на пленуме о дальнейшем развитии критики и самокритики, а Угланов, похоже, на меня за критику-то и обиделся, рассердился...»

Партийная организация столицы после этого пленума загудела.

В октябре снова созвали, теперь уже экстренный пленум МК и МКК ВКП(б). Обсуждали на нем положение в Московской партийной организации. Во время доклада Угланова в президиуме появились Сталин и Молотов. Зал сразу насторожился: о том, что Генеральный секретарь ЦК партии будет участвовать в работе пленума, никто не ведал, даже руководители МК.

Гнетущая тишина воцарилась в зале.

В прениях Косарева поразило выступление Мандельштама. Некоторое время тому назад Николай Николаевич опубликовал в «Правде» статью «Основное в партийном просвещении». В ней Мандельштам призывал «не бояться того или иного оттенка мысли, уклоняющегося от основной большевистской линии, не бояться самого слова «уклон»...». Редакция газеты советовала эту фразу в статье снять. Переговоры вокруг нее приобрели характер дискуссии. Неожиданно для Мандельштама в спор вмешался Сталин и сделал это не совсем обычным путем: он направил Угланову телеграмму, в которой обращал внимание МК на сам факт такого утверждения в статье ответственного работника Московского комитета партии и настаивал на ее исправлении. Мандельштам сдался.

Косарев внимательно слушал объяснения Мандельштама, и каждое его слово поднимало в Сашиной душе огорчение. Вспомнились наставления заворга Мандельштама — в Бауманском райкоме партии и завагитпропа здесь, в МК. Саша оживился только тогда, когда Николай Николаевич уже завершал свое объяснение пленуму:

— Товарищ Сталин, — говорил он, — вчера, в частном разговоре, правильно заметил: «Организация растет, нормальная жизнь идет в ней только тогда, когда вместе с организацией растут одновременно, или опережая этот рост, и руководители организации».

Зал одобрительно загудел.

— Я считаю, — продолжал Мандельштам, — целиком правильной эту мысль. Она подводит к выводу, который мы должны сделать на этом пленуме. И нет ничего зазорного, постыдного в том, чтобы, поднявшись на эту трибуну, сказать: «Дело переросло мои силы, не могу я больше справляться с этими задачами. Освободите меня».

Сложен путь политического работника. Он изобилует крутыми поворотами, на которых неизбежны потери и расставания, отход от людей, которые когда-то считались закадычными друзьями, и от старых наставников, чьим советам в былые времена внимал с беспредельной верой. А теперь... Теперь вот что-то надломилось в отношениях с Мандельштамом, как будто образовалась в отношениях с ним глубокая трещина. Навсегда.

После выступления Мандельштама прения на пленуме МК обострились. Наступил тот решающий момент в

жизни Александра Косарева, когда он должен был сам сделать выбор своей позиции, сообразуясь со своей партийной совестью, полагаясь только на политический опыт. Саша мысленно восстанавливал содержание прений и доклад Угланова на пленуме — какой-то неискренний, несамокритичный. Объяснение своей позиции он свел к рассказу о том, как после сентябрьского пленума МК ВКП(б) Молотов попросил его остаться и внести существенные поправки в тексты доклада и резолюции до передачи их в открытую печать.

Теперь Косарев знал, что он скажет на этом пленуме. И когда поднялся на трибуну, все нужные, к месту, под стать обстановке, слова приходили сами: резкие и обличительные. А мысли рождались смелые и выражались им законченно и определенно:

— Мне кажется, что доклад товарища Угланова не может удовлетворить пленум Московского комитета в части объяснения причин создавшегося внутрипартийного положения.

Зал — весь внимание: «Круто замесил начало своей речи комсомольский вожак». А он продолжал:

— Причина не в организационных комбинациях, а в политических ошибках партийных руководителей! — громко произнес Саша после небольшой паузы.

Он говорил экспромтом и внимательно следил за настроением зала. Обратясь в сторону президиума, он не мог не заметить, как Угланов с ядовитой усмешкой встретил его взгляд: «Дождались, дескать, времен, когда яйца кур учить стали...» Сталин сидел как изваяние и невозмутимо глядел в зал. Молотов повернул лицо в сторону оратора, но за блеском пенсне Косарев не видел его глаз. Саша снова обратился к залу, и теперь бросал в него рубленые, наполненные горьким откровением фразы:

— Их ошибки нисколько не умаляют и нашей личной ответственности, ответственности всего МК. Я ставлю на обсуждение пленума вопрос: почему мы позволили проповедовать в своих рядах грубые ошибки? Что, у нас притупилось политическое чутье? Мы что — политически нечуткими стали, что ли?

Косарев не следил за фразами. Они сами срывались с его уст. И эта безыскусственность и искренность его речи воздействовали на слушателей куда сильнее приглаженных, продуманных и взвешенных до «запятой» выступлений некоторых предыдущих ораторов. Этим она

подкупала присутствующих. От откровенно и резко поставленных вопросов зал сначала затих, замер, а потом, словно подчиняясь невидимому дирижеру, дружно загудел. Председательствующему пришлось его успокаивать. А Косарев продолжал:

— Нет! Наша организация находится на правильных рельсах. Не то, что на сентябрьском пленуме, когда мы ошибок своих руководителей не заметили. Сегодня над этим каждому из нас следует серьезно задуматься. В условиях развития внутрипартийной демократии и большевистской самокритики нам нужно всю организационно-воспитательную работу наших партийных комитетов привести в соответствие с духом времени, с линией партии.

Сталин склонился к Молотову и, кивнув в сторону Косарева, что-то сказал ему. Молотов согласно закачал головой.

Теперь Косарев говорил о том, что 25 тысяч коммунистов, работающих в Московской комсомольской организации, поддерживают политическую линию партии и никогда не окажутся в тенетах ее противников.

Глубокое уважение завоевал Косарев у партийного актива столицы. Как бы подводя итоги его двухлетней работы секретарем МК ВЛКСМ, один из партработников Баландин после очередного отчета Саши сказал в своем выступлении на VII съезде МК ВКП(б): «По сегодняшнему докладу товарища Косарева мы, представители с мест, как будто бы в первый раз почувствовали и все дружно подчеркиваем удовлетворенность работой нашего комсомола». Коммунисты столицы дружно отмечали рост и самого вожака молодежи.

...В воскресное утро 24 марта 1929 года черный диффузор репродуктора разбудил Косарева рано. Маруся еще спала, и Саша приглушил звук. Радиостанция имени Коминтерна передавала утреннюю гимнастику. Тихо, чтобы не разбудить сладко спавшую жену, Саша наспех сделал несколько упражнений и стал слушать утренний обзор газет. Радио передавало изложение постановления ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах комсомольской работы и задачах партийного руководства комсомолом». Саша усилил звук. Газеты сообщали о его докладе на III пленуме ЦК ВЛКСМ. Подумал: «Пять дней обсуждали задачи и роль комсомола в общей системе классо-

вой борьбы. Сегодня заключительное заседание. Сегодня...»

Последние дни Сашу часто вызывали в ЦК ВКП(б). Беседовали. Не скрывали, что его кандидатура котируется на генерального секретаря ЦК ВЛКСМ.

В один из поздних вечеров (в дни заседаний пленума) Косарева вызвали к Сталину. Он долго ожидал в приемной. За это время в кабинет к *самому* несколько раз заходил Поскребышев и выходил из него, как бы не замечая томившегося Косарева. Наконец Поскребышев кивнул Саше: «Заходи...»

Сталин стоял посреди кабинета, внимательно наблюдая, как Косарев осторожно прикрывал дверь, боясь, чтоб не хлопнула она или осталась неплотно закрытой. Сталин не любил полуприкрытых дверей.

— Здравствуй, Косарев!

Сталин так и не сделал в его сторону ни шага и, казалось, пристально всматривается в Сашу. Остановился на почтительном от него расстоянии и Косарев.

— Это правда, что ты женился?

Косарев стоял ошеломленный: «Неужто Сталин пригласил его ради этого вопроса?»

— Да, Иосиф Виссарионович. Я уже год как женат.

— На ком?

— На Марусе Нанейшвили. Дочери Виктора Ивановича Нанейшвили. Маруся говорит, что вы его знаете...

Сталин молчал. А Косарев не знал, что предпринять, что надлежит рассказывать дальше.

Наконец Сталин заговорил. Точнее, бросил короткую, прозвучавшую, как сухой выстрел, фразу:

— Да, Виктора Нанейшвили я знаю. Он — мой личный враг...

Саша вернулся домой потрясенный. Ночью долго ворочался в постели. Вздыхал. Маруся встревожилась: «Что стряслось, Саша?»

Только на другой день Виктор Иванович посвятил Сашу в события пятилетней давности.

Нанейшвили. Известная в те времена в Закавказье фамилия. Замечательная революционная семья. Мать Маруси — Вера Павловна стала членом РСДРП в девятьсот втором году. А Виктор Иванович был одним из зачинателей большевистского подполья в Закавказье. В 1924 году, будучи секретарем Каракалпакского обкома партии, он однажды горячо поспорил со Сталиным по национальному вопросу. Высказал ему слова резкие, не-

лицеприятные, хотя и знал, что Сталин обостренно самолюбив, злопамятен. Знал, но сдержать себя в том споре не смог. Этого оказалось достаточным, чтобы в его лице Нанейшвили сразу же и навсегда нажил себе ярого врага...

Косарев недоумевал: «К чему же тогда все беседы в ЦК партии? Зачем ответственные работники намекают на его новое высокое назначение, если тесть — личный враг Сталина?»

Вопросы... Вопросы и мучительное ожидание окончания III пленума ЦК ВЛКСМ.

24 марта 1929 года Косарева избрали генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ. Смятение и радость. Удивление и восторг. Сложными переживаниями был охвачен в тот день Косарев. И еще более масштабным, чем ранее, почти великим, вставал перед ним Сталин, будто бы отбросивший в сторону неприязнь к Нанейшвили и выдвинувший зятя своего личного врага на самый высокий в комсомоле пост...

Именно на такие размышления Косарева и рассчитывал Сталин. Расчет был точным. Сталин знал, чего достигнет он и своим признанием, и, казалось бы, нелогичным решением: сделать Косарева первым в стране вожаком молодежи. Тень тестя, личного врага Сталина отныне будет все время следовать за Косаревым.

«Любимец молодежи», «кумир молодежи...» Сталин усмехнулся, вспоминая эти характеристики секретарей ЦК партии при обсуждении в Политбюро кандидатуры Косарева. «Самый достойный!..» Сталин ревниво проводил тогда взглядом юного, крепкого вожака молодежи, не без злорадства подумал: «Теперь у этого «самого достойного» одно воспоминание о состоявшемся разговоре будет вызывать нервное напряжение. Самые преданные люди — люди лично обязанные. С этого дня Косарева надлежит сделать не только обязанным, но и беспредельно преданнейшим *ему* человеком».

Вечером 15 апреля московский комсомольский актив расставался со своим вожаком.

— Все мы знаем товарища Косарева не по парадным выступлениям, а по настоящей работе, — начал свою речь В. Васильев, только что избранный первым секретарем МК. — Да что тут говорить, товарищи, лучше разрешите мне зачитать проект резолюции пленума:

«Пленум МК ВЛКСМ, заслушав сообщение о выборе секретаря МК товарища Косарева генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ, целиком присоединяется к решению пленума ЦК и освобождает товарища Косарева от обязанностей секретаря МК. Отпуская товарища Косарева для работы в ЦК, пленум отмечает его значительную роль в деле сплочения Московской организации в борьбе за незыблемость принципиальной линии партии и комсомола... Пленум желает товарищу Косареву успешной, плодотворной деятельности в союзе и уверен в том, что под руководством ЦК ВЛКСМ Ленинский комсомол по-прежнему будет оплотом линии партии, сильнейшим действенным механизмом, осуществляющим на деле повседневное проведение в жизнь решений партии и ее ЦК...»

Саша стоял на сцене и улыбался. Он не кокетничал и не важничал. Он был откровенно счастлив. Счастьем светилось его открытое русское лицо и сияли глаза. Косарев все время порывался что-то сказать, но московская братва аплодировала так дружно и долго, что свою ответную речь Саша начал, не дождавшись тишины:

— Достижения московского комсомола принадлежат всему руководящему ядру, всему активу и всей организации. Московская комсомолия выдвинула из своих недр многих выдержанных пролетарских работников. Они всегда отличались ясным политическим мировоззрением и большой организационной практикой.

И ни слова о себе. В этом был весь Косарев.

ВЕЛИКИЙ ПРИМЕР

Генеральный секретарь Центрального Комитета ВЛКСМ.

Ныне нет в комсомоле такой должности и звания. И все-таки каким же еще был он — Александр Косарев, генеральный секретарь?

В ЦК ВЛКСМ расширилось его поле деятельности. Саша вышел на трибуну всесоюзных съездов и пленумов ЦК Коммунистической партии и комсомола. Его речи и статьи (чаще всего с портретом) печатались на самом видном месте газетных полос и центральных периодических изданий. Их переводили на английский, французский, немецкий, испанский, болгарский, польский и другие языки. Косарев стал как-то сразу и будто бы не-

взпачай всемирно известным человеком — «вождем советского комсомола», так величала его зарубежная печать.

А он оставался самим собой и по-прежнему в нем продолжал жить рабочий паренек, и его звонкая фамилия — Косарев — ладная и веселая, с каким-то солнечным звучанием, по признанию писателя Бориса Галина, «очень шла к его тонкой фигуре, узким, смеющимся, с хитринкой глазам».

Неудивительно, что к этому времени он был уже иным, чем в Бауманском райкоме или в МК, вожаком молодежи. И немудрено. Стал он во главе Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Кто же сформировал его тип комсомольского работника? Удался ли коварный замысел Сталину сполна? Стал ли Косарев частью административно-бюрократической системы того времени? На эти вопросы не ответишь однозначно. Весь дальнейший рассказ о его биографии поможет полнее и правильнее ответить на них.

Косареву выпало счастье стать комсомольским вожаком еще при жизни В. И. Ленина. Саша постоянно искал встречи с ним, бывал на всех доступных ему митингах с участием Владимира Ильича. И они неизмеримо обогащали его. Юный руководитель молодежи жадно ловил каждое слово вождя. Его самобытный ум пытливо проникал в самые глубины речей и произведений великого учителя.

Имеются десятки добротных прямых и косвенных свидетельств того, что Саша искал и находил в ленинских произведниях ответы на самые животрепещущие, волновавшие его вопросы. Никогда не занимался цитатничеством. Но ленинскими идеями, ленинскими заветами молодежи буквально дышали многие его выступления. Он умел органично, без малейшего налета па догматизм и начетничество интерпретировать ленинские мысли применительно к потребностям комсомольской действительности.

С пламенных дней Октября и первых часов Советской власти Косарев решительно и бесповоротно избрал удел борца за светлые идеалы человечества, путь активного строителя социализма.

Он участвовал во всех наиболее значительных событиях общественной жизни, внутрипартийных дискуссиях и кипучих комсомольских делах. Саша общался со многими ветеранами партии — с самыми что ни на есть яркими представителями славной когорты ленинской гвар-

дии большевиков. Он был очень близок к ним. И они исподволь формировали у юного первопроходца нового строя революционное мировоззрение, трезвое мышление, беспредельную преданность ленинизму и непоколебимую убежденность в правоту и торжество идей научного коммунизма.

Общение Александра Косарева со многими представителями яркой плеяды руководителей ленинского типа положительно сказывалось на превращении задатков в навыки выдающегося организатора, идейного и талантливого вожака молодежи. С них он «делал жизнь свою»; без подражания или копирования. Косаревской натуре — самобытной, богатой и цельной — в принципе претило слепое подражательство. Если бы Косарев хоть раз (пусть даже непроизвольно) допустил бы такое — это был бы уже не он, а сущий изменник самому себе. Саша всегда и во всем, в любое действие вносил свою, ему только свойственную, косаревскую, «живинку». Но Саша дышал с ветеранами партии одной политической атмосферой, жил и работал вместе с ними ради единой и великой цели, потому-то и биение его юного сердца выстраивалось в унисон с выверенным ритмом их сердец. Отсюда он и был последовательным и надежным продолжателем и преемником нравственности ленинской гвардии большевиков. «Хотя многие старые большевики были еще молодыми по возрасту, — вспоминал один из ветеранов московского комсомола, — но за их плечами годы подполья, тюрем и ссылок, у них — драгоценный опыт совместной работы с Лениным. Они передавали нам этот опыт и драгоценные традиции. Шел естественный процесс преемственности поколений, подрастающая молодежь врастала в активную партийную жизнь. На Косареве он сказывался ярко и ощутимо».

«Замечательный большевик, руководитель ленинского стиля», — так об Александре Косареве отозвалась Е. Д. Стасова. Она много лет работала с В. И. Лениным. Была человеком строгим и нерасточительным на столь высокие и ответственные оценки. И, наверное, имела очень веские основания, чтобы так лестно отозваться о Косареве.

Саша призывал комсомольский актив упорно работать над собой, стремиться усваивать ленинский стиль в работе. Он был активным противником таких черт, проявлявшихся в поведении некоторых комсомольских руководителей, как верхоглядство, чванство, высокомерие,

зазнайство. Беспощадно бичуя конкретных носителей этих безнравственных черт, он старался как бы «очистить» незадачливых вожаков молодежи великим примером:

— Нелишне будет напомнить вам отдельные черты морального облика Владимира Ильича, — говорил Саша на VII Всесоюзной конференции ВЛКСМ. — Ленин был руководителем, не знающим страха в борьбе и смело ведущим партию вперед по неизведанным путям русского революционного движения, бесстрашным критиком.

Почувствовав, что перешел на неподходящий для данного случая торжественный тон, Косарев сделал паузу. И старался говорить далее по-прежнему серьезно, но проще и доступнее:

— Самое большое в критике — быть объективным к людям и к самому себе. — Саша остановился на мгновение. Затихли и слушатели. Слово «критика» они привыкли слышать громогласно и при очередном «разгоне», а тут Косарев повторил как-то тихо, почти задумчиво: — К людям и к самому себе... Не заключать никаких низменных соглашений со своими недостатками, стараться узнать их. — И снова, помолчав немного, продолжил без тени назидательности, даже доверительно: — Вот этого-то у нас и нет!

Может быть, в этот миг Косарев вспомнил речь Луначарского на собрании научных работников в траурный день 22 января 1924 года? Очень уж созвучны ей были его дальнейшие слова, сказанные восемь лет спустя — в июле 1932 года:

— Ленин был бестрашным критиком, умеющим просто, ясно, смело писать о самых запутанных вещах. Простота, скромность, стремление остаться незаметным, не бросаться в глаза и не подчеркивать своего положения, отсутствие рисовки, головокружительных жестов и эффектных фраз. Вот всему этому мы должны учиться у Ленина. Это целая программа для комсомольского актива в его работе над самим собой, очень сложная программа, трудная и серьезная.

Обращение к образу Ленина, его стилю работы было любимым косаревским приемом в речах перед комсомольскими работниками.

Косарев жил и работал в бурную эпоху развития социалистической революции. Октябрьский переворот остался уже далеко позади, но все последовавшие за ним почти двадцать лет были временем острой борьбы. И на-

лицо были и откровенные противники строительства социализма в СССР, и скептики, и маловеры.

Для Косарева это было время вхождения в строй политических деятелей Страны Советов, для которых строительство социализма не страницы из школьного учебника, не отвлеченная, а реальная задача, выстраданная вместе со старшими в совместной борьбе. Созидание нового общества, воспитание человека будущего были для Косарева его жизненной заданностью. Они наложили глубокую печать на стиль его работы и уклад жизни.

Необычайно высоким был для него авторитет партии.

«Ленинский комсомол, — говорил Косарев на открытии IX съезда ВЛКСМ, — никогда не имел, не имеет и в будущем не будет иметь отличной линии от той, которую проводит наша партия. Именно это дает нам силу, именно это дает нам мощь, именно это формирует из подрастающего поколения доподлинных молодых большевиков, достойных звания Владимира Ильича Ленина».

Стиль работы Косарева был озарен его личной преданностью партии, безупречной чистотой перед ней, необыкновенной большевистской опрятностью. Доверием партии он больше всего дорожил на свете. «Дорожить доверием партии, — говорил он на одном из пленумов ЦК ВЛКСМ, — в этом духе воспитывать молодежь, ибо самое сильное, самое красивое и замечательное в жизни молодого революционера — это доверие, которое великая партия оказывает нам и каждому из нас...»

Этот стиль формировался и в комсомоле. С ним был связан каждый шаг его сознательной жизни — от рождения и первых шагов РКСМ — до последних минут косаревского бытия. Вне комсомола у него не было иной работы. В этом смысле ему выпала редчайшая, никем еще не повторенная, судьба. Она на волне всемирноисторических событий вознесла в прошлом вожака благушенских мальчишек на вершину комсомольской деятельности. И здесь на долю Косарева тоже выпало огромное счастье бороться, жить и работать, формировать стиль своей деятельности и образ мышления под руководством и в кругу таких талантливых самородков-руководителей, как Петр Смородин, Николай Чаплин и другие.

Его постоянно окружали яркие, самобытные люди.

Долгое время «Комсомольскую правду» возглавлял Тарас Костров (Сергей Александрович Мартыновский). Сын народовольца, он родился в 1901 году в читинской

тюрьме. Его мать — социал-демократка — передала Тарасу лютую ненависть к царизму. Сын вырос, и его дальнейшие пути с родителями круто разошлись: родители стали меньшевиками, он — большевиком. В годы гражданской войны Костров был активным участником большевистского подполья в Одессе, служил в Красной Армии. После войны — секретарем одного из партийных комитетов, редактором киевской газеты «Пролетарская правда». Серега, или Салтаныч (иначе Косарев секретаря ЦК ВЛКСМ Сергея Салтанова не называл). Он пришел в Цекамол с поста секретаря Нижегородского губкома комсомола и сразу же пришелся Косареву по душе. Веселый, энергичный, беспредельно преданный идеям коммунизма вожак молодежи.

В 1925 году ЦК комсомола поручил Сергею Салтанову передать в Международный юношеский день (МЮД) братский привет чехословацкой молодежи. В стране свирепствовал белый террор. Поездка была нелегкой. От Ленинграда до одного из немецких портов Сергей добирался в угольном трюме иностранного парохода. Немецкие комсомольцы помогли ему сесть в поезд, который прошел всю Германию. В Прагу Салтанов попал утром, в самый разгар празднования МЮДа. На вокзале его встретили чешские комсомольцы и проводили на демонстрацию. Всюду бурлили митинги, и на одном из них выступил Сергей. Его речь подняла энтузиазм молодежи. В едином порыве собравшиеся запели «Интернационал». Как о приключении рассказывал потом Салтанов корреспондентам нижегородской газеты «Молодая рать» и своим друзьям об этой поездке. На демонстрантов после выступления Салтанова набросились полицейские отряды. Жандармы пытались схватить бесстрашного русского, но на их пути выросла стена из молодых людей, крепко сцепивших руки. Полиция пустила в ход дубинки, оружие, началась неравная схватка. Товарищи помогли Сергею скрыться, но переправить его в безопасное место не удалось: жандармы бросили Салтанова в пражскую тюрьму.

Трудно пришлось молодому революционеру. Тюремщики стремились добиться от Сергея «признания», что он — «агент Коминтерна» и прибыл в Чехословакию... организовать восстание против существующего строя. В ход были пущены обман, запугивание, одиночные карцеры. А он твердил свое: проник, дескать, в Чехословакию на поезде международного следования «зайцем», просто так — заграницу посмотреть...

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба Сергея, но на помощь ему пришло советское посольство. Делом Салтанова занялся видный чешский юрист, и через месяц после ареста Сергея выслали из Чехословакии как «чрезмерно опасного элемента», так и не вменив ему политического обвинения.

Косарев высоко ценил Сергея Салтанова как работника, близкого и надежного товарища, видел в нем настоящего друга. А еще была широкая плеяда талантливых комсомольских работников, замечательных вожаков молодежи тех лет — Василий Чемоданов, Дмитрий Лукьянов, Сергей Андреев, Татьяна Васильева, Павел Горшенин и многие-многие другие, составившие принципиальный коллектив руководителей и друзей.

И РОДИЛОСЬ НОВОЕ СЛОВО — «ПЯТИЛЕТКА»

Эту огромную экономическую карту СССР в Центральном Комитете ВЛКСМ долго помнили ветараны комсомола. Висела она на самом видном месте, а Косарев собственноручно — флажками и условными значками наносил по всей территории Советского Союза новостройки пятилетки. Этим новым словом назвали рожденный в 1927 году план социалистического переустройства СССР, народнохозяйственную программу страны, рассчитанную на пять лет.

Лавина наиважнейших дел надвинулась на Сашу в ЦК ВЛКСМ с первых дней работы в нем. Очень важно было сориентироваться в них, держать в памяти сотни направлений, тысячи имен и названий. Важнее всего было и не поддаться текучке, не разменять свою энергию на дела сиюминутные, а выбрать в работе главное, определить основные звенья.

Этим главным звеном стала для комсомола пятилетка.

О новостройках Саша рассказывал, не скрывая восторга. Он зажегся этим чувством еще на том заседании XV съезда ВКП(б), когда на его трибуну поднялся Глеб Максимилианович Кржижановский — ближайший соратник Ленина, председатель Госплана СССР. Он широкими мазками, как опытный художник, раскрыл перспективу страны. Сквозь строй скупых цифр, производственных терминов и сухих технических обозначений, которыми изобиловала его речь, прорывался радостный пафос революционного созидания.

Перед делегатами партийного съезда выступал ученый-специалист, профессор, один из авторов гениального плана электрификации страны. Многие из тех, кто сидел в тот день в зале, помнили, как шесть лет назад Кржижановский докладывал на VIII съезде Советов о плане ГОЭЛРО. Тогда этот план казался грандиозной программой, а некоторым — даже несбыточной мечтой. Косарев тоже помнил, как один из лекторов, выступавших в 1920 году в Нарвско-Петергофской школе комсомольского актива, рассказывал о встрече В. И. Ленина с английским писателем-фантастом Гербертом Уэллсом. Спустя несколько лет стал известен и его разговор с Ильичем. Уэллс тогда не поверил ленинским замыслам электрифицировать Россию. Косарев читал его книгу «Россия во мгле», в которой английский фантаст назвал Ленина «кремлевским мечтателем». Годы, прошедшие с тех пор, — пустяковый срок с точки зрения исторических измерений. А сегодня? Сегодня на XV съезде ВКП(б) Кржижановский докладывал о плане ГОЭЛРО как об одном, и всего лишь, элементе новой народнохозяйственной программы.

— Сочетайте революционную мечту с революционным делом. Пятилетку должны знать рабочие каждого завода, каждой шахты, крестьяне каждой избы, дети каждой школы, — призывал Косарев комсомольцев.

Первый пятилетний план был величайшей программой боевого наступления рабочего класса на техническую отсталость нашей страны, программой ее переустройства на новых социалистических началах.

Приступили к нему с осени 1928 года. Геологи открывали новые залежи угля, нефти. Проектировщики привязывали к местности новые индустриальные гиганты. И всюду высаживали свои десанты отряды строителей, землепроходцев. Страна Советов покрылась лесами великой новостройки. В Москве и Нижнем Новгороде сооружались автомобильные гиганты, в Харькове и Сталинграде — тракторные. На Урале — у горы Магнитной — воздвигался крупнейший металлургический комбинат.

В 1930 году комсомол решил направить свои усилия на ликвидацию прорывов и узких мест пятилетки. Косарев горячо докладывал об этом на заседании бюро ЦК комсомола. Обсуждение было бурным. Предложения вносились самые фантастические. Остановились на одном, обобщившим все остальные: отвечая на призывы партии, комсомол объявил себя мобилизованным пятилеткой.

Комсомольская путевка!

Это тоже — новые, рожденные в нашем лексиконе в те годы слова. Они родились на том же заседании бюро ЦК ВЛКСМ, вместе с идеей о мобилизации.

— Теперь только мещане находятся вне социалистической стройки, — говорил Косарев. — Позорно молодому пролетарскому поколению быть в этой категории людей. Комсомол зовет юношей и девушек в ряды созидателей.

С путевкой комсомола тысячи парней и девчат — рабочих и бедняков-батраков — отправились испытать счастье трудных дорог. Они восстанавливали шахты Донбасса, работали в Якутии на далеких рудниках Алдана, возводили первые домны Магнитки, прокладывали в безлюдной пустыне стальные линии Туркестано-Сибирской железной дороги — Турксиб. Они были на всех, более чем 1500 крупных объектах, предприятиях нового типа, комбинатах, оборудуемых на уровне современной науки и техники.

Однажды, подойдя к экономической карте СССР, Саша, расставляя новые флажки и знаки, заметил:

— Карты СССР, даже из числа только что выпущенных, бесспорно, устарели. Только один 1931 год обогатит их десятками новых, возникающих на безлюдных ранее местах, предприятий и городов. Ни в одной стране мира, да что в мире — в истории вообще не знали такого бурного строительства. В этом году мы построим 49 социалистических городов, не считая рабочих поселков, реконструкции старых промышленных центров. В боях за соцгорода комсомолу надо взять индустриальные темпы. — И тут Саша процитировал В. Маяковского: «Я знаю — город будет, я знаю — саду цвесть!» Тогда Косарев еще не ведал, что вскоре партия поставит перед комсомолом еще одну задачу: построить город юности, славу советской молодежи довоенных пятилеток — Комсомольск-на-Амуре. Всюду впервые в истории человечества по единому замыслу партии перестраивалась жизнь целой страны с огромной территорией.

На различных участках трудового фронта «наступали» юноши и девушки. «Годом великого переселения народов» назвал Косарев 1929 год в статье «Ленинский комсомол к XVI партсъезду».

— До двухсот тысяч лучших комсомольцев ЦК ВЛКСМ послал на стройки страны, — рассказывал Саша. — Это, не считая многочисленных мобилизаций,

проведенных местными организациями. Тысячу комсомольцев мы мобилизовали в золотую промышленность Восточной Сибири, тысячу двести — на Дальпромстрой, полторы — на освоение Арктики, а две — богатств Сахалина. Пять тысяч комсомольцев посланы нами на железнодорожный транспорт, шесть — на укрепление органов связи, двадцать — на лесозаготовки и тридцать шесть тысяч комсомольцев спустились в забои Донбасса.

Этот длинный ряд больших цифр Косарев заканчивал под дружные аплодисменты. Косарев аплодировал вместе с ними. Он был их вожак, руководитель огромной молодой армии труда, зачинателей комсомольского шефства над ударными стройками социализма.

На XVI съезде партии Сашу избрали кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Здесь он встретился с Петром Смородиным, Николаем Чаплиным, Оскаром Рывкиным. Все уходили со съезда довольные: Чаплина и Смороднна тоже избрали кандидатами в члены ЦК, а Рывкина — в Центральную Контрольную Комиссию ВКП(б). Центральный Комитет партии хорошо отозвался о работе ВЛКСМ: «Ленинский комсомол и руководимая им рабочая молодежь, — говорилось в политическом отчете ЦК ВКП(б) съезду, — увенчивает дело соревнования и ударничества решающими успехами».

— Понимаешь, Коля, — говорил Косарев Чаплину, — комсомольцы являются ведущей силой на всех многочисленных стройках. И успех их работы обеспечен соревнованием, знамя которого впервые было поднято комсомолом. — Саше не терпелось поделиться радостью со своими комсомольскими наставниками, зачинателями этого движения. — Петр! — втягивал Саша в разговор Смородина. — Помнишь, как рождалось все это?

Петр отрицательно кивал головой.

— Без меня, Косарев, развернули вы это дело... Без меня.

А начиналось оно так:

...Косарев работал тогда секретарем Московско-Нарвского райкома Ленинграда. В один из обычных дней в его кабинет ввалилась группа звонкоголосых девчат-калошниц из резинового комбината «Красный треугольник». Саша не сразу понял, чего же от него хотят работницы. А разобравшись, воскликнул: «Да вам, девчата, цены нет!»

Оказалось, что девушки решили создать ударную бригаду и коллективно вырабатывать продукции больше, а труда затрачивать меньше, чем работая в одиночку. Но для этого, поясняли они, надо изменить кое-что в технологии производства резиновых калош. Но именно тут и натолкнулись они на косность и рутину некоторых администраторов.

Сейчас Косареву вспомнились и те «атаки» на главного инженера и на технолога комбината. Хорошо еще, губком комсомола поддержал новаторов, и общими усилиями сопротивление маловеров и рутинеров было сломлено.

Когда Саша приехал в Москву, то узнал, что подобные бригады созданы в ремонтных мастерских Московско-Казанской железной дороги, на Сормовском заводе в Горьком, на ряде предприятий Урала и Донбасса. И всюду застрельщиками их создания были комсомольцы, молодежь! Рожденные самой жизнью, ударные бригады сразу же стали не только лучшей формой организации труда, но и проявления общественной инициативы на социалистическом производстве. Движение буквально захватило молодежь. Потому-то поэты и композиторы слагали о нем свои песни:

Гудит, ломая скалы, ударный труд.
Пронесся лентой алой ударный труд...

Вспомнил Саша и 16 января 1929 года. В тот день ему позвонил член Политбюро ЦК ВКП(б) и председатель ВСНХ СССР В. В. Куйбышев:

— Я тебе сейчас с нарочным одну бумагу подошлю. Прочитай, пожалуйста. Это проект моего приказа. Я направил его в Цекамол на согласование, хочу, чтобы и ты его посмотрел. Свои соображения сообщи по телефону.

Через час перед Косаревым лежал проект знаменитого приказа председателя ВСНХ за № 335. «За последнее время, — писал В. В. Куйбышев, — в промышленных центрах (в Донбассе, Москве, Ленинграде и на Урале) по инициативе комсомола организуются производственные ударные бригады рабочей молодежи, ставящие себе задачи проведения рационализаторских мероприятий на предприятиях». Далее председатель ВСНХ СССР не просто отмечал большую и упорную работу комсомола в этом деле, он предписывал хозяйственным руководителям развернуть ее повсеместно.

На другой день приказ был опубликован в «Комсомольской правде».

А через четыре дня в «Правде» была опубликована ленинская статья «Как нам организовать соревнование».

Косарев немедленно собрал бюро МК ВЛКСМ:

— Надо движение ударничества поднять на новую ступень, соединить его с идеей социалистического соревнования. Думайте, как это сделать?!

Ленинская идея социалистического соревнования попала на благоприятную почву: в стране успешно развивалось социалистическое хозяйственное строительство. Каждый день приносил вести о бурном росте производственной инициативы комсомольцев.

26 января «Комсомольская правда» обратилась к рабочей молодежи начать всесоюзное социалистическое соревнование.

В тот же день состоялось заседание бюро ЦК ВЛКСМ.

— Молодец, Тарас, — похвалили секретари ЦК ответственного редактора газеты Кострова. — С дельным предложением вышел, но и мы, цекамольцы, в стороне не останемся.

В тот же день при ЦК комсомола была создана специальная комиссия по проведению соцсоревнования. Вошел в нее и Косарев. Молодость Страны Советов выступала в поход за повышение производительности труда, снижение себестоимости продукции, повышение ее качества.

В апреле партия обратилась ко всем трудящимся с призывом поддержать почин Ленинского комсомола.

Дальнейшие шаги комсомолии страны во всенародном движении — в социалистическом соревновании развертывались под непосредственным руководством Косарева.

В декабре 1929 года он выдвинул лозунг: «К ударным цехам и предприятиям!»

— Путь ударного движения, — говорил Саша, — уже наметился. Бригады должны перерастать в цеха, ударные предприятия.

Увлеченность Косарева порой не знала границ. Ему все казалось возможным, доступным, стоит только захотеть:

— Дайте нам опытные шахты, комсомол Донбасса сделает их образцовыми!

— Весь союз — ударная бригада! — восклицал он. И его юношеский максимализм увлекал молодежь, хотя

в жизни все было намного прозаичнее и сложнее. Одни рабочие чурались ударничества: боялись снижения расценок. Другие отказывались от заключения соцдоговоров: «лишь бы не надорваться работой...». Много и других трудностей вставало на пути нового почина.

А через два года Саша говорил:

— Нам в нынешнее время ударника мало. Требуется ударник-застрельщик, инициатор и в общественно-политической работе и плановик.

В ЦК ВЛКСМ приходили каждый день все новые и новые вести со строек страны, о трудовых победах.

Каждая стройка была университетом для молодежи и для Косарева тоже. Казалось, что он был непосредственным участником всех новостроек. Косарев, не любивший засиживаться в кабинете, буквально жил политикой созидания. Он активно помогал комсомольским организациям быть в трудовом подвиге первыми и надежными помощниками партийных организаций.

...2 мая 1930 года на болотистом пустыре близ деревушки Монастырка состоялась торжественная закладка автозавода. Строительные работы развернулись здесь грандиозные. Первое время на Автострое работало всего 60 комсомольцев, растворившихся в массе строителей. Косарев быстро отметил это, напомнив Нижегородскому крайкому ВЛКСМ, что еще за полгода до начала работ, на комсомольском активе юноши и девушки края заверили партию в том, что они будут шефами Автостроя.

Об этом ответственном обязательстве нижегородским комсомольцам напомнил и Центральный Комитет партии. В августе 1930 года он, рассматривая вопрос «О состоянии партийно-массовой работы на Нижегородском Автострое», отметил неудовлетворительную работу комсомольцев на строительстве. ЦК ВКП(б) предложил тогда Центральному Комитету комсомола направить на строительство активистов и «обеспечить решительный перелом как в деле производственной работы комсомола на строительстве, так и в росте комсомольской организации».

Через месяц здесь работало уже свыше двух тысяч комсомольцев.

Однажды секретари ЦК комсомола застали Косарева за чтением газеты. Поглощенный, он не заметил их прихода. «Вот дают! Молодцы! Не подкачали, нижегородцы...»

— Хороший очерк «Ленинская смена» поместила. Понимаете, — обратился он к вошедшим. — Зимой внимание строителей на Автострое было приковано к водозабору. Это — такой большой подземный тоннель, — пояснил Саша. — Целый миллион на него затратили. До завершения работ еще далеко, а тут весна не за горами. Разлив Оки угрожает размывом тоннеля. Вот и показали здесь комсомольцы, на что способны они. Здорово! — Саша от удовольствия потирал руки, как будто сам ими только что поработал. — Слушай, Митя, что комса дальше учинила, — обратился Косарев к секретарю ЦК ВЛКСМ Лукьянову. — Для заделки размытых участков нужны были мешки с песком. Много мешков. Но их не было, понимаешь? Тогда комсомольцы побежали по своим баракам, собрали постельные матрацы, набили их песком и заделали ими размывы.

— Право — молодцы! Саша, а не помочь ли им матрацами? Давай пошлем им штук двести, а то и триста, — вмешался управляющий делами ЦК.

— Да иди ты со своими матрацами! Знаешь, куда? Лучше слушай, что дальше было. Местами вода все-таки пробивала шпунт, била фонтаном, и, когда угроза размыва водозабора становилась, как казалось, уже неотвратимым фактом, комсомольцы своими телами закрывали брешь, сдерживали напор ледяной воды до тех пор, пока их товарищи срочно ликвидировали опасность.

— Мне Виктор Сорокин рассказывал, — вступил в разговор Лукьянов, — что комсомольцы Автостроя дали себе клятву не ходить в клуб на танцы, не ездить в город в театр, не ухаживать за девчатами... пока не завершат Автостроя!

Собравшиеся дружно рассмеялись. А Косарев, успокоившись, спросил:

— А что, девчат с Автостроя уже поувольняли, что ли? Как же они-то разрешили парням на такие «жертвы» пойти? Не верю я этим басням... А ты, пожалуй, дельную мысль подал, — обратился Саша к управляющему делами. — Свяжись-ка с комитетом комсомола Автостроя, спроси, какую помощь оказать им надо. Те парни, что в водозаборе стояли, поди, не только матрацами жертвовали...

В сентябре 1931 года на стройку автозавода приехал председатель ВСНХ Г. К. Орджоникидзе (он сменил В. В. Куйбышева на этом посту). Неутомимо ходил по лесам, разговаривал с рабочими, инженерами, с амери-

канскими специалистами (их на строительстве автозавода много было). В кабинете директора Дьяконова он подвел итоги: сегодня от строительства водопровода и канализации, от завершения работ по электрооборудованию зависит пуск автогиганта в срок. А между тем на строительстве не хватает рабочих рук.

— Нужны новые силы, — сказал Григорий Константинович. — Кто даст? Комсомол! Он — шеф завода.

И нижегородский комсомол дал эти силы.

10 сентября 1931 года в краевой молодежной газете «Ленинская смена» был опубликован приказ № 1 Нижегородского крайкома ВЛКСМ. Один из его параграфов гласил, что с этого дня начинается мобилизация комсомольцев края на Автострой для участия в решающих боях за своевременный пуск завода.

Только лучших комсомольцев направил тогда крайком на строительство. Из мобилизованных была создана десятитысячная строительная ударная дивизия с соответствующими подразделениями на полки, батальоны, роты, взводы и отделения.

Косарев аж побелел, когда узнал про такое.

— Надо же, до чего додумались?! Это же — милитаризация труда какая-то, не иначе... Трудовую армию решили возродить!

Ну и досталось же нижегородцам от Косарева в очередной приезд его в этот волжский город — в июле 1932 года.

Он остыл немного только во время поездки в Балахну — на Гидроторф и в Правдинский бумкомбинат. Здесь среди Курзинского леса возникла крупнейшая в стране бумажная фабрика.

Саша смотрел, как умные машины из деревянного баланса делают первосортную газетную бумагу.

— Для «Правды» и «Комсомолки» выпускаем, — рассказывал сопровождавший директор бумкомбината.

Косарев согласно кивал головой и, не отрывая глаз от зачаровавшей его машины, выбрасывавшей широкую бумажную ленту, в свою очередь говорил:

— Белоэмигранты иронизируют в своей желтой прессе, что, «советский человек состоит из души, тела и газеты...». Не ошиблись, «юмористы», наша советская газета — могучий рычаг культуры, строительства социализма. Но, к нашему стыду, до сих пор в СССР не было фабрики, выпускающей газетную бумагу. — И снова внимательно смотрел на нескончаемый поток бумажной лен-

ты, на то, как машина разрезала и скатывала ее в рулоны. Готово! Можно отправлять по типографиям страны.

Косарев смотрел, а в мыслях был уже далеко от Правдинска: во всех уголках страны исчезали глухие места, преображенные руками советских людей. Вспомнил недавний рассказ ростовчан о том, как за Начихеванью на пустыре, на котором в 1905 году царские сатрапы после подавления восстания расстреливали революционных рабочих, теперь строится самый крупный в СССР завод сельскохозяйственных машин. И везде-то Косареву хотелось побывать, все самому увидеть. Казалось, скажи ему: «Надо ехать и строить!» — и поехал бы. Неугомонная натура его не могла усидеть в своем секретарском кабинете, тоже далеком от штилевой погоды.

Он готов был мчаться на «Уралмаш», Днепрострой, Запорожсталь, на строительство Туркестано-Сибирской железной дороги, где комсомольцы прокладывали пути по пустыне, прорывались через горные хребты, пересекали местности, где сейсмологи отмечали до 100 случаев колебаний почвы в месяц. В районе трассы в апреле началось сильное таяние снега в горах. Его лавины образовали заторы рек, уровень воды в них поднялся. По степи прокатились мощные водяные валы. В панике бежало местное население, спасая юрты и скот. Вода с яростью обрушилась на только что проложенное полотно дороги, принесенные ею льдины выворачивали шпалы и крутили рельсы в причудливые узлы. А комсомольцы-строители стояли стихии наперекор.

Саша ходил в те дни мрачнее тучи: «Как там с посланцами комсомола?» Успокоился, только когда бедствие было уже позади, а он получил от земляков лирическое послание:

«...Теперь степь цветет яркими красками чудных цветов, — сообщали они оптимистично. — Это цветут недра Казахстана. Они до краев переполнены драгоценными кладами. Им тесно под землей, и степь волей-неволей показывает свои богатства.

Здесь 21 угольное месторождение, здесь несметные запасы медных руд, свинца и серебра... Но нет подступа к казахским кладам: их бережно хранит бездорожье. Мы ликвидируем его. Мы стихии наперекор построим Турксиб!»

И разве только Турксиб манил Сашу? Вся страна покрылась строительными лесами. Вся страна была гигантской строительной площадкой. А ученые уже разрабаты-

вали основные направления второго пятилетнего плана, продумывали дальнейшее развитие производительных сил страны. Они догадывались, что ее степи, леса, горы, моря и озера таили в своих недрах несметные сокровища. Их необходимо было поставить на службу социализму.

Только ничтожная часть естественных богатств наших недр была хорошо изучена и подготовлена к эксплуатации. Мы еще очень мало знали свою страну. Мы должны были узнать тайны ее недр. Но в сжатые сроки задача эта не могла быть выполнена только силами специалистов-геологов, разведывательными партиями научных и хозяйственных органов. Изучение наших природных богатств в кратчайший срок немыслимо было без привлечения широких масс добровольцев из рядов рабочего класса и добровольцев-колхозников. Первое слово, как и в других случаях, снова дали комсомолу.

«Мы ждем от комсомола организации всесоюзной разведки, — говорил В. В. Куйбышев. — Нужно увлечь этой мыслью миллионы молодых рабочих и колхозников, школьников и пионеров, туристов и физкультурников, фабзайцев и студентов. В каждом районе нашей страны будем искать железо, медь, нефть, уголь, торф, сырье для химической промышленности, новые почвы, новые растения. И не только искать и узнавать, но и учиться использовать эти богатства для строительства социализма». Этот призыв к комсомолу поддержали академики А. Е. Ферсман, И. М. Губкин, А. Д. Архангельский, нарком просвещения А. С. Бубнов, сменивший на этом посту А. В. Луначарского.

Исчезли материалы о деятельности Косарева в этой области. Сохранились только следы небольшой переписки А. Косарева с председателем совета по изучению природных богатств академиком И. М. Губкиным. В конце 1935 года Академия наук СССР выпустила энциклопедию природных богатств, посвященную Ленинскому комсомолу. Через несколько дней Косарев писал на имя Губкина:

«Каждая строчка этой замечательной книги говорит о мощи и сказочных богатствах нашей великой Родины, о блестящих победах советской науки... Изучение богатств Родины Ленинский комсомол считает своей боевой задачей. Именно на этой основе должно расцветать у нашей молодежи чувство советского патриотизма, стремление сделать страну еще более могучей и непобедимой».

Спустя годы И. М. Губкин направил Косареву письмо, как бы подводящее некоторые итоги работы комсомольцев в этой области:

«Мы, геологи, гордимся тем, что в геологической работе по раскрытию богатств нашей Родины комсомольцы сыграли и играют выдающуюся роль, — писал вице-президент Академии наук СССР. — С походной сумкой за спиной, вооруженные горным компасом и геологическим молотком, в хорошую погоду и в ненастье проходят они десятки тысяч километров в поисках угля, нефти, золота, железных руд, руд цветных и редких металлов... На Дальнем Востоке молодой геолог — комсомолец тов. Красный открыл в низовьях Амура ряд месторождений редких металлов и олова. Другой комсомолец тов. Мирлин сейчас выдвинут на должность заместителя начальника Отдела карты СССР в Главном геологическом управлении Наркомтяжпрома.

На первом всесоюзном конкурсе молодых ученых тов. Мирлин получил первую премию за составленную им геологическую карту золотоносных районов восточного склона Урала. Комсомолец тов. Керимов Гаджи открыл мышьяковое месторождение, имеющее промышленное значение. Комсомолец тов. Арутюнян Сурен открыл одну из мощных жил медных руд...

Мы исполнены гордостью за нашу молодежь, мы спокойны за будущее нашей Родины. Оно в надежных руках нашей смены, молодой, сильной, укрепляющей и закаляющей свой организм активным участием в различных видах спорта

30 августа 1938 года».

«ЭТОТ — НАШ!»

Временами Косареву удавалось вырваться из своего секретарского кабинета на авангардные позиции индустриализации страны. И каждый раз — на место серьезного прорыва, в экстремальную ситуацию. Его направляла партия туда, где не хватало сил местных комсомольских работников. Именно так он попал на Сталинградский тракторный завод.

Партия и правительство отдали боевой приказ: построить завод в минимально короткие сроки. Реальными они были или не реальными — в рассуждения не входили. Задача же была поставлена жесткая — сократить сроки сооружения Тракторстроя на год и четыре меся-

ца, а выпуск тракторов увеличить с 6 до 25 тысяч в год.

Велик был пафос строительства социализма! Строили — не задумывались: по силам ли? Верили — построим. Потому и сделали основной упор на социалистическое соревнование. Каких только чудес не рождало оно! Железные конструкции основных цехов были смонтированы ударниками не за 63 дня, как это было запроектировано Тракторстрою, не за 163, как предполагала это сделать американская фирма «Альберт Кантер», а за 28 дней. Что и говорить, в темпах строительства мы Америку обогнали. Но была выполнена только половина задачи.

Еще в конце 1929 года Косарев получил от начальника строительства В. И. Иванова полное тревоги письмо: пуск завода приближается, а квалифицированных рабочих нет. Комсомол принял тогда на себя задачу дать заводу семь тысяч молодых рабочих и батраков. Комсомольская ячейка МГУ выделила Тракторстрою 20 молодых специалистов, заканчивающих учебу досрочно, и призвала комсомольцев МВТУ имени Н. Э. Баумана, Ленинградского политехнического и других вузов последовать ее примеру.

С начала 1930 года Тракторстрой стал предприятием-школой. Здесь учили, учились и строили. Очевидцы рассказывали, что трудно было понять: где кончается завод и где начинается школа. И не только здесь. Все новостройки страны стали профессионально-техническими школами молодежи. На одном из секретариатов ЦК ВЛКСМ Косарев настоял принять решение: «Просить правительство сформировать строительные школы ФЗУ и добиться, чтобы уже в 1930 году в них училось не менее 25 тысяч человек». Что касается ФЗУ, Косарев тянул свою линию упорно, настойчиво.

17 июня 1930 года первый трактор сошел с конвейера завода. На другой день «Комсомольская правда» извещала читателей: «Тракторстроя больше нет. Есть Сталинградский тракторный завод!»

Каждые шесть минут — трактор. Таково было плановое задание заводу. Но его коллектив переживал болезни пускового периода. Первый год принес много неудач и очень мало радостей.

Через полгода ЦК ВЛКСМ обсудил работу комсомольской организации СТЗ. Она оказалась неудовлетворительной. Заводской комсомол не показал себя ударной силой.

В марте 1931 года Косарев настоял вновь послушать

отчет заводского комитета комсомола. И снова остался им недоволен. «Неуважение конкретности», — так в целом оценил его Саша.

— Сегодня мы «бьем» комсомольское руководство за то, что оно не знает жизни своего завода и говорит нам о ней «вообще», — выступал Косарев. — Никто из докладчиков не сказал, что же комсомол конкретно делает для того, чтобы выполнить и перевыполнить программу тракторостроения, — обращался Саша к членам комитета, приглашенным в ЦК ВЛКСМ. Они сидели, понуро уставившись в пол, какие-то безучастные, даже безликие. Обычно серые, с каким-то особенным, чуть-чуть зеленоватым отливом глаза Косарева, стали стальными, холодными. — Людей вы считаете «гуртом», — продолжал он, — героев труда, революционеров рационализации не знаете. Лодырей — тоже. Все у вас «в общем и целом». Такие руководители называются «организаторами, не умеющими организовать массы»...

Косарев как в воду смотрел.

Вскоре с Сталинградского тракторного вернулся Г. К. Орджоникидзе. Он имел с Сашей продолжительную беседу, в ходе которой пришли к согласию: надо послать на завод бригады из работников ЦК ВЛКСМ и журналистов «Комсомольской правды» — комсомольская организация завода нуждалась в экстренной и серьезной помощи.

10 мая 1931 года Косарев созвал бюро ЦК ВЛКСМ. Он говорил кратко, рублеными фразами:

— Неудовлетворительная работа комсомольцев на новостройках и недавно пущенных заводах внушает тревогу. Нам известны подлинный героизм и самоотверженность молодежи во время стройки тракторного гиганта. Но после пуска завод оказался в хронической полосе прорывов. Где же былой производственный энтузиазм и творческая активность комсомольцев тракторного? В чем причины слабой работы? Изучением их займется специальная бригада «Комсомольской правды».

Косарев вопросительно посмотрел на члена бюро и редактора газеты Андрея Троицкого, сменившего на этом посту Тараса Кострова.

— Выехала, Саша, бригада. Она уже на СТЗ.

— Ну и отлично! — согласился Косарев. — Есть предложение принять еще такое решение: «Командировать Косарева, члена бюро Ефима Лещинера и работника Цекамола Петра Листовского в помощь комсомольской

организации Сталинградского тракторного завода. Срок командировки Лещинера и Листовского — один месяц».

— А твоей?!

— Жизнь покажет...

В поезде Косарев говорил:

— Построить завод — мало, надо на новом заводе наладить большевистские темпы производства. Вторая задача несравненно труднее первой. И трудности здесь особого рода, с которыми мы не встречались на ранее построенных заводах: новая техника требует особого обучения кадров. Нелегко установить американский станок, еще труднее регулярно и без брака работать на нем. На освоении новой техники комсомольское руководство СТЗ проявило самое позорное отставание.

Участники этого разговора М. Дубов и И. Штейн запомнили другую существенную часть разговора Косарева:

— Мы едем на Тракторный не обследовать, а помочь комсомольской организации завода. Перед отъездом я был у товарища Орджоникидзе. «На заводе 60 процентов рабочей молодежи, — говорил Серго, — ключи к этой молодежи у ее авангарда — комсомола. Это значит, что судьбу завода в значительной мере решает молодежь».

Такое определение роли комсомола ко многому обязывало, и Косарев чувствовал всю полноту ответственности, которую несет лично он за работу комсомольской организации этого наиважнейшего первенца пятилетки... Здесь, на берегах Волги, шла историческая битва за индустриализацию страны, за овладение новой техникой, новой культурой производства.

На другой день генеральный секретарь ЦК комсомола, одетый в синюю спецовку, из-за воротничка которой выглядывала голубая майка-футболка, ходил по цехам завода. А по вечерам во всех цехах и сменах, в мастерских, пролетах комсомольцы и рабочая молодежь собирались обсудить один вопрос: как наладить ритмичный выпуск тракторов?

Косарев слушал комсомольцев и все больше и больше склонялся к дельному предложению рабочих — развернуть социалистическое соревнование под емким и конкретным лозунгом: «Даешь пятитысячный трактор!» Саша энергично поддержал его. Так и решили дать пятитысячный трактор к 27 мая.

Лозунг лозунгом, а борьба за его осуществление ока-

залась намного труднее, чем предполагали. Это был настоящий серьезный экзамен комсомольцам.

«Слабым местом оказалось руководство заводского комитета комсомола, — вспоминали члены бригады «Комсомольской правды». — Комитет не сумел возглавить растущую активность комсомольцев цехов.

Актив комсомола просил Косарева прислать хорошего вожака на завод. Помнится, Саша пришел после актива и говорит:

— Надо подумать, кого послать сюда для укрепления комсомольского руководства.

И он стал называть секретарей райкомов комсомола Москвы, Ленинграда, Украины, крупных заводских комитетов.

Ночью Косарев связался по телефону с секретарем ЦК ВЛКСМ Сергеем Салтановым и попросил его внести на бюро ЦК ВЛКСМ вопрос о посылке на Тракторный завод секретаря Фрунзенского райкома комсомола Москвы Бориса Раскина».

Москвичи выявили много резервов для улучшения производственной работы. Кроме посланцев комсомола, на заводе работала бригада «Правды» — Борис Галин, Яков Ильин, Юрий Либединский и другие товарищи. Общими усилиями установили, что весь завод — от ударника до директора — «живет дефицитной деталью». Она была своенравной «царицей» производства, капризно диктовала темп работы конвейеру. По предложению Косарева по следам этой «царицы» прошла бригада «легкой кавалерии» — целого движения за формы участия комсомольцев в общественном контроле над лодырями и расхитителями, нарушителями трудовой дисциплины, дезорганизаторами производства и т. д., рожденного по призыву Н. И. Бухарина на VIII съезде ВЛКСМ. Материалы рейда «легких кавалеристов» помогли хозяйственным организациям выявить слабые участки и найти пути для коренного исправления положения.

Слабым местом на заводе оказалось планирование. Комсомольцы выдвинули встречный план оперативным заданиям администрации и этим заставили ее внимательнее отнестись к организации труда рабочих. «Легкие кавалеристы» взяли под свой контроль еще одно узкое место — литейный цех и внутризаводской транспорт.

Больше всего Косарева поразило то, что руководство завода растеряло лучших организаторов движения ударничества, выявившихся в период строительства завода.

О работе же ударников производства никто из рабочих толком ничего не знал. Никакой наглядной агитации не было. Генсеку ЦК комсомола со своей бригадой надлежало в короткий срок организационно-политически укрепить комсомольскую организацию, оживить среди молодежи соцсоревнование, поднять авторитет молодых передовиков-производственников, помочь им «взять на буксир» отстающих.

Комсомольские активисты жаловались, что они не могут собрать молодежь, которая живет не на территории завода, а в городе:

— Кончается работа, — говорили они Косареву, — и молодежь спешит на пригородный поезд, соединяющий завод с городом. О том, как Саша вышел из положения в июне 1931 года, рассказала «Комсомольская правда», а много лет спустя об этом факте появились и воспоминания:

«— А почему бы не провести собрание рабочей молодежи в вагоне поезда по дороге с завода в город? — предложил Косарев и поручил Петру Листовскому вместе с комсомольским активом механосборочного цеха провести такое собрание.

Они наметили повестку дня, провели необходимую подготовку. В рабочем поезде выделили один вагон, развесили в нем лозунг, а снаружи сделали надпись:

«В этом вагоне по дороге с завода в город состоится собрание беспартийной молодежи механосборочного цеха».

Собрание прошло очень хорошо. С тех пор такие собрания стали проводить регулярно». Весь коллектив завода чувствовал, что с приездом бригады редакции «Правды» (она начала работать здесь незадолго до приезда в СТЗ Косарева) жизнь комсомольских бригад буквально закипела, а работа изо дня в день налаживается. Что же касается производственников, то и за ними дело не встало. Они приложили максимум усилий для ритмичной работы завода.

Спустя полтора месяца Косарев рассказывал с трибуны пленума ЦК ВЛКСМ:

— Я видел на Сталинградском тракторном заводе молодых, семнадцатилетних парней, которые по сорок восемь часов не отходили от станка. Их буквально отгоняли от станка, а они не уходили. Был свидетелем такой картины, когда смена большого конвейера к моменту выпуска пятитысячного трактора наотрез отказалась оставить конвейер: «Мы создали условия для выпуска

пятитысячного, а другая смена его выпустит? Нет, мы его сами своими руками хотим выпустить».

На СТЗ Косарева поразило отношение комитета комсомола к быту молодых рабочих. Жили в бараках. Девушки в одних комнатах с ребятами. Здесь царила грязь и властвовала половая распущенность. И никто даже не пытался организовать выходной день молодежи. Ох, и досталось же директору завода и комсомольским вожакам от Косарева! Оказывается, все можно было сделать, невзирая на трудности: расселить парней и девушек, повести борьбу за чистоту в бараках, расширить сеть медицинского обслуживания, взяться за налаживание досуга молодежи.

Бригада ЦК ВЛКСМ конкретно поставила перед руководителями СТЗ вопрос об организации культурно-бытового обслуживания молодежи, о строительстве лодочной станции, культбазы, спортивных площадок. «Культурно-бытовое обслуживание молодежи — есть в то же время борьба за промфинплан», — говорил Косарев. Казалось, он был вездесущим. Его видели всюду — в цехах, в общежитиях, в рабочих столовых и магазинах, во все-то вникал, обо всем знал, потому и требования к дирекции, парткому и завкому профсоюза он выдвигал конкретные, жизненно важные коллективу молодого завода. А в один из выходных дней он организовал массовую вылазку молодежи на зеленый берег Волги и отдыхал с рабочими целый день. Это начисто сразило администраторов, настроившихся только «гнать план».

Поздно вечером, почти ночью, 27 мая трактор № 5000, окрашенный в красный цвет, с надписью на радиаторе «Пятитысячный — комсомолу» был готов к спуску.

На другой день рабочие сплошной лавиной начали заполнять площадь завода.

— Одиннадцать месяцев пришлось поработать, чтобы снять с конвейера «пятитысячный трактор», — говорил секретарь парткома, открывая митинг. — Теперь перед нами боевая задача — решительно покончить с неполадками, добиться массового производства.

Потом выступил ударник большого конвейера Чернов, который закончил свою речь словами: «Трактор № 5000 передаем ЦК комсомола».

Ответное слово взял Косарев:

— Сегодня мы одержали первую крупную победу. Было бы ошибкой успокаиваться на этом. Комсомол и вся

рабочая молодежь Тракторного обязаны освоить технику, стать носителями плановости. У вас есть все возможности шагать от победы к победе.

Выступили директор завода Грачев, ударница Кириллова...

Газетная хроника с места события завершалась сообщением:

«По окончании митинга за руль трактора сел т. Косарев и вывез трактор на площадку заводского двора». Так и ограничилась бы летопись комсомола этими словами о финале командировки Косарева на СТЗ. Но в составе бригады «Правды» был Яков Ильин, друг Косарева и талантливый журналист. Возвратясь с завода, он сел за книгу «Большой конвейер». Ранняя смерть оборвала его работу над рукописью, но успел Ильин написать трогательные страницы о Косареве и том историческом дне:

«...Еще утром во время работы, когда раму пятитысячного поставили на конвейер, на ней, нанеся мелом знаменательную цифру, укрепили флажок. Девушки из автоматного отделения, ударники из всех пролетов нет-нет да урывали минутку, чтобы добежать до большого конвейера и посмотреть, на каком гнезде пятитысячный...

На спуске Ларичев влезал на трактор вместе с приехавшим на пуск пятитысячного секретарем ЦК комсомола. Учил его, как сводить трактор с конвейера. Тот умел рулить, но скорость трактора туго поддавалась, и он сидел на пружинящем сиденье напряженно, насупленно... у него сразу появился вид азартного, задетого за живое мастерового; проходившие мимо девушки шепотом спрашивали у соседей: «Это который же секретарь, вот этот маленький?» И, оглядывая его — в спецовке и голубой майке, они не то разочарованно, не то одобрительно говорили: «Этот наш!»

Да, он действительно был «наш», и, когда с него слетал налет официальщины, когда он становился самим собой, вся его «нашесть» и простота явно проступали. Вот он стоял такой, какой он есть, — невысокий и плотный, взволнованный только одним — как бы свести трактор, ни на кого не наехав, как бы правильно «влючить скоростя...».

Неожиданно цех смолк — ощущение внезапно наступившей тишины, в которой явственно слышался треск мотора, как бы сковало толпу. Стало тихо, как в непогоду, перед грозой, все притаилось, — и тут упал возглас, упал

как первая капля, упал, и за ним последовали тысячи других возгласов. Секретарь ЦК комсомола слышал их отдаленно, вернее — видел их по движениям губ. Мотор шумел, и он все силы, все напряжение мускулов вложил в то, чтобы, проведя трактор по настилу четыре-пять шагов, сразу остановить его. Он дернул другой рычаг, и трактор остановился. Отирая лоб, секретарь размазал на нем пыль, грязь и пот».

Саша вернулся в Москву возбужденный и довольный. Довольный тем, что затянувшаяся на месяцы работа по укреплению комсомольской организации СТЗ завершилась так удачно. Довольный знакомством с новыми и интересными людьми, собой, что «не опростоволосился» на большом конвейере.

Ну а пятитысячный трактор? Каким был его дальнейший путь?

И об этом позаботился Косарев. 1 июня бюро ЦК обсуждало участие комсомольцев в выполнении хлопковой программы. По предложению Косарева члены бюро решили: «пятитысячный комсомольский трактор передать Наманганской комсомольской организации Узбекистана».

21 января 1931 года «за проявленную инициативу в деле ударничества и социалистического соревнования, обеспечивающих успешное выполнение пятилетнего плана развития народного хозяйства» ВЛКСМ был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Советское правительство высоко оценило вклад Ленинского комсомола в строительство фундамента социалистической экономики, воспитания широких масс советской молодежи.

Но в то время уже пробуждались первые заметные ростки культа личности Сталина. Складывалась атмосфера вседозволенности, начала отчетливо проявляться та черта капризности, о которой писал В. И. Ленин в «Письме к съезду», своем политическом завещании партии. Орден Трудового Красного Знамени не был вручен комсомолу ни в 1931 году, ни в 1934-м, ни в 1936 году... Этот торжественный акт состоялся 17 апреля 1937 года! «Комсомольская правда» на другой день опубликовала фотографию, запечатлевшую момент вручения ордена комсомолу и надпись под клише:

«Вчера под председательством Г. И. Петровского состоялось заседание Президиума ЦИК СССР. На этом заседании Ленинскому комсомолу, награжденному за про-

явленную инициативу в деле ударничества и социалистического соревнования, был вручен орден Трудового Красного Знамени.

Орден принимают секретари Центрального Комитета ВЛКСМ тт. Косарев, Лукьянов, Файнберг, Вершков, Пикина и Васильева».

И никаких пояснений.

В передовице «Комсомолка» обмолвилась о причине затянувшегося торжества так: «Дальнейшей своей работой ВЛКСМ должен был оправдать высокую честь награды». Какой «дальнейшей», если в постановлении ЦИК СССР, принятом за шесть лет до этого, было ясно и четко сказано, что комсомол *уже* награжден «за проявленную инициативу в деле ударничества и соревнования»? Поистине непредсказуемые загадки умел ставить Сталин.

А соревнование давно уже перешагнуло границы первой пятилетки, стало основной формой социалистической организации труда.

Оно охватило самые глубокие слои трудящегося населения страны. Соревновались ударники шахт, заводов, фабрик, совхозов, колхозов, соревновались ученые, красноармейцы, летчики, водолазы, домохозяйки и пионеры. Соревновались даже в далекой Арктике, где был затерт льдами и погиб ледокольный пароход «Челюскин». Пламя соревнования не угасало и в палатках лагеря, спасавшихся от бедствия людей.

— Слыхали?! — вопрошал восторженно Косарев товарищей по работе. — Сегодня радист Кренкель передал на материк радиограмму: «В лагере широко развилось социалистическое соревнование бригад, выявились прекрасные образцы ударничества». — И вопрошал! — Что это значит, кто скажет? Вот что: соревнование стало велением нашего времени.

В результате первой и второй пятилеток в промышленности был в основном утолен голод в области техники. Чтобы привести всю ее в движение, использовать до дна, нужны были люди, овладевшие техникой, нужны были многочисленные кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства, оседлать технику, выжать максимум того, что она может дать. Однако рост кадров не поспевал за ростом техники.

Именно об этом и говорил Косареву секретарь Горьковского крайкома партии А. А. Жданов:

— Какие рабочие кадры мы имеем на новых заводах к началу их пуска? На какие трудности наталкиваемся? Прослойка старых, обученных пролетариев, старых рабочих, квалифицированных рабочих на новых заводах очень тонка. В основном комплектуем новые заводы за счет строителей, за счет деревни. На заводы пришла молодежь, не видавшая крупного заводского производства.

Косарев согласно кивал головой:

— Это — точно! Недавние строители фабрик и заводов влились в состав кадровых рабочих. Станки «не слушаются» неумелых рук, ломаются. «Станколомство» стало хронической болезнью.

— Вот, вот... — перебивал Косарева Андрей Александрович, — на одном только Горьковском автозаводе в прошлом году зарегистрировано свыше двух с половиной тысяч случаев поломки станков. Понимаешь, Косарев, пятилетку голыми руками не возьмешь — надо овладеть техникой.

В канун пятилетия социалистического соревнования ЦК ВЛКСМ объявил 1934 год годом похода всего Ленинского комсомола и рабочей молодежи за технику.

Это была целая полоса захватывающей деятельности комсомола. По его инициативе всюду на фабриках и заводах создавались общеобразовательные и технические курсы, рабфаки. Старые и опытные производственники помогали молодежи освоить технику. Всюду были организованы кружки техминимума. Комсомол стал застрельщиком в организации производственной смычки молодежи с техническими специалистами, проводил радиопереклички по вопросам технического образования. Если судить об этой работе мерками сегодняшнего дня, то было в ней много наивного. Но для того времени многие из форм, найденных комсомолом для ликвидации технической неграмотности, повышения производственной квалификации молодых рабочих, были для них и интересными, и необходимыми.

Однажды Косарев во время пребывания в Горьком зашел в клуб автозавода. На сцене — два стола, покрытые красными скатертями. За каждым столом — своя группа молодых рабочих. Спросил: «Кто такие?» На Косарева отовсюду зашикали: «Тише! Не видишь, что ли, — бой идет?!» Косарев осмотрелся. Зрительный зал набит молодежью, как бы застыл в ожидании, на сцене — «бой». Теперь Саша понял: «Это — технический бой»!»

Его вели две комсомольские ячейки. Юноши и девушки, сидящие за разными столами, задавали друг другу вопросы по устройству станков, на которых они работали, о том, как быстро и самому устранить неисправность, как достичь более производительной мощности станка. Понравился Саше и зал — то, как шумно реагировал он на ответы, награждал аплодисментами удачные, переживал «поражение» своего товарища на сцене.

А вскоре по примеру Уральского машиностроительного завода вся рабочая молодежь сдавала общественно-технический экзамен.

Велико было значение этих акций. Тысячи комсомольцев, сдав технические экзамены, получили право на управление сложными станками, на монтаж оборудования. Овладев техникой, комсомольцы выступили инициаторами новых форм социалистического соревнования. Одной из них было создание бригад, получивших название «догнать и перегнать», или сокращенно — ДИП. Бригады ДИП брали на себя освоение новых видов продукции, которая раньше ввозилась из-за границы, вносили технические новшества в устройство станков и этим увеличивали их производственную мощность.

«Выступали против технической нищеты!» — любил говорить Косарев. Всей своей многогранной деятельностью в промышленности комсомол помогал партии готовить из молодежи культурных и технически образованных людей.

Три года спустя печать сообщила о смерти Г. К. Орджоникидзе. Косарев отложил газету с некрологом в сторону, и воспоминания — одно за другим — вставали как наяву, возрождая эпизоды их многих встреч.

В 1933 году Серго был весь охвачен идеей ускоренного развития отечественной металлургии.

В тот летний день они оказались рядом на концерте, посвященном итогам конкурса на лучшую комсомольскую и военную песню. Сидевшие на переднем ряду председатель Центрального совета Осоавиахима Р. П. Эйдеман и командующий войсками Украинского военного округа И. Э. Якир оживленно спорили, которая из песен, отмеченных первыми премиями, лучше: Мясковского «Наливались тополи» или Новикова «Песня про Котовского»?

— По мне, — вмешался в их разговор Косарев, — лучше всех — песня Фере «Марш воздушного комсомола»...

А Орджоникидзе уже тянул его за рукав в свою сторону:

— Ты Гусева стихи о музыке чугунного литья читал?

— Нет.

— Так вот, для меня мелодии краше той, что с расплавленным металлом льется, еще никто не сочинил!

Григорий Константинович испытующе посмотрел на Косарева. Саша встретил его хитрющим взглядом.

— Выкладывай, товарищ Орджоникидзе, что комсомолу предстоит еще делать?

— Чего тут выкладывать?! — горячо отозвался Серго. — Домны строим лучшие в мире, а работать на них некому. Давай, Косарев, организуем призыв добровольцев-энтузиастов из среды молодых специалистов — инженеров и техников — на работу у этих новых первоклассных домен.

И организовали. И не только призыв. По предложению Орджоникидзе были созданы и опытно-показательные домны в Магнитке, Кузнецке, «Азовстали». Григорий Константинович лично инструктировал 300 молодых специалистов, выдвинутых комсомолом для работы на новых домнах.

Вспомнил Косарев и о том, как Орджоникидзе сразу же разглядел и оценил значение общественно-технических экзаменов. Только благодаря ему они превратились в то могучее движение рабочих всей страны за овладение техникой. Именно в этом движении сформировались многочисленные кадры будущих передовиков. Из их рядов была создана многочисленная армия новаторов-производственников, поддержавших и умноживших замечательный почин донецкого шахтера Алексея Стаханова.

Эти люди — враги застоя и консерватизма — создавали высокую производительность труда, выжимали из техники все, что она может дать.

В канун нового, 1935 года «Комсомольская правда» провела анкетирование среди 427 молодых рабочих пяти заводов (ленинградского «Электросила», горьковских — «Красное Сормово» и автозавода, московского «Шарикоподшипник» и Коломенского машиностроительного). Оказалось, что почти каждый из них учится в вечерней школе. За один год повысили квалификацию на один разряд 134 человека, на два — 51, на три разряда — 2 человека; семь стали мастерами, пять — брагадирами и инструкторами и т. д.

Читая в газете статью Юрия Жукова об этом, Саша говорил: «Действительно, молодежь знает, чему она обязана своим счастьем. Оно не свалилось готовеньким, как наливное яблочко на серебряном блюдечке. Оно ковалось, это счастье, в борьбе старших поколений, оно ковалось руками самой молодежи. Молодые рабочие нашей страны — кузнецы своего счастья».

Наступала «звездная пора» комсомола. В апреле 1935 года за выдающиеся заслуги в деле овладения техникой и борьбы за выполнение программы добычи угля и выплавки металла орденом Ленина была награждена Донецкая организация комсомола. Высших правительственных наград были удостоены десятки комсомольцев — славных строителей и передовиков производства, молодогвардейцев первых пятилеток. Еще раньше орденом Ленина была награждена комсомольская организация Днепростроя.

Как бы подводя итоги работы «на марше», Ленинский комсомол отметил свое пятнадцатилетие. На торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ секретарь Президиума ЦИК СССР А. С. Енукидзе сообщил, что Советское правительство наградило орденом Ленина 34 комсомольских работника и активиста ВЛКСМ. Енукидзе читал список: промелькнула фамилия бетонщицы Жени Романюк, которая прославилась со своей женской ударной бригадой во время кладки Днепровской плотины, раздались громкие аплодисменты в честь молодого забойщика Степаненко, работницы Татьяны Васильевой. Награждены были и секретари ЦК ВЛКСМ С. Салтанов и К. Шарипов.

Открывал список награжденных генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ. В постановлении Президиума ЦИК СССР говорилось: «...наградить Косарева А. В. — испытанного руководителя Ленинского комсомола, выдающегося организатора комсомольских масс в их борьбе под руководством партии за победу пятилетки».

«ТОВАРИЩ КОСАРЕВ, ДАЙТЕ СЛОВО!»

Утверждение современников о том, что в Косареве навсегда остался жить рабочий паренек, конечно, не означало того, что Саша сторонился проблем крестьян-

ства, тем более социалистического переустройства деревни. В Пензенском губкоме Косарев обогатился опытом и навыками работы с сельской молодежью. Ближе стали ему извечные чаяния, современные нужды и интересы, понятнее психология крестьян. Что же касается его функциональных задач, то и в МК и тем более в ЦК ВЛКСМ вовлечение молодых крестьян в социалистическое строительство стало для Косарева не менее актуальным, чем мобилизация комсомольцев на промышленное строительство.

Но оставалось мелкотоварное частнособственническое крестьянское хозяйство.

В. И. Ленин предупреждал, что задача социалистического преобразования мелкотоварного производства «принадлежит к числу труднейших задач социалистического строительства».

Радикальное ее решение партия видела «на путях дальнейшего форсирования процессов коллективизации и строительства совхозов, на путях дальнейшего улучшения и укрепления самих колхозов и совхозов, наконец, на путях форсированного развития индустрии, являющейся ключом к социалистической реконструкции сельского хозяйства».

Начало коллективизации положил XV съезд КПСС (декабрь 1927 года).

Это был нелегкий, сложный и неизведанный путь, к которому коммунисты долго и тщательно готовились. На помощь им пришел комсомол. Юноши и девушки — комсомольцы выступали на сходах, призывали крестьян покончить со старым укладом, приступить к организации коллективных хозяйств.

Трудно, очень трудно было убедить крестьян. Косарев не раз сталкивался с рассуждениями, которые иного бы поставили в тупик:

«Брат с братом не ладят, а где уж несколькими хозяйствами и жить и работать...» — заявляли одни. Другие слушали Сашины речи, чесали затылки и размышляли вслух: «Вообще-то коллективизация, может быть, дело и хорошее, но в нашей деревне она никак не возможна...» Третьи — кулаки и крестьяне — не стеснялись в выражениях, угрюмо советовали ему «убираться подобру-поздорову».

А он не уставал разъяснять крестьянам преимущества коллективного ведения хозяйства, приводил приме-

ры о работе соседей, где колхоз уже создан и работает не один год.

...В тот сентябрьский день 1928 года секретарь МК и ЦК ВЛКСМ Александр Косарев стоял у окна своего кабинета на Большой Дмитровке и машинально смотрел, как по улице двигалась череда людей, укрывавшихся под зонтиками от первого моросящего осеннего дождя, как проносились извозчичьи пролетки с поднятыми верхами, обдавая прохожих каскадами брызг из-под колес. Вот у подъезда МК ВКП(б) остановился автомобиль. Из него стремительно вышел секретарь Московского комитета партии К. Я. Бауман и исчез в подъезде. Напротив, у Булочной, вдоль тротуара вытянулся длинный хвост очереди. И это уже не первый день. Полки в магазинах опустошались быстро, спрос на хлеб оставался часто неудовлетворенным. Москвичи, встревоженные перебоями в торговле хлебом, нервничали. По городу, как это часто бывает в подобных случаях, поползли сплетни, слухи. Кто-то старательно нашептывал: «Хлеба у государства нет и не будет, даже по карточкам...»

На днях Косарев поручил «легкой кавалерии» проследить, куда же идет мука, хлебные изделия из торговли, так как на городских складах, запасы муки были большими. Он только что выслушал их тревожный доклад и остался наедине со своими мыслями: «Две организации ведают хлебопечением в Москве: шестьдесят процентов всего хлеба выпекают государственные и кооперативные организации и сорок — артели инвалидов. Где-то внутри этих учреждений таилась причина хлебной заминки. И вот факты. Многие артели, несмотря на запрещение, продают муку частным лицам под видом «печеного хлеба», черный хлеб конспиративно сбывают извозчикам на корм лошадям...»

Косарев взял материалы, оставленные «кавалеристами». Прочитал их. Задумался: «Вот они, отголоски кулацкой хлебной стачки, и до Москвы докатились. Кулаки и нэпманы голодом хотят сорвать политику коллективизации. Не выйдет! Партия направляет ее твердой рукой, а комсомолу надо взяться за это дело активнее и со знанием дела».

Вот и в ЦК ВЛКСМ его назвали лучшим «аграрником». Когда же это произошло? Его, городского человека, с легкой руки Николая Чаплина, нарекли знатоком деревенского комсомола!

Кажется, в сентябре 1926 года. Тогда ему, заворгу

ЦК ВЛКСМ, поручили доклад на Оргбюро ЦК ВКП(б) «Регулирование роста ВЛКСМ в деревне под углом проверки местной практики». Случай неординарный, можно сказать, даже редчайший — заворгу ЦК комсомола поручали сделать доклад перед секретарями Центрального Комитета партии!

Чаплин всем своим гигантским ростом, как глыба, надвигался на Косарева и гудел: «Ну и что из того, что ты никогда в жизни не делал доклады на Оргбюро? Когда-то наступает этот первый раз! Считай, что для тебя он наступил... Ясно? Ну и что из того, что ты не секретарь ЦК, а «всего заворг»? Ты не только заворг. Ты — член секретариата ЦК ВЛКСМ, а это, Саша, немало».

Две недели Косарев ходил по ЦК сосредоточенный. Материалы для доклада подбирал тщательно, добросовестно. Под конец даже увлекся проблемами деревенского комсомола, которыми с пензенских времен по-настоящему заняться все было недосуг. Доклад получался острым, тревожным: оказывается, в комсомол вступала в основном не бедняцкая, а середняцкая молодежь; под видом же середняка в ряды союза нередко проникали кулаки. Во многих местах численность комсомольцев росла в основном за счет создания новых ячеек. Старые ячейки были малочисленными, а многие вот-вот развалятся. Авторитет их был невысоким. Особенно тщательно Саша продумал конкретные предложения по организационно-политическому укреплению ячеек и участию комсомольцев в социалистической переделке деревни. Но факт самого выступления с докладом на Оргбюро по-прежнему смущал его.

Чаплин выслушал Косарева. Возразил с оттенком раздражения.

— Не дури. Доклад в основном у тебя есть. Продолжай работать над ним дальше. Но если уж ты пришел ко мне официально, я твои сомнения о докладчике снова на бюро поставлю. Включай вопрос в повестку дня на 22 сентября.

В тот день бюро Цекамола подтвердило свое решение: назначить Косарева докладчиком на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б).

Обратного хода не было.

Доклад комсомола на Оргбюро ЦК рассматривался последним, но слушали его присутствовавшие на заседании внимательно. А. А. Андреев и А. С. Бубнов задали несколько вопросов. Косарев ответил на них четко. Сказал,

что с проектом постановления Оргбюро ЦК ознакомился и замечаний к нему не имеет. Отвечая на вопросы, отметил, как Чаплин все время в знак согласия и морально поддерживал его едва заметными кивками головы.

После перехода в МК Косарева увлекли многие конкретные дела сельского комсомола.

В уездах Московской губернии насчитывалось около двух тысяч ячеек, а объединяли они свыше 55 тысяч комсомольцев. Удельный же вес комсомольцев среди деревенской молодежи был незначительным — от силы 10 процентов.

Косарев заметил, что многие из деревенских комсомольцев были домохозяевами, то есть имели свое хозяйство и работали в нем. Но вели они его неумело или по старинке. Чувствовалось отсутствие элементарных агротехнических знаний. Остро, очень остро встал вопрос о повороте деревенского комсомола лицом к практическому участию в улучшении сельского хозяйства.

Прежде всего, решил Косарев, надо добиться того, чтобы комсомольцы делом и личным примером показывали преимущества новых форм ведения хозяйства. Теперь работа лучших крестьян-комсомольцев пропагандировалась в местной партийной печати, на волостных и уездных сельскохозяйственных выставках, конкурсах на лучшего молодого домохозяина. Косарев действовал настойчиво, ничего не оставляя незавершенным в пути. Только в одном 1927 году в Московской губернии прошло 12 уездных совещаний молодых домохозяев.

Лучшие, наиболее авторитетные деревенские комсомольские ячейки выступали инициаторами и организаторами артелей, кооперативов, товариществ.

Так, вспоминая месяц за месяцем, шаг за шагом своей работы среди сельской молодежи, Саша и восстановил в памяти рассказ секретаря Бронницкого уездного комитета комсомола о комсомольцах деревни Алешино. Хозяйство велось в ней старым способом, главное орудие — соха. Ячейка ВЛКСМ выступила пропагандистом новых форм хозяйствования. Комсомольцы организовали сельскохозяйственный кружок и не только ради получения агрозоотехнических знаний, но и для сплочения в единый производственный коллектив. Достали плуги. Создали опытно-показательный участок. Обрабатывали его кружковцы. Урожай оказался необычайно высоким. Авторитет кружка сразу повысился. На следующий год комсомольцы приобрели в кредит машины, создали машинное товарищество.

Вскоре крестьяне деревни Алешино решили организовать сельскохозяйственную артель.

Но это были, хотя и крупные, значительные, но все-таки первые шаги на пути коллективизации.

Косарев усмехнулся: «Не работа сегодня, а день сплошных воспоминаний». И задумался: «Надо еще круче повернуть комсомольцев лицом к деревне. Ответить на кулацкие хлебные стачки коллективизацией сельского хозяйства».

Саша попросил связать его с Овчинниковым, заведующим отделом ЦК ВЛКСМ, занимавшимся деревенским комсомолом.

— Понимаешь, Овчинников? Предложение есть: давай напишем на пару статью, а? Идеи мои, а конкретным материалом ты поможешь. И назовем мы ее так: «Выполним ленинский план социалистического переустройства в деревне». Идет?

Саша писал эту статью, отрываясь лишь для того, чтобы, не дожидаясь, когда Овчинников подошлет свои материалы, восстановить в памяти злободневные факты из обильной почты уездных комитетов комсомола, а то и из деревенских комсомольских ячеек.

Всюду, по примеру коммунистов, комсомольцы первыми записывались в колхозы, нередко помимо воли родителей. Его внимание привлекло письмо комсомольца Кирьянова. Парень рассказывал о том, как в их деревне Новая Березовка на сельском сходе, при решении вопроса об организации колхоза, из 200 домохозяев в артель записалось только 7 человек. Продолжать сход было бессмысленно. И вот в то время, когда маленькая горсточка зачинателей колхозного строя в Новой Березовке пошла в школу на первое собрание, во многих избах происходили бурные сцены. Несмотря на то, что родители многих комсомольцев не желали вступать в колхоз, те решили: в колхоз идти одиночками. «Отцы ругались самыми крепкими словами, — писал Кирьянов, — матери подняли плач, кое-где дело доходило до драки. И все-таки, товарищ Косарев, удалось всех комсомольцев вовлечь в колхоз».

«Хорошее письмо, — подумал Саша. — Но надо разрозненные усилия комсомольцев объединить в единое движение». Теперь Саша загорелся новой идеей. Снова нетерпеливо связался с заведующим отделом ЦК:

— Овчинников! Вот что: надо в нашей статье выдвинуть предложение — с зимы этого года и до праздника

урожая поднять весь комсомол на всесоюзный поход за повышение урожайности советских полей, за коллективизацию крестьянских хозяйств!

— Поход — это хорошо! Но так уж сразу: взять и поднять весь комсомол?

— Вот именно — весь! В этом смысл такого похода. Надо добиться подлинной смычки городского комсомола с деревенским. Ясно?

Вот так и родилась идея большого похода комсомола за коллективизацию крестьянских хозяйств. Первыми в Москве ее подхватили комсомольцы завода «Красная Пресня». Они решили, работая сверхурочно, создать фонд на строительство тракторной колонны и вызвали на соревнование комсомольцев заводов «Пролетарский труд» и «Борец». Их почин поддержали комсомольцы Армавира, молодежь других городов страны. В борьбе за новую, колхозную жизнь проверялась прежде всего боеспособность комсомольских организаций и каждого комсомольца в деревне. Только за весну 1929 года во время комсомольского похода было создано больше 5 тысяч новых колхозов.

Завершал Косарев первый поход за урожай и коллективизацию уже генеральным секретарем ЦК комсомола.

Итоги похода радовали. Особенно сбор средств на покупку сельскохозяйственной техники для вновь организованных колхозов. Комсомольцы собрали деньги на приобретение 300 тракторов!

Тракторы разбудили не только природу полей. Они сдвинули со старых устоев и психологию людей, перепахали не только межи, но и всю прошлую патриархальную деревенскую жизнь. С тракторами пришли и новые задачи.

Косарев сидел перед нехитрыми расчетами, которые разложил перед пим Бубекин. Володя перешел в «Комсомольскую правду» и теперь встречался с Косаревым почти каждый день.

— Понимаешь, — говорил Володя, — нам известно, что в стране в 1933 году будет 150 тысяч тракторов, и каждый трактор должен работать в две смены?

— Ну, известно... Куда ты гнешь? Говори без обиняков.

— Без обиняков? Пожалуйста. Таким образом нам потребуется триста тысяч водителей тракторов, тридцать тысяч техников и три тысячи инженеров. Скажи:

имеющиеся сейчас совхозные школы в состоянии подготовить такую армию трактористов?!

— Постой-постой! Как ты сказал — «трактористов»? хорошее слово, Бубекин, «тракторист»! Отличное слово! Не то что — «водитель трактора» или «машинист трактора». Тракторист!!! — И Саша закрутил по комнате, словно не Володя, а он первым произнес сейчас это новое слово.

— Ну, хватит умиляться, — прервал косаревский восторг Володя. — Лучше ответь: смогут совхозы или не смогут подготовить такую армию специалистов?

— Да, нет же, Бубекин! Нет, не смогут! Это безусловный факт, и вытекает из него единственный вывод: в борьбу за осуществление лозунга IV Всесоюзной конференции ВЛКСМ «Комсомолец, на трактор!» мы должны вложить теперь всю нашу большевистскую силу, настойчивость и энергию.

— Правильно!

5 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». А Косарев уже на другой день собрал в ЦК ВЛКСМ совещание вожаков колхозной комсомолии, молодых руководителей образцовых деревенских хозяйств различного типа. Важно, очень важно было дать молодым борцам за линию партии в колхозном движении правильные, своевременные и четкие установки. И не менее важно проверить, как установки Центрального Комитета партии осуществляются.

В конце зимы 1930 года по поручению ЦК ВКП(б) Косарев направил группу работников Центрального Комитета комсомола в несколько районов страны ознакомиться с тем, как участвуют комсомольские организации в выполнении постановления ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации.

Сам Косарев выехал в Центрально-Черноземную область.

Со сложным настроением вернулся в Москву Косарев из этой поездки. Наряду с фактами серьезного и основательного участия комсомольцев в коллективизации он столкнулся со случаями их возмутительного поведения.

— Что я видел на практике? — рассказывал Саша в ЦК ВКП(б), а потом и на очередном заседании бюро. — Прежде всего грубое нарушение сроков, ничем не оправданное форсирование темпов коллективизации.

Видимо, типичную не только для Центрально-Черно-

земной области картину увидел он. Сам он не раз был свидетелем того, как областком говорил работникам округа настоятельно: «Нажмите!» Окружной комитет районному комитету внушал уже тоном более резким: «Нажми с коллективизацией! Смотри, другие ее уже завершают, а ты? Ты позорно отстаешь!» А райком? Тот секретарю ячейки без излишних рассуждений обещал: «Что же ты, такой-рассякой, медлить будешь — снимем!» Это в партийных и советских органах так. А в комсомольских ячейках? Здесь головы еще ретивее.

В деревне Чемодановке Раненбургского района на Рязанщине Косареву крестьяне рассказали о возмутительных действиях местных комсомольцев. В этой деревне они раскулачили всех — до единого крестьянина за отказ сдать вновь организованному колхозу всю полученную ими у государства семенную ссуду. Что и говорить, действовали некоторые «горячие» комсомольские головы «решительно», не задумываясь над социальными последствиями своих поступков, грубого попрания ленинского принципа добровольности при агитации крестьян за колхозы: «Если ты, Иван Степанович, не вступишь в колхоз, мы тебя не то, что в Соловки сошлем, на Луну запятим...»

Увидел во время этой поездки Саша и то, как откровенные враги Советской власти умело использовали серьезные ошибки комсомольцев, чтобы поставить под сомнение линию партии, подорвать ее авторитет у крестьян.

Подобные факты имели место и в других районах страны. Ошибки в проведении сплошной коллективизации были обусловлены, как казалось Косареву, прежде всего новизной дела, отсутствием достаточного опыта, крайней сложностью процесса социалистического преобразования сельского хозяйства. Страна шла к социализму непроторенными путями. Но была и установка на чрезмерное форсирование коренного переустройства миллионов крестьянских хозяйств, доходившее до попыток его осуществления «в течение весенней посевной кампании 1930 года», что привело к широкому использованию мер административного принуждения при организации колхозов, угрозам «раскулачивания» и лишения избирательных прав. Все это порождало в ряде районов массовые волнения в деревне, вплоть до антиколхозных и даже антисоветских выступлений. «Прилив» в колхозы сменился «отливом». В марте 1930 года ЦК ВКП(б) принял

решительные меры по исправлению положения. Широко проведенная кампания самокритики стала величайшим средством формирования политической возмужалости комсомола и особенно его деревенской части...

В мае 1930 года пленум Центрального Комитета ВЛКСМ подвел первые итоги участия комсомола в коренной переделке сельского хозяйства, в борьбе за колхозы.

На очередь дня выдвигались задачи организационно-политического укрепления колхозов. «Как думает ЦК ВЛКСМ приступить к выполнению этой задачи? — обратился во время перерыва к Косареву корреспондент «Комсомольской правды».

— С мобилизации «пятисотки», — ответил Саша, не задумываясь.

— То есть...

— В наше время, — пояснял Косарев, — уже излишне повторять общие указания о важности работы комсомола в реконструктивный период. Реконструкция — это перестройка. Понимаете?

— Да. Но при чем тут «пятисотка»? — недоумевал корреспондент.

— Сейчас поймешь, — горячо продолжал Саша. — Тут не только тебе, — всем в комсомоле — понять надо: дальнейшее развитие нашего союза зависит от того, насколько его работа будет соответствовать быстрым темпам решения основных политических задач реконструктивного периода страны.

Корреспондент еще мало понимал, куда клонит Косарев, но на всякий случай раскрыл блокнот.

— Понимаешь? — Косарев изучающе посмотрел на корреспондента, словно примерялся, можно ли доверить ему сокровенные мысли. — Наши общие установки из центра часто формально воспринимаются местными комсомольскими работниками, не воплощаются в конкретные дела. — Саша остановился опять, словно что-то взвешивая в уме, наконец решился вроде: — Ну да ладно: строчи дальше! Толковые кадры, сам знаешь, везде нужны, но прежде всего — на решающих участках работы. Сейчас таким участком является сельский райком. Поэтому бюро ЦК решило мобилизовать пятьсот руководящих работников для работы в сельских райкомах комсомола. Это мероприятие есть первый наш перевод на практический язык общего лозунга: «Комсомол — лицом к колхозам». Это конкретный шаг на пути укрепления

деревенского комсомола, его решающего звена — райкома ВЛКСМ. Но запомни: пока только первый шаг.

Корреспондент оторвался от записной книжки, недоуменно взглянул на Косарева.

— Кого же вы направите?

— Что, испугался? Не бойся, тебя не направим. Пишешь ты бойко, а для этой работы, пожалуй, жидковат... Кого-кого? Вон его и направим. — Косарев кивнул в сторону высокого, ладного парня, популярного в столице комсомольского работника.

— Секретаря Московского комитета — на сельский райком?

Косарев, прочитав неподдельное недоумение на лице корреспондента, расплылся в хитрющей, довольной улыбке.

— Именно потому, что он — секретарь столичного комитета, а не захудалой комсомольской ячейки, мы и направим его в сельский райком. И еще потому, что он — коммунист с 1927 года и член Центрального Комитета комсомола. Такие и должны поднимать колхозную целину. Остальных четыреста девяносто девять секретарей сельских райкомов под стать этому подберем. Речь идет об организационно-политическом укреплении деревенского комсомола, а на такое дело не случайных — лучших людей посылать будем. И это еще не все! Нам партия новые задачи ставит. Надо обеспечить колхозы молодыми и грамотными специалистами. Наипервейшая наша задача сейчас заключается в том, чтобы подготовить в школах крестьянской молодежи и на курсах двадцать пять тысяч счетоводов из числа демобилизованных воинов Красной Армии. Помнишь, Ленин говорил: «Социализм — это учет»!

— «И контроль», — добавил корреспондент.

— Вот именно, — согласился Косарев. — Мы теперь развернем новый массовый колхозно-производственный поход комсомола.

В октябре 1930 года «Комсомольская правда» опубликовала письмо комсомольцев колхоза имени Демьяна Бедного из Нижней Волги под интригующим заголовком: «Товарищ Косарев, дайте слово!»

«Два месяца отделяют нас от IX съезда ВЛКСМ, — писали они, — мы не будем его делегатами, но мы хотим стать его активными участниками, будучи здесь, на полях нашего колхоза». Всего 11 месяцев прошло со дня организации этого хозяйства. Молодые зачинатели кол-

хозного движения в округе понимали, что этот срок для серьезных обобщений — недостаточный, но 300 парней и девушек, сплоченных комсомольской ячейкой, уже показали такие образцы труда, что старики удивлялись: «Сколько мы лет ни живем, а не запомним, чтобы так шустро молодежь работала...» «Нам стало ясно, — писали комсомольцы, — что только погрузившись в производственные будни колхоза, мы сумеем умножить наши победы, добиться хозяйственного авторитета ячейки в колхозе. Поэтому наш лозунг стал: «Все на производственный фронт!»

Косарев увлеченно читал газету.

— Это — нравственная компенсация увиденному в Центрально-Черноземной области, — молвил Саша, обращаясь к Бубекину, принесшему свеженький номер «Комсомольской правды». — Хорошие факты. Жаль, что уже опубликованы, а то бы их в доклад ЦК на съезде включить можно было...

— Факты, Саша, будут. Вот наш «пятисотник» Тарасов из Грязинского райкома ЦЧО пишет. Дела у него налаживаются. Но предлагает укрепить деревенские комсомольские ячейки. Рекомендует также направить лучших колхозников-ударников из числа бедняцко-батрацкой молодежи организаторами новых ячеек на селе.

— Тарасов, говоришь? Из Центрально-Черноземной области?

Была у Косарева слабость как бы прикипать к местам своих былых командировок. Зорко следил он потом за тем, как развивалось там комсомольское движение. Не забывали его и комсомольцы, щедро платили своим вниманием, сообщали о своих успехах: «Четыре года тому назад, — писали Косареву комсомольцы Ново-Титаровского района Азово-Черноморского края, — вы были у нас на Кубани. Это был тяжелый год. Остатки кулачья и белогвардейцы собирали последние силы, чтобы дать бой колхозному строю. Часть наших отцов также поддалась тогда кулацкой агитации... В борьбе с врагами мы, комсомольцы и колхозная молодежь Кубани, заняли не последнее место. И сейчас, если вы заедете к нам, не узнать нашей Кубани.

Прошли годы, окрепли и выросли на тучных кубанских полях большевистские колхозы. По-иному выглядят станицы, иные песни поют на станичных улицах. Казачество Кубани навсегда сроднилось с колхозным строем».

Успехи комсомольцев-колхозников радовали Косарева, но он знал, что победы означали и рождение новых, более сложных задач. «Трудности еще не сняты с повестки дня, — говорил Саша на ленинградском комсомольском активе. — Нужно иметь в виду, что трудности бывают не только у побежденных, но и у победителей. Это потому, что победу нужно не только завоевать, но и закрепить... Но от платонических пожеланий колхозы не укрепляются. Укрепление колхозов, перевоспитание крестьян складывается из правильной организации труда, в тесном сочетании интересов колхозника и государства, в социалистическом отношении колхозника к общественной собственности». Отсюда Косарев и развивал конкретные задачи организационно-политического укрепления сельского комсомола. Уже в июле 1931 года Косарев докладывал пленуму ЦК ВЛКСМ, что в деревне насчитывается 64 тысячи колхозных комсомольских ячеек.

15 февраля 1933 года в Большом театре открылся первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников. 1400 передовиков полей съехались в Москву, чтобы обсудить актуальные вопросы движения.

Третий день съезда. Тщательно готовился А. В. Косарев к этому дню. Предстояло ему выступить на съезде с докладом «Об укреплении колхозов на весеннем севе и задачи комсомола».

«Комсомольская правда» от 18 февраля писала:

«Пасмурный день плыл над столицей. Небо задернуто серой пеленой. Но это не касалось зала. Электрическое солнце его люстр светило ярко, светило радостно. И третий день начинал свою работу с бодрого аккорда, который прозвучал со сцены, когда туда медленно и плавно взошла делегация Общества старых большевиков.

На трибуне 13 убеленных сединами старых большевиков. Весь зал, пять ярусов встали, встал президиум. Потом кто-то крикнул молодо и звонко из глубин клокочущего зала:

— Да здравствует старая большевистская гвардия! Ура!

Зал подхватывает возглас. Малиновые шторы лож вздрогнули от рокота приветственных криков. Улыбался и слушал шум зала один из старейших рабочих революционеров т. Шелгунов. Тов. Ярославский от имени общества передал съезду привет, он призвал передовиков социали-

стических полей с большевистским упорством решать задачи колхозного строительства.

Опять по залу прокатывается шумная волна аплодисментов. У микрофона Косарев, который делает третий доклад».

Это был впечатляющий отчет нового поколения комсомольцев перед ленинской гвардией.

«Несколько лет тому назад, — говорил Косарев, — комсомольцы неплохо дрались за примерного домохозяина. Вы, товарищи делегаты, все помните, когда комсомольцы в деревнях в 1925—1926 годах шли к вам с требованием, чтобы ваше хозяйство было примерным, чтобы каждый обращался к услугам агронома, правильно удобрял землю, засевал бы соответствующие культуры, сеял бы правильно, ухаживал бы лучше за свиньей и другим скотом. На том этапе это было необходимо, и результаты этой работы комсомола были явно ощутимы.

А теперь наш лозунг: «Ты — хозяин, а не гость в своем колхозе, будь зорким и рачительным хозяином!»

В 1936 году Косарев в докладе на X съезде ВЛКСМ раскрыл интересные данные о возрастании роли комсомола и молодежи на селе: количество комсомольцев-колхозников удвоилось и достигло одного миллиона двухсот тысяч человек. «Вообще-то, — уточнял Саша, — на деревне живет и трудится больше комсомольцев, товарищи. И вот какой факт радует нас: из каждых десяти сельских комсомольцев девять работает в колхозном производстве!»

Зал слушал с интересом. Косарев любил «козырнуть» самой свежей и впечатляющей статистикой. И на сей раз Косарев не обманул ожидания слушателей: почти каждый третий звеньевой земледельческой бригады был колхозник или колхозница в возрасте до 25 лет, среди руководителей тракторных бригад — сорок два процента составляли комсомольцы и молодежь.

Саша остановился, разбирая бумаги, видимо, искал нужную ему справку. Нашел. Улыбнулся в зал. И, показывая лист бумаги с таблицами, продолжал:

— По сведениям Центрального управления народнохозяйственного учета, в первой пятилетке и годы второй пятилетки государство подготовило из комсомольцев пятьдесят девять тысяч агрономов, зоотехников, ветери-

наров и механиков сельского хозяйства с высшим и средним образованием.

Для тех лет это была крупная победа. Зал гремел от овации.

ВОСПИТЫВАТЬ ВОЖАКОВ МОЛОДЕЖИ

«Одна из заслуг Косарева, — вспоминали его сподвижники по работе в ЦК ВЛКСМ В. Ф. Пикина и А. М. Диментман, — нам кажется, состоит в том, что он в значительной степени способствовал организации и становлению комсомольского аппарата, выработке стиля работы с молодежью».

Это действительно так. Но примечательно в этом то, что он и сам не превратился в «продукт» утверждавшейся в те годы в стране бюрократической административно-командной системы, и не повел комсомольцев по ее пути. Может быть, этого не произошло потому, что он работал с постоянно «бурлящей, кипящей, ищущей» молодежью и возглавлял ее организацию? И неизбежное влияние этой системы на методы работы в комсомоле проявилось не сразу?

Примечательно и то, что именно в эти годы комсомол находился на подъеме, он все больше упрочивался в качестве важнейшего элемента политической системы общества. И именно тогда начали утверждаться бюрократические методы управления. Не мог и в итоге не миновал их комсомол. Но намного позднее других организаций общества. И в этом была немалая заслуга Косарева.

Он был массовик по натуре, много сил и внимания уделял воспитанию не формальных комсомольских вожаков, а признанных и выдвинутых самой массой молодежи лидеров. Саша сам являл им пример такого лидера.

Был он необычайно внимательным к людям руководителем. Постоянно прислушивался к мнению других работников, никогда не сдерживал их инициативы. Ему чужды были окрик, грубость, высокомерие, администрирование. Заведующий отделом или секретарь, инструктор или референт, машинистка или курьер — со всеми Косарев был одинаково приветлив, внимателен и прост в обращении. К нему можно было всегда обратиться и получить соответствующий ответ. Часто он сам приглашал работника ЦК ВЛКСМ и беседовал с ним, внимательно выслушивал его мнение. К работникам Центрального Комитета, секретарям обкомов комсомола и другим

руководителям комсомольских комитетов был он необычайно требовательным. У каждого воспитывал высокую ответственность за порученное дело. Саша не любил разболтанности, волокиты, беспощадно отчитывал за проявление формализма, перестраховку.

Косарев был самым ярым противником протекционизма и семейственности вообще, а в комсомоле — особенно. В роли человека, непримиримого с этими аморальными явлениями, он выступал всегда, невзирая на лица и свое отношение к ним.

Однажды он узнал, что ректорат 1-го МГУ грубо нарушил установленный порядок приема абитуриентов в вуз. Согласно ему состав будущих студентов надлежало формировать преимущественно из представителей рабочей и трудящейся крестьянской молодежи. А МГУ по-прежнему ориентировался в этом деле на интеллигентскую молодежь. Аналогичная картина была и в Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. В результате количество трудящихся крестьян, зачисленных в тот год на первый курс академии, заметно сократилось. Зато увеличилось число молодежи, которая по опыту прошлых лет, окончив вуз, «оседала» в канцеляриях Наркомзема, его многочисленных ведомств и лабораторий, расположенных в столице.

Косарев эту тему раскрыл в докладе без обиняков.

— Анатолий Васильевич! — обратился Саша к народному комиссару просвещения Луначарскому, который пришел к концу косаревского выступления. — Я в докладе рассказывал, как в МГУ, уже после того, как приемная комиссия вместе с представителями общественности подвела итоги зачисления абитуриентов и прекратила свою работу, ректорат административным распоряжением зачислил в университет сверх плана еще более 300 человек. Из них 75 процентов составляют лица непролетарского происхождения. — Саша сделал паузу, и, заметив, как Луначарский, спешно листая страницы записной книжки, делает в ней какие-то пометки, продолжил: — Дело в том, что это — результат негодной практики. В МГУ вопреки установленному порядку проводят второй, негласный прием на учебу. Действует система записок, ходатайств от различных влиятельных людей и авторитетных организаций и заведений. Эту порочную систему надо в корне пресечь. И прежде всего в Наркомпросе, в Главпрофобре. С представителями Хамовнического райкома ВЛКСМ, направившего в прием-

ную комиссию не бойца, а растяпу, и с комсомольской организацией МГУ мы сами строго спросим! А что сделает Наркомпрос? — наступал на наркома Косарев.

Саша сам хорошо разбирался в людях. Внимательно присматривался к комсомольскому активисту, прежде чем принять решение о его дальнейшем выдвижении.

Больше всего на свете Косареву претил метод подбора актива «под себя».

— Живого, сильного, смелого парня-рабочего, который не заглядывает начальству в рот, не все наши активисты выдвигают, — говорил Саша в докладе па VI Всесоюзной конференции ВЛКСМ. — Беспокойный элемент, — зачем, мол, связываться. Эта пролетарская публика, если считает себя правой, то какие бы ты эполеты ни носил, какими бы мандатами ни пугал, она со всей большевистской страстностью пойдет на тебя в штыки. Вот почему некоторые активисты и побаиваются выдвигать таких товарищей, а выдвигают тех, кто демонстрирует «верноподданность» секретарю, всегда, при любых обстоятельствах поддерживает секретарскую линию и будет поддерживать ее до тех пор, пока большинство — с секретарем. Большинства нет — и поддержки нет.

Изобличил Косарев в этом докладе комсомольских работников и такого типа:

— На нем рабочая кепка и засаленная кожаная тужурка. Он энергичен, на словах — герой, а бороться с мастером-бюрократом не смеет, потому что от мастера зависит разряд. Он тебе и в МК и в ЦК каждый день заходит, справляется о директивах, интересуется, что здесь думают делать, божится за революцию, строит из себя высокопробного революционера. А на деле фразер-штамповщик, аллилуйщик. Вот этому типу в нашем активе должна быть объявлена беспощадная война, которая будет борьбой за большевистское воспитание молодежи.

В работе Косарев был необычайно естественным, лишенным малейшего намека на наигранность. Серьезность в делах и простота в общении органически уживались в нем. Он буквально «зеленел», когда ему рассказывали о фактах проявления «вождизма» у того или иного комсомольского работника. Косарев часто задумывался над природой этого уродливого явления: откуда рождается оно среди молодежи? Пожалуй, происходит это от того, что в отличие от взрослых молодые руководители не прошли еще школы серьезного классового воспитания. Но, вернее всего, от неумения правильно оценить обстановку, самокри-

тично осознать свою роль в коллективе. «И как тут устоять перед соблазном, — размышлял Саша, — если комсомольцы встречают его восторженно, устраивают ему овацию, чуть ли не качают его. И думает он так: «Это мне аплодируют. Это я такой популярностью пользуюсь». А про то забывает, что такие овации есть выражение чувств к большевистской партии и Ленинскому комсомолу, которых молодежь в твоем лице видит. Партию испытанную приветствуют, а не тебя лично. Непонимание этого и порождает у молодого активиста кичливость, комчванство, зазнайство — своеобразный «вождизм».

С этим Косарев, хорошо изучивший людские слабости, примириться не мог. «Вождизм» пагубно отражался на работе, уродовал молодых активистов на всю жизнь, формировал закоренелых бюрократов.

— Новоиспеченный молодой «вождь», — делился Косарев своими размышлениями с широким комсомольским активом, — не может выступать иначе, как по мировым, или по меньшей мере по вопросам всесоюзного масштаба. Он, видите ли, даже не выступает, а «дает установки». Ему уже не нравится черновая работа, потому что тогда нельзя обсуждать вопросы «с точки зрения».

И здесь Косарев выдвинул требование, которое упорно внедрял в комсомольских аудиториях, исключая только особо торжественные случаи: «Я попросил бы поменьше хлопать в ладоши по адресу комсомольских руководителей, почаще требовать от них конкретных ответов».

А это тоже был стиль косаревских времен: едва Саша закончил свой доклад, как к нему подошел комсомольский поэт: «Читай, Саша!»

Аплодисменты! Крики! Шум!
И он решил без всяких прений:
Приветствуют мой острый ум.
Я победил. Я — вождь. Я — гений.
Все это я! Все это мне!
Вокруг меня, о мне и мною!
Зачем такой величине
Млеть за работой мелочною?

И, влезши в тезисный костюм,
Долбя доклады без запинки,
Легко сменил свой острый ум
На острые ботинки.

Назавтра этот стих появился в «Комсомольской правде».

Косарев любил такие эпиграммы. Смеялся над ними до слез, даже в тех случаях, когда поэт шутил над ним самим.

Особенно бережно Саша относился к молодым людям, начинающим путь комсомольского руководителя, был чутким, внимательным, требовательным и надежным старшим товарищем.

В статье «Призывный колокол молодежи», приуроченной к 10-летию «Комсомольской правды» и посвященной комсомольским кадрам, юношеству, Косарев писал:

«Чудесный сад нашей Партии окружен густой чащей молодых комсомольских побегов. От нас самих зависит поднять эти побеги, превратить их в крепкие и стройные, шумящие листвой деревья». Этими, совсем не косаревскими, словами начиналась она. Нет, не мог Саша продолжать дальше эту статью в навязанном, видимо, газетчиками стиле. И не стал. Он немедленно перешел к практическим задачам воспитания комсомольских кадров по принципу: «Делай, как я!»

Пусть не думают наши молодые работники, что если тебя выбрали секретарем комитета, значит, ты уже все умеешь, наставлял Саша активистов. Совсем нелегко быть воспитателем, растить комсомольское пополнение. Для этого самому нужно обладать чертами и качествами, которые стремишься привить товарищам. Косарев развеивал заблуждение, что руководителей «делают» чины и мандаты. Быть организатором и воспитателем молодежи, часто говорил он, — значит больше знать, лучше работать, быть чутким человеком, внимательно прислушивающимся к запросам и нуждам молодежи.

Руководство — это сложное искусство, подчеркивал Саша. А в его докладе на X съезде ВЛКСМ был даже специальный раздел «Активист должен овладеть искусством руководить». В нем руководство и воспитание в комсомоле Косарев рассмотрел как единое целое, почти синонимы.

Объектом руководства и воспитания, замечал Саша, является конкретный живой человек, а не отвлеченный комсомольский комитет — «в среднем»... И притом — молодой человек, девушка, подросток. Они не приемлют приказного тона в обращении, окрика, администрирования. И Саша резко критиковал горе-вожаков молодежи, полагавших, что комсомольцы имеют только обязанности, а прав никаких:

— В комсомоле повелся тип руководителей, о которых Салтыков-Щедрин в свое время заметил, что это «люди,

думающие басом». Избрав начальствующий тон в обращении с молодежью, они поручают члену организации десятки дел, не сообразуясь с его способностями и желаниями, а потом, утопая в административных восторгах, обрушивают на него розги взысканий. Иные руководители в комсомоле мнят себя «воеводами» и распоряжаются комсомольцами как пешками. Массы комсомольцев — это не «нижние чины», которыми можно помыкать как вздумается: они подлинные хозяева своей организации, творцы нашей многогранной работы, инициаторы и исполнители всех наших практических дел.

— В чем наибольшее зло нашей работы? — обратился Косарев к комсомольскому активу столицы на двенадцатый день после XVII съезда ВКП(б). В аудитории, привыкшей к косаревским экспромтам, слушатели отозвались дружно: «В отрыве от масс!», «В отсутствии самокритики!» Косарев молчал, пока не выговорятся наиболее активные комсомольцы.

— В болтовне! — почти выкрикнул Косарев. — И в том, что болтовня не встречает осуждения! А многие комсомольские активисты даже намерены равняться по болтунам, учатся у них произносить громкие, красивые, но пустые речи. В них есть эффектное начало и концовка. Есть места, в которых можно «присоединиться к предыдущему оратору», а в жизни, в работе нет главного — дела!

Администрирование, заседательскую суетню и директивную бестолковщину Косарев называл «близнецами, существование которых одинаково вредно влияет на нашу работу».

— За дымовой табачной завесой бесчисленных заседаний, — рассуждал Саша, — иные комитеты не видят и не замечают, что интересует и волнует нашу молодежь. В поисках чего-то необыкновенного некоторые наши рыцари заседаний и бесплодных директив совершают путешествие на край здравого смысла. Им и невдомек, что их заседания и директивы никому не нужны. Они не заставляют себя подумать о том, что их затеи, важно именуемые инициативой комитета, есть не что иное, как обычные канцелярские затеи.

У таких людей общение с молодежью происходит только через стол президиума.

Косарев имел полное право критиковать «кабинетных» деятелей. Их он критиковал беспощадно. День, прожитый вне комсомольских ячеек, без общения с мо-

лодежью, был для самого Саши потерянным днем. В Бауманском ли райкоме столицы, в Пензенском ли губкоме комсомола — всюду, где бы Косарев ни работал — горел на работе и зажигал своим энтузиазмом всех окружающих его комсомольских вожаков, он подавал им пример неутомимого и неугомонного бойца, страстно отдающего всего себя делу. «Косарев работал с азартом мастерового, — рассказывали его современники. — Он по складу своего характера был таким человеком, который всегда первый подставлял свое плечо под тяжесть, и вставал не там, где легче, а там, где труднее».

Его избрали генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ 24 марта 1929 года. Через два дня газеты оповестили читателей о новом вожаке советской комсомолии. Целую неделю тщетно «надрывался» его телефон в здании ЦК ВЛКСМ в Ипатьевском переулке: многочисленные друзья торопились поздравить Сашу. Но Косарев исчез. Как сообщила «Комсомольская правда», он тотчас же выехал в Харьков для разъяснения комсомольцам решений пленума ЦК ВЛКСМ.

Вслед за Косаревым по его настоянию почти все ответственные работники ЦК ВЛКСМ выехали в организации Украины, Сибири, Казахстана, Поволжья поднимать молодежь в поход за урожай и на коллективизацию сельского хозяйства.

В то же время он был откровенным противником бесцельных поездок ответственных работников ВЛКСМ в организации. Их он называл «гастролями».

— Работники обкомов, а подчас и ЦК, — говорил он на X съезде комсомола, — много разъезжают, но главным образом для сбора информации, за сведениями. Комсомольцам от этого и ни холодно, и ни жарко.

Надо запретить поездки в организации за сбором сведений, а первичным организациям предоставить право выпроваживать гастролеров. — Тут речь Косарева прервали аплодисменты. Поправляя сбившийся набок галстук, подождав, когда они стихнут, Саша резюмировал: — Цель поездки в первичную организацию каждого из нас может быть только одна — инструктировать ее руководителей, помогать комсомольцам.

В июне того года группа ответственных работников ЦК ВЛКСМ была приглашена в Центральный Комитет партии. Беседовал с ними генеральный секретарь. «Ста-

лин подробно расспрашивал и знакомился с нашей работой, — докладывал Косарев комсомольскому активу на пленуме ЦК ВЛКСМ, — проявил живейший интерес к целому ряду разнообразных вопросов жизни комсомольцев и молодежи».

С И. В. Сталиным А. Косарев встречался часто: на заседаниях Оргбюро ЦК ВКП(б), многочисленных совещаниях и торжественных заседаниях. Нередко эти встречи были ознаменованы и короткими беседами. Сталин не терпел многословия, сам был всегда краток, значителен. С каждым годом все недоступнее и неприступней. Такая же встреча, как эта, — вместе с секретарями ЦК комсомола — и для Косарева была совсем не рядовым событием.

— Товарищ Косарев, доложите, пожалуйста, как организован аппарат вашего ЦК, о структуре комсомольских комитетов. Расскажите: кто, где и сколько времени работает, учатся ли, что читают, какая у них зарплата, как и чем помогают им партийные комитеты?

К ответу на такие вопросы Косарев был готов. Незадолго до этой встречи Поскребышев — помощник Сталина — запросил у него аналогичные данные.

Косарев начал доклад с анализа состава комсомольских кадров. Тут ему не нужна была особая подготовка. Саша знал их отлично. Подошел к структуре аппарата ЦК. Почему-то начал с отраслевого отдела:

— Есть у нас сельскохозяйственный отдел.

Сталин, до этого спокойно слушавший рассказ, вдруг оживился:

— Почему сельскохозяйственный?.. Разве сельское хозяйство финансирует комсомол? Или он руководит сельским хозяйством? Нельзя ли вместо отдела сельского хозяйства создать отдел крестьянской молодежи?

Сталин замолчал, ожидая пояснения. Находчивый Косарев, мгновенно реагировавший на любую реплику, даже на такую, которая другого бы поставила в тупик, неожиданно для всех замялся и по инерции молвил: «Есть у нас и промышленный отдел!»

— Почему промышленный? — снова реагировал Сталин. — Разве у вас есть особая комсомольская промышленность? Нельзя ли вместо этого создать отдел рабочей молодежи?

Тут Косарев понял, что дальнейший рассказ о структуре аппарата ЦК ВЛКСМ — формальная часть бе-

седы: Сталин уже отверг имеющуюся структуру. Но теперь «бес» вселился в Сашу, он решил проверить: отверг ли?

— Есть у нас, товарищ Сталин, отдел образования.

Наступила пауза. Косарев внутренне торжествовал: образование-то — «кровное» дело комсомола... Но тут же осекся.

— Почему образования вообще? — не скрывая удивления, спросил Сталин. — Образование бывает разное: начальное, среднее, высшее, техническое, гуманитарное... Есть школы: начальные, средние, высшие! Каждая из них требует своего особого подхода, в каждой из них своя специфика комсомольской работы.

Потом уже Косарев вспоминал: «Товарищ Сталин подробно пояснил нам, что аппарат комсомола не должен механически копировать партийные комитеты (а вы знаете, что такое копирование у нас было)... Всеми своими объяснениями и замечаниями товарищ Сталин поворачивает руководство Ленинского комсомола лицом к молодежи, к ее нуждам, к ее запросам, к ее воспитанию, к ее организации. Создание отдела крестьянской молодежи вместо сельскохозяйственного или вместо отдела промышленности — отдела рабочей молодежи выражает очень большой, глубокий политический смысл нашей перестройки! В этом и есть курс на поворот всего Ленинского комсомола лицом к комсомольцу и комсомолке, к рабочей и колхозной молодежи, к ее нуждам, к делу ее образования и политического просвещения и воспитания, к ее организации. Комсомол должен заняться своей основной функцией, своей главной задачей — коммунистическим воспитанием молодежи и детей и организацией молодежи вокруг Советской власти...

Некоторые думают: а как же участие комсомола в хозяйственном строительстве? А не погибнет ли хозяйство без наших штурмов, без мобилизаций, без наших промышленных и сельскохозяйственных отделов? Чепуха, товарищи! Чем грамотнее, культурнее, политически сознательнее и организованнее будет наша молодежь, тем больше пользы мы принесем социалистическому строительству во всех областях, в том числе и хозяйственной».

Через несколько дней Поскребышев вернул записку ЦК ВЛКСМ о структуре аппарата комитетов ВЛКСМ. Она была испещрена поправками, сделанными красными чернилами, Сталин собственноручно внес их. Коса-

рев смотрел на документ пораженно и недоумевал: Сталин, несомненно занятой, загруженный работой руководитель партии, человек, который становился все более и более недосягаемым, недоступным, сидел над деловой комсомольской бумагой и тщательно редактировал ее!!! Это было непостижимо! Или в этом проявлялись черты характера генсека, ранее неизвестные Косареву? Через несколько дней Сталин передал Косареву и лично им выправленную стенограмму этой встречи.

Косарев был автором многих предложений, обогативших теорию и практику комсомольской работы. И в большом и в малом он и мыслил и действовал неординарно, выходил из трудных положений, как казалось со стороны, легко и просто. Эксперимент, проведенный в свое время на Краснохолмской фабрике, вызвал в нем неутоленную жажду поиска оригинальных форм и приемов работы.

24 июня 1929 года закончила работу VI Всесоюзная конференция ВЛКСМ. Саша выступал на ней с отчетом. «Впервые, кажется, в истории комсомола, — писала «Комсомольская правда», — докладчик ЦК в своей речи поставил философские проблемы... Это доказывает, насколько сложны вопросы комсомольского строительства в реконструктивный период. Для решения этих вопросов один опыт уж недостаточен. Нужно уменье обобщать... Вести пролетарскую политику, значит, предвидеть. А предвидеть можно только при помощи анализа каждого общественного явления, на основе метода марксистской диалектики. Поэтому, особенно в наше время, нельзя руководить правильно без теоретической подготовки... Теоретически неграмотный руководитель — это «солдат без винтовки во время войны...».

Газета на нескольких полосах дала подробное изложение доклада Косарева. Он вызвал у молодежи необычайно высокий интерес. В ЦК комсомола и в «Комсомольскую правду» посыпались письма, непрерывно раздавались телефонные звонки: молодежь задавала сотни вопросов. И трудно было все ее желания и просьбы удовлетворить своевременно. Саша выход нашел. Он решил провести с помощью радиоцентра Наркомпочтеля первое за всю историю ВЛКСМ Всесоюзное комсомольское радиособрание. Тысячи комсомольцев-радиолюбителей в тот июльский день надели наушники приемни-

ков, сотни тысяч примкнули к репродукторам — Косарев подробно рассказывал им о главных задачах, вытекающих из решений Всесоюзной конференции ВЛКСМ.

Весной 1934 года Косарева посетил краснофлотец Константин Душенов. Свой отпуск он провел в родной деревне Ивановская Северного края. Моряк поведал Саше о том, что есть в этой деревне комсомольцы, которые утверждают, что революционеру-колхознику нельзя-де становиться зажиточным, чтобы не окулачиться и не оторваться от бедняцкого революционного класса. Рассказал он и о том, «что вся деревня стоном стонет от хулиганов». Дело дошло до того, что по вечерам колхозники боятся выйти на улицу... А комсомольцы с ними не только не боролись — сами участвовали в пьяных драках и вечеринках.

Проверка фактов на месте показала, что Душенков пришел в ЦК неспроста. Теперь встал вопрос, как распорядиться информацией с пользой для улучшения дела не только в комсомольской организации этого колхоза. Ведь аналогичные факты могли быть и в других местах. Как приковать к ним внимание всех сельских комсомольских организаций?

Косарев и в этом случае нашел свой, неординарный путь.

23 марта 1934 года «Комсомольская правда» открывалась «Письмом секретаря ЦК ВЛКСМ тов. Косарева комсомольцам и молодежи колхоза «Передовик». Письмо это имело большой резонанс в комсомольских организациях, его обсуждали, по нему принимались решения, на полосах местных газет печатались отклики молодежи.

Запомнился товарищам по работе с Косаревым в ЦК ВЛКСМ и такой факт. В Москве проходило Всесоюзное совещание стахановцев. Все работники отдела рабочей молодежи, секретари ЦК комсомола присутствовали на открытии, внимательно слушали ораторов, во время перерыва они оживленно беседовали с молодыми, но уже известными по всей стране стахановцами.

В час ночи цекамольцев подняли телефонные звонки из приемной генерального секретаря: немедленно к Косареву! Ехали недоумевали: зачем вызывают? Тревога, военное положение или еще что? Когда собрались, Косарев с хитринкой оглядел товарищей и так начал свою речь:

— Значит, спокойненько спим, благодушествуем, а

между тем в Москву приехали лучшие молодые люди, цвет комсомола. Что мы о них знаем, кроме того, что видим на совещании, слушаем их речи? О чем они думают, что предлагают, чем интересуются, что их волнует? В каких музеях и театрах бывают, не часто ли посещают рестораны, что покупают в магазинах, с кем встречаются? На заседаниях и официальных встречах этого не узнаешь. Так вот — сейчас идите домой, а с семи утра — по гостиницам. Вам объявят, кто к кому персонально прикреплен, и вы должны установить дружеские отношения, помогать советом и делом, быть с ними вместе и каждого проводить на вокзал.

Очевидцы этой ночной встречи с генеральным секретарем Цекамола вспоминали, что непосредственное общение с участниками совещания дало им большой материал для раздумий и выработки предложений по работе с молодыми стахановцами.

Может быть, этот пример не заслуживает того, чтобы быть занесенным в «реестр» лучших черт стиля Александра Косарева. Все-таки есть в нем элемент экстравагантности. Но, с другой стороны, неизвестно еще, как бы отреагировали на это поручение работники аппарата (вечно забитые «текучкой», умеющие ловко находить отдушины для «сбрасывания напряжения»), не будь этого экстренного ночного сбора в кабинете секретаря ЦК ВЛКСМ. Ведь благоприятный момент для налаживания индивидуальной работы цекамольцев с молодыми стахановцами был бы упущен! Косарев, видимо, предусмотрел этот вариант и пошел на «крайнюю» меру.

— Покажите нам живые дела, расскажите о неудачах, поведайте, как сумели преодолеть трудности, — не раз просил Саша. Бурное возмущение у него вызвали попытки некоторых активистов ссылаться на «объективные условия».

— Это притупление воли и энергии, — говорил в таких случаях Косарев, — и нет большей опасности, чем замазывание трудностей и подмена примиренческого отношения к недостаткам тупой покорностью «объективным условиям»...

Косарев стремился подхватить каждое интересное предложение, дать ему ход, не забывал рассказать, кому принадлежит инициатива. Нетерпимо относился к фактам присвоения чужих заслуг.

Как-то на заседании бюро обсуждался важный вопрос. Косарев слушал его внимательно, но через несколько минут присутствующие заметили, что Саша как будто заскучал и сидит чем-то недовольный. Задал несколько вопросов. Докладчик (заведующий отделом) ответил путано и в конце концов замолчал, начисто сконфуженный.

— Ну, что молчишь? — спросил Косарев резко. — Кто доклад готовил: сам или работники отдела без твоего участия писали?

Лгать Косареву было занятием безуспешным. И в этом случае тоже. Через минуту выяснилось, что автором интересных предложений, содержавшихся в докладе (но о которых оратор доложил скороговоркой), был другой работник. Его «престижный» зав. отделом будто бы по забывчивости на заседание бюро не пригласил. Косарев настоял, чтобы вопрос этот с обсуждения сняли, и на следующий раз вызвали работника, выдвинувшего и разработавшего толковые продложения.

— Кто же лучше его расскажет суть дела?! — возмущался Саша. — Да и бюро познакомится с живым человеком, думающим, ищущим лучшее решение.

Сам Косарев выступал перед молодежью и на страницах комсомольской печати очень часто. Не любил речей «по бумажке», особенно по тексту, подготовленному работниками ЦК. Если, написав статью или доклад, в чем-то начинал сомневаться, отдавал их прочитать товарищам. Если же сомнения касались стилистики или грамотности, не стесняясь, просил: «Посмотри, пожалуйста, с точки зрения грамматики...» Был в таких случаях особенно щепетильным. Так, перед публикацией брошюры «За живое конкретное руководство в комсомоле» Косарев обратился за помощью к журналисту В. Розину. Сдавая работу в издательство, Саша настоял на том, чтобы в предисловии к брошюре обязательно были сохранены слова его благодарности Розину за оказанную помощь.

Чаще всего Косарев выступал по тезисам. Манера публичных выступлений Кирова и других руководителей партии служила ему образцом. Содержание своих выступлений или докладов он продумывал тщательнейшим образом. Они отличались ясностью мысли, уверенностью в правильности занятой позиции, смелостью поставленных задач, носили живой и конкретный характер, были насыщены свежими фактами и конкретными примерами.

Речь Косарева — неприглаженную и образную — все и всегда слушали с неослабевающим интересом. Выступая, он держался очень естественно, как-то легко и просто.

...Колонный зал Дома союзов. Сверкают хрустальные люстры, с балконов свисают яркие кумачовые полотнища, ослепительный свет юпитеров, духовой военный оркестр, мечутся вездесущие корреспонденты газет. Всюду веселье. Задорные песни. Это комсомолия Москвы собралась отметить свое первое десятилетие. На трибуне секретарь МК Александр Косарев. Он уже произнес первую фразу приветствия и зачитал состав президиума. И вдруг Саша замолчал. «Ничего страшного, — сообщала об этом факте «Комсомольская правда», — просто нестерпимым светом загораются юпитеры кино. Хохочет зал, Косарев растерянно разводит руками:

— Десять лет тому назад свету не было, а теперь свет мешает говорить!..

Конец речи прерывается аплодисментами».

Здесь весь Косарев. Его безыскусственность. Мягкий, ненарочитый юмор. Умение достойно выйти из сложной ситуации.

Юношеская непосредственность и искренность, какая-то неподдельная открытость также были типичными чертами выступлений Косарева.

...Идет девятое заседание XVI съезда ВКП(б). Косарев впервые получил слово на высшем партийном форуме. Он говорил взволнованно о том, что в реконструктивный период задачи коммунистического воспитания молодежи, вовлечения ее в хозяйственное и культурное строительство переросли комсомольские рамки, это — общепартийная задача. Оратор выступал аргументированно, убежденно. Но время неумолимо. Косарев увлекся — регламент исчерпан... Председательствующий Григорий Иванович Петровский давно встал, звенит колокольчик. Надо завершать выступление.

— Товарищи, — Саша сконфуженно апеллирует к залу, — мне председатель звонит, если можно, мне еще минут восемь...

В зале голоса: «Дать! Продлить!..»

— Придется дать, Григорий Иванович, — обращается к Петровскому сидящий близ секретарь ЦК Компартии Украины Павел Петрович Постышев. — Молодежь ведь...

— Кто за то, чтобы дать еще минут пять? — спрашивает Петровский. — Большинство.

И тут совершенно неожиданно для самого Косарева и столь высокой аудитории и совсем не под стать ответственному моменту с Сашиных уст непроизвольно, но настоятельно срывается фраза:

— Больше я просил...

В президиуме смех, а из зала снова слышны предложения: «Дать, продлить!!!»

Сохранились все стенограммы выступлений Косарева на съездах партии и комсомола. Корреспонденты «Комсомольской правды» — летописцы славного пути Ленинского комсомола и «биографы» вожака молодежи — зафиксировали собственное восприятие косаревских докладов и речей.

Вот он на IX съезде ВЛКСМ. Один на один с огромным залом Большого театра. Звонким голосом Косарев произносит речь при открытии съезда:

«Крепнет сплоченность двух поколений бойцов — между старыми большевиками, старой большевистской гвардией и между членами Ленинского комсомола. В этом крепость, в этом сила нашей пролетарской революции».

Косарев любил экспромты, постепенно становился настоящим мастером их.

«Сегодня мне предстоит трудная задача, — укладывая тезисы, говорит он. — Эта задача трудна потому, что я, как и многие из присутствующих здесь, еще не имею опыта выступать с таким серьезным вопросом, на таком квалифицированном съезде, как наш съезд (шум, смех в зале).

Косарев жестом прерывает шум.

— Дело тут, товарищи, не в скромности, а в сложности темы, которую мы будем обсуждать...

Постепенно Косарев оживляется, и теперь в его речи все время мелькают меткие, яркие образы, остроты. Съезд часто прерывает доклад аплодисментами, временами долго не стихает шум».

«Оратором Косарев был прирожденным, — вспоминал его друг и соратник Семен Федоров, — умел зажигать массы. Это было особенно важно в период нэпа, когда приходилось перестраивать всю методику комсомольской работы, а в следующий период, когда резко усилилось участие комсомола во всех областях общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни страны».

Косарев оставил после себя большую библиографию своих работ. Среди них есть брошюра «Ленинскому ком-

сомолу большевистский стиль работы». Это текст его доклада на объединенном пленуме Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ 23 июля 1933 года. Он хорошо передает манеру косаревских выступлений в комсомольской аудитории.

Подзаголовки в нем — резкие, сами по себе уже бичующие заскорузлые методы в работе некоторых комсомольских вожаков, а текст как бы сохранил живую речь Саши:

«Многие комсомольские руководители стали двигаться как слоны в жаркий летний день, тихо, спокойно, вяло. Нельзя молодым людям так работать. Нельзя создавать такую обстановку: «Не тронь меня, и я тебя не трону». Люди боятся самокритики, потому что не хотят раскрыть плохие стороны своей работы. Но часто бывает так: работники горкома или райкома смело, даже лихо критикуют ячейки, но если кто-то из ячейки попытается взять за жабры райком или горком, то тут бьют по рукам, считают, что это «неполитично», «нецелесообразно», «подрывает руководящее значение райкома» и т. д. Бить нужно не «по рукам», а по этим настроениям.

Не бойтесь, что вам иногда тоже попадет в драке, без настоящей драки бойца не воспитаешь. Поэтому не дрейфьте, посмелее наступайте на недостатки, посмелее наступайте на работу различных общественно-политических организаций, которые не перестроились. Нас партия всегда поймет, когда надо, поддержит и скажет: «Вот это — боевая молодежь, этой молодежи палец в рот не клади!» Побольше бодрости, побольше смелости, побольше энергии... Мы — не клуб «молодых философов». Мы — боевая коммунистическая организация, и эта боевая организация должна иметь боевых руководителей».

Комсомольцы знали, что Косарев не любил лукавства. И после выступлений отвечал на вопросы аудитории прямо, по существу. А если из-за особых обстоятельств и пытался когда уклониться от прямого ответа, молодежь быстро наставляла его на путь истинный. Знала: в конце концов скажет Косарев правду-матку. Именно так произошло, когда московский актив допытывался от него о причине ухода А. Мильчакова с поста генерального секретаря ЦК ВЛКСМ.

Косарев пытался тогда назвать разные причины, а комсомольцы в ответ только шумели:

— Не виляй, Сашка!

— Правду скажи, не говори, что Мильчаков на учебу ушел...

Косарев сам рассмеялся вместе с залом в связи с очередным своим неуклюжим ответом, сдался:

— Нет, не сработался он с членами бюро ЦК комсомола, кадры переставлял, не советуясь...

Трудно ответить на вопрос: что больше комсомольцы любили — его ли выступления или же ответы на вопросы. Слушали его всегда с неизменным вниманием, а вопросов задавали массу. Однажды после его очередного выступления перед комсомольцами Горьковского автозавода ему пришлось отвечать на... сто восемьдесят вопросов!

Косарев приучал вожаков молодежи работать в гуще масс, а не в тиши кабинетов. Быть с нею, а не «руководить» ее делами по телефону. Конечно, он не мог не видеть, как из года в год и комсомол стал захлестывать бумажный поток, и ему навязывался бумажный стиль руководства.

Противостоял ли он этому?

Думается, что да.

— Мы пишем много директив, — говорил он на одном из пленумов. — Директивы у нас бывают неплохие, но вот дела плохие. Всем известно, что невыполненная директива превращается в пустую декларацию. Она не вооружает, не растит актив, она не способствует воспитанию людей.

Однажды Косарев рассказал, как Ленинградский горком ВЛКСМ принял резолюцию «О комсомольском активе и мероприятиях по его укреплению». Прошло три месяца, но ни одно из этих мероприятий не было выполнено. Живое дело задушил формализм, а проверку исполнения свели к очередной бумажной лихорадке, запрашиванию всевозможных справок, отчетов.

— Мы подсчитали, — резюмировал Саша, — чтобы подготовить ответ на эту сводку только одному Володарскому райкому, нужно собрать сведения по 780 показателям. А пока эта сводка дойдет до низовых комсомольских организаций, запрос сведений достигнет в ней размеров простыни...

Косарев обладал хорошей и цепкой памятью, любил выполнение заданий контролировать лично, не дожидаясь конечного срока работы, когда к нему «придут» и «доло-

жат». Он сам вызывал цекамольца и спрашивал, как идут дела. Не только критиковал работника, но и помогал ему, учил, как надо схватывать политический смысл данного вопроса, связывать с жизнью, понимать и находить главное.

Особенное значение Косарев придавал работе с письмами комсомольцев и молодежи в ЦК ВЛКСМ.

— Я убежден, что письма — это политика! — говорил он.

В одной из поездок в Донбасс Косарев узнал о фактах самого что ни на есть неприкрытого бюрократического отношения отдельных работников ЦК ВЛКСМ к письмам молодежи.

— Вот, Саша, почитай, как мне работники твоей канцелярии отрапортовали: «Ваше письмо получено и направлено нами на рассмотрение в отдел рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ», — наступал на генерального секретаря шахтер Штыкало. — Уже больше года прошло, как я ответ сей на свое письмо из ЦК получил, а отдел рабочей молодежи просьбу мою до сих пор «рассматривает»...

— Что — правда, то — правда! — подхватил разговор маркшейдер Коноваленко. — Я вот какой ответ на свое письмо получил: «Ваше письмо направлено на рассмотрение Наркомздрава, куда вам и предлагается обратиться за результатом». Как видите, товарищ Косарев, мне-то работники ЦК ответили. Только толку от их ответа ноль без палочки. Отписка, а не ответ!

— А мне вообще не ответили...

Косарев стоял потрясенный. Несмотря на свою постоянную загруженность, а порой и невыносимую усталость, он ежедневно выкраивал время просматривать письма комсомольцев, посланные на его имя. К такому порядку Саша приучал и работников ЦК, и секретарей обкомов ВЛКСМ. С этой-то стороны он сегодня никак не ожидал столь острой и справедливой критики. «Значит, что-то где-то не срабатывает в нашем механизме...» — размышлял Косарев после этого нелицеприятного разговора. А когда вернулся в Москву и докладывал членам бюро об итогах поездки, то уделил этому вопросу особое внимание.

— Нужно установить элементарный порядок, уничтожить обезличку, прекратить бюрократизм, — говорил он на бюро, — чтобы на письма давались толковые и своевременные ответы. Если вы не можете удовлетворить все просьбы, то нужно по-человечески объяснить: почему

не в состоянии этого сделать и кто в этом вопросе может помочь, сами обратитесь в такую инстанцию, а не отфутболивайте письмо. И запомните, что бездушным отношением к письмам молодежи вы дискредитируете Центральный Комитет комсомола. Да, дискредитируете!!!

Косарев не ограничился персональным разгоном нерадивых и бездумных работников. На то заседание бюро он собрал весь аппарат ЦК, включая технических исполнителей, а сам явился на него с конкретными предложениями. Накануне Саша допоздна сидел в кабинете, кому-то звонил, с кем-то советовался, просмотрел огромную стопу писем в ЦК и отправленных ответов на них, и, в конце концов генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ собственноручно составил четкие предложения к порядку работы с письмами молодежи. Сам же с того дня стал еще внимательнее и больше работать с ними, «требовал каждые пять дней ему докладывать о судьбе писем, которые он читал лично».

Местные работники и цекамольцы часто, удивляясь, спрашивали: «Откуда и почему Косарев знает, что делается чуть ли не в каждой организации?» А он поэтому и знал, что придавал большое значение письмам с мест, любил сам бывать на заводе, шахте, в домне, заходить в цех, общежитие, клуб — интересоваться, чем живут и какое настроение у рабочих, комсомольцев и молодежи. Когда бывал в колхозе, то любил заглянуть и в МТС, и в избу-читальню. Его одинаково волновало все: почему комсомольцам-лесорубам Красноярской МТС задержали выдачу заработной платы и спецодежды, а в колхозных парикмахерских нет необходимого инструмента, в сельских клубах не организованы хоровые и драматические кружки, а детям колхозников к празднику не выдали обещанных подарков.

Широкой формой контроля за деятельностью самых разных областей работы была в то время «легкая кавалерия» — ЛК. «С приходом Косарева на работу генерального секретаря ЦК ВЛКСМ, — вспоминала В. Ф. Пикина, — эта работа приняла характер целого движения... отряды «легкой кавалерии» создавались на фабриках, заводах, на железнодорожном транспорте и в других учреждениях и предприятиях. Руководили этим движением комсомольские организации... Несколько раз в год созывались областные, краевые и всесоюзные слеты «легкой кавалерии» по подведению итогов проверок и другим вопросам. Всесоюзные рейды «легкой кавалерии»

превратились в большую силу. Отряды ЛК проверяли работу школ и детских садов, транспорта и молодежных общежитий, состояние рабочего снабжения, подготовку к весенне-полевым и уборочным кампаниям в колхозах».

Косарева никак не могло удовлетворить ограничение деятельности ЛК функцией обследования. «Люди все обследуют и обследуют, — говорил он на пленуме Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) в июне 1934 года. — Отмечают ошибки, вскрывают недостатки, а дело до конца не доводится».

Работу же «кавалеристы» проводили немалую, а временами даже опасную. Жулики и проходимцы, попавшие в поле их зрения, часто «легким кавалеристам» угрожали расправой. Были случаи и покушения на жизнь молодых контролеров. В Курске, например, комсомолец Клецер, активный участник рейдов ЛК, был зверски избит. Рискуя, комсомольцы были вправе рассчитывать на поддержку административных органов, но не всегда она была эффективной.

Надежным защитником «легких кавалеристов» выступил Косарев. В данном случае он не остановился ни перед какими авторитетами и резко критиковал крупных должностных лиц по заслугам и без оглядки:

— Пока не видно, чтобы распоряжение прокурора СССР, — говорил Саша на пленуме КПК, — относительно срочности разбора дел о преследованиях «легких кавалеристов» жуликами и проходимцами, о суровом привлечении их к ответственности по-настоящему выполнялось органами юстиции. А дело Клецера органы прокуратуры «замариновали».

Через неделю доклад Косарева на этом пленуме был опубликован в «Комсомольской правде». Саша знал, как ярко разгорается энтузиазм молодежи, когда она чувствует поддержку.

И результат не замедлил сказаться.

4 августа 1934 года в Большом зале Дворца труда ВЦСПС состоялось созванное наркомом тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе и секретарем ЦК ВЛКСМ Александром Косаревым совещание директоров, начальников цехов и комсомольских работников всех крупных московских и ленинградских предприятий. Докладывал Косарев. Он рассказал о результатах проверки комсомольцами загрузки рабочего дня и оборудования на предприятиях Народного комиссариата тяжелой промышленности. Славно поработали группы «легкой

кавалерии». Они хронометрировали трудовой день 1600 рабочих предприятий Москвы и 658 — Ленинграда, 500 сотрудников административно-технического персонала. Неутешительными оказались ее итоги: при семичасовом дне рабочие были заняты производительными видами деятельности в среднем 4—5 часов, остальное время «съедали» подготовительные виды работ.

— Даже если предположить, — говорил Косарев, — что два с половиной миллиона рабочих, занятых на предприятиях Наркомата тяжелой промышленности, трудятся не пять, а шесть часов, и то страна при такой организации их труда теряет условно продукцию 357 тысяч рабочих ежедневно. Между тем тяжелая промышленность в этом отношении еще наиболее благополучная отрасль.

Косарев был очень последовательным в разрешении всех важных проблем, касались ли они комсомольского строительства, воспитания, образования или быта молодежи. Это особенно наглядно проступает при чтении стенограмм его докладов и выступлений, опубликованных в печати, сохранившихся в архивах. В них очень часто одни и те же темы повторяются или варьируются в зависимости от обстановки. Косарев или умышленно делал это, потому что учитывал быструю сменяемость комсомольских кадров, или нарочито повторял одно и то же: Саша знал узкое место в работе многих активистов — «терять» даже свои собственные почины «в пути».

«ПРЕКРАТИТЬ ИЗДАНИЕ ЦИТАТНИКОВ!»

Всегда и всюду Косарев уделял большое внимание политической подготовке, марксистско-ленинскому образованию комсомольских кадров, всей молодежи.

«Учеба комсомольского актива, — писал он в «Комсомольской правде», — должна в основном пойти по линии развертывания марксистского самообразования. На нем нужно сосредоточить удар». Что заставило Косарева обратиться к этой теме? Из года в год система политической учебы комсомольцев обогащалась различными формами. Были среди них кружки по специальным вопросам политических знаний, школы политической грамоты — для начинающих, курсы и семинары комсомольских пропагандистов. «Уверяю вас, — замечал Саша, — что ни один из активистов систематически ни

в одной из школ не занимается». Но Косарев видел также и много формализма в организации политучебы. Отсюда вывод: для марксистского образования актива необходимо ввести комсомольскую «систему зачетного и заочного обучения». Это было в его характере — прочитал дома политическую книгу, сдай зачет; умей учиться без отрыва от производства.

Труды великих основоположников научного коммунизма были для него источником силы и вдохновения. Такого подхода к постижению политических знаний он требовал и от комсомольских работников. Интересен и следующий факт. Предъявляя это требование, он раскрывал самую злободневную сторону содержания и методики политического просвещения юношей и девушек: «Вся наша система политического образования должна быть коренным образом перестроена, — решительно заявлял Косарев. — Вместо того, чтобы изучать Маркса, как это делали в прежние времена старые большевики, нашу молодежь до сих пор пичкают различными... популяризаторскими брошюрками о марксизме».

Его слушателями были на этот раз в основном руководители крупных комсомольских комитетов. На этом месте косаревской речи они согласно закивали: «Точно, мол, — пичкают популярными брошюрками». А Сашу их согласие покоробило: знал он, что многие из сидевших в том зале вожаков молодежи сами учатся по брошюрам. Потому и решил развить эту мысль дальше: «Я не думаю, что преувеличу, если скажу, что и среди активных работников союза найдется немного товарищей, которые читали и читают Маркса. Зачем им утруждать себя, если они с Марксом знакомы по нескольким популярным брошюркам?

Вместо того, чтобы изучать Ленина в подлиннике, нашей молодежи предлагают брошюру по поводу той или иной статьи Ильича...

А ведь такой простоты, такой популярности и ясности изложения, какая присуща Ленину... мы не найдем ни у одного из популяризаторов ленинизма.

Надо категорически прекратить издание «цитатников», подменяющих изучение Ленина поверхностным ознакомлением с цитатами по тому или иному вопросу. Многие наши активисты зачастую не читают произведения Ленина, но цитату из его работ в подтверждение своей мысли обязательно приведут. Эти, с поспешностью прибегающие к цитате, товарищи, не склонны утруждать

себя тем, чтобы прочесть, проштудировать весь труд, из которого берется цитата. Нет, им бы поскорей щегольнуть цитатой, часто попросту списанной у своего же товарища. С этим безобразием нужно покончить!..

Изучение истории нашей партии — это изучение марксизма в действии!»

Особое внимание Косарев уделял марксистско-ленинскому образованию, повышению теоретической подготовки работников ЦК ВЛКСМ. «Вы должны в этом быть на высоте!» При нем в Центральном Комитете был организован цикл теоретических конференций, на которых разбирались серьезные проблемы: «Мировой экономический кризис», «Ленинская теория империализма и «теория» организованного капитализма», «Сущность дискуссии между диалектиками и махистами», «Современные течения в художественной литературе» и другие.

Работник ЦК ВЛКСМ А. Г. Навроцкая вспоминала, что Косарев интересовался также технической и другой литературой, а его доклады, выступления и речи «отличались тем, что сочетали в себе решение конкретных вопросов с глубоким знанием положений марксистско-ленинской теории».

В беседах с комсомольскими работниками Косарев часто замечал: «Молодежь плохо знает прошлое. Плети царизма, тиски фабриканта, гнет помещика ей незнакомы». А однажды Саша рассказал, как в мастерской московского скульптора Иннокентия Жукова он увидел групповую скульптуру: девушка и мальчик смотрят на городового и весело улыбаются: «Они не помнят городового...» — так озаглавил автор свое произведение.

«Знать прошлое, чтобы больше ценить настоящее» — с таким призывом Косарев вышел на трибуну пленума ЦК ВЛКСМ в феврале 1935 года. «Нашу молодежь необходимо закалить, — говорил он, — вооружить знанием прошлой жизни рабочих и крестьян, знанием истории партии, знанием марксизма-ленинизма... Воспитывать в ней принципиальную большевистскую идейность. Это значит воспитывать у нее крепкую убежденность в правоте дела нашей партии. Это значит научить молодежь руководствоваться большевистскими принципами во всем своем поведении».

В этом же докладе Косарев призвал молодежь изучать жизнь и работу замечательных людей, «ибо зна-

комство с ними, — подчеркивал Саша, — чрезвычайно расширяет и обогащает кругозор нашей молодежи. Возьмите, к примеру, жизнь Леонардо да Винчи, Микеланджело, Джеймса Уатта, Менделеева, Ломоносова, Мичурина. Возьмите биографии целого ряда выдающихся борцов нашей большевистской партии, к примеру, Камо, Дзержинского, Свердлова, Кирова, — ведь изучение их жизни, борьбы и творчества — величайший источник формирования воли, настойчивости, твердости характера нашей молодежи».

Особое значение он придавал изучению истории ВЛКСМ, сбору и хранению документов о юношеском движении. В конце 1920 года была создана комиссия по истории комсомола и юношеского движения (Истмол) при ЦК ВЛКСМ. Она провела неоценимую работу по сбору исторических источников, изданию первых трудов по истории Союза молодежи. Косарев, став первым секретарем МК, постоянно заботился о делах городской комиссии. Не раз заходил в Истмол, вспоминали его работники, интересовался новыми поступлениями в архив и ходом всей работы. Когда же комсомольцы столицы стали готовиться к первому десятилетию своей организации, Косарев возглавил эту работу, настойчиво добивался придания массовости юбилею, широкого ознакомления комсомольцев с историей всей организации и даже с историей отдельной ячейки... Кружки по истории комсомола получили в тот период особенно большое распространение.

Заветной мечтой Косарева было издание большого научного труда о славном пути Ленинского комсомола. Имевшиеся книги по истории Союза молодежи Андрея Шохина, Лазаря Шацкина, Николая Чаплина, Оскара Рывкина были подвергнуты тогда справедливой критике в печати за содержащиеся в них ошибки и неточности. В январе 1933 года бюро ЦК ВЛКСМ по инициативе Косарева приняло специальное решение о написании истории ВЛКСМ. Но осталось оно нереализованным. В декабре 1937 года этот вопрос вновь обсуждался на бюро ЦК ВЛКСМ. Саша не только мечтал об издании истории комсомола, не просто горел желанием создать такую книгу, но и советовал увязать историю с современностью, с актуальными проблемами коммунистического воспитания молодежи.

Косареву принадлежит идея и создания стационарного комсомольского учебного заведения. Еще в мае

1927 года он вместе с Д. Ханиным внес на Бюро ЦК ВЛКСМ предложение о создании курсов комсомольского актива с годичным сроком обучения. Бюро поддержало его, но по неизвестным причипам такие курсы не были открыты. Прошло много лет до той поры, когда подобный замысел был реализован созданием Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. В 1931 году выдвигались предложения создать и комсомольский научный центр, и музей истории ВЛКСМ.

Александр Косарев смотрел в далекую перспективу.

ЛЮБИЛ ЧИТАТЬ ПУШКИНА, ЛЕРМОНТОВА...

Пионерка Нина Райкина из Саратова жаловалась Косареву:

— У меня много нагрузок. Я и в кружке затейников, и в шумовом оркестре, и кружке «Будь готов к санитарной обороне», и в Автодоре. Кроме того, работаю в Доме пионеров, и очень мало остается свободного времени...

— А когда же ты отдыхаешь? — спросил Косарев.

— Почти не приходится...

— А ты Лермонтова читала?

— Нет.

— А кто из вас Пушкина читал? — обратился Саша к детям, участвовавшим в той беседе.

— Читать не читали, — дружно отозвались ребята, — а только в школе «прорабатывали»...

— Ну и за какие же грехи вы Александра Сергеевича Пушкина прорабатывали?

Дети от души рассмеялись: «Вот непонятливый!»

А Косарев сидел расстроенный. Бюрократическое слово «прорабатывали» прочно вошло в детский лексикон, и внедрила его школа — учителя и пионерские вожатые. Да разве оно одно? Вон сколько их наговорили пионеры только за эту встречу. Они теперь, оказывается, «подтягивают» (вместо того чтобы сказать «помогают отстающему»). О себе говорят: мы — юдовцы, что означает — юные друзья. «Детеэс» — так дети назвали свою техническую станцию...

Этот разговор Саша вспомнил в сентябре 1936 года, когда готовился к совещанию молодых учителей. Накануне он внимательно изучил статистику о состоянии народного образования в СССР. Картина вырисовалась интереснейшая. Успехи в народном образовании были

действительно поразительными. Но в тех же самых данных Косарев усмотрел и тревожные нотки: 270 тысяч учителей начальных классов в школах РСФСР, например, не имели среднего педагогического, а 75 процентов учителей средних школ — высшего образования.

«Это же прискорбный факт, — размышлял Саша над данными. — Оказывается, на педагогической работе очень много неграмотных людей. Второгодничество, отсутствие у детей интереса к занятиям и объясняются низким общим уровнем самих учителей. Они и слова-сорняки пропагандируют, и казенными штампами учат детей разговаривать. Кто же у них в корифеях ходит, неужто наши комсомольские поэты? Мы-то со всех трибун молодежь призываем стать самым культурным молодым поколением, а они Пушкина — в чулан...» А когда Косарев удостоверился, что размышления его верные, то хотя и горькие, но справедливые слова сказал он учителям на совещании в ЦК ВЛКСМ:

— Желание быть «сверхпередовым», «сверхмодным» очень далеко увело многих работников народного образования в сторону... Богатство русского языка, нашу поэзию в школах дети изучают больше по произведениям советских молодых поэтов, чем по Пушкину. Я не против этих поэтов. Возможно, и они подарят стране достойные произведения. Но пока им самим еще надо учиться. И сегодня не по их произведениям следует изучать русский язык... Неужели методистам, которые составляли школьные программы по русскому языку и литературе, не ясно, что Пушкин нам близок и дорог. — Саша сделал паузу, после которой повторил: — Да, близок и дорог! Поймите же, дорогие товарищи, что он более современен в наше время, нежели тогда, когда жил и работал!

А как разговаривают в нашей школе? — продолжал Косарев. — Прислушайтесь хотя бы к разговорной речи пионеров. Оказывается, в школе не учатся, как, например, я учился, а «прорабатывают». Школьникам, оказывается, не уроки задают, как нам когда-то задавали, а «дают задание». Книжку, оказывается, не читают, как это делали веками, а «работают над книгой». О мальчике говорят не «способный парень», а «парень перспективный»...

Участие в борьбе за всеобщую грамотность населения было наиважнейшим направлением в деятельности Косарева, на котором было все: и совместная работа с Наркомпросом в обществе «Долой неграмотность!», и куль-

турная эстафета за всеобуч и политехнизацию школы, и шефство комсомола над рабфаками. «Вчера, — любил говорить Косарев, — ты мог быть лучшим революционером. Сегодня безграмотному строить социализм невозможно: нужна учеба», — и призывал: «Каждому комсомольцу — среднее образование!»

Нелегкой, очень нелегкой была эта задача. А косаревский призыв по тем временам даже невыполнимым. И в этом случае проявился его юношеский максимализм, торопливость. Но не в них заключалась опасность. Сашу на такие призывы (правда, без точного учета им возможностей страны) подталкивали настроения, имевшиеся в то время еще у значительной группы комсомольцев. Они не только кичились своей отсталостью, но и проповедовали идеи, что являются-де «лучшими пролетариями, потому что — неграмотны». Косарев до глубины души возмущался подобными заявлениями: «Судить надо за такие слова, судить нашим товарищеским судом!» В таких случаях лицо его становилось мрачным, обострялось, и он все время поправлял воротничок рубашки, как будто тот становился тесным, давил на его крепкую шею. А когда гнев полегоньку стихал, то продолжал разговор спокойно, рассудительно: «Наш пролетарий строит социализм, причем строит его на основе марксистско-ленинской теории. А если этот пролетарий неграмотен, как же он будет строить социализм? Мы должны внимательно, чутко, по-товарищески убеждать его в необходимости учиться».

Под воздействием культурной революции изменялся духовный облик молодого рабочего поколения, росли и разнообразными становились его интересы. В начале 1935 года журналист Юрий Жуков опубликовал в «Комсомольской правде» статью «Интеллигенты». В основу ее был положен социологический опрос 427 молодых рабочих. Он показал, что из них 226 человек имеют свои личные библиотеки, 150 регулярно посещают оперу, 136 бывают в музеях, почти каждый из них учился в вечерних учебных заведениях.

Буквально на глазах рос и Косарев. «И здесь, — рассказывала со слов старших его внучка, — еще раз можно порассуждать об образованности и образовании: знавшие Сашу в один голос отмечали его богатую внутреннюю культуру, широту интересов, эрудицию. Он собрал прекрасную библиотеку, дружил с Маяковским, в доме часто собирались молодые литераторы двадцатых годов... На-

стольными книгами были Гоголь, Чехов, Салтыков-Щедрин. У нас сохранился томик Лермонтова из Сашиной библиотеки, потрепанный, зачитанный до дыр, со многими отчеркнутыми им строфами. Больше всего таких строф в «Мцыри»... Недавно, перелистывая пушкинский томик, я наткнулась на обведенные красным карандашом строки:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет,
Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

Я подумала, что, несмотря на общеизвестный свой оптимизм, наверное, Саша не был этаким бодрячком, которому море по колено.

Впрочем, каждый человек всегда намного шире и глубже тех рамок, в которые мы для простоты образа пытаемся его втиснуть».

Таковы были зримые шаги культурной революции и роста самого Косарева. Они радовали Сашу, ибо был он приверженцем воспитания у молодежи внутренней культуры, образованности молодых людей.

«У нас частенько, — говорил он, — прячут свою некультурность за внешним культурным видом. Наши ребята начинают, если можно так выразиться, культурно одеваться, они хотят иметь модный костюмчик, шикарные ботиночки, хорошее приветливое платье. Это не вредно. Никто никому не запрещает к этому стремиться, наоборот, рекомендуется. Мы строители социализма, и не обязательно нам ходить в скверных брюках, в стандартном платье. Наоборот, каждый может одеваться как ему нравится, лишь бы это не мешало его коммунистической работе, его участию в социалистическом строительстве. Но ведь бывает так, что по внешнему виду парень как будто бы выглядит и неплохо, имеет не одну пару брюк, а сам — круглый невежда... Не следует увлекаться показными формами культуры, а нужно войти в существо дела. Культурный человек должен обладать знаниями, уметь работать с книгой, уметь ценить мысль, гнаться за этой мыслью, не проходить мимо нее, а сосредоточиться

на ней. Культурный человек должен уметь организовать себя в борьбе за знания. А это означает, что он должен... выглядеть не пугалом, которого все сторонятся, а человеком культурным по своему развитию, по своему облику, по своему поведению».

А происходили ли по мере осуществления культурной революции изменения во внешности самого Косарева? Не мог же он оставаться внешне тем же Сашкой Косаревым с пролетарской окраины Москвы?!

«Если в пору ранней юности, — вспоминал Л. Гурвич, — у Саши нередко звучали нотки недоверия к интеллигентам, пожалуй, даже некоторого высокомерно-отчужденного отношения к ним, то затем они совершенно исчезли. Косарев сам быстро стал интеллигентом в самом хорошем смысле этого слова. Какое-то время еще сохранялись некоторые внешние признаки «рубахи-парня». Косоворотку при этом заменила матросская тельняшка, с которой он почти не расставался. Но уже не торчали задорные вихры. Помню, как он впервые надел галстук и шляпу и на первых порах не очень складно себя чувствовал. Но он быстро привык к ним.

— Часто под понятие «культура» подводят лишь внешние ее стороны, — говорил он, — сводят дело к «парикмахерской» культуре. А для нас задача овладеть высотами культуры в ее подлинном смысле.

И ухмылялся.

— Ну а внешний облик, конечно, тоже элемент.

Кстати, этот «элемент» совсем неплохо у него получался».

Неоценимым был вклад Ленинского комсомола в формирование новой советской интеллигенции. Косарев — выходец из рабочего класса — действительно являл собой лучшего представителя такой интеллигенции. Потому-то он и понимал всю сложность и важность этого социального процесса.

«Слово «интеллигент» издавна в нашей среде являлось нарицательным, — рассуждал однажды Саша. — Если исключить отдельные прослойки лучшей революционной интеллигенции, которая шла за дело рабочего класса в тюрьмы, в ссылки, организовывала тайные общества, то ко всем остальным слоям интеллигенции рабочий класс до революции относился враждебно. — Косарев замолчал, видимо, решил подобрать весомее аргументы. — Да, это

вполне законно, ибо в ее лице рабочий класс видел касту, которая имела близкое отношение к правящим капиталистическим классам, помогала им утвердить свое господство, а зачастую и сама угнетала трудящихся.

Именно этим и объясняется враждебное отношение рабочего класса к этой группе интеллигенции. Оно находило свое соответствующее выражение и в среде рабочей молодежи».

Саша обвел взглядом аудиторию. Подумал: «Ровесников моих в ней по пальцам пересчитать можно», потому и решил аргументы подыскать более популярные, доходчивые для большинства сидевших в зале:

«Если кому-нибудь из вас приходилось работать на царских заводах, — продолжал он, — то вы должны помнить, что высшим позором в те времена для рабочей девушки считалось пойти гулять с интеллигентом. Напакостить гимназисту и даже избить его считалось высшим почетом, геройским поступком со стороны фабричного или заводского парня». В зале раздался смех, не то одобрительный, не то вызванный удивлением. Косарев замолчал и подумал, что далека уже от той поры современная молодежь, потому и стал ей рассказывать, как буржуазия стремилась закрыть доступ рабочей молодежи к образованию, к науке, создавала привилегированную элиту людей умственного труда. Иное дело сейчас, замечал он, когда на первый план выдвигается задача создания кадров новой интеллигенции, вышедшей из среды трудящихся классов — рабочих и колхозников, — преданной им. Саша говорил, что мы стали первой страной в мире по подготовке кадров, но, несмотря на большие успехи в области культуры, подготовки кадров науки и техники, нам предстоит сделать еще гигантские шаги вперед. Только за годы второй пятилетки предстояло подготовить в высших учебных заведениях страны около двух миллионов специалистов, а в техникумах — трех миллионов человек.

— К чему эти цифры обязывают? — спрашивал Косарев аудиторию и сам же отвечал: — К тому, чтобы мы, комсомол, нашли свое место в подготовке кадров. Ленинский комсомол должен стать школой пролетарской интеллигенции. Задача социалистического строительства обязывает нас к тому, чтобы мы выделили из своей среды не десятки и не сотни тысяч, а буквально миллионы представителей различных отраслей культуры, науки, экономики, политики и техники, выдвинули бы сотни и

тысячи лучших ударников на руководящие технические посты, в вузы и техникумы. Вот наша задача. И одним из практических выражений решения этой задачи является высшая школа. Надо войти в существо перестройки высшей школы, добиться, чтобы наши вузы и втузы давали навыки самостоятельной работы, улучшали научную работу, больше связывали ее с производством.

В СОЮЗЕ С УЧЕНЫМИ

Имя Косарева широко знали в стране. И оно становилось все более и более известным и популярным. Слава о его отзывчивости, готовности прийти на помощь молодому рабочему, колхознику, учителю, артисту, ученому широко растекалась по стране. Именно эта, многим известная, его обязательность и чуткость к людям побудила группу молодых ученых: Векслера, Земляного, Назарова, Чусова и других обратиться к генеральному секретарю ЦК ВЛКСМ с письмом. Они работали в одном из крупнейших московских научно-исследовательских институтов. Коллектив в нем в основном состоял из молодежи. Кроме них, еще свыше 200 начинающих энергичных научных сотрудников. Что же не устраивало авторов письма? Оказывается, был институт в числе передовых, а на деле оборудованием был оснащен устаревшим, многие ценные разработки молодых ученых оставались лежать в столе ученого совета и в производство не внедрялись. «Редкому счастливцу из нас удается поддерживать более или менее регулярную связь с заводами, — писали они. — Нет у нас необходимой научной атмосферы. Нет научных школ, крупнейших специалистов, вокруг которых могла бы объединиться молодежь, чтобы получить высококвалифицированную консультацию по математике или физике, приходится обращаться в Московский университет.

Товарищ Косарев!

Мы решили рассказать Вам об основных недостатках с единственной целью: изжить их и расчистить при помощи комсомола путь к лучшей, более интенсивной работе на пользу развития науки и практики в нашей стране».

Это был сигнал SOS, большой тревоги! Как же поступил в этой ситуации Саша?

Косарев передал полный текст письма для опублико-

вания в «Комсомольской правде», а сам вплотную занялся изучением атмосферы в институте, обратился в партийные органы, встретился и с руководителями института. Он долго беседовал о помощи молодым ученым с народным комиссаром просвещения А. С. Бубновым. Не раз встречался с авторами письма. Живо интересовался, имеются ли сдвиги. Вскоре положение стало выправляться.

Одним из комсомольцев, подписавших это письмо Косареву и получившим от него конкретную помощь, был в недалеком прошлом фабзавученик, в то время уже кандидат физических наук, в будущем — создатель гигантского синхрофазотрона академик В. И. Векслер. Стал академиком и И. Н. Назаров — тоже один из авторов письма Косареву.

Из этого случая Косарев сделал вывод и для себя: надо быть ближе к научной молодежи, чаще встречаться с ней, больше влиять на академическое руководство, чтобы оно активнее поддерживало молодых талантливых ученых. В канун X съезда ВЛКСМ 26 воспитанников Ленинского комсомола вручили Косареву подарок — сборник научных трудов комсомольцев Академии наук СССР. Саша листал его страницы и вспоминал, как семь лет тому назад первые три комсомольца переступили порог научно-исследовательских институтов академии. И вот уже 235 молодых ученых прошли в них обучение в аспирантуре. Почти все они были детьми рабочих, бывших бедняков-крестьян, мелких служащих, многие из них представляли в прошлом отсталые национальности: чувашей, зырян и других.

Они принесли в стены академических институтов свою неиссякаемую энергию, комсомольскую бодрость и любовь к великой Родине. «В течение последних 4 лет развития цепной теории в моей лаборатории, — писал академик Н. Н. Семенов о своих учениках, — я был обязан прекрасной комсомольской бригаде, которая работала под моим руководством... Товарищеская спайка и в лаборатории, и на отдыхе, научный энтузиазм и упорство в работе — вот отличительные черты этой бригады, столь обычные в рабочей среде и не так уж часто, к сожалению, встречающиеся в научных учреждениях. Работа с этой бригадой — это самый приятный из всех периодов моей научной деятельности».

Появление этого сборника было по тем временам событием в научной жизни, в истории советской культуры, да

и в истории Ленинского комсомола тоже. Косарев внимательно рассматривал книгу и поражался: сколько в ней замечательных имен! Многих он знал не только как молодых ученых. Вот А. М. Кушнарев. Как не знать его?! Член ВЛКСМ со дня основания союза, а теперь ректор Киевского университета. Вот — Б. М. Вуль, лихой боец Красной Армии в годы гражданской войны, а сейчас его имя известно далеко за рубежами СССР как ученого — специалиста по высоковольтной электронике. А комсомольцу Тихонову за выдающиеся успехи президиум академии присвоил ученую степень кандидата химических наук без защиты диссертации. Из этого сборника Косарев узнал и о зырянке М. Ворсиной, в прошлом батрачке, она год назад защитила кандидатскую диссертацию и уже готова к защите докторской...

5 сентября 1933 года Косарев с группой работников ЦК ВЛКСМ в горячие предполетные дни стратостата «СССР» встретился с коллективом стратонавтов, осмотрел гондолу. Более часа командир стратостата Прокофьев и конструктор гондолы инженер Чижевский рассказывали ему о конструкции аппарата.

После осмотра Косарев встретился с комсомольцами завода — строителями стратостата, поделился своими впечатлениями: «Очень рад встрече с замечательными людьми — конструкторами, строителями и, наконец, самими участниками первого полета в стратосферу. Это тем более приятно, — говорил он, — что постройка стратостата «СССР» и путешествие в нем — дело рук комсомольцев, рабочей молодежи, энтузиазму которой может позавидовать каждый. Я не воздухоплаватель, — заключил Саша задумчиво. Видимо, непоседливая натура его теперь тоже рвалась в небо. — Мне трудно судить о качествах гондолы и оболочки, но впечатление о них остается самое положительное, бодрое.

Желаю от всей души участникам полета в стратосферу всяческого успеха в этом новом, впервые овладеваемом большевиками деле».

Косарев с самого начала встречи внимательно всматривался в лицо командира стратостата, мучительно вспоминая: где же его видел? Наконец не выдержал и спросил напрямую:

— А не тот ли вы Георгий Прокофьевич, что работал в двадцатых годах инструктором Бауманского райкома партии?

— Тот самый, Александр Васильевич! Признали?

— И на какую же высоту собираетесь подняться? — спросил Саша, воспользовавшись, что рядом из посторонних никого не было. Стратонавты переглянулись.

— Вообще-то в воздухоплавательном отряде не принято говорить об этом, ну да ладно: под двадцать, Александр Васильевич, под двадцать...

— Километров?! — не выдержал Косарев.

— Двадцать тысяч метров, по-нашему. Нам на такой высоте каждый метр приходится считать, и дается он, поверьте, нелегко...

— Высоко поднялся, Георгий! — с оттенком восхищения и небольшой зависти сказал Косарев.

В последних числах сентября 1933 года экипаж стратостата «СССР» — командир Георгий Прокофьев, инженер Эрнст Бирнбаум и научный сотрудник НИИ Гражданского воздушного флота Константин Годунов — установили мировой рекорд, достигли высоты 19 тысяч метров.

Ширилась и крепла советская школа ученых. Вскоре после полета стратостата «СССР» Саша узнал, что молодой физик готовится к полету в заоблачные дали в научных целях — это комсомолец Илья Усыскин. Он сконструировал камеру для наблюдения космических лучей в стратосфере. Настроен сам ее испробовать в полете.

— Сам?! — не удержался Косарев. — Что еще знаете о нем?

— Да, в общем, немного. Сын известного революционера. Ему двадцать три года. Секретарь комсомольской организации Физико-технического института Академии наук СССР. Заканчивает работу по дифракции электронов...

Ни одна великая победа над стихиями не обходилась без жертв.

Высоты научного знания никогда не доставались легко. Путь борьбы за науку отмечен тысячами дорогих жизней. Немало их отдал и советский народ, Ленинский комсомол.

30 января 1934 года стратостат «Осоавиахим-1» стартовал под Москвой для научных исследований в зимних условиях. В 11 часов 59 минут команда стратостата сообщила всему миру о том, что она, достигнув рекордной высоты — 22 тысячи метров, идет на снижение. Вслед за тем связь с землей прекратилась. Последние их слова были обращены к Ленинскому комсомолу:

«11 часов 59 минут — 12 часов 01 минута. Говорит «Сириус»:

...Команда стратостата «Осоавиахим» передает горячий привет Ленинскому комсомолу и его штабу — ЦК во главе с товарищем Косаревым».

...Команда в составе П. Ф. Федосеенко, А. Б. Васенко, И. Д. Усыскина погибла в результате удара гондолы о землю, порвались стропы.

Косарев сидел мрачный, был искренне расстроен. В который раз перечитывал радиограмму, отправленную с борта стратостата, правительственное сообщение о гибели его экипажа. Что думал он в это время? Казнил ли себя за то, что не предостерег Усыскина от рискованного полета? Или, напротив, восхищался мужеством молодого ученого? Пожалуй, последнее было вернее всего.

При Косареве необычайно высоко поднялся авторитет комсомола среди крупных ученых страны. Они часто встречались с секретарем ЦК, участвовали в конференциях, выступали с трибуны комсомольских форумов; на VII Всесоюзной конференции ВЛКСМ, например, — академики А. Н. Бах и И. М. Губкин, другие деятели науки, культуры и искусства. «Возникает вопрос, — говорил в своем выступлении И. М. Губкин, — почему же эта трибуна является таким притягательным местом? В чем ее магические свойства, которые тянут сюда всех представителей советской общественности?

А дело в том, что все мы — молодежь и украшенные сединами академики — делаем одно великое дело. Мы ведем борьбу, борьбу не на живот, а на смерть со старым прогнившим миром, за новый мир... Вы, комсомольцы, наша надежда. Вы — наша смена, вас зовут молодой гвардией рабочих и крестьян, вы напоены радостью борьбы, вы полны энтузиазма, вы работаете на фронте индустриализации страны, вы боретесь за социалистическую переделку сельского хозяйства... Вы работаете плодотворно и на поприще научном и действительно являетесь нашей сменой, нашими помощниками».

В день 15-летия ВЛКСМ на имя Косарева поступило приветствие от К. Э. Циолковского:

— Мы хотим счастья, — писал Константин Эдуардович, — но оно зависит от нас самих. В наших руках наше будущее, в особенности наиболее восприимчивой молодежи. Будем же работать, будем добиваться счастья — неслыханного в мире».

Косарев и литература. Молодой вожак преуспел и на этом поприще.

Сложным был в нашей стране процесс становления и развития литературы на принципах марксизма-ленинизма. Октябрь разрушил многое из того, что составляло старый литературно-художественный быт и его идейно-политическую атмосферу. Для литературно-художественной жизни было характерно наличие многочисленных групп и ассоциаций: Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), «Левый фронт» (Леф), «Литературный центр конструктивистов» и другие.

Литература стала объектом активной идеологической борьбы. А Косарев показал себя в ней убежденным, подготовленным и активнейшим борцом партии. Он выступал против старой салонной поэзии, мещанской добродетельности и изображения в литературе образца прилизанного мещанина с комсомольским билетом.

Этот фронт был полем борьбы за коммунистическое воспитание молодежи. И на нем Косарев стал не просто активным «штыком» в идеологической борьбе, но и автором таких предложений, которые сформировали целое направление в отечественной литературе.

Правомерен вопрос: нет ли в этом утверждении преувеличения? Ведь Косарев не был литератором или идеологом в широком значении такой профессиональной ориентации. Но именно из этого участия его в борьбе на литературном фронте станет ясно, что стал он действительно высококультурным и высокообразованным человеком. Потому-то с ним и любили общаться А. В. Луначарский, А. М. Горький, Ромен Роллан и академик И. М. Губкин и многие другие выдающиеся люди эпохи. Чем же еще притягивал их этот самородок? И что помогало ему самому в общении с такими всемирно известными людьми не робеть, оставаться самим собой и быть интересным им? На чем держался его собственный фундамент социальной раскованности?

Трудно найти исчерпывающий ответ. Тем более что не один только Косарев из мальчишек пролетарских окраин поднялся в годы Советской власти до недосягаемых в прошлые времена высот. В Пензе, например, Саша подружился с Петром Бухановым. Были они погодки. Петр — сын рабочего, с малых лет ученик слесаря. Когда Косарев приехал в Пензу, Буханов работал секрета-

рем горкома комсомола. Потом на партийной работе. В 1929 году после окончания комвуза Петр учился на философском отделении Ленинградского института красной профессуры. И сразу стал профессором, заведующим кафедрой диалектического материализма Ленинградского политико-просветительного института имени Н. К. Крупской. Эти успехи поразительны: до поступления в комвуз Буханов имел низшее образование!

Процесс интеллектуального созревания Косарева проходил одновременно с его социальным мужанием. Он был на самой что ни на есть стремнине борьбы за генеральную линию партии, участником таких всемирно-исторических событий, каждого из которых в отдельности хватило бы, чтобы заслуженно отметить биографию иного человека за всю жизнь. В этом ряду событий Саша был не рядовым свидетелем, не стоял сбоку, он кипел страстями своего времени в самой гуще событий. В них проходила закалку сталь его характера, проявлялось богатство его яркой натуры. Проявилось оно и на литературном фронте.

Косарев смело шел на обострение с теми представителями литературных кругов, в которых видел людей, мешающих коммунистическому воспитанию молодежи. Вот как он говорил об идеологической платформе конструктивистов на VI Всесоюзной конференции ВЛКСМ:

«Смысл их идеологии заключается в том, что нужно-де поменьше заниматься политическими вопросами, а больше технической работой по поднятию хозяйства. У конструктивистов — огромные американские очки, через которые они видят только технику. Что же касается политики и классовой борьбы, на всем этом они ставят крест... Прочтите первую книгу Леонида Грабаря «Семейная хроника». Там вы встретите инженера Ляльку, которая прошла американскую выучку, попала к нам в СССР и работает здесь, в нашей стране. Когда ей председатель губисполкома говорит о строительстве социализма, то она ему отвечает так:

— Фу, глупости какие! Заезженные фразы! Работаю потому, что это заложено во мне, потому что люблю, потому что без нее — неинтересно. При чем тут социализм».

В этой части своего доклада (заметим не на литературном диспуте — на комсомольской конференции) Косарев не просто резко критиковал конструктивистов в литературе. Он наступал на них убедительно и страстно. Саша опасался, что это литературное течение, чего доб-

рого, свернет непролетарскую часть вузовской молодежи на сугубо технократический путь. Тем более что симптомы этого были налицо. «Разве у нас в среде молодежи, кончающей вузы, — обращался Косарев к залу, — готовящейся подвизаться на инженерном поприще, нет таких настроений? «Стройте социализм, а я получу свою специальность и буду выполнять свое дело. Я работаю потому, что скучно без работы. Человек я энергичный, не люблю сидеть без дела. Люблю работу, поэтому и работаю». Такие настроения есть, их много, и с ними надо бороться».

Эта часть доклада Косарева вызвала переполох среди писателей-конструктивистов. Полился поток объяснений, опровержений типа: «Никто не застрахован от отдельных ошибок, особенно писатели, чья работа отмечена творческими и идеологическими исканиями...», «нас надо учиться понимать, уметь понимать...» и т. д.

Воспользовавшись удобным случаем, Корнелий Зелинский — теоретик конструктивистов обратился к Косареву. Столкнулись позиции 33-летнего рафинированного интеллигента-писателя и 26-летнего пролетарского комсомольского вожака.

— С высокой трибуны всесоюзной конференции я не стал изобличать ваше истинное лицо, подлинный смысл вашей литературной и общественной работы. — Косарев старался говорить спокойнее, подбирал слова поделикатнее. Непростой возник диалог. Саша чувствовал, как под пиджаком взмокла на спине рубаха и капельки пота, совсем некстати, предательски выступили на лбу, но ничего он с этим поделать не смог. Парадоксально, но именно эти, непроизвольно проявившиеся признаки внутреннего волнения придали Саше уверенность, подтолкнули к большей определенности в разговоре:

— А сейчас скажу! — бросил Косарев запальчиво. — Дело не в отдельных ошибках сборника литературного центра конструктивистов «Бизнес».

— Вы и его читали? — не выдержав, перебил Зелинский.

— А как же?! И ваше коллективное письмо в редакцию «Комсомольской правды» мы обсуждали. И ответ на него тоже...

— Но, послушайте, товарищ Косарев, мы не ставим себе никаких политических или идеологических задач, отличных от задач пролетариата. Мы отнюдь не подменяем культурным строительством боевого фронта борьбы

с капитализмом и в хозяйстве, и в идеологии. — Зелинский замолчал, заметив, как нахмурился подошедший к ним поэт Илья Сельвинский.

— А вот эти слова?.. — Зелинский вынул из грудного кармана пиджака вырезку из «Комсомольской правды» и стал ее зачитывать: — «Мы не сомневаемся в политической искренности товарищей из литературной группы конструктивистов, в их желании участвовать в классовой борьбе «на стороне социалистической революции». Чем скорее конструктивисты осознают ошибочность своей установки, тем лучше». Скажите, эти слова отражают мнение ЦК комсомола?

— Конечно...

«Комсомольская правда», поддержанная Косаревым, еще не раз выступала с критикой данного литературного течения. Именно она в итоге помогла молодым писателям и поэтам выйти из состояния творческого кризиса. Год спустя Зелинский в статье «Конец конструктивизма» переоценил и пересмотрел свои позиции. Со временем он стал крупным теоретиком и пропагандистом советской литературы.

В другой раз Косарев резко выступил против РАПП — Российской ассоциации пролетарских писателей. Руководство РАПП часто впадало в догматизм, вульгарный социологизм.

«Говорят, что Ленинский комсомол мало занимается вопросами литературы, — Косарев затронул излюбленную тему рапповцев в спорах с цекамольцами. — Возможно! Мы эту вину, не в пример другим, признаем. Работу с писателями улучшим, окружим пролетарских писателей еще большей заботой, будем им еще больше помогать, и это мы уже начинаем делать».

И тут Косарев вскрыл неприглядную позицию руководителей РАПП, которые обостренно болезненно реагировали на любое критическое замечание в свой адрес, а конкретную работу с писателями любили перекладывать на «чужие» плечи. Претензии и капризы стали стилем работы руководителей РАПП.

«Мы должны разбить это положение, — говорил Косарев, — и мы его разобьем... Мы согласны отвечать за свои ошибки и недостатки, если они имеют место в рядах комсомола. Но мы против того, чтобы кто-либо из РАПП прятался в кусты. Это недостойно большевиков...»

Теперь Косарев ударил по самому уязвимому месту рапповцев. Он показал им, что, несмотря на клятвенные

заверения в верности принципу партийности, рапповцам именно ее-то и недоставало:

«Очень часто, — продолжал Саша, — некоторые товарищи из РАПП объявляют непогрешимой какую-то свою особенную линию (на поверку оказывающуюся линией какой-то группки) и забывают о том, что прежде всего для них обязательна партийная линия. Поэтому и бывает у них порой (как выступал один из литераторов), что «из большевиков они стремятся сделать рапповцев», в то время, когда надо из рапповцев воспитывать большевиков...

«Генеральной линии» РАПП или комсомола быть не может, — заключал Саша. — Есть одна генеральная линия партии. Она является линией и комсомола и всех других общественно-политических организаций нашей страны».

Косарев отчетливо осознавал — молодежь нуждается в герое-современнике, в личности, с которой можно делать жизнь.

В общей постановке вопрос о герое новой социалистической литературы был поставлен самой жизнью — успехами строительства нового общества. Но для того чтобы этот герой нашел воплощение в художественном образе, видимо, необходимо было какое-то время. Художники должны были увидеть его своими глазами в реальной жизни, разглядеть его характерные черты, глубоко познать мир и образ его мышления, верно творчески раскрыть его.

Советская литература в те годы только складывалась, становилась. Рождение литературных образов героев времен гражданской войны, восстановления народного хозяйства и первых шагов довоенных пятилеток только-только обозначилось в произведениях А. Серафимовича, А. Фадеева, М. Шолохова, Ф. Гладкова и других советских писателей.

Косарев азартно мечтал о молодом герое юной социалистической республики. Он обратился с социальным заказом комсомола к писателям столь страстно и ярко, что сразу же завоевал в литературных кругах высокий авторитет, нашел в них горячую поддержку и отклик.

А было это так.

Осенью 1931 года Косареву предстояла командировка на Украину. Тезисы выступления были продуманы. Но предстоящая речь на пленуме ЦК ЛКСМУ в том виде, как укладывалась в тезисы, все-таки не нравилась Саше. «Ко-

нечно, будут еще экспромты, они оживят выступление, — размышлял Саша... — Но не было в тезисах «изюминки», что ли. Вот — раздел о литературе! В нем — все уже сказанное-пересказанное, и о конструктивистах и о рапповцах». Саша в сердцах скомкал бумагу, бросил в корзину. «Страницу-то я выбросил, а о гигантском значении литературы в культурном строительстве не говорить все-таки нельзя...

Каждое молодое поколение любой эпохи, — рассуждал Саша, — имело своего героя и стремилось ему подражать». — Он скользил взглядом по разноцветным корешкам книг, плотно выстроившихся в шкафу. Читал имена авторов, а в памяти возникали образы героев: тургеневского Рудина и Базарова, лермонтовского Печорина... Саша старался сосредоточиться на мысли, которая, казалось, витала совсем рядом: «Эти герои, несомненно, владели умами тогдашней интеллигентско-дворянской молодежи, студенчества. Они умели любить литературу, искусство, философию, справедливость и женщин». На нижней полке шкафа стояла приключенческая литература — Фенимор Купер, Майн Рид, Жюль Верн... «Эх, черт возьми, и зачитывались же многие из нас этими книгами! Их герои прямо-таки вселялись в наши сердца, нам же на них походить хотелось: и поступками, и внешностью, и жестами, и манерами... Эврика! Так, кажется, воскликнул Архимед? И я теперь знаю, что сказать по этому вопросу: проблема показа героя — описание собирательного типа, героя современности — проблема величайшей важности».

Именно так и говорил Косарев на пленуме ЦК ЛКСМ Украины. Подробно и обстоятельно развивая эту тему, он побуждал актив к мышлению. Это был доклад не только политического работника, цепко нащупавшего актуальную для советской литературы тему, не выступление просто начитанного разносторонне грамотного комсомольского вожака. Это была большая, яркая речь прекрасного лектора — мастера проблемного, эвристического выступления:

«Теперь очень часто слышишь это выражение «герой». Какое все-таки понятие вкладывается в это слово? Кто является героем? Нельзя же просто сказать молодому рабочему и крестьянину: стремись быть героем, не расшифровав, какой смысл мы в это слово вкладываем, не разъяснив, что значит герой в нашем пролетарском понимании. Героями были отважные мореплаватели, путешественники, охотники за черепами, разные колонизаторы.

Героями были и разные фаталисты, испытывающие судьбу.

Наше понимание героя коренным образом отличается от того, которое внушалось молодежи старой литературой.

Пролетарская литература должна создать собирательный тип героев социалистической стройки и классовой борьбы, которые владели бы умами миллионов молодых трудящихся, с которых они могли бы брать пример. И мы требуем от наших литературных организаций, от пролетарских поэтов и писателей, чтобы они своим творчеством, своим мастерством хорошо описали бы тип героя социалистического строительства, который бы отражал стремление передовых борцов за социализм, описание которого заставило бы каждого молодого рабочего и крестьянина подумать: да, я хочу быть таким же, я хочу походить на него, он является моим идеалом.

Пролетарская литература должна помочь партии и комсомолу вооружить массы силой примера, показать ей образцы поведения. Это в значительной мере облегчило бы нам задачу коммунистического воспитания подрастающего поколения».

В январе 1932 года на встрече представителей пролетарской литературы с комсомольцами Москвы призыв Косарева к писателям поддержал Александр Фадеев. По его предложению писатели приняли выразительное, по-комсомольски звонкое, призывное решение: «Создадим магнитострой литературы. Героя социалистической стройки — на полотна наших произведений!»

Друзьями комсомола, частыми посетителями ЦК ВЛКСМ стали писатели и поэты Н. Асеев, В. Гусев, Ф. Гладков, В. Инбер, М. Колосов, А. Караваева, А. Сурков, И. Уткин, С. Щипачев и другие. «Нет ни одного фронта в нашей стране, — писали они в день открытия VII Всесоюзной конференции ВЛКСМ, — где бы не чувствовалась инициатива Ленинского комсомола. В частности, литературный фронт Советского Союза рос и развивался при его активной и непосредственной помощи.

Воспитание новых литературных кадров, идущих с фабрик, заводов, колхозов, в значительной мере осуществлялось при помощи и участии комсомола.

Речь товарища Косарева на пленуме ЦК ЛКСМУ сыграла огромную роль в деле вскрытия целого ряда недостатков как в самом движении, так и в бывшем рапповском руководстве. Критика Ленинского комсомола и «Комсомольской правды» недостатков литературного движения и

творчества отдельных писателей всегда стояла на позициях боевой партийности и никогда не была групповой, как это имело место в рядах рапповской критики».

Это был крупный шаг на пути становления прочного союза комсомола с писателями, их тесного сотрудничества в коммунистическом воспитании молодежи. Косарев был доволен. Не личной популярностью в столь авторитетных литературных кругах, а тем, что проблема молодого героя становилась предметом заинтересованных литературных дискуссий.

Вот и в преддверии I Всесоюзного съезда советских писателей член организационного комитета по созданию Союза писателей В. П. Ставский тоже поддержал его. «Что значит требование, которое было сформулировано товарищем Косаревым в его известной речи о показе героя нашего времени? — говорил Ставский. — В нашей стране Магнитострой, Днепрострой, гиганты промышленности, новостройки, колхозы и совхозы на каждом шагу. Но ведь стройки, товарищи, делаются людьми. Кто эти люди, как они растут, как формируются, как для них труд становится и стал уже для огромного количества ударников доподлинным делом чести, доблести и геройства».

Своего первого вожака поддержали комсомольцы и рабочая молодежь Московского автомобильного завода. Они обратились к писателям с открытым письмом:

«Наша литература, как хорошо сказал товарищ Косарев, «должна дать молодому поколению направление в жизнь...» Герои есть, героев много, но писатели проходят мимо них...» — утверждали молодые читатели.

Их письмо было честным и суровым откровением, смелой оценкой состояния литературного фронта. В произведениях писателей, отмечали они, нет «настоящей живой советской молодежи во всей полноте ее жизни, со всеми ее переживаниями, энтузиазмом, ошибками, промахами. Мы все еще не верим образам молодых героев нашей литературы, не хотим подражать им, а это значит, что основные требования социалистического реализма на этом тематическом участке остаются невыполненными...

Мы хотим видеть этого героя во всем многообразии его переживаний, не ходульного, не схематического, не «икону», а живого человека, способного беззаветно работать и бороться, глубоко чувствовать, искренне радоваться и страдать, ошибаться и исправлять свои ошибки.

Мы хотим, чтобы язык и стиль этого описания удов-

летворяли требованию Ленина о чистоте и культуре языка».

И все же заверения писателей о готовности откликнуться на призыв секретаря ЦК комсомола на самом деле тонули в писательских дискуссиях по поводу... Саша понимал, что процесс творчества нелегок, мучителен. Но в то же время нельзя было не видеть, что жизнь, как в сказке, прямо, «на блюдечке» подносила писателям богатейший материал, потому-то и не хотел он мириться с их медлительностью.

В тот день к Косареву пришел Володя Бубекин. Он работал уже ответственным редактором «Комсомольской правды» и сейчас принес письмо секретаря комсомольской организации писателей Натана Рыбака. Косарев поначалу без энтузиазма стал читать его: «О создании типа положительного героя в последнее время пишут у нас чрезвычайно много, — признавался Рыбак. — Хуже всего то, что об этом наравне с критиками и писателями только дискутируют. Было бы, конечно, гораздо полезнее, если бы писатели не высказывали свои соображения по этому поводу, а сами в своей творческой практике боролись яростнее и настойчивее за создание типа положительного героя в своих произведениях — создавали бы такие образцы».

— Чего же не пишете-то, черт возьми! — в сердцах воскликнул Саша, окончив чтение.

И действительно: почему не писали? Газеты пестрели сообщениями о блистательной победе Георгия Димитрова на лейпцигском процессе. Мужественное поведение борца с фашизмом, мракобесием и угрозой войны — разве не образ? А ученых-полярников и команды советского парохода «Челюскин», попытавшихся за одну навигацию проплыть по Северному морскому пути из Мурманска во Владивосток? Уже рассказывалось ранее, что корабль был затерт льдами и затонул. Участники рейса во главе с О. Ю. Шмидтом разбили среди ледяных торосов лагерь. Вся страна следила за жизнью героев. В условиях полярной ночи и непогоды советские летчики спешили спасать людей. Их мужество и мастерство побудили ЦИК СССР принять решение об учреждении звания Герой Советского Союза!

— Вот уже и звание Герой у нас есть, а книг о молодом герое-современнике не видно! — огорчался Косарев в том разговоре с Бубекиным.

— Потерпи, Саша, пишут писатели и поэты, пишут...

— Пишут?! Весь мир, даже наши враги восхищаются спокойным мужеством Шмидта и его экспедиций. Это же не спокойствие обреченных людей, не храбрость отчаяния, не поза гибнущих одиночек. Это же — большевистское мужество, Володя, понимаешь ты, — мужество коллектива, выдержка людей, прошедших школу пролетарской революции, всюду и везде осознающих себя частицей великого целого. Как Димитров в тюрьме у фашистов, так и челюскинцы в плену у льдов знали и помнили, что «есть на свете Москва. Это придавало бодрость, это их окрыляло. Они держались как подобало советским гражданам.

Косарев произнес это, как выпалил. И, подойдя к Бубекину почти вплотную, продолжал горячо:

— За спасением челюскинцев напряженно и взволнованно следили миллионы дружеских глаз. И ярче всех, Володя, горели и сегодня горят обращенные на Север глаза нашей молодежи.

Косарев подошел к тумбочке, на которой стоял графин с водой. Налил в стакан и большими глотками, расплескивая воду на себя и на пол, выпил ее залпом. Бубекин, воспользовавшись паузой, сел за стол и начал быстро набрасывать что-то в в блокнот. А Саша на той же ноте, что и закончил последнюю фразу, продолжал:

— Наши комсомольцы и молодежь восхищаются поведением челюскинцев и героизмом летчиков, гордятся тем, что комсомольцы экипажа «Челюскин» показали вместе с другими большевистское мужество, гордятся тем, что герои-летчики Ляпидевский и Каманин — сыны Ленинского комсомола. Неудивительно, что ЦК ВЛКСМ получил больше тысячи заявлений комсомольцев о посылке их в Арктику. Жажда геройских подвигов во имя социализма живет в груди советского человека.

Косарев остановился. И, будто бы только сейчас, увидев строчащего Бубекина, спросил:

— Чем занят, редактор?

— Тебя стенографирую...

— То есть?

— Зови свою машинистку, я ей в момент разъясню, что к чему... Потом проверишь срочно, подправишь, что найдешь нужным, и в номер сдадим. И не спорь, пожалуйста. В публицистическом жанре Александр Косарев еще ни разу в «Комсомолке» не выступал, а ты, Саша,— прирожденный публицист!

— Ну-ну, не забывайся, я же — генеральный, а ты меня — в журналисты...

— И напрасно задираешься! — отпарировал Бубекин. — Ленин что в своих анкетах против графы «профессия» писал, знаешь?

— Не... — с Саши мигом сошел налет официальщины.

— То-то и оно, что не знаешь... «Журналист», писал Ленин. Потому не сердись и не гнушайся этого звания. Его еще заслужить надо. А статью твою давай назовем «Героям». Идет?

На другой день — 5 июня 1934 года — статья была опубликована в «Комсомольской правде».

— Как, Саша, получился у тебя разговор с читателями о молодом герое нашего времени? — спросил при встрече Володя не без ехидства.

— Я не о нем, а им, героям, писал, — как бы не замечая иронии, ответил Саша. — А о герое, Володя, ты сам сказал: «Пишут...»

Косарев терпеливо ждал этого писателя. Даже чувствовал, что если не в ближайшем цековском окружении, но он уже должен был быть. И уже творит свое благородное дело. Жизнь, сама действительность должны были дать ему возможность проявиться. И он уже есть, может быть, даже где-то рядом, среди той же комсомольской братвы.

И он явился в лице писателя-бойца Николая Островского. Такого близкого по духу и так ревностно откликнувшегося на призывы Косарева.

Именно в те дни, когда Саша выступал на пленуме ЦК комсомола Украины, ратуя за создание произведений о молодом герое, Н. А. Островский заканчивал свой роман «Как закалялась сталь». И не надо в этом факте искать простого совпадения по времени. Прямую связь обращения Косарева к писателям с рождением книги, с бессмертным образом Павки Корчагина и его современников раскрыл сам писатель.

«Товарищи, роман «Как закалялась сталь», — говорил Николай Алексеевич в отчете на бюро Сочинского горкома ВКП(б), — это мой ответ на призыв секретаря ЦК ВЛКСМ товарища Косарева к советским писателям создать образ молодого революционера нашей эпохи...»

Писатель Марк Колосов рассказывал:

«Я припоминаю, как радовался Косарев нашему открытию этого произведения, как был признателен за то,

что мы помогали автору отредактировать роман и опубликовали, не откладывая до той поры, когда его труд будет окончательно отшлифован, предоставив тем самым возможность автору оттачивать свое произведение в последующих изданиях.

Косарев помог устроить переезд Островскому в Сочи, а 23 сентября 1935 года писал ему:

«Дорогой т. Островский!

Костя Ерофицкий (К. Ерофицкий — в то время секретарь Северокавказского крайкома ВЛКСМ. — *М. К.*) обратился ко мне по поводу переиздания вашей книги «Как закалялась сталь» в Ростовском издательстве.

Два раза прочитал эту книжку я. Нахожу, что для воспитания нашей молодежи, чем больше тиража эта книжка будет иметь, тем лучше будет для нас... Эта книжка — есть жизнь многих, справедливо называемых, молодых, проверенных и закаленных кадров нашей революции.

Сердечно жму Вашу руку, в надежде на скорое личное свидание с Вами.

Ваш Саша Косарев».

Сохранилось немного прямых свидетельств о связях Косарева и Островского. Исследование жизни и творчества Николая Алексеевича было в основном осуществлено до 1956 года. В эти же времена были изданы и монографические труды о нем. Имя А. Косарева в них даже не упоминается. А он принимал самое горячее участие в судьбе писателя. Саша горячо благодарил работников журнала «Молодая гвардия» — главного редактора Анну Караваеву и ее заместителя Марка Колосова за внимание, проявленное к Н. Островскому, «открытие» автора. Молодые писатели были и надеждой и болью секретаря ЦК ВЛКСМ.

«Летом 1933 года многие из нас (Панферов, Ильенков, Горбатов, Исбах, Платошкин) жили в поселке Барвиха под Москвой, — вспоминал Александр Исбах. — Много писали, спорили. В свободные часы играли в волейбол... Навещали нас, бывало, друзья наши, теоретики и философы Н. А. Вознесенский, П. Ф. Юдин.

Приезжал и Александр Васильевич. С искренней радостью говорил он о только что законченной книге Николая Островского «Как закалялась сталь», книге, которая сразу нашла доступ к сотням тысяч комсомольских сердец».

1 октября 1935 года ЦИК СССР наградил Николая

Алексеевича Островского орденом Ленина. В тот же день из ЦК ВЛКСМ в Сочи, где жил в это время писатель, полетела телеграмма:

«Родному сыну Ленинского комсомола, мужественному бойцу, раненному тяжелой болезнью, но не сложившему большевистского оружия, счастливому любовью молодого поколения писателю шлет свой братский привет и горячие поздравления ЦК ВЛКСМ.

Желаем тебе, дорогой товарищ, больших сил и бодрости, чтобы твой пример и твое слово еще долго помогали партии и комсомолу воспитывать закаленных, как сталь, людей молодого поколения, рожденных бурей. Секретарь ЦК ВЛКСМ Косарев».

Уже на X съезде ВЛКСМ ответственный редактор «Комсомольской правды» Владимир Бубекин расскажет о мытарствах Островского и рукописи его книги «Как закалялась сталь». Вот выдержка из стенограммы съезда:

«БУБЕКИН: ...Эта книга имеет большой, заслуженный успех. А вы знаете, как критика встретила эту книгу? Заговором молчания. Сначала даже трудно было эту книгу издавать.

КОСАРЕВ: Книжка «Как закалялась сталь» была издана вопреки литературной критике силами ЦК комсомола и «Молодой гвардии».

БУБЕКИН: Правильно!..»

22 декабря 1936 года оборвалась жизнь Николая Островского. В некрологе, подписанном А. Косаревым и другими секретарями ЦК ВЛКСМ, говорилось:

«Облик его героев, исполненных благородства, воли и мужества, воспламеняет сердца наших юношей и девушек, зовет их... к свершению подвигов во славу социалистической Родины, во славу большевистской партии.

Сотни тысяч молодых людей нашей страны, читая книги Николая Островского «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей», стремятся быть такими, как Павел Корчагин и Раймонд Раевский...

Книги Николая Островского — это боевое оружие в коммунистическом воспитании молодежи.

Жизнь Николая Островского — это прекрасный пример железной воли большевиков, противостоящей всем и всяким ударам».

При чтении некролога обращает на себя внимание такая деталь: в нем упоминается книга «Рожденные бурей». Но ведь известно, что первое издание ее датировано 1937 годом. В чем дело? Не поторопился ли ЦК ВЛКСМ с со-

общением? И тут приоткрывается еще один эпизод, связывающий имя Косарева с именем писателя. В дни похорон Н. А. Островского рукопись «Рожденные бурей» без завершенной редакторской правки и корректуры была по указанию Косарева выпущена в свет небольшим тиражом. Переплет книги цвета хаки с черной каймой, на которой золотом тиснута дубовая ветвь — символ прочности и надежности. Четыре экземпляра ее Косарев подарил, написав на титульном листе слова личного сочувствия,— матери, жене, сестре и брату Н. А. Островского.

...Новые литературные силы принимали эстафету писателя.

Всего пять лет отделяли его от того времени, когда молодые читатели пойдут в бой, положив в солдатский вещмешок книгу Николая Островского, а их подвиги заполнят страницы многотомной повести о настоящем человеке.

ТВОРЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ...

«Проблема воспитания молодых писателей не могла пройти мимо внимания ЦК комсомола, — вспоминал Александр Исбах.

Александр Васильевич Косарев жил в одном доме с Серафимовичем. Несмотря на обилие всяких дел и забот, он иногда бывал у нас на творческих читках. Он любил литературу, в особенности поэзию. Однажды Косарев вызвал нас к себе в Центральный Комитет».

Уточним, что встреча эта произошла за неделю до открытия всесоюзного съезда советских писателей. Косарев был занят «до предела». Так он и сказал гостям: времени, дескать, для специальной подготовки не было, и прошу за экспромт извинить.

Вряд ли это можно было назвать кокетничаньем. Но выступал он действительно экспромтом, хотя во всем его обращении к молодым писателям чувствовалось, что и факты для такой встречи накапливались постепенно, и мысли оттачивались не вдруг, тщательно.

«Почему мы молодых писателей выделяем в особую категорию? — начал Косарев с вопроса. Таким приемом он часто пользовался. Особенно в тех случаях, когда необходимо было сразу же овладеть аудиторией. А на той встрече обстановка была не из легких. Среди пришедших в ЦК были и не комсомольцы, и их особенно важно сделать союзниками комсомола. — Молодой писатель — это

еще несложившийся творческий организм, и потому он требует к себе подхода иного, чем сложившийся мастер... Как распускающийся цветок требует особого ухода, своевременного полива, лучей солнца, так и молодой писатель требует к себе чуткого, внимательного подхода и забот о его творческом росте, требует помощи и совета... Молодые писатели испытывают острую жажду стать сильными мастерами, большими художниками слова. Ни в коем случае нельзя оправдывать молодостью свою творческую слабость, свой медленный творческий рост... Прикрываться молодостью, играть на этом никому не советую, это вредно для развития и роста молодого писателя».

И тут Косарев перешел к теме, к которой до болезненности чувствительна творческая интеллигенция: об обидах, меценатстве и интригах. Зал слушал Косарева настороженно. Уже затих возникший было поначалу ропоток: «Вот, дескать, нас к себе пригласил, а сам и не готовился! Неужели решил отделаться комсомольским приветствием и только?»

Косарев, уловив, что теперь он полностью овладел аудиторией, произносил слова злые, нелицеприятные, но справедливые и так ей необходимые: «Судя по истории литературы, доподлинно величайшие мировые классики становились мастерами, не надеясь на покровителей, а лишь полагаясь на собственные силы. А у нас писательская молодежь часто об этом забывает. Зато нет конца обидам: то кружки и объединения плохо работают, то шумят, что на начинающих авторов никто не обращает внимания, что их не печатают и так далее.

Конечно, в этих жалобах есть большая доля правды. Но все же будьте любезны потрудиться, поработать над собой, разбудить свои способности; поменьше надейтесь на чью-то помощь и побольше надейтесь на себя. Писать за вас должны вы сами, а не кто-либо другой... К сожалению, далеко не часто молодые писатели все это понимают».

Косарев постоянно общался с творческой молодежью, внимательно присматривался к ней, чутко выслушивал ее претензии, умел быстро отмести зерна от плевел. Опыт широкого общения с молодыми писателями давал ему право на обобщение и негативных сторон их поведения: «Как правило, все жалуются, что их мало издают, что мало пишут о них рецензии, что критика, наконец, к ним несправедлива.

Такой молодой писатель, — говорил Косарев, — часто

старается уверить, что такой-то редактор давно с ним — писателем — не в ладах, другой вообще непорядочный человек, а с критиком таким-то отношения у него испорчены и, наконец, в издательстве сидит не издатель, а «топор». Словом, все в писательской среде его «преследуют», хотят «сжить» со свету.

Тогда я взываю к объективности собеседника и спрашиваю его, что, вероятно, есть и другие причины. Он упорно отрицает, доказывает, что все дело в злокозненных происках».

Косарев воспитывал у молодых писателей требовательное, взыскательное отношение к результатам собственной творческой работы, советовал дать рукописи отлежаться, выдержать ее как доброе, хорошее вино, а затем посмотреть на нее самокритичнее, как бы сторонним глазом, а не осаждать издательства рукописями с еще «невысохшими чернилами» на страницах. «Вы жалуетесь на критику, — увещевал Саша таких торопливых писателей, штурмующих издательства «сырыми» рукописями. — Она — права и использует ваши слабости. Зачем же вам самим лезть в пасть ко «льву» своими слабыми местами».

В воспоминаниях А. Исбаха отмечены подробности, которые не вошли в протокольную запись встречи Косарева с молодыми писателями: «Пытливо и внимательно интересовался Косарев деталями нашей работы, творческими планами, обстановкой внутри писательских организаций. Методы администрирования в литературе были решительно осуждены Косаревым, Центральным Комитетом, «Комсомольской правдой».

Поддержка Саши Косарева очень воодушевила нас. Особенное одобрение вызвал у него лозунг «Пощупать жизнь своими руками». Он всячески одобрил нашу мысль — выехать «на фронт», на самые горячие участки строек. Выпустить как творческий рапорт сборник очерков о нефтяниках Баку, выполнивших пятилетку в два с половиной года, о Кузбассе, о Сталинградском тракторном...»

Писатель и читатель. Эта тема всегда рассматривалась Косаревым в единстве, как органически слитая проблема развития советской культуры. В докладе на X съезде ВЛКСМ он специально остановился на прямой зависимости роста культурности молодежи от ее начитанности, знания образцов мирового литературного наследия. Убежденно и ярко говорил он, что современный молодой человек должен не только хорошо работать на производстве,

в колхозе, учреждении, не только изучать технику, но и читать классиков. Он так и подчеркнул — классиков. «Несколько лет назад,— говорил Саша,— Шекспир, Бальзак, Гёте, Пушкин, Горький, Ромен Роллан и многие другие классики мировой литературы были знакомы только узкому кругу нашего актива. Популярность комсомольских поэтов порой была больше, чем несомненная популярность, скажем, их гениальных предшественников и современников. Правда, такому положению помогала широко распространенная вредная пролеткультовская теория о том, что истоками пролетарской литературы служит творчество ранних рабочих писателей, а не вершина мировой классической литературы.

Сейчас положение коренным образом изменилось. Выросли художественные вкусы нашей молодежи, выросли настолько, что многие произведения, которые ее не так давно удовлетворяли, пользовались признанием в ее среде, — утратили теперь свою прежнюю цену. Они не выдержали пробы времени...» Серьезный отчет предъявил Косарев современным советским писателям. «Некоторые писатели и поэты, — говорил он на съезде, — полагают, что развитие нашей советской литературы должно идти по каким-то проселочным дорогам, а не по широкому вершинному пути мировой литературы. Они полагают, что мы строим литературу, рассчитанную на день, а не на наших сынов и внуков». Саша раскрывал и причины отставания некоторых писателей и поэтов от требований времени. Но главную причину он усмотрел «в их отрыве от борьбы».

Необыкновенную заботу Косарев проявлял о развитии литературы для детей.

15 января 1936 года ЦК ВЛКСМ открыл совещание, посвященное детской художественной литературе. В его работе приняли участие секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев, весь секретариат ЦК ВЛКСМ, советские писатели: С. Маршак, К. Чуковский, А. Толстой, Л. Кассиль, М. Пришвин, А. Новиков-Прибой, Л. Пантелеев и другие.

На заключительном совещании перед писателями выступил Косарев.

— Любой из нас, — начал он свою речь, — помнит книги, прочитанные в детстве, ибо прочитанное на заре своей жизни оставляет на долгие годы свой неизгладимый след.

Саше исполнилось уже тридцать два года. Редкие часы отдыха на даче в Волынском или дома, на улице Сера-

фимовича, — он без устали возился с дочкой Леночкой, внимательно всматривался в открывающийся ему такой поразительно необычный мир и образ мышления детей. Он делал натуру Косарева тоньше, чувствительнее, а мир детей становился ему ближе и понятнее.

Столкнулся Саша и с фактами, которых в прошлом попросту не замечал. Когда приходил домой, дочка неизменно спрашивала:

— Папа, а книжка где?

Детских же книг наши издательства выпускали мало. Полиграфическое исполнение их было никудышным.

— Я же тебе на прошлой неделе «Сказки братьев Гримм» принес!

— Я их уже прочитала...

Леночке исполнилось четыре годика, а она уже бегло читала сказки Шарля Перро и братьев Гримм, рассказы для детей Л. Н. Толстого.

— А ну расскажи...

Это был установленный порядок. Все прочитанное Леночкой Саша в обязательном порядке просил пересказывать, поражался памяти девочки, образу ее мышления.

И девочка в таких случаях обстоятельно пересказывала прочитанное. Но, заметил Саша, неизменно добавляла к очередной русской сказке нечто современное. Ее герои летали у Леночки не на ковре-самолете, а на настоящем аэроплане, дирижабле, старательно выговаривала она последнее слово.

— А это откуда у тебя — «дирижабль»?

— Ты же сам с мамой о нем говорил. И еще об этом, ну, как его... Ну, тот, что дяденек в небо поднял, а опустить на землю не сумел — разбил..

— О стратостате, что ли?

— Да...

Видимо, один из таких разговоров и вспомнил Косарев на той встрече с писателями.

— Свойство ребенка — фантазировать. Ребенок заглядывает своими детскими глазами в будущее.

Косарев остановился. Помолчал. И, как показалось сначала, сделал крутой переход к новой теме.

— Как конкретно увязать метод социалистического реализма в литературе с фантазией детей, с их мечтаниями, с их свойством стараться заглянуть в будущее? Несомненно, книга должна рассказывать ребенку классовую правду о жизни, о людях прошлых поколений и тех, какие его окружают, об исторических событиях и

тех, свидетелем которых он является, — обо всем том, что волнует любознательный детский ум. Наша детская книга должна приоткрывать перед пытливым взором своего юного читателя завесу светлого будущего, должна питать неиссякаемое воображение детей здоровой романтикой, научной фантастикой, построенной на неограниченных возможностях техники и людей героического племени коммунистов.

На том совещании выступал и секретарь ЦК ВКП(б) Андреев. Он отметил, что изданию детской литературы надо придать размах, соответствующий ее огромному значению. С этой целью Центральный Комитет партии принял решение о передаче ЦК комсомола детского издательства.

— Мы думаем, — говорил Андрей Андреевич, — что комсомол эту задачу с честью выполнит.

— Постараемся, — согласился Косарев.

Перед ним уже лежали расчеты о выпуске литературы для детей. Планы и тиражи были сверстаны, но Саша настоял на значительном увеличении их. Всего в 1936 году намечалось выпустить для детей книг 90 наименований тиражом 35 миллионов экземпляров. А через два месяца вышел в свет (как говорили тогда: «первый советский толстый журнал») журнал для детей «Пионер». Он открывался рассказом Аркадия Гайдара «Голубая чашка».

Дети. Воистину забота о них овладевала Косаревым все шире и глубже. Он умело консолидировал творческих работников на самых разнообразных направлениях воспитания детей.

22 мая по его инициативе в ЦК ВЛКСМ было созвано Всесоюзное совещание по производству фильмов для детей. Присутствовали на нем работники ЦК партии, Е. М. Ярославский, заместитель наркома просвещения Б. М. Волин, начальник Главного управления кинофотопромышленности Б. З. Шумский, директора киностудий, кинорежиссеры — С. Д. Эйзенштейн, В. И. Пудовкин, А. Л. Птушко, писатели, сценаристы и композиторы.

Совещание, прямо скажем, носило чрезвычайный характер. Несмотря на то, что при поддержке ЦК ВЛКСМ к тому времени уже был создан и с успехом демонстрировался фильм «Дети капитана Гранта», а на студии «Украинфильм» монтировались кинокартины «Том Сой-

ер» и «Таинственный остров», состояние дел, связанных с производством фильмов для детей, было очень плохим.

Косарев так и сказал после доклада Главного управления кинофотопромышленности:

— Пусть не обижаются присутствующие здесь товарищи ГУКФ, но детского фильма у нас нет, его не существует.

Может, резко тогда сказал Косарев, но, видимо, хотел он этим подчеркнуть, что не об отдельных фильмах настало сейчас время говорить, а о создании целой киноиндустрии для детей. И на этом пути, как показало развитие событий, по его инициативе был сделан серьезный шаг вперед. И напрасно тогда администраторы киностудий пытались оправдаться, а то и опровергнуть позицию секретаря ЦК ВЛКСМ.

Косарева поддержал В. И. Пудовкин:

— Детское кино для нас совершенно новое дело, — признался он. — Настоящего конкретного опыта мы до сих пор не имеем.

Крупные мастера культуры проявили самый живой, неподдельный интерес к поднятой теме. Руководитель Центрального детского театра Н. И. Сац подняла интереснейший вопрос об отборе детей для участия в детских фильмах. Этот отбор, по ее словам, происходил не по принципу способностей ребенка, а по его внешним, так называемым «типажным» данным. Часто, не умея общаться с детьми, режиссеры не создают такого окружения, которое способствовало бы росту ребенка.

Закончилось совещание. Поздно вечером Косарев возвращался домой — на госдачу Волынское, усталый, но довольный сегодняшним днем. Что удалось ему достичь на этом совещании? «Кажется, — размышлял он, — я добился-таки общей заинтересованности — писателей, сценаристов, режиссеров, операторов и артистов в создании фильмов для детей. Именно для детей, а не в расчете и на взрослых кинозрителей, как нечто среднее».

Конечно, результаты того совещания проявились не сразу. И не в деятельности всех его участников. Но уже в том же году появился игровой мультипликационный фильм А. Л. Птушко «Новый Гулливер», затем его же — «Золотой ключик», «Каменный цветок» и другие.

Киностудия имени А. М. Горького, специализировавшаяся на производстве фильмов для детей и юношества, получила конкретную программу на ближайшие годы.

И ВЕЛИКИЙ ПРОЛЕТАРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Много замечательных людей встретил на своем жизненном пути Косарев. И каждый внес свой вклад в формирование его личности, обогатил ее интеллектуально и нравственно. Среди них — и великий пролетарский писатель А. М. Горький.

Впервые их встреча произошла 9 июня 1928 года на квартире Горького, вскоре после приезда Алексея Максимовича из Италии. Саша явился к нему тогда не без робости, но с «целевой установкой»: пригласить писателя на спектакль Московского театра рабочей молодежи.

Уже рассказывалось, что Саша стоял у истоков рождения такого театра в Ленинграде. Возвратясь в столицу, мог ли он забыть о ТРАМе и не создать подобного ему в Москве? Нет, конечно. С необычайным энтузиазмом и поддержанный творческой молодежью он принялся за это дело.

Горький, пряча улыбку в пушистые усы, внимательно слушал Косарева. Этот шустрый паренек определенно импонировал ему. Энергия у комсомольского вожака била ключом, и угадывалась в нем какая-то внутренняя сила, цепкость, особенная хватка. И рассказывал он о неведомом ему театре так увлеченно, что Алексей Максимович забросал его вопросами, а Саша отвечал на них обстоятельно, как-то весело и даже немного задиристо. «Поразительно, — размышлял Горький, — до чего же быстро выросла в стране совершенно новая молодежь: уверенная в себе, умная, веселая...»

— Ну и что же вы в вашем ТРАМе играете? Артистов откуда приглашаете?..

— Сами играем, Алексей Максимович. Сами. Обыкновенные парни и девчата, после работы. ТРАМ — это наш дом, наш клуб. В нем все наше. И актеры из рабочих. Самый популярный — Николай Крючков — комсомолец с Пресни.

— Ну и что же вы ставите в своем театре, пьесы чьи: Чехова, Островского, мои, может быть?

— Нет, ваших пока не ставим. Вот если бы вы синтетическую пьесу написали...

— Какую, какую?! — удивленно перебил Горький.

— Синтетическую. Чтоб все в ней было: песни, стихи, спортивные игры и физкультурные пантомимы.

Теперь Горький не слушал, а вовсю смеялся, да так

задорно, что лицо его как-то сразу помолодело, глаза заблестели.

— Екатерина Павловна! — обратился он к жене. — Где у меня платок? До слез ведь рассмешили. Нет, почтеннейшие, синтетические пьесы я писать еще не мастак. Да и поздно, поди, учиться.

— Ничего не поздно, — заметил Саша. — Послушали бы вы наши прямые обращения со сцены к зрителям...

— А это что такое? — пытаясь сгладить наступившую неловкость, спросил Горький.

— Это — прямое обращение актера к зрителям с публицистическим монологом на злободневную тему, — солидно вставил Коля Дементьев, заведующий агитпропом МК ВЛКСМ.

— У нас и свои композиторы есть. Исаак Дунаевский, например. А в Ленинградском ТРАМе Дима Шостакович музыку к спектаклям сочиняет.

— Дунаевский, Шостакович? — задумался Горький. — Нет, не знаю таких. Не слыхал!

— Это ничего, что вы их не знаете. Они молодые еще, начинающие. Алексей Максимович, пойдемте с нами, а?

В тот вечер Горький перед косаревским напором не устоял.

Спектакль ТРАМа ему не понравился. А неугомонный Косарев тотчас же затащил писателя в клуб имени Кухмистерова на встречу с молодыми рабкорами.

— Алексей Максимович, о чем нам лучше писать: о плохом или о хорошем? И чего вы у нас больше заметили: недостатков?

— Я по природе своей к произнесению речей не приспособлен, — начал Горький свое выступление перед корреспондентами. — Я вам лучше прочту. — И он начал читать один из своих последних рассказов о старой России.

Саша зачарованный слушал глуховатый бас писателя. Образы горьковских героев были удивительно яркими. Саше даже показалось, что они выпуклые. А Горький, читая, к тому же как бы лепил их еще и пальцами и рисовал ими картины прошлого.

— А у вас, товарищи, не должно быть страха перед жизнью, страха, порождаемого неуверенностью в себе. Да у вас его и нет. — Горький посмотрел в сторону Косарева и улыбнулся ему заговорщически. — Вы, видев-

шие лишь мещанина, вспугнутого революцией, стали что-то очень часто жаловаться на трудности жизни. А ведь вы не сознаете, что трудно вам жить оттого, что повысились ваши запросы. Вы не сознаете, как много вокруг вас нового и что это новое создаете вы.

Вскоре Горький снова уехал в Италию, а когда в 1931 году вернулся на Родину окончательно, встречи Косарева с Алексеем Максимовичем стали частыми. Чтобы не докучать Горькому, Саша нередко писал ему коротенькие письма, советовался в них, просил у писателя поддержки. И каждый раз такое обращение оборачивалось серьезным уроком для комсомольского руководителя. Вот один из таких примеров. 9 августа 1934 года Косарев отправил ему письмо:

«Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю Вам свою речь на совещании молодых писателей. Речь имею намерение опубликовать. Очень хотелось бы получить от Вас замечания по вопросам, затронутым в речи.

Заранее Вам благодарен.

Уважающий Вас

А. Косарев».

Выше уже рассказывалось об этом совещании, но в том рассказе о нем была опущена существенная часть косаревского выступления. В ней Саша затронул очень тонкий вопрос: о взаимоотношениях критиков и писателей. Оказывается, Косарев был встревожен критическим разбором творчества Александра Фадеева, сделанным литературоведом Д. П. Мирским, вернувшимся в 1932 году в Советский Союз из эмиграции. Мирскому понравился фадеевский «Разгром», а вторую часть «Последнего из Удэге» он подверг серьезной критике. К тому же сделал это остроумно и страстно.

Косарев знал, что этот критик — сын бывшего либерального царского министра П. Святополка-Мирского, читал курс русской литертуры в Лондонском университете и королевском колледже. Этого было вполне достаточно, чтобы усмотреть в критике Мирского «идеологическую атаку» на пролетарского писателя. И Косарев ввязался в «бой».

«Надо с особой остротой подчеркнуть, что критиковать наше строительство не с советских позиций мы никому не позволим, — говорил на той встрече Саша. — У нас же иногда предоставляют право на критику людям, не имеющим на это никаких оснований. За при-

мером далеко ходить не надо. Есть у нас писатель Фадеев... Советские читатели его знают, ряд его произведений любят. Он неплохо писал о нас, о нашей партии, о нашей борьбе. Он вложил посильное в нашу литературу и, несомненно, еще многое даст. И вот откуда-то взялся «критик» Мирский и в один присест «вычеркнул» его из нашей растущей литературы, «уничтожил» Фадеева как писателя. Извините, подписывать «смертный» приговор таким борцам за советскую литературу, как Фадеев, мы вам позволить не можем, тем более что в отличие от целого ряда борцов за наше дело вы оснований и права на этот счет имеете, мягко выражаясь, очень немного».

Процитированная часть выступления Косарева вызвала у Горького глубокую досаду, даже серьезно расстроила писателя. В своем ответе Алексей Максимович писал:

«Дорогой т. Косарев —

внимательно прочитать Вашу речь не имею времени. Бегло прочитал ее — чувствую... «инцидент» Мирского — Фадеева — на мой взгляд — искусственно раздут...

Крайне сожалею, что Вы поднимаете вопрос о травле Мирского за критику. Право это принадлежит каждому человеку хорошо грамотному и знающему литературу, если он даже не коммунист. Мирский — член английской компартии, и нужно считаться с тем, какое впечатление произведет в Англии отношение к нему, принявшее характер травли. Второе: травля эта дезорганизует внепартийных литераторов, внушая им, что нельзя критиковать писателя партийца. Третье: мы должны ценить грамотных людей, у нас их все еще слишком мало... послушайте меня, выступите публично в печати...»

Это был и серьезный урок, и предостережение Косареву. Временами и без должных оснований он нет-нет да «рубанет сплеча» по тому или иному творческому работнику. В таких случаях Саша искренне верил, что он отстаивает в литературе классовую позицию. Но в этом, как и в ряде других случаев, никто на классовую позицию в ней и не посягал. Просто обостренным было тогда у большинства советских людей неприятие чуждой идеологии, непримиримой стала борьба с идейными противниками.

Под влиянием Горького глубже становилась натура Косарева, сдержаннее его оценки произведений литературы и искусства, осмотрительнее стал он и в дискуссиях с творческими работниками.

Этот случай никак не отразился на взаимоотношениях Косарева и Горького. По-прежнему Саша приезжал к Алексею Максимовичу в дом № 6 на Малой Никитской улице или на загородную дачу, а временами они обменивались письмами.

Их немного сохранилось. Это — последнее письмо Косарева великому пролетарскому писателю от 20 января 1936 года. Горький жил тогда в Крыму. Письмо написано в канун X съезда ВЛКСМ и хорошо передает дух их отношений и круг взаимных интересов. Потому и приводится здесь его текст почти дословно, с незначительными купюрами:

«Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

К сожалению, обстоятельства сложились так, что я лишен в настоящий момент какой-либо возможности приехать к Вам. Выяснилось это почти тогда, когда я собрался к Вам выехать.

1-го марта у нас открывается Всесоюзный съезд комсомола... Кроме того, 25 января открывается совещание вожатых отрядов юных пионеров и комсоргов в школах по вопросам работы в школе, в которых я обязан участвовать.

Особенно огорчен тем, что не могу к Вам поехать в данный момент еще и потому, что мне как раз хотелось бы с Вами как следует побеседовать и получить ваши советы не только по вопросу о дальнейшем развитии детской литературы (что, конечно, является весьма важным), но и о нашей новой программе и о моем предстоящем отчетном докладе на Всесоюзном съезде.

На съезде будут широко поставлены все проблемы коммунистического воспитания молодежи, и потому мне очень важно было бы с Вами потолковать по этим вопросам.

Думаю, что до съезда я сумею это сделать.

Только что закончилось созванное нами совещание по детской литературе. Самуил Яковлевич Маршак, с которым мы вместе проводили это совещание и с которым у нас существует совершенно единодушное мнение по всем основным вопросам детской литературы, подробно Вас проинформирует о работе совещания...

Окончательное утверждение плана детского издательства мы откладываем до получения от Вас указаний. План, конечно, нуждается в серьезных поправках (к сожалению, портфель у нас «тощий»). В особенности большое значение мы придаем разработке 3-летнего пер-

спективного плана. Как только получим от Вас замечания, приступим к его составлению.

Сейчас подготавливаем и думаем двинуть такие вопросы, как снабжение детского издательства хорошей, доброкачественной бумагой, создание прочной собственной полиграфической базы. Нам в этом отношении идут навстречу в ЦК ВКП(б) и обещают помощь...

Решили создать при Детиздате специальный художественный совет из высококвалифицированных художников для того, чтобы в нем предварительно обсуждать образцы издаваемых книг, иллюстраций и покончить с тем невниманием, которое до сих пор было к художникам, работающим в детской литературе.

В общем, входим в гущу всех наиболее острых вопросов детской литературы и у нас есть твердая уверенность в том, что при Вашей активной поддержке, под Вашим непосредственным руководством мы сумеем создать большую советскую детскую литературу.

У нас, Алексей Максимович, даже возникла мысль (как Вы к этому отнесетесь?) через 1—2 года, а может быть и раньше, созвать всесоюзный съезд детских писателей. Не правда ли, это было бы замечательно?

Желаю Вам доброго здоровья.

Крепко жму руку.

Ваш Косарев».

Писатель живо отзывался на обращения комсомольского вожака. В дни X съезда ВЛКСМ А. М. Горький дважды писал из Крыма Косареву, советовал съезду продумать и принять программу активной работы с писателями, их творческим союзом.

Стоило только Горькому вернуться в Москву, как он тотчас же пригласил Косарева на дачу. «Естественно, — вспоминал об этом Саша, — что Горький, проявлявший всегда большой интерес к работе комсомола, захотел выслушать нашу информацию и поделиться с нами своими мыслями о воспитании молодежи и о нашем дальнейшем участии в развитии советской литературы».

Саша никогда не упускал случая для организации встречи молодежи с Алексеем Максимовичем. Вот и на сей раз он, с разрешения Горького, решил поехать на дачу писателя не только с секретарями ЦК ВЛКСМ, но и с большой группой девушек Метростроя и рекордсменок-парашютисток.

...Ехали за город в одном автобусе — пели песни, шутили, а подъезжая к даче — затихли, насторожились.

— Смотри, книги не забудь в автобусе, — предупредил Косарев Шуру Николаеву, секретаря комсомольской организации одной из шахт Метростроя.

Метрострой был гордостью Косарева. Где бы ни работал Саша, он всегда и всюду оставался москвичом. Он любил свой город — столицу, Красную площадь и Кремль. Он любил заводские районы, места своего трудного детства и мятежной юности. Ему дорог был лес на Воробьевых горах, куда, добираясь — сперва на трамвае, а потом на попутной телеге — выезжал на отдых. Ему дороги были и Сокольники, где на Русаковской он провел первые годы своей семейной жизни, а потом, когда переехал в дом на улице Серафимовича, продолжала жить его мать.

Весной 1932 года близ их дома на Русаковской началась прокладка первой линии метро: Сокольники — Крымская площадь.

21 марта комсомольцы столицы взяли шефство над этой ударной государственной стройкой. Они раньше не были горняками, не знали о существовании сложных горнопроходческих машин. Это был для них совершенно новый, незнакомый вид работ. По указанию Косарева ЦК ВЛКСМ провел большую мобилизацию молодежи на Метрострой. Вскоре здесь работало 15 тысяч молодых посланцев Украины, Белоруссии, Западной и Центрально-Черноземной областей, бывших строителей Турксиба и Днепрогэса. А в сентябре 1934 года секретари ЦК ВЛКСМ Косарев и Лукьянов уже впервые прошли по подземным тоннелям — от Сокольнического круга до Охотного ряда, познакомились с кессонными работами, беседовали с комсомольцами:

— Строительство в СССР поражает сейчас своей грандиозностью и энтузиазмом людей, — говорил Косарев. — Это особенно канал Волга — Москва и метрополитен.

Меньше чем через год — 14 мая 1935 года — за «особые заслуги в деле мобилизации славных комсомольцев на успешное строительство Московского метрополитена» ЦИК СССР наградил комсомольскую организацию столицы орденом Ленина.

— Вы должны гордиться своим участием в этой замечательной стройке, — говорил Косарев метростроевцам на торжественном собрании городского актива. — Ваши имена вписаны в историю реконструкции мировой столицы пролетариата.

Тогда же по инициативе Косарева издательство «Молодая гвардия» выпустило в свет книгу «Рассказы строителей метро». Издана она была по тем временам роскошно. И Саша тотчас же послал ее А. М. Горькому в Крым. Позднее Саша писал: «К сожалению, не мог получить от Вас отзыва о ней. По-видимому, первая книга особого энтузиазма у Вас не вызвала. Конечно, она имеет ряд существенных недостатков. Они — эти недостатки —объясняются тем, что книгу мы делали в напряженной обстановке, в срочном порядке, и следы торопливости на ней сказались». Не получил Косарев отзыва от Горького и на второй том книги. Поразмыслив над этим, Саша решил: раз Алексей Максимович не ответил — значит, книг он не получил, затеряла их почта в пути.

Такие книги о метро и доверил он сейчас Шуре Николаевой; пусть вручит писателю. О них Саша и решил все-таки поговорить с Горьким. Издательство готовило уже третий том.

Раздевались внизу дачи. В это время по лестнице спускался Алексей Максимович. Он шел медленно, улыбаясь, смотрел на молодежь.

Горький! Девчата встрепенулись от радости и волнения. Кто-то из них даже крикнул:

— Ой, Максим Горький!!!

Алексей Максимович подошел к комсомольцам, весело поздоровался и пригласил в столовую. Высокий, неизменно веселый, он сумел сразу, с первых же слов создать обстановку необычайной простоты, доверчивости и желания все-все рассказать ему. И болтали без умолку. В это время в зал вошел и Ромен Роллан в сопровождении своей жены Марии Павловны...

Девушки снова оживленно защебетали. Активнее всех оказались парашютистки, только что установившие мировой рекорд и отмеченные высокими правительственными наградами.

Оля Яковлева, которую секретарь ЦК Павел Горшенин представил как «производственницу поднебесья», рассказала о подготовке к рекордному прыжку в барокамере, о том, как все пять присутствовавших здесь ее подруг пошли с высоты более семи тысяч метров на побитие рекорда.

— «Потолок советского неба» поднимается почти ежедневно, — вставил Косарев. Он уже заговорил афоризмами.

Ромен Роллан попросил жену перевести свой вопрос отважным девушкам:

— Не боялись ли они высоты и что чувствовали за время своего полета под куполом парашюта?

— Ой?! — неожиданно воскликнула Марина Бурцева. — У нас уже нет чувства боязни неба. В воздухе, товарищ Ромен Роллан, мы песни пели...

И девчата наперебой рассказали о своем «воздушном репертуаре».

Улучив подходящий момент, Горький отвел Сашу в соседнюю комнату, и они присели на небольшой диван-банкетку.

— Книги о метро я просмотрел, — неожиданно сообщил Алексей Максимович, принимая от Косарева подарок из тех же книг. — «Познанию предшествует сравнение», — процитировал он. — Скажу о них следующее: в первой главе следовало бы дать краткий очерк строения метро в столицах Европы. И вообще рассказать, как строился Симплонский тоннель сквозь Альпы или Сурамский — на Закавказской железной дороге, с его ужасающей смертностью. Но, разумеется, сейчас об этом уже поздно говорить, и говорю только, чтобы еще раз подчеркнуть мою уверенность в необходимости для нас проводить — всюду, где это возможно, — резкую грань между прошлым и настоящим.

Горький встал и сутулясь подошел к столику, на котором лежала тоненькая папка. Косарев настороженно следил за Алексеем Максимовичем. Писатель раскрыл папку, и Саша увидел в ней свое письмо, которое он в марте посылал с книгой «Рассказы строителей метро», и лист бумаги, плотно исписанный ровным, мелким и округлым горьковским почерком.

— Вот ваше письмо, а книги о метро у меня в кабинете лежат. Должен сказать, батенька, что издали вы книги роскошно, даже очень...

А Косарев никак еще не мог понять: хвалит Горький издание за это или критикует?

— Теперь извольте знать, что обилие так называемых «роскошных» изданий вызывает у меня отношение отрицательное. Не вижу читателя, для которого издания такого рода были бы необходимы. В то же время вижу, что, например, «Генетика» академика Келлера, в высокой степени практически поучительная для миллионов колхозников и хорошо написанная, издается на грязной газетной бумаге, со слепыми рисунками...

Горький взял в руки письмо Косарева. Саша увидел, что на его полях Алексей Максимович сделал оранжевым карандашом какие-то расчеты.

— Вот-с, потрудитесь, молодой человек, сами подсчитать: вы затратили на два тома «Метро» семь тысяч шестьсот листов!

Горький поднялся во весь свой исполинский рост и стал прохаживаться по комнате, как бы беседуя сам с собой:

— А учебников у нас не хватает, книги для детей издаются ничтожными тиражами. А вам уже и республики начали подражать. В Туркменистане и Узбекистане тоже издают «роскошные» книги...

— Алексей Максимович, но ведь книга «Беломорстрой» тоже издана «роскошно», а вы ее похвалили, в том числе и за оформление... — Косарев хотел было тоже встать и пристроиться к Горькому, но Алексей Максимович остановил его движением руки: «Сиди, мол, слушай...»

— Роскошество этого издания я тоже не одобряю. Но «Беломорстрой» имеет перед «Метро» несомненное преимущество. Это — попытка писателей коллективно осмыслить материал новый, доселе незнакомый. По словам писателей, она принесла им немалую пользу.

Косарев понял, что Горький не на шутку рассердился и причина его настроения, прорвавшегося сейчас наружу, не в книге о метро, скорее всего она только повод для этого разговора.

— Не слишком ли мы усердно приучаем людей любоваться самими собой? — спросил он неожиданно.

Косарев недоумевающе посмотрел на Горького.

— Людей следовало бы приучать к пониманию того факта, что пролетарий работает не на буржуазный фетиш-государство — на пресс для выдавливания из людей крови ради обращения ее в золото, а работает на самооборону против исконного врага своего, на возбуждение революционного правосознания пролетариата всех стран, на организацию социалистического общества. Мы хвалим людей за работу так, как будто они работают из милости к кому-то.

Наконец Горький вроде успокоился. Он снова подсел к Косареву и добавил совсем тихо, почти без интонации в голосе:

— Надеюсь, вы поверите, что я не имею намерения обидеть кого-либо резким словом, но книжный голод, ко-

торый переживает страна, становится все острее. — Теперь в голосе Горького снова зазвучали металлические нотки. — И я определенно за то, чтобы давать массе как можно больше добротных, но дешевых книг.

Из зала раздавались детские голоса: в гости были приглашены еще и пионеры из Армении, пребывавшие в то время в Москве. Потом девчата запели марш из кинофильма «Веселые ребята».

Алексей Максимович сидел, поглощенный какими-то своими глубокими раздумьями. А когда они поднялись, то, стоя рядом с ним, Косарев особенно почувствовал, как велик писатель не только ростом своим, но и могуч он природной силой ума и воли — исполина, великана.

Алексей Максимович положил руку Косареву на плечо, словно хотел опереться на него. Так они и пошли навстречу гостям. Горький вдруг остановился. И, глядя куда-то в сад, почти ни к кому не обращаясь, молвил почти отчужденно:

— Возможно, что все это — старческая воркотня, но мне кажется, что когда человека слишком восхваляют за исполнение им его общественного долга, так человек начинает смотреть сам на себя, как на некое чудо...

И был еще торжественный обед. И Саша сказал на нем большую речь. Мария Павловна переводила весь разговор Ромену Роллану, а он слушал и улыбался доброй старческой улыбкой.

«Нигде, кроме нашей социалистической Родины, молодежь не имеет таких замечательных условий для роста и творчества, — говорил тогда Саша. — Бурно развиваясь, советская молодежь жадно изучает художественную литературу, и первая книга, которую берет молодой человек нашей страны, это книга великого пролетарского писателя Горького. Книги Алексея Максимовича учат молодежь мудрости жизни, мудрости боев за социализм. «Песня о соколе» звенит в сердцах молодых читателей, это призывная песня, любимая нашими лучшими парашютистками — гордыми соколами нашего времени».

Мария Павловна вполголоса переводила Ромену Роллану речь Косарева, а он кивал ей в такт словам и внимательно всматривался в Сашино лицо, словно изучая его, силясь прочесть в нем что-то очень важное, его глубоко заинтересовавшее. Временами в глазах его сверкали искорки, и они тогда молодели под стать этой задорной аудитории, что шумела вокруг. Писателю, однако, не-

здоровилось. Накануне он был на параде физкультурников, видимо, простудился и теперь все время, зябко поеживаясь, поправлял накинутый на плечи плед. На том же параде он познакомился с Косаревым. Мария Павловна улыбнулась и, легонько тронув Ромена Роллана за рукав, повернулась лицом в сторону оратора. А Саша уже говорил, обращаясь к знаменитому французскому писателю:

«Советская молодежь с увлечением читает замечательные произведения Ромена Роллана, нашего гостя, мужественного борца за социалистическую культуру». При этих словах Горький удивленно вскинул свои мохнатые брови, а Ромен Роллан заулыбался и снова согласно закивал головой.

«Созданные Роменом Ролланом оптимистические, полные силы и энергии образы Кола Брюньона и Жана Кристофа, — продолжал Саша как ни в чем не бывало, — находят в нашей молодежи могучий отклик, ибо наша молодежь любит сильных, отважных и честных героев».

Потом по просьбе Марии Павловны Косарев подсел ближе к Ромену Роллану, и писатель сказал ему, как он сожалеет, что не сможет передать слова своей радости и благодарности на русском языке: «Я не могу сейчас рассказать, как волнуюсь оттого, что мой герой — Кола Брюньон — нашел настоящих друзей в Советском Союзе».

«Было необычайно хорошо, — рассказывала потом Шура Николаева, — казалось, что все мы давно знакомы, что мы тысячу раз встречались, поэтому понимаем друг друга с полуслова, вместе радовались и смеялись».

Это была последняя встреча Косарева с писателем. Через два дня грипп свалил Алексея Максимовича в постель. А еще через двадцать дней перестало биться сердце великого писателя и человека.

Письмо с его отзывом о книге «Рассказы строителей метро» Саша все-таки получил. Оно заканчивалось теми же словами, которые произнес Горький в последней беседе с Косаревым: «... когда человека слишком восхваляют за исполнение им его общественного долга, так человек начинает смотреть на себя, как на некое чудо».

Понял ли тогда Косарев, кого Алексей Максимович имел в виду и почему он решился поделиться с ним своими сокровенными мыслями дважды?

— Саша очень любил театр, — рассказывает Мария Викторовна. — Его можно даже назвать театралом. А пользоваться положением, чтобы попасть на премьеру, и сам не желал, и мне не позволял.

Бывало скажу: «Саша, в Малом спектакль новый идет. Пойдем? Достань хорошие билеты, пожалуйста». — «Не буду! — отвечает. — Бери сама в театральной кассе, что продают... Не хочу, чтобы знали, что я в театре — лебезили, расспрашивали. Я отдохнуть хочу. Без суеты...»

Но к театру Косарев имел отношение не только чисто зрительское. Уже рассказывалось, что он стоял у истоков рождения театров рабочей молодежи и в Ленинграде, и в Москве. Немногие даже специалисты, однако, сегодня знают, что оба театра, возникнув как коллективы, имеющие в репертуаре только агитационно-политические представления, вскоре были преобразованы в известные ныне профессиональные театры имени Ленинского комсомола. А был еще один театр, которому Косарев часто отдавал предпочтение перед другими, — театр В. Э. Мейерхольда. «Левизна» этого театра импонировала комсомольцам, а Косареву еще и тем, что В. Э. Мейерхольд — лидер и основатель театра — в 1917 году приветствовал революцию. Не очень-то вдавались комсомольцы двадцатых годов в творческие эксперименты, ненужную «разрушительность» старых театральных форм. Им казалось, что новый театр «дышал революцией». И не раз Московский комитет ВЛКСМ, «Комсомольская правда» «спасали» его.

Так было и 28 сентября 1928 года. В тот день МК ВЛКСМ обсуждал необычный вопрос. Накануне Л. Гурвич принес взбудоражившее всех известие: «Главискусство закрывает театр имени Мейерхольда!»

— Как закрывает?!

— Не закрывает, а переводит его в разряд ну, как бы частных театров, без копейки государственной дотации.

— А другие театры?

— Другие, нет...

В МК ВЛКСМ решили: закрывать революционно-экспериментальный театр нельзя. Превращение его в частный коллектив неизбежно приведет театр к гибели, нанесет «удар по культурной революции».

И отстояли. Много лет спустя В. Э. Мейерхольду представился удобный случай публично выразить признательность театра комсомолу: «Свою яркую жизнь, — писал он в приветствии к 15-летию ВЛКСМ, — сплел ты тесно с искусством потому, что искусство само стало для тебя силою жизни.

И еще: Государственный театр... пользуется случаем отблагодарить тебя за братскую готовность помочь и ту чуткость, какую ты проявил к коллективу его работников... в те тяжелые для нас дни, когда ребром стоял вопрос: быть или не быть театру Мейерхольда звеном советского театрального фронта».

Успехи культурной революции сказывались и на самом Косареве. Со временем утонченнее становился его театральный вкус. Но приверженность к «революционным» формам в театре сохранилась. Исчезла, пожалуй, имевшаяся в прошлом категоричность суждений о творчестве некоторых драматургов. Саша стал внимательно прислушиваться к голосу профессионалов-специалистов: режиссеров, критиков, искусствоведов.

20 января 1935 года состоялась встреча Косарева с художественным руководителем театра Революции (ныне Московский театр имени Вл. Маяковского) заслуженным деятелем искусств А. Д. Поповым. Саша давно хотел поговорить с ним по очень заинтересовавшему его вопросу. Дело в том, что в это время он загорелся идеей создания грандиозного синтетического спектакля, в котором широко было бы использовано и кино. То были дни, когда па экранах демонстрировался фильм «Чапаев». Вокруг него творилось что-то невообразимое. Люди буквально «ломились» в кинотеатры, сметая с пути контролеров-билетеров и даже кое-где поставленные для поддержания порядка милицейские посты. Посмотрев фильм один раз, люди не довольствовались этим, шли во второй, в пятый и даже в десятый раз. Косареву очень хотелось, чтобы нечто подобное «Чапаеву» было сотворено режиссерами и на театральной сцене.

— Советское кино, — восторженно делился Косарев своим впечатлением от «Чапаева» с Алексеем Дмитриевичем, — дало нам прекрасный, вдохновенный фильм, воспевающий лучших людей нашей страны, героически боровшихся за Советскую власть во время гражданской войны. Велико значение его для воспитания молодежи. Какой эмоциональный заряд! Какое воздействие на зрителя!

А. Д. Попов слушал Косарева и согласно кивал головой. Он еще не очень понимал: куда клонит комсомольский секретарь. Как подступить к теме разговора, ради которой он и сам сюда пришел? А Саша, не замечая озадаченного лица Попова, развивал свои идеи:

— Настало время создать и для сцены произведение типа «Чапаева», которое находилось бы на таком же высокоидейном художественном уровне, как и этот незабываемый фильм. ЦК комсомола оказал бы самое активное и всемерное содействие людям, которые взялись бы за эту работу.

Сложилась любопытная ситуация: каждый из собеседников имел свою, сокровенную цель в разговоре, но они были так далеки и несовместимы, что Попов не торопился начать свой разговор. А Косарев увлеченно рассказывал ему о синтетическом спектакле. Саше казалось, что именно синтетический спектакль откроет сцене семафор к небывалому успеху. Попов вновь и вновь деликатно соглашался «с своевременностью постановки Центральным Комитетом ВЛКСМ этой интереснейшей проблемы», и обещал, что театр Революции займется «тщательной разработкой возможности ее осуществления в ближайшем будущем».

В действительности же Алексей Дмитриевич был обескуражен столь неожиданно и напористо поставленной Косаревым задачей. Дело в том, что Попов пришел в ЦК ВЛКСМ за моральной поддержкой. Он завершал работу над постановкой пьесы Шекспира «Ромео и Джульетта». В дирекции театра побаивались, как бы ее не сочли (особенно в ЦК ВЛКСМ) несвоевременной для нынешнего репертуара. Незадолго до этого Косарев неоднократно и резко выступил против постановки во МХАТе булгаковского спектакля «Дни Турбиных». «Конечно, Шекспир — не Булгаков, — размышлял Попов, — но все же Косарева, на худой конец, следует хотя бы нейтрализовать, чем заиметь в его лице активного противника...» А тут этот разговор о синтетическом спектакле, совсем некстати... К такому у Попова душа совсем не лежала. Алексей Дмитриевич колебался: сказать или промолчать о своем замысле? Но если сейчас промолчит, то чем же ему надлежало в ближайшее время заняться: «синтетическим спектаклем»? Воплощать в жизнь идею, которой он сам не зажегся столь же пламенно, как комсомольский секретарь? «Нет, за Шекспира надо бороться!»

Уже поднимаясь с кресла, Алексей Дмитриевич пригласил Косарева с товарищами на премьеру:

— Трагедия гениального Шекспира, — как бы мимоходом, невзначай обронил Попов, — привлекла наше внимание тем, что в ней с необычайной силой, свежестью и простотой звучит идея о цельной, полнокровной, не знающей раздвоения, сомнений и колебаний человеческой личности. В ней звучит идея гармоничности мысли и чувств, идея столь близкая нашей великой эпохе...

Косарев смотрел на Попова хитрющими глазами («излишне, Алексей Дмитриевич, дорогой, меня за Шекспира агитировать») и в лад режиссеру соглашался:

— Надо по-настоящему прививать молодежи серьезные и культурные вкусы, воспитывать их на замечательных произведениях классического наследия и лучших современных постановках... Мы вас, Алексей Дмитриевич, обязательно в этом поддержим.

Косарев сдержал слово. А когда наступил день премьеры, он с секретарями ЦК ВЛКСМ Васильевой, Салтановым и Файнбергом посмотрели спектакль. Им понравилось все: и новое прочтение драмы Поповым, и талантливая игра актрисы Марии Бабановой (Джульетта), и восходящей звезды Михаила Астангова (Ромео). Спектакль получился молодежным и для молодежи. С большим удовлетворением покидал Косарев театр, тепло прощался с его руководителями А. Д. Поповым и директором И. С. Зубцовым.

Довольный состоявшейся премьерой, восторженной встречей спектакля публикой, Попов провожал гостей.

— Пятнадцать лет назад Ленин в своей речи на съезде комсомола говорил, что коммунистом можно стать только тогда, когда обогатишь свою память знанием всех богатств, накопленных человечеством. — Алексей Дмитриевич взял Косарева под руку и, спускаясь по лестнице в вестибюль, еще и еще раз возвращался к спектаклю, реализованному в нем замыслу:

— В борьбе против фашизма, средневековой и империалистической мерзости капитализма нашими союзниками становятся величайшие гении человеческой мысли. Ромео и Джульетта — дети другого класса. Для молодого поколения нашей страны нет неразрешимых трагедий чувства, нет противоречий со своим строем, со своим классом. Наше социалистическое Отечество создает условия для формирования гармонической, полноценной личности, которая активно творит историю, жи-

вет всеми интересами борьбы и строительства. Наша молодежь осваивает Арктику, завоевывает стратосферу, строит метро...

Попов остановился. И, обращаясь теперь ко всем секретарям ЦК комсомола, следовавшим за ними на отдалении, продолжил:

— Ленин учил нас «уметь выбирать» из культуры прошлого то, что полезно для коммунизма. И недаром наш шекспировский спектакль был создан по почину комсомола, как ответ на культурные требования нашей молодежи. Думая о будущем зрителе этого спектакля, мы видели перед собой славное комсомольское племя. В процессе работы мы делились своими постановочными замыслами с Александром Васильевичем и встретили с его стороны большую помощь и одобрение.

Попов и Косарев, улыбаясь, посмотрели друг на друга.

Из года в год видел Косарев, как все теснее и крепче становятся связи работников искусства с комсомолом. Не случайно во Всесоюзной олимпиаде, проходившей под девизом «Искусство — пролетарским детям!» самыми активными и заинтересованными помощниками комсомола и Центрального совета пионеров были именитые актеры, режиссеры, драматурги. «Вы великолепно жадны к знаниям и искусству, — писал в ЦК ВЛКСМ В. И. Немирович-Данченко. — Ни одно сколько-нибудь крупное явление в области театра не проходило мимо вашего внимания. Часто заразительным огнем молодости вы давали театрам новые творческие толчки. Вместе с тем всегда проявляли глубокий интерес к культурному богатству прошлого».

Не было такого отряда творческой интеллигенции, с которой бы не встречался Косарев. Порою приходится удивляться его дерзкой смелости, но и способности находить с нею общий язык, Сашиной профессиональной подготовленности к таким встречам.

14 февраля 1934 года. Косарев еще полон впечатлениями от XVII съезда партии, на котором его избрали и членом ЦК и членом Оргбюро ЦК ВКП(б). Все ответственные работники ЦК ВЛКСМ готовились разъехаться по организациям — пропагандировать решения съезда. Готовился к докладу перед молодежью и Косарев. Но первое выступление генеральному секретарю

ЦК комсомола пришлось сделать не перед ней, а перед... художниками Москвы.

Что скажет он им?

Накануне Косарев старался собраться с мыслями, продумать свой доклад в столь необычной ему аудитории. Вспомнил, как в первые годы революции футуристы, имажинисты и прочие размалевывали городские стены. Бунтующие мещане объявляли войну старым идеям и формам искусства. А нового не получалось. «Старую шубу вывернули наизнанку, — усмехнулся сейчас Косарев, — но получилась только «изнанка», а шуба осталась старая...».

Позднее, кажется, весной 1927 года при поддержке МК ВЛКСМ небольшой энергичной группой самодеятельных художников была проведена в Рогожско-Симоновском районе первая выставка «Молодняк». На выставке Косарева познакомили со стрелочником Московско-Курской железной дороги Томским. Жил он в нужде. Чтобы нарисовать автопортрет, он занял у приятеля рубаху — своей подходящей для этого не было...

Так, переходя от воспоминаний к действительности, Косарев и создавал контуры доклада.

«До 14 февраля, — сообщала об этом собрании печать, — Большой выставочный зал «Всекохудожника» не видел такого скопления художников и скульпторов. Свыше 1000 мастеров пришли на доклад генерального секретаря А. Косарева об итогах XVII съезда и задачах изофронта».

...Он говорил им о второй пятилетке и ее задачах, о преодолении пережитков в экономике и сознании людей, о роли работников культуры в решении этих сложных задач. Косарева предупредили, что в зале сидят крупнейшие мастера живописи И. И. Машков, П. П. Соколов-Скаля, С. В. Рянгина и другие действительные члены Академии художеств. В аудитории были и ярые сторонники формалистических направлений в живописи, и художники, скептически смотревшие на мир социализма:

— Работники творческого труда часто не понимают значения слова социализм, рассматривая его как серую однообразную и однотипную жизнь для всех. — Так Саша перешел к основной, но и самой острой части своего доклада. — По их мнению, социализм таит в себе готовый стандарт и штамп для всех членов нашего общества и на всю жизнь. Нет, товарищи! Социализм — не уравниловка, не уравнение потребностей и личного

быта. Социализм означает не серый стандарт, а яркую, красочную жизнь для трудящихся.

— А как насчет индивидуальности? — крикнул кто-то из задних рядов.

— Что: индивидуальности? — немедленно отреагировал Саша. — Разве мы ее третируем? Я такого что-то не знаю. Мы боремся с индивидуализмом, а не с индивидуальностью. Мы, большевики, ведем борьбу против узко ограниченных, узколичных стремлений и интересов, и это нас отличает от капиталистов — даем полную, всестороннюю возможность для расцвета индивидуальности. Мы против индивидуализма, но мы за полный расцвет индивидуальности. Мы не серые и скучные люди, мы не подстриженные под одну гребенку. У каждого из нас есть свои привычки. Мы не люди, одетые в один и тот же мундир. Каждый из нас имеет свою индивидуальность, причем ярко выраженную. Каждый из нас имеет свой, крепко выраженный большевистский характер, но все это сочетается с задачами нашего класса, все это подчиняется нашему классу, все это связано с интересами строительства социалистического общества. Именно то, что все свое личное мы увязываем с задачами и интересами класса, духовно нас взращивает, подымает на более высокий идейно-политический уровень, помогает нашему росту. Именно поэтому мы и становимся передовыми людьми, становимся достойными нашей эпохи. Таким образом, мы не против любви, не против музыки, не против цветов и не против стремления хорошо одеться. Наоборот, мы за это, но мы все это подчиняем задачам нашего класса, ибо мы создаем новую жизнь, более красочную, более насыщенную, более интересную для человека. Мы действительно создаем ту жизнь, в которой «человек — будет звучать гордо», как говорил Горький...

Выступая перед художниками, скульпторами и архитекторами, у Косарева было предостаточно оснований и для нелицеприятной критики представителей изобразительного искусства и зодчества. Уже в то время новые кварталы Москвы застраивались унылыми, плоскими зданиями стандартного типа.

— Неужели у нас нет лучшего вкуса, чем строить дома-коробки, неужели нет большей потребности в строительстве, чем то, что создают архитекторы?

И вкус у нас иной, и способности есть, и потребности, и возможности есть. А некоторые намалюют такое, что

смотреть тошно, а сами говорят, что это-то и свойственно эстетике пролетариата, его художественным запросам и вкусам... «Чем грубее линия, — говорят иные, — тем по-пролетарски». Нет, товарищи! Нам необходимы искания. Без них не может быть творчества, без них не найти настоящего искусства. Но многие под видом исканий делают дело против нас.

Страстно, даже с упоением говорил Косарев о пролетариате, как самом благородном классе, носителе передовой культуры и технического прогресса. Но он и самый требовательный класс, подчеркивал Саша. История, революция подвели его в Октябре к пониманию классической культуры прошлого. Он «принял» живопись Репина и спектакли Художественного театра, возвысился до глубокого понимания шедевров искусства и не приемлет, продолжал Косарев, низкопробные музыкальные произведения композиторов из Российской ассоциации пролетарских музыкантов (РАПМ, этих, как он выразился, «мелкобуржуазных приспособленцев, убивающих вкус к искусству».

— А в поэзии? — спрашивал он аудиторию. — В ней развелись стихосложители, которые без удержу склоняют слова «ударник», «колхозник».

— Вы думаете, это делается такими поэтами из-за любви к колхозникам и ударникам? Ничуть не бывало. Это — худший вид приспособленчества. Пишут люди, далекие от мыслей, чувств и дел передовиков социалистического производства. И мы должны поставить задачу — отбросить все наносное, неестественное для пролетариата, создавать красивые вещи, яркие красочные образцы и композиции, которые могут воодушевлять бойцов-строителей, заряжать их энергией и энтузиазмом.

Саша замолчал.

Бурными были прения на том собрании. Образно подвел итог заслуженный деятель искусств И. И. Машков:

— Партия и Советская власть, — сказал он, — подготовили такие условия для нашей работы, что если бы разбудить всех великих Рубенсов, то они были бы подавлены обилием имеющихся у нас возможностей.

Косарев сидел довольный: «А Рубенса, дорогие товарищи, я знаю. Видел его картины в Эрмитаже и в Лувре — во время поездки в Париж осенью 1933 года».

На Сашином докладе был и заслуженный деятель искусств РСФСР И. И. Бродский. Ему импонировал ген-

сек комсомола — энергичный, уверенный в себе, в правоте своих слов. Бродский вынул блокнот и все время, пока шло собрание, делал набросок за наброском. Через полтора года из-под кисти художника вышел портрет А. В. Косарева.

ОТ «МУРАВЬЕВ» — К ВСЕСОЮЗНОМУ ОБЩЕСТВУ

Спорт — наш союзник, — часто убеждал своих товарищей Косарев. И если даже бегло посмотреть на то, что же он сделал ради укрепления дружбы комсомола со спортивными организациями, пропаганды физической культуры среди молодежи, нетрудно убедиться, что краснобайствовать он не любил. Был Косарев человеком дела. Действовал энергично, с размахом.

Много, очень много инициатив в развитии физической культуры принадлежит Косареву. Ничего удивительного в этом нет. Он жил и работал в эпоху созидания нового общества, «варился» в гуще больших социальных событий, очень тонко чувствовал новое и давал ему ход.

Может быть, что-то из того, что вводил Косарев в ранние годы его комсомольской работы, сегодня покажется наивным, несущественным. Но это тоже составляет часть косаревской биографии, раскрывает богатство его натуры, приемы работы среди молодежи, если хотите, — и опыт!

Уже летом 1924 года Бауманский райком комсомола выдвинул лозунг: «Беспартийная молодежь — в ряды физкультурников!» Всех активистов Саша распределил тогда по коллективам: организуйте, дескать, занятия физкультурой и сами покажите пример.

— Имейте в виду, — напутствовал их Косарев, — физкультура — это средство коммунистического воспитания. В здоровом теле — здоровый дух! Знаете, кто так сказал?

— Семашко! — дружно отзывались активисты. — Наш нарком здравоохранения...

— Вот и не Семашко! Он сам мне на днях рассказывал, что сказал так о спорте Ленин.

— Ленин?!!

— Да, Ленин. И это не просто его слова. Это — его завет молодежи. Он и сам занимался спортом: на велосипеде, на коньках катался здорово...

— Саша, а в футбол Ленин играл?

— В футбол? — замялся Косарев и решил, что придумывать ради всезнайства и ложного авторитета нельзя, сказал спокойно: — Чего не ведаю, того не ведаю... — И круто перешел к задачам: — Надо организовать соревнования физкультурников; на всех праздниках, несмотря на погоду, проводить их. Показательные выступления, пирамиды делать разные...

Зима в тот год выдалась, как назло, поздняя и слякотная. Только снег выпадет, как оттепель нагрянет. Только каток зальешь, на другой день, смотришь, вместо голубого льда — огромная грязная лужа, в ней воробьи купаются... Хорошо еще Благушенский и Кадетский пруды выручали. Мороки с ними никакой, знай разгребай снег, и только! Но комсомольцы не унывали в любую погоду: на Благуше, Разгуляе, Спартаковской улице они организовали лыжные базы и катки, мелкие лыжные базы были созданы близ некоторых фабрик и заводов.

А участие в массовых мероприятиях? Их даже не перечесть! Тут и пропагандистский пробег вокруг Москвы, и праздник в бывшем Измайловском зверинце, на Ходынском поле участвовали в торжественной передаче учлетам эскадрильи самолетов имени Ильича, на Красной площади — в демонстрации физкультурников.

Косарев настоял на том, чтобы райком партии обсудил комсомольский план развития физкультуры в районе. План этот предусматривал и строительство рабочего стадиона в бывшем Измайловском зверинце. Предложение конкретное и дельное, обоснованное. 14 августа 1924 года райком план поддержал и сам обратился в МГСПС и Моссовет за строительными материалами, а в Госбанк — с ходатайством о выдаче денежной ссуды.

«Муравей» — так назвали комсомольцы свою первую спортивную пролетарскую организацию. В то время оставшиеся еще от старого режима спортивные общества мало в чем изменили свою деятельность. Правда, ВЦИК СССР уже создал Высший совет физической культуры, но его влияние на ее развитие было очень слабым, совет работал келейно, в отрыве от комсомола и как бы в стороне от рабочей молодежи. Видимо, это обстоятельство и побудило Бауманский райком партии принять на том своем заседании еще одно решение: образовать при райисполкоме районный совет физкультуры.

Все-то тогда приходилось делать впервые, заново,

ломая старые представления о физкультуре и спорте и их организации. Немудрено, что Косарев — человек инициативный и деятельный, не пасующий перед трудностями, — оказывался у истоков многих полезных дел. Сам он, касаясь первых шагов пролетарского спорта, на одной из районных партийных конференций говорил:

— Мы имеем сейчас до сорока ячеек «муравьев». С их помощью и в их рядах мы подготовим до 60 инструкторов, которые обучат до двух тысяч физкультурников. Вот увидите, как наши «муравьи» расползутся по всей стране и положат начало пролетарскому спорту.

При такой организации дела молодежь гужом повалила в физкультурные коллективы. А когда в них появились медики для антропометрического осмотра, от желающих записаться в физкультурники отбоя не было. «Динамометрия», «спирометрия», «антропометрия»... Слова эти звучали загадочно, примагничивали. Это тебе не кувалда с наковальней на ярмарке. Ударишь ею по наковальне и смотришь: до какой отметки шарик по шкале силомера поднимается.

— Примитив, да и только! — рассуждали ребята. — А тут наука.

Скоро проявились и ожидаемые результаты. Из молодых рабочих, ставших в том году физкультурниками, каждый третий вступил в комсомол.

Став в Бауманском райкоме одним из организаторов спортивного общества «Муравей», Косарев вскоре понял, что развитие физического воспитания и спорта должно развиваться на более широкой основе, выйти за пределы только молодежных проблем. В марте 1929 года, выступая на XVII Московской губпартконференции, он под аплодисменты делегатов внес оригинальное предложение «создать добровольное общество пролетарской физкультуры», а потом несколько лет настоятельно агитировал партийный и комсомольский актив за осуществление своей идеи, входил с предложением в различные инстанции.

Косарев видел изъяны в массовой военно-спортивной и физической подготовке молодежи. Высказывал постоянную неудовлетворенность ее организацией, искал новые формы и решительно отметал старые, отжившие, даже те, которые были рождены по его собственной инициативе.

«Минимум военно-спортивных знаний молодому рабочему, колхознику!» Этот призыв Косарева был под-

держан партией и правительством. В 1931 году ЦИК СССР утвердил военно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне», а вскоре установил почетное звание и значок «Ворошиловский стрелок», нормативы и значки «Готов к санитарной обороне», «Готов к противовоздушной и к противохимической обороне» и другие.

«Физическая культура — важное звено воспитания молодежи» — так озаглавил Косарев один из разделов своего доклада на X съезде ВЛКСМ.

«Пять лет назад, — говорил он, — комсомол выдвинул комплекс «Готов к труду и обороне». Этот комплекс прочно утвердился в нашей стране, и нормы ГТО сдали уже четыре миллиона человек».

В зале раздались аплодисменты. Косарев сделал знак, и аплодисменты стали затихать.

— Вот так-то лучше... Радоваться рано. Недостатков в организации физической культуры у нас больше, чем успехов!

Зал насторожился. Не круто ли перешел докладчик от успехов к недостаткам?

К этому времени добровольные спортивные общества уже были созданы, но разраставшийся в эти годы в стране бюрократизм не миновал и эти общественные организации. Косарев заметил это, обнажил проблему с трибуны комсомольского съезда, показал пути преодоления опасности.

Сидевший в президиуме заместитель наркома обороны Я. Б. Гамарник оборвал беседу с соседом и бросил Косареву реплику:

— Может быть, назовешь их?

— Назову! — бросил Косарев почти с вызовом. — Физкультура в нашей стране не стала массовой. Многие работники и ведомства, причастные к развитию физической культуры, уделяют куда больше внимания отдельным спортсменам, чем целым организациям.

Тут зал буквально взорвался от аплодисментов, сквозь которые с трудом слышны были голоса: «Правильно!»

— Построенные на основе самодеятельности, — продолжал Саша, — добровольные спортивные общества укрепят физкультурные организации, усилят воспитательную работу среди физкультурников, если сами физкультурники станут подлинными хозяевами своей организации, если в них будет развита демократия, самокритика...

И снова докладчика прервала овация. Когда же она стала затихать, Саша громче обычного сказал с иронией в голосе:

— Должен заметить, товарищи, что некоторые общества, не успев начать работать, создали аппарат, который по численности превзошел количество членов общества.

Зал опять сотрясали аплодисменты а Гамарник не унимался:

— Назови их, Саша, назови!..

Косарев вместе со спортсменами радовался их достижениям, новым всесоюзным рекордам. Но при этом обращал внимание организаторов спорта, что многие из них уступали мировым достижениям:

— Теперь мы являемся сильнейшей социалистической страной, нам нельзя ориентироваться на старые рекорды.

И в то же время Косарев резко выступал против увлечения «рекордсменством» и «чемпиономанией». Опасался, что погоня за рекордом будет происходить в ущерб массовому физкультурному движению, воспитанию физически крепкого поколения молодых людей. Когда же ЦИК СССР установил звание заслуженного мастера спорта, Косарев тут же встретился со спортсменами, первыми удостоенными его, — конькобежцем Яковом Мельниковым, легкоатлетом Марией Шамановой. футболистом Николаем Старостиным и другими. И в этой беседе прямо подчеркнул, что почетное звание обязывает мастеров передавать свой опыт молодежи, чтобы превратить физкультуру и спорт в самое интересное, привлекательное и любимое занятие советской молодежи.

В апреле 1933 года на совещании, посвященном организации физкультурной работы среди детей, речь опять-таки зашла о «чемпионстве». Только на сей раз — «среди советских школьников обсуждалась их готовность к участию в приближавшейся международной детской спартакиаде». Во время дискуссии кто-то внес предложение: учредить детский комплекс сдачи норм на значок ГТО. Неожиданно разгорелся спор. Противники особого комплекса и значка для детей приводили такой аргумент: «У нас дети скоро будут похожи на генералов. Мы ввели так много значков, что скоро они потеряют смысл...»

— Побольше бы нам таких «генералов», у которых сданы нормы по физкультуре, — вмешался в спор Ко-

сарев. — Если мы боремся за перестройку физкультурного движения на основе единой системы ГТО, то мы тем более обязаны, чтобы на основе подобной же системы проводилась физкультурная работа среди детей.

Вскоре для детей был учрежден спортивный комплекс «Будь готов к труду и обороне».

Была у Косарева страсть — он слыл заядлым болельщиком футбола. «Болел» Саша за «Спартак», и футболисты этой команды были частыми гостями Косарева. Немудрено, что и здесь он оставил свой памятный знак.

1 января 1936 года сборная Москвы проиграла в футбол в Париже чемпиону Франции клубу «Рэсинг» — 1:2. Вряд ли кто-либо тогда думал, что эта международная товарищеская встреча сыграет столь значительную роль в истории отечественного футбола. «Когда мы вернулись из Парижа, — вспоминал Николай Петрович Старостин, — меня как руководителя делегации вызвал секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев... «Какие причины проигрыша?» — спросил он. Вопрос был задан жестко, и я, отбросив соблазн сослаться на поверхностные, второстепенные причины, рискнул сказать о главном. Ответил, что во Франции, как и во многих других европейских странах, уже давно разыгрывается общенациональный чемпионат, в то время как у нас проводятся первенства только лишь внутри городов.

Собственно, с этого момента и начался серьезный разговор об организации и проведении первого чемпионата СССР. После разговора с А. В. Косаревым срочно была создана группа для разработки положения о чемпионате. Через два месяца правительство при активном участии А. И. Микояна приняло решение о проведении чемпионата страны по футболу».

«ЛЮБИ СВОЮ РОДИНУ!»

Саша внимательно всматривался в черты молодого поколения. В разговорах с комсомольцами, которые, увы, с каждым годом по возрасту становились для него все моложе и моложе, а его ранняя комсомольская юность с гражданской войной и хозяйственной разрухой все дальше и дальше уходила в историю. Подчас он как бы пытался встать на место самой юной части своего поколения, приблизиться к ее позиции, познать сильные и слабые стороны своей смены. Делал это для того, чтобы

призывы ЦК комсомола к молодежи и его самого к ней были близкими и понятными юношам и девушкам, точнее отражали их интересы и чаяния.

— Вот мы, комсомольские работники, — говорил он на всесоюзном совещании редакторов комсомольских газет, — и нам приходится работать с людьми, которым в 1917-м было четыре года. (Мы в 1917—1919 годах уже ушли на фронт.) В культурном отношении они нас «за пояс заткнут». Но в силу своей молодости современная молодежь не закалена, не обстреляна. И тут открывается широкая дорога для ее воспитания. Она должна стать гордой, смелой, беспредельно любящей свою Родину.

А как мы делаем это?

Газеты призывают: «Люби свою Родину!», «Борись за свою Родину!» Взрослому читателю эти лозунги понятны. Раньше ему грозила безработица, а сейчас он избавлен от этого бича. Раньше его дети не могли учиться в средней и высшей школе, а сейчас они уже кончают учебу инженерами.

Современному молодому человеку нужно показать нашу Родину во всем ее величии — красочно, зажечь и развить его любовь к ней, ее славе. Надо объяснить ему все гигантское значение понятия «любовь к социалистической Родине» и показать, что каждый из молодых людей нашей страны живет для того, чтобы увенчать ее новой славой, новыми подвигами.

Важное место в этом деле Косарев отводил массовому молодежному туризму. Сам был его организатором и энтузиастом... Выходные дни Саша старался проводить в походах по Подмосковью, привлекал к ним работников МК, а затем и ЦК ВЛКСМ. Созданное им в МК ВЛКСМ бюро туризма стало центром развития этого вида отдыха и спорта по всей стране.

Летом 1929 года «команда» из шестерых комсомольских работников с Чаплиным и Косаревым во главе отправилась в «великое путешествие» по главной улице России — по Волге.

Погружались в лодку в Великом Враге, чуть ниже Нижнего Новгорода. Местные мастера на всю реку славились изготовлением малых судов. Их так и звали — «великовражка». Для них мастера придирчиво выбирали и валили на лучших лесных делянках стройные ели. Сами пилили на доски и сушили их, никому не доверяя этой работы. Потом часами всматривались в линии древесины, прилаживали доску одна к другой «с секретом»,

потому и плавали их лодки много вод, без шпаклевки и пакли.

Спускались по течению, минуя города и села. Даже в самом Великом Враге поднимались только на крутой берег, и с его обрыва любовались излучинами реки и бескрайними заволжскими далями. В Казани долго тащились на дребезжащем трамвайчике до города. Долго стояли перед башней Зююмбек, заметно наклонившейся, но не падающей: чудо, да и только!

И снова в путь.

Раздолье реки ошеломило Косарева.

— Волга — это целый мир! — завороженно говорил Саша у вечернего костра, глядя, как мимо величаво проплывали ярко освещенные пассажирские и оснащенные только ходовыми огнями буксирные суда и деляны.

Бакенщик Алексей Иванович Пресняков угощал их «тройной» стерляжьей ухой.

— А почему она «тройной» называется? — любопытствовал кимовец Альфред Курелла. Это он первым выступил в «Комсомольской правде» с рассказом о своих странствиях по родной Германии, а теперь составил компанию путешественников по Волге.

— Вот те раз! — удивлялся Косарев. — Не приметил, как Иванович уху готовил? — Альфред отрицательно покачал головой: «Нет, мол...» А Саша, сам впервые отведавший стерляжьей ухи на Суре, когда работал в Пензе, теперь с видом знатока пояснял: — Сначала он ершей непотрошеных и завернутых в марлю в ведро бросил, а когда они хорошенько прокипели и навар дали, их Иванович выкинул прочь. Вкус у того навара от них становится изумительный, неповторимый... — с удовольствием посвящал горожан Косарев.

— Ну а потом что?..

— Потом? Не заметили?! Он же крупную бель в ведро бросил — плотву то есть, синцов, красноперку...

Косарев выдержал паузу, а Курелла терпеливо ждал.

— Уже в самом конце, когда уха была почти готова, бакенщик бросил в ведро «третий этаж» рыбы — стерлядь, осетрину, белугу...

Чаплин Косарева не слушал. Родился он на Днепре, сам знал в ухе толк и все рыбацкие байки про нее. Ухмыляясь, он с аппетитом уплетал знаменитую волжскую уху, а от костра по берегу разливался ее чудесный запах.

После ужина путешественники долго всматривались в таинственную черноту близкой ночной реки. Труженица, она и ночью продолжала работать. Алексей Иванович, прислушиваясь к пароходным гудкам, степенно комментировал:

— Это гудок дает пассажирский «Байрам Али». Так себе пароходик... В Самару торопится. А снизу ему отвечает, слышь? «Изумруд». Вы, поди, уже встречали такие суда — с колесами сзади? До революции они товаро-пассажирской компании «Зевеке» принадлежали. Был на Волге такой судовладелец. А «Байрам Али» в шестнадцатом году компания «Самолет» приобрела. Оба парохода на Сормовском заводе построили...

От проходящих мимо судов на берег с шумом набегали валы, догорая, мерцали угли костра, все выше и выше поднимался в далекое небо огромный диск луны. На душе было легко и спокойно. Бакенщик что-то продолжал еще рассказывать, а молодежь уже видела первые сны...

И так целый месяц.

Косарев вернулся домой как обновленный. Его крепкое тело стало ярко-бронзовым от особенного волжского загара и налилось новой силой. От него исходила молодость и здоровье. Саша привез с собой в маленькую квартиру на Русаковской свежие запахи реки и бесконечные рассказы о Волге.

А два года спустя было еще путешествие на озеро Селигер. Саша любовался первозданной красотой этого озерного края и мечтал о том времени, когда здесь будут построены базы молодежного туризма.

С этих пор Косарев стал еще большим сторонником развития самодеятельного туризма. Поэтому, когда некоторые солидные организации попытались поставить весь туризм на строго коммерческую основу, в ущерб массовому самодеятельному туризму, он возмутился и решительно встал на его защиту.

Косарев обратился в ЦК партии с просьбой защитить самодеятельных туристов от «коммерсантов». В начале 1930 года в агитмассовом отделе Центрального Комитета ВКП(б) состоялось совещание всех заинтересованных в развитии туризма организаций и учреждений. Сторонники «чистого отдыха» и «коммерческого туризма» потерпели на нем полное поражение. Участники совещания вспоминают, что этому «немало способствовали острые выступления Н. В. Крыленко, А. В. Косарева, В. П. Ан-

тонова-Саратовского, поддержанные заведующей агитмассовым отделом ЦК К. И. Николаевой».

В путешествиях перед молодежью наглядно вставали не только природные красоты Родины, но и индустриальное преобразование ее: строительство Волховстроя и Днепростроя, Магнитки и Новокузнецка, «Уралмаша» и Харьковского тракторного... Руководство, партийные и комсомольские организации ведущих строек, понимая политический эффект посещений туристами первенцев довоенных пятилеток, даже создавали специальный актив для приема групп и сопровождения их по стройке.

«В дни Октябрьских праздников 1931 года, — рассказывал один из ветеранов этого движения, — мы задумали провести массовую перекличку путем взаимных встреч молодых ударников Москвы, Ленинграда, Горького, Харькова и еще двух-трех городов. Когда я познакомил А. В. Косарева с этим планом, он сказал:

— Ваши масштабы слишком малы. Это надо сделать по-настоящему всесоюзной перекличкой ударников пятилетки, подключить комсомольские обкомы и организовать не меньше двух-трех десятков встречных поездов. Если НКПС не пойдет нам навстречу, обратимся в ЦК партии.

К 1931 году более трех миллионов юношей и девушек участвовали в походах и экскурсиях. Среди них были и самодеятельные туристы, отправившиеся в экспедиции на Памир и Тянь-Шань, на Крайний Север, Алтай, в горы Кавказа и леса Карелии. Они принесли богатые материалы о полезных ископаемых.

ЕСЛИ ЧЕРНЫЕ СИЛЫ НАГРЯНУТ...

Комсомольская деятельность Александра Косарева пришлась на время, когда советский народ созидал новый строй в обстановке высокой международной напряженности, непрекращающихся угроз и провокаций со стороны империалистов.

Задача укрепления обороноспособности страны стала непреходящей и в числе первостепенных. Она обусловила подготовку и воспитание сознательных и отважных защитников социалистической Отчизны.

Комсомол добровольно избрал в этой задаче роль верного и надежного друга и надежного резерва Вооруженных Сил СССР.

Косарев был не просто воином гражданским, защитником Революции и Республики в период становления Рабоче-Крестьянской Красной Армии и этим обусловливал личную связь комсомола с Вооруженными Силами. Он был вожаком Коммунистического союза молодежи, и всю свою последующую жизнь — из года в год — активно участвовал в строительстве Вооруженных Сил, крепил обороноспособность Родины. «Надо держать порох сухим», — любил повторять Саша, когда речь заходила о международной обстановке, империалистических провокациях.

Отражая настроение тех лет, комсомольцы, отправляясь в спортивные походы, собираясь на вечера и в домашнем кругу, вдохновенно распевали:

Под солнцем горячим, под ночью слепою
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути.

Значительным вкладом в укрепление обороноспособности страны явилось шефство комсомола над Военно-Морским Флотом. Неудача, постигшая Косарева в 1924 году в Бауманском районе, когда его посланцы на Балтику — не сразу: по-военному, а с большим опозданием — добрались до флотского экипажа, не отвратила Сашу от задачи делом крепить морское могущество Родины, обеспечивать неприкосновенность ее голубых рубежей. Напротив, он с еще большей энергией формировал все новые и новые отряды посланцев комсомола на флот.

Работая в Московско-Нарвском райкоме комсомола, а потом, выезжая в командировки в Ленинград, Косарев неизменно бывал на кораблях, встречался с моряками Балтфлота. Среди них он слыл «интересным собеседником, — вспоминал ветеран-военмор М. Д. Волков. — Нас поражали его широкие познания в военных вопросах и, в частности, флота». Засиживаясь допоздна в кают-компании, разговаривали об обороне страны и о месте в ней Военно-Морского Флота, о комсомольской работе и коммунистическом воспитании молодежи, морской романтике и роли шефства комсомола над флотом. М. Д. Волков подчеркивал, что Косарев говорил на эту тему «с большой партийной ответственностью... утверждал, что комсомол принял шефство над флотом надолго и всерьез. Этим шагом комсомол прочно связал свою судьбу с делом обороны страны и через шефство несет

определенную ответственность перед партией и народом за ее состояние.

Шефство комсомола над флотом — это один из каналов, через который комсомол конкретно участвует в государственной деятельности».

Напомним, что в первые годы Советской власти силами первых комсомольцев, пришедших на возрождение флота, был проведен ремонт линейного корабля «Марат». Вскоре Московская комсомольская организация взяла над ним шефство. С этих пор и стала крепнуть дружба секретаря МК ВЛКСМ Косарева с военморами Балтики. Он был лично знаком со многими командирами линкора. А 16 октября 1927 года — в день пятилетия шефства комсомола над Военно-Морским Флотом — Саша в составе делегации ЦК ВЛКСМ и московского комсомола посетил Балтийский флот. И тут раскрылась еще одна его черта — не довольствоваться праздничными речами, торжественными встречами, заверениями в дружбе, а извлекать из неизбежных парадных поездок максимальные выводы для повседневной комсомольской практики.

Когда отшумели приличествующие данному случаю запланированные встречи и приветствия, Саша неформально встретился с комсомольцами «Марата». Был он с ними так прост в обращении, что в кубрике сразу создалась дружная, задушевная обстановка. Никто никого не стеснялся. Шутки, смех, острое словцо, то есть все то, что присуще здоровой молодежи. Но не балагурить спустился Саша из кают-компании к морякам. Непринужденность в разговоре, которую Косарев был создавать мастак, и помогла секретарю МК ВЛКСМ выяснить многие недостатки в шефской работе. Оказалось, что на корабле не хватает массовой технической литературы (Саша тотчас же записал: «Просить издательство «Молодая гвардия» переиздать сборник «Как поставить военно-морскую пропаганду»).

Косарева буквально забросали вопросами и советами.

— Товарищ секретарь! — вступал в разговор моряк из старослужащих мичманов. — Пометьте еще, что на флот приходят парни, которые плавать не умеют, а в веслах до флота, разве что в волжской лодке — «распашпе» сидели...

В кубрике дружно рассмеялись. А Саша записал: «Просить Московский совет физкультуры обратить внимание на придание водному спорту военно-морского уклона». Затем, видимо, вспомнив не менее важное, добавил:

«Обратить внимание совета физкультуры, чтобы при постройке шлюпок ориентировались на ялы — типы гребных судов, применяемых в военном флоте...»

— В этом году, — рассуждал один из корабельных активистов, — многие комсомольцы-москвичи, служившие на «Марате», демобилизовались. Расскажите, как они устроились на работу или же ходят до сих пор безработными?

Вопрос поставил Косарева в тупик. «Эх, растяпа, — казнил он себя, — как же я так... Не догадался поинтересоваться этим перед отъездом в Ленинград?!»

В стране тогда еще сохранялась безработица, и перед демобилизованными воинами этот вопрос вставал с неотвратимой остротой.

Возвратясь с Балтики, Косарев вынес итоги посещения линкора «Марат» на обсуждение бюро МК. Подготовились к нему активисты района отменно, выступали заинтересованно и горячо, приняли конкретные меры, направленные на улучшение шефства. Закрывая заседание, Саша продиктовал телеграмму: «Комсоставу, политсоставу и краснофлотцам линкора «Марат». Большинство демобилизованных краснофлотцев на работу устроены. В отношении остальных принимаются меры к устройству. Косарев».

В декабре 1929 года пленум ЦК ВЛКСМ решил на средства, собранные среди комсомольцев и пионеров, построить подводную лодку имени комсомола. Косарев лично следил за ходом развернувшейся кампании, а в 1934 году подлодка «Комсомолец» вступила в строй. Незадолго до этого события Центральный Комитет комсомола по предложению Косарева постановил построить на комсомольские средства уже целый дивизион подводных лодок, а также создать фонд комсомольских изобретений для флота.

Реввоенсовет СССР высоко оценил заслуги ВЛКСМ и руководителей Центрального Комитета в восстановлении и развитии флота. Народный комиссар по военным и морским делам К. Е. Ворошилов объявил комсомолу благодарность, а группу вожаков ВЛКСМ зачислил почетными краснофлотцами личного состава боевых кораблей: Василия Чемоданова — линкора «Парижская коммуна», Сергея Салтанова — «Октябрьская революция», а Александра Косарева почетным краснофлотцем линкора «Марат».

С каждым годом все больше крепла наша мощь на морях. В 1932 году был создан Тихоокеанский флот. В следующем — на незамерзающих берегах далекого Мурмана комсомольцы-строители заложили первый камень главной базы Северного флота. Росла и крепла боевая семья моряков. К десятилетию шефства ВЛКСМ над ВМФ СССР число комсомольцев и коммунистов — воспитанников комсомола — составляло 75 процентов всего личного состава Военно-Морского Флота.

— За годы шефства, — говорил Косарев на приеме ЦК ВЛКСМ краснофлотцев-орденоносцев, — мы дали не один десяток тысяч отважных комсомольцев в ряды Красного Флота. Ленинский комсомол сумеет в нужную минуту и в любом количестве дать ему хорошее, технически подготовленное пополнение. А сейчас молодежь своей стахановской работой на заводах обеспечивает быстрое и высококачественное выполнение всех заказов растущего Морского флота СССР.

Изумительной главой в летописи Ленинского комсомола и яркой страницей в работе Косарева стало шефство ВЛКСМ над Военно-Воздушными Силами.

Тесные связи комсомола с авиацией установились в далекие двадцатые годы, когда в 1923 году возникло Общество друзей Воздушного Флота (ОДВФ), и комсомольцы стали самыми активными членами авиационных кружков. Секретарь Бауманского райкома комсомола Саша Косарев организовал тогда сбор средств на строительство первых советских эскадрилий «Ультиматум» — в ответ на угрозу лорда Керзона — министра иностранных дел Англии и одного из ярых организаторов военной интервенции против нашей страны.

Уже работая секретарем МК, Косарев уделял много внимания формированию отрядов учлетов из числа молодых энтузиастов отечественной авиации, а также коллективы людей, желающих учиться на авиаконструктора, техника и т. д. С присущей ему энергией Саша взялся за поднятие в стране авиационной культуры.

В январе 1927 года из ряда добровольных оборонных организаций образовался единый союз обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства СССР — Осоавиахим. В его деятельности важное место занимала оборонно-массовая работа. Теперь всю работу по военно-патриотическому воспитанию и военно-спортив-

пой подготовке молодежи комсомол проводил совместно и в тесном контакте с Осоавиахимом.

И не только в развитии авиационных видов спорта. Летом 1927 года Косарев заразил руководителей Осоавиахима идеей проведения первой военной игры рабочей молодежи. Наркомвоенмор К. Е. Ворошилов идею секретаря МК поддержал горячо. Более того, назначил главным руководителем комсомольских военных маневров заместителя председателя Революционного Военного Совета СССР, прославленного полководца гражданской войны Сергея Сергеевича Каменева. На следующий год Косарев добился проведения нового комсомольского военного похода и маневров.

На сей раз в них участвовали танки, самолеты, современные средства связи. Комсомольцы учились тактике и поведению бойца в обороне и наступлении, они приобретали навыки маскировки на открытой местности, сооружения ложных огневых позиций, оказания первой санитарной помощи. В день маневров «решающие бои» разыгрались на Октябрьском стрельбище и в Серебряном бору. В них участвовал и боец Саша Косарев. Да и как же еще иначе, если в батальоне, сформированном из комсомольцев Кремля, «рядовым бойцом первого взвода первой роты» был секретарь ЦИК Советского Союза А. С. Енукидзе!

...Шел декабрь 1930 года. До начала работы IX съезда ВЛКСМ оставались считанные дни. В отделах лихорадочно дорабатывали резолюции, необходимые документы, из дальних районов страны уже съезжались делегаты. Словом, стояли самые горячие и самые суматошные для центрального комсомольского аппарата сутки. Все что-то доделывали, выясняли, уточняли, выбивали последние справки. На наивный вопрос новичков: «Когда сделать?» — смотрели удивленно — «Ты что — марсианин?!» — но отвечали спокойно и солидно, хотя и по-комсомольски: «Вчера!..»

Косарев держал аппарат в положении номер один — в боевой готовности! Основные материалы просматривал лично. Со многими ходил в ЦК партии. Советоваться. В который раз просматривал документы недавно прошедших комсомольских конференций. Комсомольцы Нижней Волги и Западной Сибири предлагали принять шефство над Военно-Воздушным Флотом СССР. Такая идея давно, как говорится, вызревала в комсомольских массах — прямо-таки витала в предсъездовской атмосфере.

Саша позвонил К. Е. Ворошилову — решил узнать, как отнесется нарком к комсомольской инициативе? Климент Ефремович, видимо, был «не в духе» или очень занят, потому что ответил на предложение Косарева кратко, сухо и, как Саше показалось, основательно сместив роли:

— Я хочу, — рубил нарком слова в телефонную трубку, — чтобы с этого съезда наступил настоящий, действенный перелом в военной работе. Я предлагаю! — Ворошилов повысил голос и после небольшой паузы произнес еще громче: — Я предлагаю комсомолу взять воздушный флот под свое шефство.

Сказал, как отрезал. И повесил трубку.

«Почему *вы* предлагаете, — подумал Саша, — а не комсомол по *своей* инициативе берет на себя это шефство?» От столь неожиданного оборота Косарев поначалу оторопел. Охладев же, решил: «В конце концов важен не тон разговора, даже и не приоритет инициативы, а суть. И если уж говорить о главном, о сути, то нарком идею комсомольского шефства над воздушным флотом поддерживает. Даже категорически! Значит, теперь можно идти и в ЦК ВКП(б)...»

Через несколько дней Косарев с трибуны IX съезда ВЛКСМ обратился ко всем комсомольцам с призывом взять шефство над ВВС СССР, а 25 января 1931 года Реввоенсовет СССР принял по этому поводу свой приказ.

И здесь Косарев проявил свою кипучую энергию, недюжинный организаторский талант. Саша стал частым гостем на аэродромах, в частях, учебных заведениях, на авиационных заводах, глубоко интересовался конструкторской работой. Есть у А. Косарева статья «Гордые соколы». В ней он впервые поставил перед комсомольцами задачу объявить призыв молодежи в истребительную авиацию. Внимание к шефской работе усилилось после известий об участии советских летчиков в спасении экспедиции «Челюскина», легендарных полетов В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова, А. В. Белякова и других воздушных асов. Предметом особой гордости Косарева был тот факт, что в семье летчиков, первыми удостоенных звания Героя Советского Союза, были воспитанники комсомола Анатолий Ляпидевский и Николай Каманин.

ЦК ВЛКСМ неоднократно обсуждал вопрос, кто же должен показать пример в освоении авиационной техники, в развитии парашютного спорта? Ведь это дело тогда только-только начиналось. Конечно же, пример дол-

жен показать комсомол, его руководители в первую очередь. Так и решили: создать при ЦК группу по обучению летчиков. Секретари ЦК ВЛКСМ, многих комсомольских комитетов лично изучали и осваивали авиационную технику, учились летать на самолетах и планерах, прыгать с парашютами. Первыми летчиками и парашютистами стали секретарь ЦК ВЛКСМ по вопросам военно-спортивной работы Павел Горшенин, секретарь Московского горкома — Серафим Ильинский, Ленинградского — Иосиф Вайшля, секретарь ЦК ЛКСМ Украины Сергей Андреев. Да всех и не перечислить. А как хотелось первым прыгнуть с парашютом самому Александру Косареву!

Но ЦК не разрешил, и, как человек дисциплинированный, он вынужден был подчиниться. «Помню, — рассказывал много лет спустя Н. П. Каманин, к которому Косарев относился с особой теплотой и любовью, — с какой завистью глядел он на летчиков, только что вернувшихся из полета, па самолеты в далеком небе. Наша крылатая профессия была ему по душе.

Все мы чувствовали, что Александр Васильевич призывает молодежь в летные школы не «по долгу службы». Он просто любил авиацию. Человек с его характером не мог оставаться к ней равнодушным».

Когда мир аплодировал героизму советских летчиков в Арктике, какой-то буржуазный журналист сказал: «Если у большевиков много таких летчиков, то как с ними воевать?» Услышав про это, Косарев заметил: «Это умно сказано».

— Тот, кто силен в воздухе, — говорил Косарев в другой раз, — непобедим в грядущей войне. — И высказал свою заветную мечту: — *Мы должны стать поколением крылатых людей.*

В то время наша военная доктрина сводилась к четкой формуле: если враг навяжет нам войну, то мы ее будем вести наступательно, на территории противника, и достигнем решительной победы малой кровью. Она обусловила формирование новых видов и родов войск — воздушно-десантных, в частности. Комсомол нашел и здесь применение своим силам. По его почину был создан массовый парашютный спорт. Комсомольцы-конструкторы разрабатывали чертежи и возглавили строительство сотен парашютных вышек, тысячи юношей и девушек совершали прыжки. Не было и грана преувеличения в словах Косарева: «Парашютный спорт — детище Ленин-

ского комсомола». Иному виду спорта Косарев не уделял большего внимания. Он и ставил комсомольцам-парашютистам все новые, более сложные задачи:

— Не только прыгать, но и летать! А это значит уметь водить машину, знать хорошо самолет и помогать другим. Парашютист-летчик, вот кто нам нужен.

Участие комсомола в оборонно-спортивной работе было для него делом естественным, а вот контакты между гражданскими комсомольскими комитетами с комсомольцами, проходящими военную службу в РККА, необходимо было налаживать. И все из-за того, что в войсках долгое время не было комсомольских организаций.

Еще в мае 1924 года Косарев в докладе «О аадачах партии по работе в РКСМ» на III партконференции Бауманского района аргументированно поставил вопрос о создании комсомольских ячеек в Красной Армии и выдержал резкую дискуссию с С. М. Буденным, считавшим это предложение преждевременным. Секретарь райкома не сумел тогда переубедить столь авторитетного человека, к тому же и партприкрепленного к Бауманскому райкому комсомола.

Шли годы, и численность членов ВЛКСМ в Вооруженных Силах СССР стремительно возрастала. Если в 1925 году в их рядах было около 54 тысяч комсомольцев, в конце 1931 года — 250 тысяч, то к началу 1937 года в армии и на флоте проходили службу уже 450 тысяч членов ВЛКСМ. Этот процесс отражал численность ВЛКСМ в целом. Теперь-то Косарев отступиться уже не мог, он добился в 1930 году создания комсомольских ячеек в РККА.

В ноябре 1930 года Косарев с большим удовлетворением подписал утвержденное ЦК ВКП(б) положение о комсомольской ячейке в войсках. Оно было разослано всем армейским политорганам для неуклонного руководства.

С созданием ячеек ВЛКСМ в армии и на флоте комсомольская жизнь забурлила, возросла общественная инициатива среди красноармейцев и молодых командиров.

Потребовалось некоторое время, чтобы наладилась структура взаимоотношений политорганов РККА, армейских комсомольских ячеек и гражданских территориальных комсомольских организаций. Одну из причин такого

положения Косарев видел в том, что областные, городские комитеты ВЛКСМ да и Центральный Комитет комсомола «уделяли много внимания оборонной работе в гражданских организациях, летчикам, Осоавиахиму, а работой армейского комсомола по-настоящему не занимались». Другую причину он усматривал в отсутствии в политорганах РККА специального подразделения, занимающегося комсомолом. По его настоянию в 1932 году при оргинструкторском отделе Политуправления РККА был создан сектор по работе среди комсомольцев.

В январе 1937 года ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ утвердили новое положение о работе комсомола в Красной Армии. Вместо комсомольских ячеек в воинских частях и подразделениях создавались комсомольские организации; значительно расширялись их права и обязанности.

Косарев активно боролся за укрепление позиций армейского комсомола. 17 июля ЦК ВЛКСМ обсуждал вопрос «Об отчетах и выборах в комсомольских организациях Красной Армии». Зафиксированная часть выступления Косарева на этом заседании показывает, чего же добивался он для армейских комсомольцев.

«У меня с Гамарником, — говорил Косарев, — много было скандалов, доходило до ЦК ВКП(б) в вопросах о работе армейского комсомола, в части политотделов... После всей этой истории я говорил с наркомом, он на это пошел с большой охотой и желанием». Настояния Косарева вылились в итоге в создание в 1938 году при Политуправлении Красной Армии и соответственно в военных округах отделов по работе среди членов ВЛКСМ, а в политотделах соединений была учреждена должность помощника начальника политотдела по комсомольской работе.

Многие молодые политработники, воспитанники комсомола, были рекомендованы секретарями первичных организаций ВЛКСМ. Тысячи комсомольцев — отличников боевой учебы назначались заместителями и помощниками политруков подразделений. Один из армейских комсомольских работников П. Чернелевский вспоминал, что Косарев много внимания уделял «комсомольской печати, пропаганде передового опыта, распространению среди молодежи политических и военных знаний». На заседании бюро ЦК ВЛКСМ он как-то сказал мне:

— Регулярно читаю «Звездочку» («Красную звезду»), но не вижу моих любимых авторов.

Когда я спросил его, кого он имеет в виду, он ответил:

— Ясно кого — комсомольских работников. Мало публикуется комсомольских материалов. Я беседовал с Гамарником. Договорились, что газета «Боевая подготовка» систематически будет освещать вопросы комсомольской работы.

«Боевая подготовка» была рассчитана на младший командный состав (в основном на командиров отделений), выходила три раза в неделю и издавалась с марта 1930 года при газете «Красная звезда» — центральном органе Реввоенсовета СССР. Командиры отделений в массе своей были комсомольцами, многие из них работали комсоргами, секретарями комсомольских организаций. Газета все чаще публиковала статьи и заметки на комсомольские темы и вскоре стала лучшим советчиком низового комсомольского актива, любимой газетой младшего командира.

С июля 1936 года по предложению Косарева и Гамарника стал издаваться ежемесячный журнал «Комсомолец РККА» — орган Политического управления Красной Армии. С изданием журнала значительно расширились возможности для обмена опытом, освещения актуальных вопросов коммунистического воспитания, учебы и образования армейских комсомольцев».

Весна 1936 года. Один из кульминационных периодов жизни и деятельности Косарева. Тревогой, но и твердой уверенностью в правое дело социализма веет от его докладов и выступлений. И глубокие раздумья. Неотвратимо надвигалась новая империалистическая война. Сейчас ему приходилось говорить молодежи не только о военной опасности, а о настоящей войне. На полях Абиссинии народ этой страны в кровавых схватках отстаивал свою независимость от итальянского фашизма. В тяжелых муках китайский народ боролся за свою самостоятельность против японского империализма, поработившего Маньчжурию и стремящегося захватить весь Китай. Германский фашизм с первого дня прихода к власти бесцеремонно нарушал существующие договоры, установленные между государствами, разжигал бешеный шовинизм, лихорадочно подготавливался к войне и всячески провоцировал ее.

И было в тех докладах Косарева серьезное предостережение.

«Многие молодые люди нашей страны, — говорил он на X съезде ВЛКСМ, — не всегда задумываются над тем, к чему призывает нас история. Враг внутри страны разбит, жить стало хорошо, жить стало весело. Вот и шагает наша молодежь «с песней по жизни». Это не плохо. Шагайте, товарищи, с песней по жизни, но не забывайте при необходимости прихватить и винтовку, а главное — безукоризненно ею владеть!

Без военной науки, без умения побеждать нам не обойтись, ежели мы всерьез хотим бороться за торжество коммунизма...

В рядах Ленинского комсомола мы должны подготовить смелых, отважных, самоотверженных и выносливых людей, для которых нет более почетной задачи, чем защита социалистической Родины на самых опасных и передовых позициях...

Наша задача в будущих боях — побеждать. Комсомолец, сын народа, не сдается в плен, ибо плен для него бесчестье, несмываемый позор. Среди нашей молодежи не может быть дезертиров. Предательство, измена Родине — самое презренное тяжкое преступление, гнуснейшее злодеяние против революционного народа.

Мы, молодые советские люди, не боимся смерти на поле брани и не растеряемся под огнем врага. У нас не дрогнет рука и не изменит глаз в грядущих схватках. Мы будем бороться с воодушевлением, со стойкостью, с небывалой храбростью. Священной целью своего воспитания, поведения и задачей всей своей жизни мы считаем быть достойными старейших большевистской партии».

Косарев сделал небольшую паузу. Обвел взглядом зал. Юные лица. Напряженное внимание.

До начала второй мировой войны оставалось немногим более трех лет.

Сейчас, спустя более полувека и уже с высоты исторической ретроспективы, обстоятельного осмысления собственного опыта участия в боях с фашистами на всех этапах войны, мы видим, что слова Косарева подобны клятве, данной комсомолом партии в верности служения социалистической Родине, советскому народу.

Это был последний съезд комсомола перед второй мировой войной и нападением гитлеровской Германии на СССР. В докладе секретаря ЦК ВЛКСМ отчетливо звучат мотивы и слова как бы из воинской присяги тех, кто, приняв ее, вынесет в недалеком будущем всю тяжесть грядущего лихого испытания, испив его до конца.

Международная деятельность Александра Косарева. Не было на этом направлении работы ВЛКСМ такого участка, где бы фигура Косарева выступала менее отчетливо или неколоритно.

Утрачены ценные документы Коммунистического интернационала молодежи (КИМ), истлевает от времени и рассыпается под руками читателя периодическая печать тех уже далеких лет, исчезли другие важные исторические источники и ушли из жизни люди, которые могли бы ответить на многие вопросы биографии Косарева. Например, почему и с какой целью его перевели в 1925 году из Бауманского райкома комсомола в КИМ, а вскоре откомандировали в Пензенский губком комсомола? Чем руководствовался ЦК ВЛКСМ, когда спустя десять месяцев принял новое решение: «Командировать Косарева для работы в КИМе, отозвав его из Пензенского губкома комсомола»? Из сохранившихся документов также видно, что до того, как Сашу избрали генсеком ЦК комсомола, его имя несколько раз фигурировало на заседаниях Центрального Комитета в связи с международной деятельностью ВЛКСМ: в 1924 году Косарева включили в состав делегации на IV конгресс КИМа, а в 1928 году он стал членом Исполнительного комитета КИМа. Можно предположить, что в ЦК ВКП(б) и в ЦК ВЛКСМ Косарева готовили или для работы в Исполкоме Коммунистического интернационала молодежи, или к нелегальному выезду за границу. Почему бы и нет? Работали же временами Р. Хитаров — в Германии, П. Петровский — в Чехословакии, А. Мильчаков — во Франции, О. Тарханов — в Китае. Стали же профессиональными работниками аппарата Коминтерна Л. Шацкин и другие комсомольские работники.

Организационник по натуре, Косарев не единожды выступал инициатором важных предложений по улучшению международного сотрудничества комсомола с братскими молодежными союзами. В марте 1927 года он, будучи секретарем МК ВЛКСМ, предложил московской организации взять шефство над комсомольцами китайского города Ханькоу. Юные москвичи своего вожака горячо поддержали. Они организовали кружечный сбор «гривенника» и других добровольных пожертвований в помощь Ханькоуской комсомольской организации, привлекли китайских комсомольцев, обучавшихся в Москве в Универ-

ситете трудящихся Востока, к пропагандистской работе. Прочитаны десятки лекций и докладов о китайской революции, о работе комсомола Китая. Были и другие инициативы.

Летом 1927 года Косарев впервые выехал за рубеж. Вспоминая то спортивное турне по Германии с командой советских теннисистов, Косарев чистосердечно признавался: «Пассивно отпуск использовал...» (разрешили ему поездку за границу только в счет очередного отдыха). Но главное было даже не в этом. В те дни в Германии нарастала и ширилась волна мощных демонстраций протеста в защиту Сакко и Ванцетти — двух активных участников рабочего движения США, приговоренных к смертной казни по сфабрикованному против них нелепому обвинению. Газета германских коммунистов «Роте Фане» была забита и сообщениями о ходе борьбы за единый фронт.

Масло в огонь событий бурной общественной жизни в Германии подливала дискуссия о возвращении свергнутому революцией кайзеру Вильгельму II и владетельным князьям их бывших поместий, дворцов и другого имущества.

Германия бурлила. Почувствовать горячий ритм ее событий можно было и без знания немецкого языка. Достаточно просто выйти на улицу, примкнуть к рабочим демонстрантам, поднять полусогнутую в локте правую руку с зажатым кулаком: «Рот фронт!», как социальные события захватят тебя в свой водоворот. А Саша оказался изолированным от бурных классовых битв немецких коммунистов. Более того, ему строго-настрого предписали: ни в коем случае не вмешиваться в любые внутренние события, не вступать ни в какие связи! «Прямо заточение какое-то... Да еще и добровольное, и в счет трудового отпуска, в придачу», — сетовал Косарев. Нет, подобные «туристические вояжи» за границу претили его энергичной натуре. Быть пассивным созерцателем таких событий — не его удел.

Иное дело — 1929 год. В июле того года во Франкфурте-на-Майне собирался первый антиимпериалистический конгресс молодежи. В своем письме в Подготовительный комитет ЦК ВЛКСМ обещал сделать все, чтобы этот конгресс стал «решительным шагом по пути повышения боевого интернационализма, по пути организации революционной молодежи всего мира в борьбе против империализма».

До открытия конгресса оставались считанные дни, а советская делегация еще не имела германских виз.

— Я знал, что их получение будет сопряжено с волокитой, но не думал, что она достигнет таких размеров, — говорил Косарев членам советской делегации, сидевшим который день «на чемоданах».

Визы дали впритирку, в канун открытия конгресса.

Это был уже официальный выезд Косарева за границу в ранге генерального секретаря ЦК комсомола. Потому-то и запомнились Саше многие детали. О них, возвратясь в Москву, он с юмором рассказывал друзьям.

...Вылетели курсом на Восточную Пруссию. «Теперь, не сглазить бы, долетим на этом воздушном корабле до границы, а там — «у них» — транспорт, говорят, «как часы работает», — шутил Саша. И «сглазил». В те времена в СССР авиационное пассажирское сообщение только налаживалось. Но будущий Аэрофлот, видимо, закладывал уже и свои, не самые лучшие, традиции: через 15 минут полета самолет вернулся на Московский аэродром — неисправность мотора.

С опозданием на три часа снова поднялись в воздух. Косареву было теперь не до шуток. В Кенигсберге нужно было успеть пересесть на берлинский рейс. Летчик ободрял: «Скорость сто восемьдесят километров в час, наверстаем...» Но ему помешал встречный ветер. В Кенигсберге — новое огорчение: на берлинский рейс опоздали — самолет улетел.

Казалось, мытарствам не будет конца. Кенигсберг удалось покинуть только утром следующего дня. В полдень летели над Берлином, а во Франкфурт-на-Майне добирались поездом. К тому же выехали только поздно вечером. Приехали на место — опять незадача! Никто не знал, где заседает конгресс.

— Это вам, братцы, не Москва, — ворчал Саша. — Там — объявления и плакаты, и специальные уполномоченные на вокзалах... Цените наш опыт в организации таких мероприятий...

Обратились к прохожим, те только недоуменно пожимали плечами: «Нет, не слыхали ни о каком конгрессе молодежи!..» Шуцман (полицейский) долго и внимательно осматривал делегацию и, убедившись, что перед ним — русские, отправил ее в Народный дом. И снова неудача. «Вчера здесь состоялось только открытие конгресса, — пояснил привратник. — Сегодня утреннего заседания

нет, все на торжественном открытии конгресса взрослых...»

На городском ипподроме, среди пятитысячной толпы горожан, пришедших вместе с делегатами на открытие II конгресса антиимпериалистической лиги («взрослого» в интерпретации привратника), Косарев с трудом пробивался к месту президиума в надежде увидеть кого-либо из знакомых по КИМу. И не ошибся. Его заметил один из организаторов форума Вилли Мюнценберг:

— Genosse Косарев! — услышал Саша свою фамилию и наконец увидел самого Вилли. — Ты что, с луны свалился?! Мы уже все надежды потеряли на приезд советской делегации... — и по-немецки: — «Besser spät als nie» («Лучше поздно, чем никогда»).

Этим — чисто немецким обращением на «ты», принятым среди партийцев, и крепким рукопожатием, и шуткой Мюнценберг сразу расположил к себе гостя.

Вилли повел Сашу к группе товарищей, на ходу поясняя:

— Сейчас я тебя представлю организаторам конгресса. Ну, меня ты знаешь! Мы с тобой в КИМе не раз встречались. — Он подвел Сашу к мужчине с высоким лбом мыслителя и густой седеющей шевелюрой.

— Genosse Анри Барбюс, — представил Мюнценберг. И со свойственной немцу обстоятельностью добавил: — Французский писатель, активный деятель антивоенного движения.

Анри Барбюс долго тряс руку Косарева, пряча лукавую улыбку в пушистых усах: «Хорошо, очень хорошо!» — грассируя «р», произнес он несколько раз по-русски. Саша сразу ощутил, что попал в круг друзей Советского Союза. И все невзгоды последних дней, чуткая настороженность, вызванная пребыванием в чужой стране, собственная беспомощность в многоязычной толпе как-то незаметно, сами собой, уходили прочь, растворялись в атмосфере внимательности и дружелюбия. А Мюнценберг вел его дальше, продолжая миссию «хозяина» конгресса: «...genosse Сэн Катаяма — основатель Компартии Японии..., genosse Гарри Поллит — один из основателей Компартии Великобритании...» И так — от одного к другому — Вилли обошел с Косаревым почти весь президиум конгресса.

По дороге в гостиницу немецкие друзья рассказали советской делегации о состоявшихся заседаниях юношеского конгресса. Курт Хальтинер, сносно знавший рус-

ский язык, взялся исполнять роль переводчика с немецкой стороны. «На конгресс вместе с вами, — говорил он, — прибыло 64 делегата из 19 стран почти всех частей света, а также делегации КИМа, спортинтерна и профинтерна. Уже заслушаны доклад «О военной опасности и задачах молодежи» и сообщения посланцев молодежи Китая, Кореи, Индии, Индонезии, Африки, Латинской Америки».

— Товарищу Косареву, наверное, будет интересно знать, что вчера центральной темой дискуссии был вопрос об отношении к СССР, — наперебой спешили рассказать все новости немецкие друзья. — Конгресс почти единодушно занял позицию: «СССР — отечество международного пролетариата и задача пролетариата — защищать СССР от нападений и провокаций врагов».

Косарев (весь — внимание) перебил:

— Я не ослышался, что ты сказал *«почти»* единодушно?

— Что такое есть *«ослышался»?* — спросил Курт.

— Ну, правильно ли я тебя понял, что конгресс не весь, а почти весь занял эту позицию? («Э, черт возьми, — подумал Саша, — тут надо слова подбирать точнее...»)

— Нет, не «ослышался», genosse Косарев, ты понял правильно. Дело в том, что на конгрессе диссонансом прозвучало выступление голландского анархиста. Его выступление было, по существу, саморазоблачением позиции анархистов в отношении СССР. — Курт порылся в записях своего блокнота. — Вот! Цитирую этого анархиста: «Мне известно, что СССР не является империалистической страной. В случае войны мы не будем против него бороться, останемся нейтральными».

— Ну, и что дальше? — нетерпеливо перебил Косарев.

— Конгресс встретил это заявление бурным негодованием! — Курт выдержал небольшую паузу, как бы интригуя собеседника. — Выступившие представители колоний разоблачили эту установку, как измену интересам рабочего класса в угоду империализму, — продолжал он. — Но нас насторожило то, что присутствующие на конгрессе пацифисты и социал-демократы вели себя сдержанно. Но вечером! Вечером, genosse Косарев, когда докладчик по основному вопросу встал и заявил: «Нет места в лиге для тех, кто является врагом Советского Союза!» — раздался гром аплодисментов, О, genosse Ко-

сарев! Это было так прекрасно! О, schön!.. О, schön! — восхищался восторженный Курт без умолку. — Выступившему анархисту ничего не оставалось делать, как покинуть зал. А тебя, genosse Косарев, единодушно избрали в президиум конгресса!

Вечером участники молодежного форума собрались в помещении Дома ремесленника на доклад Косарева о жизни советской молодежи, успехах СССР в строительстве социализма. Это был первый выход ВЛКСМ на широкую международную арену. Впервые из уст советского человека юноши и девушки капиталистических стран услышали великую правду о Советском Союзе, об основных направлениях деятельности Ленинского комсомола. Но главная тема Сашиного доклада — угроза войны, военной опасности. В зале были слышны только переводчики и звонкий голос полпреда советской молодежи:

— Подготовка к войне происходит в первую очередь среди молодежи, — говорил он. — Создание фашистских боевых организаций свидетельствует о непрерывном стремлении империалистов к ее милитаризации. Она выражается в подавлении и преследованиях, в терроре против всех организаций молодежи, ведущих подлинно революционную борьбу против империализма и войны.

В заключение Косарев призвал участников конгресса к сплочению в борьбе за мир.

Призыв Косарева горячо поддержали делегаты. Они заявили о своей готовности «образовать единый фронт с советской молодежью против угрозы войны». Это было главной победой нашей делегации. Конгресс избрал и международный комитет молодежи, которому поручил осуществлять централизованное руководство антиимпериалистической борьбой юношей и девушек всего мира.

От советской молодежи в комитет был избран Александр Косарев.

Своими наблюдениями о Германии, судьбе молодого поколения в капиталистических странах Саша, возвратясь с конгресса, щедро делился с комсомольским активом: «Под влиянием кризиса, — говорил он на VII Всесоюзной конференции ВЛКСМ, — сотни тысяч детей гибнут с голода, а владельцы крупных имений, не зная, куда деть излишки молока, выливают его в реки и в таком количестве, что гибнет рыба...

Сажают в тюрьмы, казнят безработных рабочих, укравших пару сапог. А виновники гибели 10 миллионов человек в империалистической войне и миллионов людей,

гибнущих из-за кризиса, гуляют на воле, пользуются славой незапятнанных людей, а некоторые из них, как отставной кайзер Вильгельм, получают десятки миллионов субсидий на личное содержание от благодарного так называемого «демократического», «народного» немецкого правительства и с согласия «ортодоксальной» хваленой немецкой социал-демократии...

У молодежи капиталистических стран нет перспектив... молодое поколение капиталистических стран мечется в поисках ответа: куда идти? Где выход? Что делать? Вождь II Интернационала Отто Бауэр в его последней книге говорит: «Молодое поколение безответно. Оно не видит никакого выхода».

Активная позиция Советского Союза в борьбе против войны стала фактором огромного притяжения народов мира к стране победившего социализма. Авторитет СССР на международной арене динамично повышался.

Великое дело воспитания и сплочения молодых борцов за мир вершил Ленинский комсомол.

В августе 1932 года в Амстердаме состоялся международный антивоенный конгресс. В его рамках созывалась юношеская антивоенная конференция. Косарев собирался отбыть в Голландию. Но делегацию Советского Союза в Амстердам не пустили. В день открытия конгресса свыше 50 тысяч москвичей собрались на площади Смычки Центрального парка культуры и отдыха, чтобы выразить свой гневный протест. В президиуме митинга — советские, партийные и комсомольские работники, прогрессивные деятели культуры и борцы за мир Анри Барбюс, Ромен Роллан, М. Горький, Т. Драйзер. По поручению участников митинга академик А. Н. Бах, писатели Всеволод Иванов и Федор Гладков просили Анри Барбюса и Сэн Катаяму принять на себя представительство на конгрессе от пролетариата и всех трудящихся СССР.

Тенденция к единству действий различных отрядов международного молодежного движения особенно усилилась после захвата нацистами власти в Германии.

Внутренняя и внешняя политика германского фашизма с 1933 года стала подчиняться подготовке страны к тотальной войне против СССР, к войне за порабощение народов Европы и колониальных стран. Для достижения своей цели германский фашизм превратил всю страну в сплошной военный лагерь. Коммунистическая партия была загнана в подполье, запрещено издание «Роте Фане».

Нацисты арестовали и заточили в тюрьму вождя немецких коммунаров Эрнста Тельмана.

В ночь на 28 февраля 1933 года по тайному приказу нацистского руководства был подожжен рейхстаг. Фашисты прибегли к этой провокации для того, чтобы обвинить в поджоге коммунистов и выставить себя перед капиталистической Европой в роли борцов с коммунизмом. В поджоге фашисты обвинили не только немецких, но и группу болгарских коммунистов во главе с Г. Димитровым, которые были в это время в Германии. 21 сентября 1933 года в Лейпциге начался процесс о поджоге рейхстага. Г. Димитров бесстрашно разоблачил перед всем миром германский фашизм и доказал, что рейхстаг подожгли сами нацисты по прямому указанию своих руководителей. Из обвиняемого он превратился в грозного обвинителя кровавого фашистского режима.

Нужно было выступить против фашизма, в защиту тех демократических прав и свобод трудящихся, которые они имели в условиях буржуазного государства. Неотложной задачей дня стало образование широкого антифашистского народного фронта. И снова Косарев оказался в центре событий, подчиненных этой задаче.

В сентябре 1933 года в Париже состоялся мировой конгресс молодежи против войны и фашизма. Среди его почти тысячи делегатов каждый четвертый человек состоял в коммунистической юношеской организации, каждый десятый — в социалистической, остальные были беспартийными или же членами буржуазных, религиозных и других молодежных объединений. 48 делегатов, героически преодолевая полицейские и пограничные заслоны, прибыли из фашистской Германии нелегально, 36 — из Италии. Конгресса, подобного этому — по представительности делегаций, резко отличающихся друг от друга религиозными и политическими взглядами и убеждениями, — мир еще не видел.

Советскую молодежь представляли рабочий Московского автомобильного завода Константин Тимофеев, модельщица ленинградского завода «Большевик» Мария Зайцева, мастер-механизатор из Казани Хабибула Загидулин, украинская колхозница Наталья Будниченко, инженер Мария Нанейшвили. Возглавлял делегацию Александр Косарев.

Они приехали в Париж за час до открытия конгресса и вошли в зал дворца Мютюалите, когда там было уже полным-полно народа. Французы нещадно дымили сига-

ретами «Жинатан» из крепчайшего черного табака. Их манера курить в зале, когда идет заседание, за столом президиума, даже выступать с трибуны — с трубкой в зубах — поначалу шокировала Косарева. «Они считают, что так — демократичнее», — разъяснили Саше. «Тоже мне, нашли серьезное поле борьбы за демократию?!» — буркнул он в ответ.

В зале стоял разноязыкий, разноголосый гул. Сквозь него прорывались слова скандировавших: «Сво-бо-ду Тельма-ну!!!» Ближе к сцене, молодой композитор Пауль Арма разучивал с группой французов песню, написанную им в честь конгресса.

Наступил торжественный момент его открытия.

Один из организаторов форума Анри Барбюс, обращаясь к делегатам, произнес короткую речь, в которой он обратился и к советской делегации:

— Я приветствую всю торжествующую молодежь социалистического государства! Вы сумели с огромной энергией поднять в городах и деревнях дело общественного воспитания и культуру масс, эффективно участвуете в создании нового могучего мира.

Организационный комитет конгресса, — сообщил Барбюс, обращаясь теперь ко всему залу, — попросил советскую делегацию сделать специальный доклад. Это вполне логично. На земном шаре имеется огромный народ, общественная жизнь которого устроена на других основах, чем у прочих народов. — Анри Барбюс элегантно отбросил пышную гриву волос и, оборотясь к сидевшему в президиуме Косареву, продолжил: — Мы спрашиваем у представителей советского народа: «Что у вас сделали с молодежью, и что сделала молодежь?» И молодежь отвечает. Ее волнующий доклад нам очень необходим в работе.

Запланированный оргкомитетом доклад советской делегации состоялся на следующий день. Вот что передавало об этом телеграфное агентство Советского Союза: «Париж. 24. В центре внимания вчерашних заседаний мирового антифашистского конгресса молодежи стояло выступление тов. Косарева. Встреченный бурными аплодисментами и пением «Интернационала» и «Бандера Росса», тов. Косарев охарактеризовал положение и деятельность советской молодежи и указал революционные пути антифашистской и антивоенной борьбы...

Речь тов. Косарева о положении советской молодежи, ее энтузиазме и творческой социалистической деятельно-

сти представляла по своему содержанию полный контраст выступлениям делегатов капиталистических стран, давших картину нищеты и эксплуатации рабочей молодежи».

По крупицам собираются ныне сведения о жизни и деятельности Александра Косарева. Тем более — о международной, отраженной в документах, на которые было наложено строгое «табу».

На Парижском конгрессе Саша учел опыт поездки во Франкфурт-на-Майне. Прежде всего он позаботился о том, чтобы состав делегации был достаточно интересным и представительным, чтобы биография каждого могла стать убедительной (без малейшего намека на агитку) иллюстрацией жизни и быта советской молодежи. Чтобы даже самый злонамеренный прохвост из числа антикоммунистов не нашел бы изъяна, не мог бы упрекнуть советскую делегацию в «подтасовке» фактов, приукрашивании нашей действительности.

На другой день на трибуну конгресса поднялась украинская колхозница, участница первого съезда ударников-колхозников — Наталья Будниченко. Просто, без лукавства, но остроумно она рассказала о рождении своего колхоза. Переводчица, вознамерившаяся было поначалу кратко изложить ее речь, сама так увлеклась Наташиным рассказом, что невольно перешла на синхрон и переводила все ее остроты и украинские байки. А Будниченко бесхитростно поведала и о том, какие трудности преодолевали колхозники, и как было немало их на пути. Зал долго аплодировал ей, а потом запел «Молодую гвардию». Довольный ее выступлением, пел и Косарев. Он только изредка затихал, прислушиваясь к соседям и удивляясь, как мелодия ставшей популярной песни, быстро объединила молодых людей, говорящих на разных языках и придерживающихся различных политических ориентаций.

Неподражаем был Косарев на этом конгрессе. На сей раз он «как рыба в воде» плавал в его водоворотах, помогая организаторам — А. Барбюрсу, Р. Роллану, Т. Драйзеру и Р. Гюйо — теснее сплотить столь разную молодежь.

Узнав, что представители социал-демократических союзов, приехавшие на конгресс, созвали свое собрание, Саша прибыл на него. И, видимо, кстати.

В Париже (городе, набитом эмигрантами со всего света, в том числе и русскими белогвардейцами, остатками

разбитых революцией мелкобуржуазных партий) у антифашистского конгресса были не только друзья, но и враги. Посланцы советской молодежи убедились в этом в первый же день, как только подошли к зданию Мютюалите. Перед входом стояли ажаны — полицейские. Они хмуро посматривали на всех входящих. А рядом с полицейскими и как бы под их прикрытием стояли молодые люди, истошно оравшие: «Купите «Веритэ»!» Газетка, которую они вручали всем, кто входил в зал, представляла собой антисоветский троцкистский листок. Она открывалась статьей с заголовком через всю полосу — «Против барбюсизма и сталинизма» и призывала молодых французов бойкотировать конгресс.

Советская переводчица Тамара Мотылева рассказала Косареву, что орган французских социалистов газета «Попюлер» опубликовала злобную статью, где пыталась представить антифашистский конгресс молодежи как «коммунистический маневр», а делегатов как марионеток, которые, мол, аплодируют по указке — даже тем речам, которые произносятся на непонятном для них русском языке. Вот это-то выступление «Попюлер» и возмутило многих молодых социалистов, представлявших, как уже отмечалось, десятую часть делегатов конгресса. Большинство их искренне — вопреки запретам со стороны правосоциалистических лидеров — добивались единства действий с коммунистами в совместной борьбе против фашизма и империалистической войны. Однако были среди них и люди колеблющиеся, предубежденные. Враждебные выступления печати могли разлагающе действовать на неустойчивые умы.

Многие сложности только подогревали Косарева, он рвался в бой.

«Перед началом своего выступления Косарев сказал:

— Я буду говорить по-русски, а Тамара Мотылева будет переводить мою речь на один из иностранных языков — на французский, немецкий или английский, как вы хотите. А перевод на другие языки пусть идет параллельно, чтобы не терять времени, вы уж позаботьтесь об этом сами.

Участники собрания недовольно зашумели, а Пьер Тюротт — организатор собрания — вполголоса объяснил нам:

— Никто тут не возьмется переводить. Видите, какая накаленная атмосфера — у нас много внутренних разно-

гласий, взаимного недоверия. Придется вам перевод на все три языка взять на себя.

На том и порешили. Косарев делал перерывы после каждой фразы и терпеливо ждал, пока я, — вспоминала Мотылева, — его переведу на три языка. Кто знает, может быть, ему и кстати были эти перерывы: он внимательно наблюдал за аудиторией, за сменой ее настроений, обдумывал выражения, подыскивал аргументы. И по мере того, как он говорил, все более отчетливо ощущалось расслоение присутствующих — большинство принимало речь Косарева сочувственно, с доверием, а меньшинство продолжало злобствовать.

Общение оратора и слушателей становилось все более живым. Косареву задавали вопросы, высказывали возражения, а он каждый раз безошибочно верно находил тон для ответа.

Женщина не первой молодости, сильно напудренная, с вычурной прической, назвавшаяся представительницей социалистической молодежи Марселя, несколько раз подавала недоброжелательные реплики: ей сильно не нравился ход собрания.

— Что скажут о нас те, кто послал нас сюда, — сокрушалась она, — когда узнают, что мы установили контакт с русскими коммунистами!

Косарев тут же парировал:

— Тем, кто в своих поступках руководствуется не убеждениями, а боязнью, «что про меня скажут», тем лучше заниматься домашним хозяйством, а не играть в политику!

Дама из Марселя побагровела, и куда только делась ее чопорная благовоспитанность! Она завопила:

— Невежда! Идиот!

Но большинство собравшихся встретили слова Косарева одобрительным смехом и аплодисментами.

Пьер Тюротт предложил послать от имени собравшихся письмо в редакцию «Юманите» с протестом против раскольнического, недобросовестного выступления правых социалистов в газете «Попюлер». Текст письма был принят подавляющим большинством голосов.

Косарев одержал явную моральную победу. После собрания многие подходили к нему — пожать руку, получить автограф, просто поговорить. Ему задавали еще и еще вопросы, и он с готовностью отвечал. Он вышел из зала очень усталый, но довольный. Мне он сказал только:

— Ну и досталось тебе сегодня».

Итоги участия Косарева в дискуссии с молодыми социал-демократами, как показали дальнейшие события, вышли далеко за пределы его «моральной победы».

С каждым годом повышалась активность Ленинского комсомола в международном юношеском движении. Братские союзы молодежи, консолидированные КИМом, творчески использовали опыт ВЛКСМ, преодолевали имевшуюся у них сектантскую замкнутость, расширяли влияние на широкие массы юношей и девушек. Однако на пути сплочения молодежи для борьбы против фашизма и военной опасности было еще немало трудностей.

Дискуссия Косарева с молодыми социалистами показала, что на пути единения их сил с коммунистами во имя мира стояла раскольническая политика лидеров Социалистического интернационала молодежи (СИМ), а также сектантские ошибки, допускавшиеся молодыми коммунистами. Необходимо было искать новые, неординарные пути для преодоления этих трудностей. И Косарев нашел их.

В мае 1934 года ЦК ВЛКСМ впервые в истории пригласил в Советский Союз делегацию одной из ведущих секций СИМа — «Молодую гвардию» Бельгии. На встрече с ней Косарев показал себя настоящим красным дипломатом. Тактично, но и настойчиво он разъяснил молодым социалистам цель и смысл единого фронта в условиях наступления фашизма и угрозы войны, раскрыл важность проведения в борьбе с фашизмом принципа пролетарского интернационализма.

Возвратясь на родину, делегаты «Молодой гвардии» опубликовали правдивый материал о поездке в нашу страну. Под давлением обстоятельств Исполком СИМа был вынужден обсудить в августе 1934 года вопрос о едином фронте, результатом чего было некоторое послабление организациям, уже ведущим переговоры на эту тему с молодыми коммунистами.

Но вернемся на Парижский конгресс. Поздно вечером, когда делегации угомонились и в отеле «Дю Норд», что в районе Северного вокзала, наступила редкая минута тишины, Будниченко застала Косарева в небольшом холле. Он сидел в глубоком кресле, задумался и не сразу ответил на ее приветствие.

— Да очнитесь вы, Саша! Что стряслось с вами? Я вам гово́рю, гово́рю, — тараторила она с ярким украинским акцентом, — а вы все молчите и молчите...

— Прости, Наташа, задумался. Какой же я недотепа, что иностранные языки не изучаю. И знание их мне так нужно сейчас, не говоря уже о будущем! Вон Тамара Мотылева как шпарит на трех языках... Настоящий полиглот!

Косарев глубоко вздохнул. И замолчал. Потом тихо и будто бы доверительно сказал:

— Не от зависти так говорю. Сегодня на встрече с социал-демократами я прямо-таки физически почувствовал себя рыбой на песке, когда Тамара вдруг с переводом замешкалась. И еще. Я собеседнику в глаза привык смотреть, в них читать, как он к моим словам относится. Понимаешь? К *моим* словам, а не озвученным другим человеком. У каждого человека есть своя, неповторимая интонация в голосе, единство слова с чувством, с отражением в глазах. Они же обогащают слова. Эх! Да, что и говорить...

То была давнишняя, но так и не исполнившаяся мечта Саши Косарева. Еще в двадцатых годах, отвечая на вопрос анкеты: «Где бы хотел учиться?» — он назвал комвуз и добавил: «изучать иностранные языки». Позже Саша стремился к тому, чтобы будущее поколение оказалось счастливее и удачливее его. Потому и обратился он в 1935 году через «Комсомольскую правду» к преподавателям иностранных языков с призывом: улучшить преподавание в школах, вузах, на курсах! Первыми на призыв Косарева отозвались дирекция и преподаватели иностранных языков Московского энергетического института. Они вызвали все родственные кафедры и специализированные вузы страны последовать их примеру.

На Парижском конгрессе Косарев сблизился с руководителем французских комсомольцев, генеральным секретарем Исполкома КИМа Раймоном Гюйо. В 1928—1929 годах Раймон добился того, чтобы центральный печатный орган комсомола Франции «Авангард» стал антимилитаристским журналом, и потом из-за этого три года скрывался в подполье от преследований полиции. Летом 1932 года Р. Гюйо арестовали. В тюрьме он объявил голодовку в знак протеста против применения к нему режима уголовников. Коммунистическая печать мира широко извещала общественность о стойком поведении молодого борца-антимилитариста, организовала кампанию за освобождение Гюйо.

И вот Раймон на свободе. Он — один из организаторов конгресса. Вместе с Косаревым ему удалось осуще-

ствить важнейший замысел — положить начало широкому единому фронту пролетарской молодежи. С трибуны высокого форума Гюйо подчеркнул, что советская делегация существенно содействовала тому, чтобы конгресс сделал значительный шаг вперед в определении правильных путей, по которым рабочая молодежь должна вести борьбу против войны и фашизма.

В конце конгресса молодежь Саарской области Германии вручила советской делегации Красное знамя, которое немецкие антифашисты не раз несли впереди своих боевых колонн.

Парижский конгресс убедительно продемонстрировал возможность образования единого фронта прогрессивных сил молодого поколения рабочего класса. «Мы не хотим больше проливать кровь за интересы богачей. Мы призываем молодежь всего мира к единению. Мы отомстим за мертвых. Мы призываем к борьбе за живых», — заявили его участники.

Для развертывания в мире антивоенного и антифашистского юношеского движения на конгрессе был образован Международный комитет борьбы против войны и фашизма. От молодого поколения СССР в него вошли А. Косарев, В. Чемоданов — секретарь Исполкома КИМа, а также К. Тимофеев и Н. Будниченко.

Конгресс закончил работу, и у советской делегации осталось немного времени для осмотра Парижа.

— Сначала на кладбище Пер-Лашез, — предложил Раймон Гюйо.

Небольшая группка советских комсомольцев долго стояла у стены Коммунаров, а Раймон рассказывал о последних, трагических днях Парижской коммуны. Здесь, на кладбище Пер-Лашез, защитники Коммуны сражались особенно героически. Вечером 27 мая оставшиеся в живых коммунары были окружены, схвачены и расстреляны вот у этой стены.

— Генерал Галифе, — говорил Гюйо, — руководил кровавой расправой над коммунарами. Он расстреливал всех, у кого руки были в порохе, кто имел вид рабочего. Расстреливал даже женщин и детей.

Саша слушал, но было видно, что глубоко погружен в какие-то свои, целиком поглотившие его мысли. О чем думал он? О мужестве коммунаров, отстреливавшихся, скрываясь вот за этими гранитными памятниками, что совсем рядом и с незатертыми пробоинами от пуль, или о том, как же, наверное, трудно, не согнувшись, стоять пе-

ред ружейными стволами в ожидании последнего услышанного в своей жизни рокового слова: «Пли!» И как это вообще стоять под огнестрельным дулом?..

Он тихо подошел к каменной ограде, прикоснулся к ее шершавой поверхности, будто желал удостовериться, не хранит ли она огонь той, уже далекой революции и душевное тепло ее героев. Потом подошел к тому месту, где стену обвила сильная лоза дикого винограда, сорвал листик, и, ни слова не говоря, положил между страниц блокнота.

«Я была потрясена этим, — рассказывала Мария Викторовна Нанейшвили, — его рациональной натуре чуждо было проявление сентиментальности в любой форме. Даже если это чувство и было в какой-то мере свойственно ему, то он умело его прятал...»

Потом была поездка в Лувр, долго бродили вдоль Сены, мимо «зеленых коробов» букинистов; по кривым улочкам поднимались на Монмартр. И в конце концов измученные добрались до казино «Де Пари». И ничто — даже следовавшие по пятам шпики — не омрачало знакомства с городом. А вскоре наступило время удивляться и Раймону Гюйо. Косарев с таким знанием рассказывал об описаниях Парижа в произведениях Бальзака и Гюго, Флобера и Ромена Роллана, что на удивленный вопрос Раймона Саша ответил: «У меня такое чувство, будто я когда-то уже жил в Париже, — так хорошо описали его в своих произведениях французские классики».

Возвратясь на Родину, Косарев поведал молодежи всю правду о фашизме: «Буржуазия тоже прививает «героизм» своей молодой гвардии, — писал он в «Комсомольской правде». — Фашисты превозносят идеал «сильного человека», вспоминают времена рыцарства, воспевают мистические свойства арийской расы, светловолосых тевтонов, призванных быть завоевателями, у которых геройство в крови. Где они, эти сильные люди буржуазии? Разве не показательно, что в поисках героя известный буржуазный писатель Стефан Цвейг обратился к образу Жозефа Фуше, профессией которого было предательство?.. А героизм их молодежи? На какой героизм способны молодые громилы из штурмовых отрядов, вскормленные молоком Третьей империи? Напасть вдесятером на одного безоружного рабочего, жечь книги на кострах и громить универси-

теты, избивать заключенных в концлагерях и лжесвидетельствовать на суде — вот их героизм.

Борьба за победу социализма, за крепость нашей обороны — вот арена для героизма людей нашего класса».

Идея мирового единения молодежи за мир, свободу и прогресс, за построение общества, удовлетворяющего потребности молодого поколения, росла и ширилась. Горячо поддержанная Анри Барбюсом и Роменом Ролланом, она привлекла в апреле 1935 года свыше сотни делегатов от юношеских организаций различных политических течений и религиозных толков снова в столицу Франции. «В страстную субботу, пасхальное воскресенье и понедельник в парижском Саль де ла Мютюалите, — сообщал журнал «Авангард», — заседала международная конференция молодежи, созванная мировым антивоенным и антифашистским комитетом молодежи ряда стран и рядом лиц с Анри Барбюсом во главе. Два лозунга на всех языках мира прежде всего бросались в глаза приходящим делегатам. Эти лозунги передавали основной смысл заседания: «Мировое единение молодежи за мир, свободу, прогресс!» и «За мировое сплочение молодежи!» ...Оба вождя советской молодежи — Косарев и Чемоданов — приедут с запозданием».

Что случилось с делегатами советской молодежи? Опять подвел самолет? Ответ находим лишь в пожелтевших подшивках газеты французских коммунистов «Юманите». Вот что писала она об этом в номере от 25 апреля 1935 года:

«Вчера в Париж прибыла советская делегация, которая должна участвовать в работе Интернациональной молодежной конференции. Эта делегация, состоящая из товарищей Косарева и Чемоданова — представителей советской молодежи, не смогла присутствовать на конференции, ввиду затруднений, встреченных при получении визы в Польше».

Итак, стало ясно: правительство Пилсудского, без всяких на то оснований, задержало наших делегатов. «Принцип» — маленькая гадость, но все-таки приятно — стал излюбленным в делах мидовцев-пилсудчиков при решении «русских вопросов»...

— Стоит ли, Василий, ехать к шапочному разбору? — засомневался Косарев. — Было уже со мной такое во Франкфурте-на-Майне...

— Сто́ит, Саша! Сто́ит! Пусть под конец конференции

приедем, но пойми, что сам факт присутствия советской делегации будет иметь *колоссальное* значение.

Чемоданов умышленно сделал ударение на слове «колоссальное». У Косарева временами появлялись любимые слова и выражения. Сейчас таким словом стало оно — *колоссально!*

В это время телеграф принес сообщение: «По предложению английской делегации конференция приветствует советскую молодежь и ждет делегацию Ленинского комсомола»!

— Едем!!!

О дальнейшем сообщал журнал «Авангард» от 4 мая 1935 года:

«Делегаты советской молодежи Косарев и Чемоданов, оба члены Мирового молодежного и антифашистского комитета участвуют в работе интернациональной конференции...

Чемоданов и Косарев были встречены тепло и сделали заявление, произведшее большое впечатление. В согласии со всеми делегатами они заявили о том, что в настоящее время имеет огромное значение необходимость тесного сотрудничества против войны и фашизма. Они подчеркнули, что это движение молодежи не должно зависеть ни от одной политической партии, чтобы облегчить сотрудничество всех молодежных организаций: профсоюзных, христианских, либеральных, студенческих, спортивных, культурных, социал-демократических, а также — неорганизованной молодежи и организаций молодых девушек.

Чемоданов и Косарев отметили в особенности, что характер этого движения, имеющего гигантские перспективы, дает молодежи возможность бороться самой за свои культурные, социальные и политические интересы».

В один из перерывов к Косареву подошел профессор Ривэ. Он возглавлял национальный антифашистский комитет интеллигенции Франции и в первый же день приветствовал конференцию. Взяв Косарева под локоть, Ривэ подвел Сашу к столику, где стояли заготовленные чашечки с черным кофе и их ожидал один из организаторов конференции Жан Пенлеве.

— Мсье Косарев, я уже говорил и не устану повторять, что вместо того, чтобы умирать за «отечество» — лучше жить и работать для человечества, — и Ривэ засмеялся, довольный своим каламбуром.

— Легче идти по старым путям назад, — вмешался в

разговор Жан Пенлеве, — чем продвигаться вперед по неизведанным.

Косарев уловил в словах профессора Ривэ пацифистский оттенок. На конференции были и пацифисты и даже представитель «молодых фашистов, которые отвернулись от политики войны и угнетения, проводимой их вождями». В этом «Ноевом ковчеге» его, Косарева, задача заключалась в том, чтобы помочь организаторам конференции положить начало единому антивоенному фронту молодежи, но взглядов пацифистов не поддерживать.

— Я не был на первых заседаниях конференции, — заметил Саша. — Но их дух и содержание хорошо отражены в резолюции. — Косарев раскрыл «Бюллетень № 1», который во время разговора держал в руках свернутым трубочкой. Полистав, нашел в нем место, где сверху строк был сделан русский перевод. — Вот! Слушайте: «Конференция высказала единодушное мнение о том, что гитлеровский фашизм является самым ярким проявлением натравливания народов друг против друга и что он представляет собой жестокого поджигателя войны, который считает, что чем скорее, тем лучше было бы начать мировую бойню, направленную против Советского Союза — признанного широкими массами передовым борцом за мир».

Саша прекратил чтение и от себя добавил:

— Мы за создание единого фронта молодежи против фашизма и войны, — потом четко, как бы чеканя, повторил: — И войны! Единение сил молодежи именно для борьбы с источником и вдохновителем войны — наша главная задача. — Он помолчал немного, а затем, снова полистав «Бюллетень», закончил: «Конференция подчеркнула также, что одна из важнейших целей должна заключаться в поддержке всеми силами стремления к освобождению колониальных народов и угнетенных национальностей». — Пока переводили его слова, подумал: — «Так-то лучше. Иначе могут обвинить меня в том, что на конференции я выступил против единения сил и оттолкнул от движения за создание единого фронта представителей пацифистской молодежи... А тут я действую в рамках официального документа».

Вокруг столика уже образовалась большая группа. Услышав перевод последних слов Косарева, в разговор вклинился делегат, приехавший из Индокитая.

— Было бы неверно высказываться против любой формы войны. Национально-революционная война коло-

ний против империалистических угнетателей означает не только освобождение колониальной молодежи от ее рабской участи, она означает одновременно и расшатывание всей империалистической системы, породившей войну и фашизм.

Косарев благодарно посмотрел на индокитайца, а Ривэ поморщился.

— На нашей конференции, — сказал Ривэ в ответ индокитайскому делегату, — вы похожи на пожарного, который, отправляясь на пожар, заправил свою бочку не водой, а керосином...

Что тут началось!.. Ривэ уже пожалел, что так опрометчиво бросил эту фразу. Выручил обладатель густого баса. Он говорил так громко и внятно, что переводчик, замолчавший было в образовавшейся сутолоке голосов, стал переводить Саше именно его:

— Пуаре Бибер, сторонник светско-республиканской молодежи, — представился он. — Когда мы говорим о фашизме, необходимо подчеркивать, что есть не только Германия Гитлера, но и Германия поэтов и мыслителей, Германия музыкантов и философов...

Но и его перебили. На сей раз в разговор вклинилась девушка из Испании. (Позднее она подошла к Косареву. «Аврора, — представилась девушка, улыбаясь. — Нет-нет! Я — не ваш знаменитый крейсер, мое имя — Аврора»).

— Фашизм — это война! — почти выкрикнула она, отчаянно жестикулируя. Красная шапочка — «испанка» изумительно шла ей, очень гармонировала с ее темпераментной натурой. — Повсюду, как и в Мадриде, в Испании установлен широкий антифашистский фронт, — продолжала говорить Аврора по-прежнему громко и рублеными фразами. — Фашизм натолкнулся на твердое сопротивление! Женщины борются вместе с мужчинами! Бороться против фашизма — это значит бороться против войны!

Собравшиеся дружно зааплодировали. Весь мир следил за развитием событий в Испании, особенно после подавления восстания рабочих в Астурии и Овидо.

Когда аплодисменты стихли, снова загудел бас Пуаре Бибера:

— Представитель советской молодежи не ответил на мой вопрос.

— Какой вопрос? — насторожился Косарев. — Ника-

кого вопроса не было! А на вашу реплику я отвечу: мы — против Германии Гитлера, а не Германии Тельмана.

И тут до слуха Косарева дошел перевод «представителя тех молодых фашистов, которые отворачиваются от политики войны и угнетения, проводимой их вождями»:

— После двух лет гитлеровского фашизма растет понимание того, что большие надежды, возлагавшиеся на него, не оправдались. Гитлеровская молодежь является подкупленным, действующим с помощью насилия фактором. Но молодежи мира надо брататься с немецкой молодежью.

— Брататься?! С гитлеровской молодежью? — вскипел Косарев. — Вы оглянитесь вокруг — тучи новой войны собираются и делаются все более угрожающими. Бесконечные провокации гитлеровского фашизма, поход Италии против Абиссинии, грабительская война Японии в Китае. В странах капитала наступила эра милитаризации. Сотни тысяч имеющих образование молодых людей — без работы. Молодежи предлагается только один выход — мировая война! Нет! В этих условиях нужно единение сил всей молодежи для борьбы с фашизмом и войной, а не прекраснодушное братание!

На этом незапланированная дискуссия оборвалась. Председательствующий Раймон Гюйо пригласил всех в зал на закрытие конференции.

Косарев слушал Р. Гюйо удовлетворенно. Этот молодой француз с каждой встречей все больше и больше нравился ему. Сейчас Раймон подводил итоги:

— Власть, представляющая в настоящее время силы войны, — это фашизм Гитлера. Он требует не только аннексий некоторых провинций, которые называет немецкими, но и подготавливает войну против Советского Союза... В Англии, Франции, Бельгии круги, не являющиеся меньшинством, выступают за создание антирусского блока с Германией.

Косарев слушал его и старался представить себе будущее мира. Оно рисовалось тревожным и в то же время расплывчатым. Шел май 1935 года. До «аншлюса» — насильственного присоединения гитлеровской Германией Австрии — оставалось всего 1050 дней и немногим больше трех лет до захвата Германией Судетской области Чехословакии. Тучи над миром сгущались не фигурально — реально.

С Раймоном Гюйо Косарев встретился ровно через пять месяцев в Москве на VI конгрессе Коммунистического интернационала молодежи.

— Какая драма! Все здоровые и прекрасные чаяния молодежи повергнуты в прах, — с горечью говорил Р. Гюйо, открывая конгресс. — Чтобы «спасти» старый мир, фашизм обрекает народы на рабство и толкает их на бойню. Он объявляет войну цивилизации и человечеству. Но цивилизация будет жить, и человечество будет спасено нами. Над погруженной в мрак землей ослепительным светом сияет звезда социализма, взошедшая над бывшей царской империей. Слава тем, кто строит эту страну мира и свободы, кто воспитывает молодое поколение свободных людей!

Еще звучали слова перевода, а участники конгресса поднялись в едином порыве, и, обратясь в сторону советской делегации, долго аплодировали ей. «Делегацию Ленинского комсомола, — сообщала печать, — возглавляет выросший в рядах юношеского движения т. Косарев».

2 октября, вечером, заседание конгресса было посвящено 15-летней годовщине речи В. И. Ленина на III съезде РКСМ — «Задачи союзов молодежи».

— Речь Ленина, — говорил Косарев в докладе на конгрессе, — адресована не только к молодежи Советского Союза. Она — источник большевистско-ленинской мудрости для поколения революционеров всех стран, народов всех рас. Знакомство с этой речью, выполнение ее указаний помогут всем секциям Коммунистического интернационала молодежи... Работаешь ли ты легально или нелегально — твоя задача изучать науку, готовить из себя полноценного и передового борца за дело коммунизма. Находитесь ли вы в тюрьме, в ссылке, в глубоком подполье, в работе — всюду, молодые товарищи, следуйте ленинским заветам, везде стремитесь выполнить величайший из его заветов — учиться коммунизму.

Так Косарев обратил внимание на то, что в том, далеком октябре 1920 года Владимир Ильич как бы «перешагнул национальные границы», раскрыл интернациональное значение многих из задач коммунистических союзов молодежи «в социалистической республике вообще».

Борьба за создание единого фронта молодежи против фашизма и войны по-прежнему была в центре международной деятельности комсомола. Прямыми и окольными

путями шли к Косареву письма молодежи со всего света. В них она делилась с секретарем ЦК ВЛКСМ успехами, с горечью сообщала о потерях. «Единый фронт молодых рабочих был закреплен кровью, — писали ему французские комсомольцы. — Четыре наших товарища пали жертвой в борьбе с врагом: член конфедерации — Лушен, неорганизованный — Вильмен, юный красный спортсмен — Скортисати и молодой рабочий — Лами были убиты полицейскими». Из глубокого подполья направляли свои письма в Центральный Комитет ВЛКСМ и германские комсомольцы. «Бесценными вестями от товарищей по борьбе» назвал их Косарев. Зарубежные друзья буквально жили успехами советских людей, видели в них источник силы, своих побед. «Герои-челюскинцы», — писали в мае 1933 года руководители ЦК комсомола Германии, — являются для всех немецких комсомольцев вдохновляющим большевистским примером в их тяжелой нелегальной борьбе против фашистской диктатуры до неизбежной победы социализма в Германии».

А мир потрясали все новые и новые события. В феврале 1936 года на выборах в кортесы в Испании победил народный антифашистский фронт. Летом внутренняя контрреволюция во главе с генералом Франко подняла мятеж против республиканского правительства, поддержанный фашистскими правителями Италии и Германии.

Началось первое крупное сражение с фашизмом.

Лозунги «Руки прочь от революционной Испании!», «Мы — с вами!» звучали на всех собраниях и митингах советской молодежи. К осени 1936 года общественные организации СССР собрали в фонд помощи испанским борцам более 48 миллионов рублей. Около 42 тысяч революционеров-антифашистов сражались в Испании в составе интернациональных бригад.

Таков был первый реальный результат борьбы прогрессивных сил мира против фашизма и войны.

В частях республиканской армии было более двух тысяч и советских добровольцев. Среди них — воспитанники комсомола.

Вся организаторская работа по оказанию помощи республиканской Испании со стороны ВЛКСМ легла на плечи Косарева; советские военные специалисты отправлялись в горячую точку борьбы с фашистами под псевдонимами. Их подлинные имена советские люди узнали лишь много лет спустя. Но зато широко и открыто проявлял Ленинский комсомол заботу об испанских детях,

родители которых погибли в боях с фашистами. Саша не упускал случая, чтобы встретиться с героями-республиканцами. На одной из встреч 15 бойцов, «избранных в состав делегации в окопах и в боевом тылу Испанской республики» от имени своих боевых товарищей передали привет советской молодежи. Косарев внимательно слушал пулеметчика Франциско Верра, «стахановца» — именно так представился ему молодой рабочий — Зурбано Рамона, руководителя объединенного союза молодежи города Бильбао — Веласко Серхио и других.

— Ваша борьба, — говорил Косарев, прощаясь, — нам близка, мы ненавидим фашизм так же, как и вы.

Летом 1936 года Косарев стал членом Всесоюзного комитета движения за мир. Под председательством первого секретаря ВЦСПС Н. М. Шверника и вместе с академиками В. Л. Комаровым и О. Ю. Шмидтом, представителем МОПРа Е. Д. Стасовой, советскими писателями А. Н. Толстым, В. П. Ставским и другими членами комитета он деятельно готовился к Международному конгрессу мира. Этот конгресс открылся 3 сентября в Брюсселе в зале «Дворца столетия». Но Косареву пришлось выехать не в Брюссель, а в Женеву.

С 31 августа по 3 сентября 1936 года в Женеве проходил Всемирный конгресс молодежи. Он был созван по инициативе Международного объединения союзов друзей Лиги наций для того, чтобы молодежь всех стран совместно обсудила вопрос, как сохранить мир и предотвратить войну, нашла основу и формы своего интернационального сотрудничества.

Люди всех возрастов с тревогой наблюдали, как в центре Европы, в Германии, фашистское правительство, попирая международные обычаи, угрожало своим соседям, и в первую очередь СССР, авантюристическим походом. Тревога за судьбы мира усугублялась напряженной обстановкой, царящей на Дальнем Востоке. Неудивительно, что мысль о созыве Всемирной конференции молодежи во имя сохранения мира и предотвращения войны встретила горячий отклик у молодежи всех стран.

Визы, визы, визы... Каждый раз Косарев мрачнел, когда слышал это слово. «До чего же боятся капиталистические заправилы голоса советского человека, правды об СССР». Ни один выезд гражданина СССР за рубежи своей Родины, ни одно получение визы не проходили без осложнений.

Капиталистическое окружение... Оно особенно реально ощущалось в таких случаях. Куда ни кинь: на юг ли, на запад, на восток — кругом границы капиталистических государств, нескрываемая неприязнь их правительств к советскому человеку. Только с помощью друзей антифашистов, преодолевающих надуманные препятствия, комсомольские лидеры получали право на въезд в капиталистическую страну. Даже если приглашающая сторона — сама Лига наций — международная организация, имевшая целью (согласно уставу) «развитие сотрудничества между народами и гарантию мира и безопасности».

Женевскому конгрессу предстояло стать мощной демонстрацией против войны и фашизма, за мирную политику Советского Союза. Потому и приехали 18 июля 1936 года А. Косарев и В. Чемоданов в Париж на заседание Международного бюро всемирного объединения молодежи за мир, свободу и прогресс. Они категорически отмели инсинуации врагов мира и прогресса, тщившихся показать, что Женевский конгресс замышляется как коммунистический, работающий по указке «из Кремля». «Если бы конгресс был действительно коммунистическим, то это было бы очень печально для нас, молодых коммунистов, — говорил Косарев, — потому что мы не считаем защиту мира и борьбу против войны каким-то особым делом, которое должно быть сконцентрировано в руках коммунистов. Напротив, мы думаем, что это дело всего мира, которое должно защищаться молодежью всего мира.

Мы говорим открыто: мы идем на конгресс не для того, чтобы завоевать большинство. Мы идем туда, чтобы помочь сотрудничеству всех молодых людей, установить самую тесную дружбу во всем том, что касается защиты мира и борьбы против войны. Мы идем на конгресс не для того, чтобы провести там какую-то коммунистическую резолюцию; мы считаем это совершенно ненужным. Мы идем туда исключительно потому, что хотим в атмосфере братства и дружбы выслушать и обсудить мнения, которые имеет молодежь мира в вопросах защиты мира».

На Женевском конгрессе Косарев выступил с докладом о коммунистической точке зрения на вопрос о мире.

Саша выступал на русском языке. Аудитория вслушивалась в незнакомую ей речь, стремясь уловить хотя бы знакомые слова. Но вот появились разносчики с размноженным на ротаторе и переведенным на француз-

ский, английский, немецкий и испанский языки полным текстом доклада. «Интересно... было наблюдать, — рассказывал спустя несколько дней В. Чемоданов, — как делегаты буквально с боем расхватывали его. Доклад товарища Косарева внес оживление в работу конгресса, носившую до этого несколько академический и, я бы сказал, абстрактный характер.

Чем же выгодно отличался доклад товарища Косарева от других докладов на конгрессе? Тем, что в нем была полностью отражена та точка зрения на мир, которую разделяет и отстаивает СССР и которая приобретает все больше и больше сторонников среди народов других стран. В его докладе, — продолжал Чемоданов, — была дана уничтожающая критика агрессоров, идеологов национализма, шовинизма и так называемой «расовой теории», было ясно показано, где находятся очаги войны и была развернута широкая программа борьбы за мир».

— Дорогие друзья! — обращался Косарев к делегатам конгресса. — Мы все чувствуем и признаем, что приближается военная катастрофа. Тревога за свою судьбу, свое настоящее и будущее со всей силой охватывает сердца сотен тысяч и миллионов молодых людей во всем мире. Они мысленно спрашивают себя — неужели нам суждено сражаться на полях войны во имя интересов ожиревшей кучки магнатов? Мы отвечаем юношам и девушкам всех стран мира: да, это может случиться, но в вашей воле, в вашей силе заложена возможность избежать этой участи и не допустить войны. Вы спрашиваете нас, что надо для этого сделать? Мы отвечаем, надо, чтобы молодые рабочие, служащие, учащиеся, студенты, безработные, крестьяне, все юноши и девушки, все их организации без различия политических убеждений и религиозных верований объединили свои разрозненные силы в могучую крепость в каждой стране и на международной арене...

Скажу еще яснее: сегодня всю молодежь объединяет борьба за сохранение своей жизни, своего собственного существования. Когда над мирными городами появятся бомбовозы агрессора, одинаково будут переживать величайшие страдания и муки молодые католики, социалисты, республиканцы, демократы, христиане, коммунисты и т. д. Разрушительные бомбы и удушливые газы будут одинаково смертоносными для молодежи всех политических мировоззрений и религиозных верований... Ничто не

может и не должно помешать сотрудничеству и объединению сил молодежи, всех ее организаций для торжества дела мира.

В тот же вечер Косарев отвечал на многочисленные вопросы делегатов, среди которых были явно провокационные и отражавшие сомнения людей, их неверие в успехах СССР. Правда о Советском Союзе с большим трудом пробивалась через пограничные кордоны капиталистических государств. Ложь как из рога изобилия заливала полосы буржуазной прессы. Один из делегатов религиозной организации с апломбом потребовал предоставить ему проект новой Конституции СССР, чтобы он «мог лично удостовериться в правильности утверждения господина Косарева о содержащихся в ней гарантиях свободы совести».

Саша выслушал его то ли вопрос, то ли выступление. Усмехнулся. Спокойно распорядился: «Дайте ему текст Конституции, переведенный на французский, да еще «Правду» в придачу — на русском языке. Пусть со своими переводчиками сидит и сличает...»

Уже стихли голоса спорщиков, и делегаты собирались покинуть зал, когда слово попросил тот же представитель религиозной организации. Явные недоброжелатели Советского Союза насторожились, надеясь получить в дискуссии хотя бы незначительный моральный перевес. Но то, что произошло минуту спустя, произвело на них ошеломляющее впечатление: делегат публично просил извинения у Косарева и у всего конгресса за то, что «он позволил себе усомниться в правильности утверждения о предоставленном гражданам СССР праве свободы совести, свободы вероисповедания».

Острыми были дискуссии на Женевском конгрессе. Саша только удивлялся, как реальная опасность войны, конструктивные предложения советской делегации и активизация сил многих молодежных организаций у себя «дома» в борьбе против фашизма обусловили четкость их позиций на конгрессе.

— Слыхал? — говорил Саша Чемоданову. — Вечером, оказывается, состоялось частное совещание делегатов христианских организаций, на котором они дебатировали вопрос о возможности сотрудничества в борьбе за мир с коммунистами.

— И знаешь, чем закончилось оно? — перебил Чемоданов.

— Пока нет...

— Так вот, слушай. — Чемоданов от друзей по КИМу уже успел получить исчерпывающую информацию. — За исключением лишь русского эмигранта-белогвардейца, — рассказывал он, — делегата одной из швейцарских организаций, все участники совещания выступили за сотрудничество с коммунистами. А резюме председателя дискуссии я даже записал. — Чемоданов раскрыл рабочий блокнот в мягком переплете («Удобно носить такой блокнот, — говорил он часто Косареву, — всегда при себе в любом кармане»). — Вот, слушай, — продолжал Василий: — «При общем одобрении собравшихся председатель отдал должное энергии и преданности коммунистов в антивоенной борьбе и подчеркнул, что если члены христианских делегаций желают кого-либо критиковать по этому вопросу, то следует в первую очередь критиковать собственную организацию за недостаточную энергию, проявленную в борьбе за мир».

— Да, Вася, сдвиги в умах молодежи произошли действительно колоссальные. Безусловно, что настоящий конгресс — серьезный шаг на пути борьбы за мир. Но это только начало. Нам предстоит огромная работа. Мы должны торжественно объявить 1937 год годом мира, годом напряженной всевозрастающей активности молодежи.

Женевский конгресс, так же как и Парижский, был против не всякой войны. Он бурно приветствовал делегатов испанской молодежи — участников вооруженной борьбы с фашизмом. Среди них — восемнадцатилетнего бойца народной милиции Марию Альмаредо — мадридскую работницу, раненную 5 августа в горах Гуадаррама. Брат и жених Марии были убиты в боях за республику. Каждый месяц приносил известия, подтверждавшие правильность ленинского учения о войнах несправедливых и справедливых. Сторонникам пацифизма, присутствовавшим на конгрессе, был дан наглядный урок.

Таковы лишь несколько страниц из комсомольской летописи, рассказывающих об участии Косарева в международной деятельности ВЛКСМ и только о его роли на нескольких международных форумах молодежи.

ЕЩЕ РАЗ О ГРАНЯХ ЕГО БОГАТОЙ НАТУРЫ

Саша очень тонко чувствовал пульс жизни. Он считал, что каждый руководитель должен уметь находить в сумме самых разноплановых дел наиболее важное, наи-

более существенное — главное дело, и при этом не отмахиваться от второстепенных вопросов, опять-таки от тех же «мелочей», и никогда не забывать о внимании к человеку, людям.

25 ноября 1936 года на бюро ЦК ВЛКСМ слушался доклад секретаря комсомольской организации Горьковского автозавода Виктора Сорокина.

Летом того года на ГАЗ приезжал секретарь ЦК ВЛКСМ Дмитрий Лукьянов. Ему было известно, что нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе и секретарь Горьковского обкома партии Э. К. Прамнэк высоко оценивали производственную работу автозаводского комсомола. Во всех цехах комсомольцы занимали передовые позиции в труде. Тут им было чем похвастать.

Но Лукьянов интересовался и бытом молодежи. Ему рассказали, что в поселках есть еще много фанерных бараков, оставшихся со времени строительства завода, и что в этих бараках живет преимущественно молодежь.

Пошли смотреть бараки. На Лукьянова они произвели тяжелое впечатление. На другой день он выступил на областном комсомольском активе и резко критиковал автозаводцев за терпимое отношение к плохим жилищным условиям молодежи.

Через некоторое время на автозавод приехала бригада ЦК ВЛКСМ. Когда она закончила работу, большую группу комсомольских активистов завода вызвали на бюро ЦК...

«Все мы впервые ехали на заседание ЦК, — вспоминал Виктор Сорокин, — где должны были встретиться со всеми руководителями комсомола. Это волновало. Мы горды были тем, что нас будут слушать на бюро ЦК ВЛКСМ.

Доклад мой был коротким. Выступили еще три-четыре наших работника. Затем выступили члены бригады ЦК и в заключение Александр Косарев.

Меня да и всех автозаводцев ошеломили их выступления. Ни слова о положительной работе. Говорили только о недостатках и главным образом об этих злосчастных бараках».

— Основное внимание должно быть обращено на человека, его запросы. Вот что главное, — говорил Косарев. — Каждому ясно, что вопрос с жильем самый острый. Мы сейчас в каменных домах квартиры дать всем не можем. Значит, нужно облегчить жилье в хороших бараках. У вас общих разговоров о стахановском движении избыток, а заботы об участниках движения ноль! В бараках

грязь, стекол нет, света нет, во многих из них крыши текут. А в этих бараках тридцать две тысячи молодых рабочих живут. А клуб? Лет пять тому назад я был в нем — задрипанный клуб... Что вы еще для молодежи построили?

Особенно остро Косарев критиковал Сорокина за то, что он, будучи членом Центрального Комитета комсомола, Автозаводского райкома партии и бюро Горьковского обкома ВЛКСМ, не сумел повлиять на улучшение быта молодежи.

— Обязаны ли вы в этих бараках производить ремонт? Нет, не обязаны. Это должны сделать хозяйственники. Но ваша святая обязанность бить в колокола в кабинете директора завода Дьяконова, настаивать на решении вопроса у секретаря обкома партии Прамнэка, наконец, перед наркомом товарищем Орджоникидзе...

«Он говорил, — вспоминал Сорокин, — что комсомол потому и называется боевой организацией, верным помощником Коммунистической партии, что он везде практически борется со всеми недостатками, создает нетерпимое отношение к ним и настойчиво добивается их ликвидации...

Вначале мне было тяжело слушать Косарева, но чем больше он говорил, тем легче становилось на душе. Он как бы открывал мне глаза на те ошибки, которые я раньше не замечал.

В проекте решения наряду с положительными примерами главным образом отмечались наши недостатки в работе с молодежью. Я понимал, что этот вопрос имеет общесоюзное значение и что на примере автозавода бюро ЦК ВЛКСМ хочет научить все заводские комсомольские организации, мобилизовать их на ликвидацию недостатков в заводских поселках, которые остались после строительства новых заводов...»

Сам Косарев не ограничился обсуждением вопроса на бюро. Он тотчас же встретился с Орджоникидзе и обстоятельно рассказал ему о бараках на автозаводе и в других рабочих поселках новостроек страны. Горьковский автозавод получил большие средства на строительство домов, а фанерные бараки спустя короткое время были снесены.

За годы Советской власти во всех национальных республиках произошли важные социальные преобразования. Комсомол национальных республик явился деятельным помощником партии в борьбе за переустройство жизни на новых, социалистических началах.

Лучшие свои силы комсомол выделял на работу по ликвидации неграмотности, возглавил движение за раскрепощение женщины, новый быт и новую культуру. Нередко комсомольцы становились жертвами байской мести. Но угрозы не смиряли отвагу молодых.

В ломке старого быта огромное зачение имел личный пример комсомольцев и особенно комсомолок-националок. Девушки, первыми снявшими чадру и вступившие в комсомол, чтобы учиться и работать вместе с юношами, тем самым бросали смелый вызов всем темным силам прошлого.

В эти годы, когда нужно было мобилизовать все трудовые силы народа для решения великих задач, и был поставлен вопрос о создании в комсомольских комитетах отделов или секторов по работе среди женской молодежи. Иначе не могло и быть: женщины составляли почти треть всех членов ВЛКСМ — один миллион человек!

В июле 1935 года по инициативе Косарева Центральный Комитет комсомола созвал всесоюзное совещание по работе среди женской молодежи. Ему предшествовали собрания на предприятиях, в совхозах и колхозах, районные и областные конференции.

Совещание открылось 1 июля и проходило в зале заседаний Совнаркома СССР (в помещении, где теперь ГУМ). На нем присутствовали А. А. Андреев, Н. К. Крупская, все секретари ЦК ВЛКСМ. Проходило оно необычно. Сцены и трибуны не было. Делегатки — многие из них были в ярких национальных костюмах — расселись за длинными столами, накрытыми зеленым сукном. Их попросили избрать президиум. Одна из делегаток предложила поручить ведение собрания бюро ЦК ВЛКСМ. Косарев, слушая ее, нахмурился, стремительно поднялся, но предложение внес, улыбаясь. Он обладал редким даром: искусством перевоплощения.

— Девчата, ваше совещание, сами на нем и хозяйничайте. Пора быть смелее. Смелее беритесь за руководство!

Председательствовать поручили Валентине Пикиной — в то время секретарю Ленинградского обкома ВЛКСМ по работе среди женской молодежи. Вела она заседание умело, тактично и даже задушевно.

На третий день перед девушками выступил Косарев:

— Я хочу вас предупредить, дорогие делегатки, об одной опасности, — говорил он в заключение, — когда вы приедете домой, вас, как красавиц новоявленных, завернут в широкие комитетские постановления, резолюции,

приветствия. Не давайте себя убаюкивать. Пользуйтесь своими правами полноценных членов комсомола, сами ломайте трудности, сами добивайтесь осуществления намеченных целей. Не садитесь на стул со сложеными ручень-ками...

По пути в ЦК он делился впечатлениями:

— Совещание прошло хорошо. Вопросы обсуждали поделовому. Актив что надо! С такими девчатами любое задание по плечу.

Косарев говорил, а сам вспоминал то, уже далекое, время, когда он вместе с городищенскими комсомольцами провел первое совещание деревенских девушек. Как много воды утекло за эти десять лет, и неузнаваемой стала женская молодежь, активной, задорной. А проблем в работе комсомола с девчатами все прибавлялось и прибавлялось. Росли запросы, усложнялись задачи.

После этого совещания ЦК ВЛКСМ несколько раз обсуждал состояние работы среди женской молодежи. А на 9 апреля 1937 года назначил обсуждение нового, необычного для Центрального Комитета комсомола вопроса — о работе среди молодых матерей-производственниц. «Ну и девчата? Подсунули на бюро вопрос! Да, что мы, мужики, понимаем в нем? Разобрали бы на отделе, а то — на бюро?!» — размышлял Косарев накануне.

Однако на самом заседании бюро все обернулось иначе.

Отдел ли ЦК подготовился к докладу плохо, и девчата не продумали задачи и главную цель его обсуждения, то ли не посоветовались они с работниками женотдела ЦК ВКП(б)? Теперь этого не восстановить. Только на заседании многие члены бюро сразу почувствовали, что докладчики подготовились плохо. Основное содержание своих обобщений девчата свели к... политическому образованию молодых матерей, чтобы не оторвались от общественной жизни, от политики. Внесли даже предложение прикрепить к каждой молодой матери персонального пропагандиста, который помогал бы ей разбираться в политических вопросах. Много и долго сетовали на неорганизованность молодых женщин: став-де матерями, нерегулярно платят членские взносы. В конце концов выдвинули совсем нелепое предложение: исключить молодых матерей из комсомола — «все равно рано или поздно оторвутся от активной работы в ячейке...» Остальные предложения девчат сводились к просьбе установить квоту женского представительства в выборных комсомольских орга-

нах. По этому вопросу девушки выступили обстоятельно, аргументы подкрепляли цифрами, но от этого складывалось неприятное впечатление: проценты застили им взгляд на живых людей, их нужды.

На бюро ЦК ВЛКСМ сложилась парадоксальнейшая ситуация: выступления секретарей ЦК Дмитрия Лукьянова и Петра Вершкова, ответственного редактора «Комсомольской правды» Владимира Бубекина и других юношей показали, что им, мужчинам, заботы молодых матерей оказались ближе и понятнее, чем этим девушкам-цекамолкам. Парни начисто отмели предложения об исключении молодых матерей из комсомола. Говорили об этом горячо, даже с возмущением.

Косарев сидел на том заседании бюро мрачнее тучи. Его и без того немного раскосые, с прищуром глаза, еще больше сузились. Под скулами заходили желваки.

Наступило время заключать обсуждение.

Это была не просто суровая речь. Казалось, Косарев забыл все: и то, что он — генеральный секретарь, а перед ним сидели девушки, которые были не просто ответственными работниками МК и ЦК ВЛКСМ, а близкими и симпатичными ему друзьями. Но был к ним Косарев на этом заседании беспощаден, потому что сейчас в его, косаревской, защите нуждались коренные, жизненно важные интересы молодых женщин-производственниц, готовящихся стать или уже ставших матерями. Он, как подлинный рыцарь, защищал их от казенного подхода и бездушного отношения к ним... самих женщин!

Косарев поднимался медленно, тяжело опираясь о край стола. Таким суровым и угрюмым его на заседаниях бюро видели редко.

— Я еще раз убедился в том, что моя постановка вопроса на последних заседаниях бюро об имеющимся в аппарате ЦК бюрократическом закостенении — правильная! Что получилось у нас в прениях? Довольно пикантная сутуация. Мы, парни, оказались вынужденными защищать женские интересы от попытки ущемить их... женщинами. Товарищ Васильева! — обратился Косарев к одной из них. — Вы за процентами и квотой не увидели главного — живых людей, молодых матерей, с их заботами, мыслями, тревогами...

Косарев посмотрел в сторону секретаря ЦК ВЛКСМ, ведавшей работой среди женской молодежи. Она сидела потупившись, нервно теребя изящный батистовый платочек, отороченный кружевами.

— Я и сам виноват в том, что полностью передоверил вам подготовку этого вопроса. Думал, догадаетесь подойти к нему всесторонне: встретитесь с широким кругом молодых матерей — по душам, по-женски побеседуете с теми из них, кто уже в разводе, и выясните причины развода, думал, что многие интимные вопросы выясните сами... Полагал, что без моих подсказок по такому, явно не мужскому, вопросу, догадаетесь узнать: как они живут, в чем нуждаются? А вам все это невдомек! Это и есть самая настоящая бюрократическая закостенелость.

Косарев откинул пятерней непокорно свесившуюся на лоб челку.

— Товарищ Рождественская, — обратился он к другой работнице, тоже неудачно выступившей на бюро. — Вы, кажется, с «Трехгорки»? Я уверен, что если бы вы и сейчас на «Трехгорке» работали, а не в горкоме комсомола, вы бы сегодня не поддержали Васильеву с ее тезисом о несовместимости материнства с принадлежностью к ВЛКСМ...

В это время Косареву передали лист бумаги. Он, еще разгоряченный речью, взглянул на него машинально, небрежно положил на стол. Потом, словно спохватившись, снова взял. Посмотрел внимательнее. Усмехнулся ехидно. И, показывая его членам бюро, обратился персонально к секретарю ЦК комсомола.

— Товарищ Васильева, выразительный мне сейчас подослали рисунок. Вот он, смотрите: коляска с младенцем, в ногах ребенка связка книг. А вот и молодая мать: в ее руках увесистый том «Капитала». Счастливую женщину сопровождает пропагандист, прикрепленный к ней вами. Он усердно разъясняет ей непонятные слова, вопросы...

Некоторые члены бюро засмеялись. Но Косарев одернул их.

— Ничего смешного в этом нет. Горько! В жизни молодую мать прозаические проблемы волнуют: где детский горшок достать, где пеленку, кроватку, как она вообще будет рожать? Комсомол от таких ее забот далеко стоит, хуже того: в стороне. Зато опекают молодых матерей всякие религиозные старухи с исконными на Руси советами: «Я семерых родила, небось и ты родишь. Страшного ничего нет: до вас родили, вас родили и вы будете рожать. На-ко ладанку с Афонской горы...» После всего такого я на месте беременной женщины сказал бы вам, работницам ЦК комсомола: «Да катитесь вы к черту со своими кружкáми!..» И был бы прав.

Косарев немного смягчил тон речи, но говорил язвительно:

— Конечно, с точки зрения «ее сиятельства» секретаря ЦК комсомола по работе среди женской молодежи решить вопрос о дефицитном инвентаре для детей просто. Для этого надо поручение дать аппарату, по телефону кое-кому позвонить, и пойдет все по писапому... Но у вас об этом в проекте решения даже слова нет. Это не проект, а злая ирония над молодыми матерями. Я не против того, чтобы они политически просвещались, от комсомола не отрывались. Но вы, дорогие девчата, нас, членов бюро ЦК, только на это ориентируете. Потому и разговор сегодня такой суровый.

Несколько дней после заслуженного разгона девчонки Цекамола выплакивали обиду. И тем горше им было, что понимали и сердцем и умом — прав генеральный секретарь.

Зато документ родился замечательный.

Косареву присущи были правдивость и честность. Этих качеств он требовал и от комсомольских работников. Отсутствие их у молодежного вожака, считал он, «разрушает воспитание».

— Обещают и обманывают. Сами лгут и помощников приучают ко лжи, — говорил он на одном из заседаний бюро, когда узнал, что сидевшие перед ним секретари райкомов ВЛКСМ «клялись» бывать в малочисленных колхозных комсомольских организациях, а посетить их так ни разу и не удосужились. — Это явление в нашей организации нетерпимо. Оно заведомо разрушает воспитательную работу.

ЦК категорически осуждает это и предупреждает, что за обман и за очковтирательство будем снимать.

Однажды Косарев посвятил свое выступление запущенному тогда участку работы — учету и статистике в комсомоле.

— Что значат учет и статистика в комсомоле? — начал Косарев. И, заметив скептические ухмылочки и иронические переглядывания, пошел на штурм маловеров. Память его хранила сотни фактов и цифр. Он всегда умело и безошибочно оперировал ими. На сей раз зоркий глаз Косарева отыскал в зале среди скептиков руководителя одной из комсомольских организаций Украины,

уличенного в приписках. Теперь Саша не отрывал своего взора от лица этого товарища.

— На Украине, на заводе имени Петровского, — продолжал он, — по статистике, числится тринадцать тысяч комсомольцев, а на заводе всего-то работает... одиннадцать тысяч человек.— В зале раздался дружный смех. Все невольно посмотрели в сторону работника, к которому, ясное дело, обращался Саша. — В школе ФЗУ этого же завода учится четыре тысячи подростков, — Косарев криво ухмыльнулся. — А по данным «умников» — руководителей заводского комитета в ячейке этой школы значится шесть тысяч комсомольцев. — И, заметив, как заерзал в кресле его молчаливый оппонент, а цель достигнута, закончил: — Это анекдот, товарищи, злой анекдот на отдельные звенья нашей работы. А подобных «шутников», позорящих организацию, надо решительно разоблачать перед всем союзом: вот вам экземпляр очковтирателя, любуйтесь на него.

По натуре Саша был человеком скромным, лишенным духа стяжательства, исполненным заботой об окружавших его людях, чувства доброты к ним. Случай, который произошел с ним в раннем детстве, когда он подарил свою новую курточку соседскому мальчику, потому, что ему не в чем было выходить на улицу, действительно был рождением натуры.

Впрочем, была у него некоторая слабость, может быть, даже затаенная страсть — к форменной одежде. Когда на V съезде РКСМ членам президиума и некоторым активистам союза молодежи в связи с принятием шефства комсомола над Военно-Морским Флотом выдали матросскую форму, Косарев долго хранил ее. В торжественных же случаях, как это было на комсомольской конференции в Пензе, Саша с гордостью надевал форменку с полосатым воротником. Были и другие случаи. Зимой 1932 года большая группа воинов-пограничников была отмечена правительственными наградами. На торжественный вечер, посвященный этому событию, Косарев (по желанию участников) явился в форме пограничника. На X съезде ВЛКСМ было специальное заседание, посвященное шефству комсомола над Военно-Морским и Военно-Воздушным Флотами. Делегаты не сразу узнали первого вожака комсомола в синей форме командира-летчика с голубыми петлицами. В этом его увлечении не было пижонства, желания выделиться. Скорее мальчишество, свойственное людям, не стесняющимся своей работы в молодежной ор-

ганизации. И уверенность, что форма не помеха комсомолу.

Еще в конце двадцатых годов в комсомоле неоднократно возникала дискуссия о введении единой формы комсомольца. Косарев — секретарь МК — на бесплодные дискуссии время тратить не любил. Если он сам был убежден, что форма нужна, то действовал решительно и инициативно.

«Московские комсомольцы, — писал он летом 1928 года в «Комсомольской правде», — не стали по этому поводу создавать комиссий, совещаний, как это у нас часто бывает, а в порядке добровольности приобрели себе прочные, простенькие, удобные и изящные костюмы и оделись в них на демонстрацию.

В первую очередь это сделал Бауманский район... В настоящее время в Москве можно встретить сотни комсомольцев и комсомолок в форме юнгштурма... Форма дисциплинирует комсомольцев, она способствует объединению ребят, развивает товарищеские отношения в комсомоле. Она воспитывает чувство ответственности у комсомольца, устанавливает примерность поведения у станка, дома, на улице и вместе с тем приучает к точности и опрятности».

Каждый, кто встречался с Косаревым, видел в нем в первую очередь товарища, вспоминала Татьяна Васильева. А по тем советам, которые он давал нам, в нем чувствовался руководитель с большим знанием дела, с большим кругозором и опытом.

И все-таки, каким он был в семье, в кругу друзей?

В семье. Ей всегда недоставало его. Возвращался домой поздно и редко один, чаще всего с друзьями по работе. Временами Марусе казалось, что Саша сам привык и ее приучил не делать грани между работой и домом. Обычно вваливались на дачу в Волынском ватагой: молодые, крепкие, жизнерадостные — само счастье страны.

Шумно и мигом накрывали стол, расставляли на нем ужин, привезенный из буфета ЦК. И до глубокой ночи вели деловой разговор, спорили, иногда шутили, разыгрывали друг друга. Потом, вдруг посерьезнев, снова переходили на деловой тон. Не было ничего удивительного и в том, что временами — уже запоздно — на даче раздавался телефонный звонок, и Косарев или кто-либо из секретарей срочно отправлялся в инстанцию — по вызову. Административный механизм государственно-бюрократической системы вступал в полную силу.

С весны 1931 года для секретарей ЦК и других ответ-

ственных работников комсомола была установлена непрерывная рабочая неделя. Согласно этому порядку Косареву были установлены дни отдыха — 4 и 9-е числа каждого месяца.

Эти редкие, к тому же условно свободные от работы, дни отдыха Саша старался посвятить семье, дочке. Иначе когда же? По утрам, пока отец завтракал, малышка терлась у его ног. Тогда он брал ее на руки, нежно прижимал к себе хрупкое тельце ребенка. Лишенный радостей в детстве, Саша как бы торопился передать ей тепло своей собственной души. Словно предчувствовал недоброе и опасался, что не успеет одарить ее своей скупой отцовской лаской сполна. В течение дня он без устали звонил домой: «Как там у вас?» Иногда, уходя на работу и отрываясь от ребенка, говорил как бы извиняясь и просительно:

— Маруся, не укладывай Леночку сегодня рано, я постараюсь засветло приехать...

А у дочки остались свои воспоминания об отце:

— Жизнерадостность невероятная, — рассказывает сейчас Елена Александровна. — Упоение жизнью. Он и прочесть-то все интересные книги хотел, и летчиком стать, и краснофлотцем, и в футбол играть лучше всех. Но это не было свидетельством неустойчивости его натуры, разбросанности. Просто был до всего жадный.

— Очень искренним был с людьми, которые пришлись ему по душе. Часто у нас бывали певица Лидия Андреевна Русланова с Михаилом Наумовичем Гаркави, спортсмены братья Старостины. Но уж если кого Саша невзлюбил... — тут Мария Викторовна назвала имена двух известных тогда поэтов.

— И за что же он их так?

— За подхалимаж, карьеризм, приспособленчество. Всем богам готовы были служить...

Была у Косарева еще одна слабость — парная баня. В Сандуны ходили компанией, парились «до упаду». Ничего не делал Саша вполсилы. Вот и в бане тоже... Однажды упарил он секретаря ЦК комсомола Митю Лукьянова до полуобморочного состояния.

Любил лыжи, коньки... Но больше всего охоту. Но где тут как следует поохотишься, если и днем и ночью телефонные звонки. И не дай бог, если *к самому* требуют. Был и такой случай. Уехал Саша в Подмосковье на охоту. В 1937 году снег рано выпал, зайцы шубу темную не

успели сменить. Тут бы и пострелять их вволю — благодатное время для заядлого охотника!

Вдруг дома звонок. Из приемной Сталина. Вызывали Сашу. В то время страна шла навстречу первым выборам в Верховный Совет СССР, срочно требовалась Сашина виза под проектом Обращения к избирателям. Что делать? Уже дважды звонили, а он, как назло, на охоте застрял.

Мария Викторовна — в ЦК ВЛКСМ: «Помогите разыскать!» На месте Петр Вершков оказался: «Поможем...»

А домой уже Мехлис звонит. Он тогда начальником Главного политического управления Красной Армии работал. Вкрадчивым, нежным таким голосом спрашивает:

— Марусенька, только мне одному скажи, по секрету: где Саша?

— На охоте.

Когда Саша прибыл в Кремль, Сталин был уже в гневе. Но, увидев, как искренне расстроен комсомольский вожак, оттаял, смилостивился. Но, расставаясь, воспользовался подходящим случаем, чтобы пустить между Косаревым и Мехлисом «черную кошку»:

— Выйдешь в приемную, Мехлису спасибо скажи. Это он рассказал мне, где тебя разыскивать надо. Иди.

В приемной действительно стоял Мехлис.

— Ну что, Сашенька, поставил свою визу?

— Г... — ты! — бросил Косарев и, не глядя в его сторону, зашагал к выходу.

С товарищами. Сохранилось немного воспоминаний о совместных выездах с друзьями за город по редким выходным дням. И здесь, отдыхая, оживленно и остро спорили, — вспоминал Л. Гурвич. «Обсуждение только что вышедшей книги перемежалось чьим-либо рассказом об увиденной пьесе, спором на сравнительно отвлеченные философские темы...

Не было недостатка в веселых шутках и забавах. Тут Косарев и Ильин были признанными заводилами и застрельщиками, постоянно изощрявшимися в остроумных выдумках. Часто и много пели. Особенно любили народные русские и украинские песни.

Припоминается, как однажды в субботу вечером большой компанией поехали в деревню Котлы. Теперь это сплошь застроенный большими домами район Москвы, а тогда... Котлы были подмосковной деревней. И поездка сюда была поездкой на лоно природы.

В одну из таких поездок за город зашел разговор о будущем.

— Мечтают, наверное, все, — заговорил Ильин, — обыватели, мещане мечтают о должности, славе, чинах. О чем-то своем, куцем мечтает деляга, погрязший в ограниченных делах сегодняшнего дня. Он не видит за ними завтрашнего, не понимает, что узкое «делячество» — враг революционного строительства. Мечтает революционер-строитель, претворяя свои мечты в действие, в жизнь... Завтрашний день истории — вот о чем нельзя забывать, о чем надо повседневно думать... Нам нужны мечтатели, люди, мечты которых опережают ход событий, нам нужно мечтание, помогающее предвидеть и осмыслить строящееся.

— И при этом надо всегда думать над вопросом: кто кого? — вмешался Косарев. — Мы ли успешно формируем пролетарское мировоззрение подрастающего поколения или за нас это сделают мелкобуржуазные элементы нашей страны? Хороший производственник? Да, но не только. Мы мало думаем над этим. Нас засасывает повседневная текучка, и мы далеко не всегда следим за идейным содержанием. О чем думает, мечтает парень? Мы, комсомол, должны подымать его от только своего, узко своего, к думам об общем, в самом широком смысле общем».

Авторы мемуаров об Александре Васильевиче Косареве чаще всего раскрывают его в обстановке кипучей деятельности, в образе рационально сориентированного комсомольского работника: на конференции, собрания, заседания и командировки.

В Косареве жил романтик и мечтатель. Он и комсомольцев звал к великой мечте.

В докладе Косарева на IX съезде ВЛКСМ (1931 г.) был раздел «Каждый день мечта воплощается в жизнь»:

«Обывателям свойственно противопоставлять мечту будням, революционный энтузиазм практической деловитости, — говорил Косарев. — Мелкобуржуазный романтизм, утопическое мечтательство, обломовская размазня совершенно не свойственны нам — молодым и старым большевикам. Мы мечтаем и работаем, мы воплощаем наши мечты в жизнь, ибо наши мечты не крохоборческие, не пожелания «порции пива и сосисок», как когда-то высмеивал Лафарг обывательски настроенных немецких рабочих в конце прошлого столетия.

Наши мечты велики и огромны. Наша мечта — это

бесклассовое общество, где каждому дается по потребностям и с каждого берется по способностям. Наша мечта — это уничтожение противоположности между городом и деревней. уничтожение противоположности между умственным и физическим трудом, это завоевание культуры для всех, уничтожение гигантского океана человеческой нужды.

Наши мечты, опережая естественный ход событий, не расслабляют нас, не клонят к слюнтяйски-обломовской унылости и лени, не топят нашу волю в свойственной мелкобуржуазным кругам молодежи болтовне. Наша мечта действенна, активна, она зовет нас на борьбу.

Социализм казался раньше далеким, теперь он все ближе и ближе. Он ходит меж нами, он осязаем, и мы видим его первые шаги на нашей земле...»

А. Ф. Бордадын — один из соратников Косарева, подчеркивал, что Саше «ничто человеческое не было чуждо». Он был самородок незаурядный, талантливый, многогранный — любой эпитет такого порядка безошибочно бы подошел и дополнил его характеристику. Всегда и во всем Косарев был человеком, не лишенным чисто людских проявлений и даже слабостей. Молодежь знала и любила его так, как не знала и не любила ни одного из пришедших после него руководителей комсомола.

Его последние годы жизни выпали на время, когда махровым цветом стал раскрываться культ личности Сталина. До определенного времени Косарев был «любимцем генерального». В этом смысле обстановка культа Сталина как бы экстраполировалась и на вожака комсомола. Газеты второй половины 30-х годов изобиловали рапортами молодых производственников, победными реляциями молодежи с фронтов социалистического строительства, поступавшими персонально на имя секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Васильевича Косарева. Он был кандидатом в члены и членом Оргбюро ЦК ВКП(б), членом ЦИК СССР 5—7-го созывов, депутатом и членом Президиума Верховного Совета СССР первого созыва, депутатом Верховного Совета РСФСР, облачен другими высокими званиями, регалиями и полномочиями.

Его имя при жизни носили пограничные заставы и отряды, Центральный аэроклуб Осоавиахима, нефтеналивное судно Волжского речного пароходства, поселок и ударная шахта на золотых приисках Алдана, Научно-исследовательский горноразведывательный институт Наркомата тяжелой промышленности СССР, станция на

Южной дороге, танк новейшей конструкции, находившийся на вооружении Белорусского военного округа. Но это нисколько не отразилось на личности самого Косарева. Он оставался по-прежнему просто Сашей Косаревым: общительным и вседоступным, умеющим находить общий язык с любой аудиторией. Именно это в первую очередь создавало ему большую популярность.

ИЗ ДВУХ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ ГЕНСЕКА

Гнетущее время тревожных ожиданий и горьких утрат наступило в стране в конце тридцатых годов.

Неуклонно и явственно упрочивался культ личности Сталина, а вместе с ним неотвратимо утрачивался и ленинский принцип коллективности руководства в партии и государстве.

Над страной долгое время висела как бы грозная тень, возникшая после выступления Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года. Главной темой его был тезис о необходимости усиления бдительности, борьбы с вредителями, диверсантами, шпионами, террористами.

Сталин как бы призвал разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным. «Наоборот, — заявил Сталин, — чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обреченных».

Это — в теории. А на практике?

На практике призыв Сталина к усилению борьбы с врагами народа, его положение о росте сопротивления остатков разбитых эксплуататорских классов были использованы для оправдания грубейших нарушений социалистической законности и необоснованных репрессий. Они способствовали созданию в стране ненормальной обстановки подозрительности и недоверия к кадрам, чем вос-

пользовались нечестные, карьеристски настроенные элементы.

Массовые необоснованные репрессии захватили и комсомольские кадры. В печати и лексиконе все чаще и чаще повторялся новый термин «враг народа».

«Среди комсомольских работников, — вспоминал В. П. Сорокин, член бюро Центрального Комитета ВЛКСМ, — первые аресты были в 1937 году. Сразу же были арестованы три секретаря ЦК ВЛКСМ: Салтанов, Лукьянов, Файнберг, а также редактор «Комсомольской правды» Бубекин и его заместитель Высоцкий. Эти аресты произвели на нас тяжелое впечатление. Всех этих товарищей мы хорошо знали.

Перед комсомольскими работниками была поставлена задача: ищите врагов народа в своей среде. Через некоторое время произошли аресты среди секретарей обкомов ВЛКСМ и ЦК национальных республик. Арестовали секретаря Исполкома Коминтерна молодежи Василия Чемоданова.

Был созван IV пленум ЦК ВЛКСМ, оказавшийся последним для большинства его членов. Некоторых членов пленума тут же исключили из членов ЦК, и они, можно сказать, уходили из пленума прямо в тюрьму».

Наутро после пленума — 29 августа 1937 года — Косарев заперся в служебном кабинете и ошеломленно вчитывался в каждое слово «Комсомольской правды» — «До конца выкорчевывать вражескую агентуру в комсомоле». В ней трижды упоминалось его имя. Кто-то лихо поработал над текстом и высветил слова «тов. Косарев» в необычном для читателей и для него самого негативном цвете.

Восемь дней продолжался пленум. По продолжительности заседаний не пленум — целый съезд. Для многих сидевших в зале членов ЦК ВЛКСМ они были днями тягостного предчувствия и последних дней свободы. И были еще беспрецедентный во всей истории комсомола доклад Косарева «О работе врагов народа среди комсомола» и резолюция пленума, составленная комиссией во главе с Л. М. Кагановичем — тоже факт неординарный, исключительный.

21 августа было первым днем IV пленума ЦК ВЛКСМ. Косарев читал доклад по-прежнему внешне бодро. И голос его звучал вроде бы как и в прошлые времена — звонко, по-комсомольски. Но в зал падали слова необычные: тяжкие, обвиняющие, самобичующие. И на душе, на-

верное, было отвратительно, мерзко, грязно... И все время снедали, грызли сомнения. Он впервые за последние годы читал доклад по тексту, видимо, опасался сбиться — без привычных экспромтов и свободных комментариев. Читал и будто бы ловил себя на мысли: «фальшивлю, фальшивлю...» Она лезла в голову так назойливо, что в одном месте Саша, вздрогнув, прервал чтение — так отчетливо показалось ему, что он только что произнес ее вслух. Остановился. Ряды слушателей поплыли перед глазами. Зал странно качнулся набок, а люди будто бы замерли с безмолвным вопросом: «Что ты там шепчешь, Косарев?»

Саша с трудом устоял на ногах. Прежнее состояние понемногу возвращалось к нему. Косарев с усилием вглядеделся в зал и с облегчением убедился, что все это ему только показалось, привиделось. Члены пленума и приглашенные на него комсомольские активисты сидели угрюмые, с опущенными головами, погруженные в свои невеселые, тревожные мысли.

Спокойствие вроде бы вернулось к нему, но теперь он не так уж уверенно и звонко продолжал свое публичное истязание.

Истязание. Иначе тот доклад нельзя и назвать. Нет, не мог он быть спокойным, равнодушным и искренним, если Володька Бубекин — закадычный друг и поверенный сокровенных тайн юности с далеких пензенских времен — оказался в стане врагов народа, а значит, и его, Косарева, врагов.

8 июля Бубекин последний раз, как ответственный редактор, подписал «Комсомольскую правду» в печать. Его увезли сотрудники НКВД прямо из служебного кабинета. Увезли навсегда. «За что?»

Саша звонил наркому внутренних дел Ежову. Несколько раз пытался связаться со Сталиным. Из приемной Поскребышев отвечал сухо и с генеральным не соединял. «Потребуешься, Сам вызовет...» Ежов обещал разобраться и невнятно что-то говорил об ошибках в газете.

Косарев, никому не доверяя, листал подшивку «Комсомольской правды» и не находил в ней ничего предосудительного. Его внимание мог привлечь только заголовок одной из прошлогодних корреспонденций — «Сын за отца не отвечает»: «Местные власти, — говорилось в ней, — не пускали тов. Тильбу на всесоюзное совещание комбайнеров, потому что он сын кулака. Центральный Комитет

партии вызвал Тильбу на совещание. И тогда он заявил: «Хотя я и сын кулака, но буду честно бороться за дело рабочих и крестьян и за построение социализма», — весь зал зааплодировал, а товарищ Сталин бросил реплику: «Сын за отца не отвечает».

И все. Косарев был на этом совещании. Он сидел неподалеку от Сталина и отчетливо слышал эту реплику. Теперь Саша въедливо вчитывался в содержание статьи, как будто анатомировал каждую ее строку. И осеняла пугающая своей жестокостью мысль: «Неужели — за эту статью? Но ведь для газеты установлен порядок: любой материал с упоминанием имени Сталина согласовывать с соответствующими работниками. Что же это — сталинское лицемерие? Или Сталин с тех пор круто изменил мнение, и сын несет ответ за действия родителей?! Но, все равно, при чем тут Володька Бубекин?»

Хотелось верить в то, что происшедшее с ним — ошибка, которая вот-вот будет исправлена, а не то и кричать исступленно: «Неправда! Не может быть того; это — ложь, наговор, навет, клевета!!!»

Но дни шли своей чередой и все тревожнее приносили вести.

Теперь Косарев как можно быстрее сбегал по лестнице своего дома на улице Серафимовича — «дома на набережной» — и мрачно регистрировал увеличивающееся количество опечатанных входных дверей... Имена владельцев таких квартир произносили шепотом и только в доверительной обстановке.

Вспоминалось также, как за месяц до пленума — 21 июля — Сталин вызвал к себе Косарева и секретарей ЦК ВЛКСМ Павла Горшенина и Валентину Пикину. «На эту беседу, — вспоминала В. Ф. Пикина, — Сталин пригласил наркома внутренних дел Ежова. Разговор шел трудный. Сталин упрекал А. В. Косарева в том, что ЦК комсомола не помогает органам внутренних дел разоблачать врагов народа, что без помощи ЦК ВЛКСМ и помимо него арестовано много руководящих работников комсомола. Косарев старался объяснить Сталину, что Центральный Комитет ВЛКСМ никакими материалами, компрометирующими этих товарищей, не располагает и потому никакой помощи органам оказать не мог».

Шел уже второй час этой беседы. Ежов утвердительно кивал головой, полностью соглашаясь со справедливостью сталинских упреков комсомольским вожакам. А Сталин, не глядя им в лица, а куда-то поверх и в сторону, мето-

дично вел свою линию. В середине беседы у него выгорел табак в трубке. Вытряхивая пепел, Сталин мерно стучал ею о край пепельницы: «Раз, два, три...» — непроизвольно подсчитывал Косарев. Удары трубки звучали в наступившей тишине кабинета отчетливо, как бы заполняя наступившую паузу: «пять, шесть...» — Косарев с трудом прервал подсчет.

Он все ждал, что Сталин вот-вот заговорит о самом комсомоле, о молодежи, как это совсем недавно бывало. Секретари шли к нему с интересными данными, продумав возможные варианты беседы, своих ответов на вопросы. Шли посоветоваться. С просьбами, наконец. Но Сталин, вспоминала Пикина, вел беседу в одном направлении — ЦК должен помогать разоблачать врагов народа в комсомоле.

Уходили мы от Сталина с очень тяжелым чувством. Мы поняли, что он остался нами недоволен, особенно А. В. Косаревым, которому по окончании беседы бросил упрек: «Вы не хотите возглавить эту работу».

Александр Васильевич был сильно подавлен, говорил нам, что никак не может понять, откуда и на какой почве вдруг оказалось такое количество врагов в нашей стране. Он неоднократно возвращался к этой мысли. Однажды он мне сказал: «Вот я опять перечитал материалы X съезда ВЛКСМ, где было сформулировано: враг внутри партии разбит. Ведь отчетный доклад был просмотрен Сталиным. Он считал это положение правильным. Что же случилось, откуда взялось такое количество врагов?»

А Виктор Сорокин вспоминал, как энергично отметал Косарев «все лживые выдумки против него. Его смелое и боевое выступление произвело на всех хорошее впечатление и как-то разрядило ту тяжелую обстановку, в которой проходил пленум».

И вот передовица «Комсомольской правды» от 29 августа 1937 года. Она на весь мир провозглашала, что «руководящие комсомольские работники и прежде всего тов. Косарев проявили прямую недооценку проникновения врагов в комсомол. Среди актива были распространены вредные настроения, что врагов в комсомоле нет, и отсутствовала политическая заостренность».

«Комсомольская правда» — орган ЦК ВЛКСМ, газета, которая только что — всего за несколько месяцев до этого — печатала рапорты советской молодежи Косареву, его фотографии — не иначе как на первой полосе: он рядом со Сталиным — вдруг одним махом изменила тон

сообщений о Косареве. Круто изменила. Он по-прежнему был генеральным секретарем ЦК комсомола, но в его адрес стали допускаться резко критические, почти в развязном тоне замечания. Будто бы его уже сняли с этой большой должности, еще хуже — отправили с Бубекиным... От таких мыслей нехороший холодок пробегал меж лопаток. Он до рези в глазах и в который уже раз читал строки из резолюции пленума: «Нетерпимое отношение к самокритике со стороны руководителей комсомола и тов. Косарева мешало вовремя разоблачить притаившихся врагов и способствовало их подрывной работе». И никто на пленуме не мог сделать ее текст корректнее. Такие формулировки настоятельно вносил в проект резолюции Каганович, ссылаясь на «самый высокий авторитет».

И, наверное, лезли в голову сомнения: «Может быть, я действительно не прав, а все, что говорил Каганович, и есть самая настоящая, чистая и честная правда? Просто Бубекин, Салтанов и Файнберг очень ловко замаскировались, затаились, а он — тысячи раз призывавший комсомольцев к политической бдительности, сам оказался политическим ротозеем, проглядевшим, что творилось под самым его носом?!» И тут же возникал контрдовод: «При чем тут ЦК комсомола, если Серега Салтанов, например, уже с X съезда ВЛКСМ не работал в комсомоле, а в высокой инстанции — заведующим отделом. И арестован он, работая там...»

Что и говорить — трудное, противоречивое, запутанное было время. Сегодня это покажется чудовищным, но тогда даже дети арестованных родителей — подростки, юноши и девушки — подчас слепо верили в виновность своих отцов.

Чем же была обусловлена эта вера и даже их публичные признания в ее истинность? Лицемерием, трусостью, небезосновательным опасением за собственную жизнь?

Это — боль наша. Всенародная, неизбывная боль нашего горя еще на многие-многие годы. Боль и позор.

Психология поведения современников Косарева, их образ мышления, и его тоже, формировался под впечатлением громких судебных процессов, начавшихся с 1934 года. На их сознание воздействовали многочисленные публикации в газетах о допросах и признаниях обвиняемых — людей известных, а в недалеком прошлом даже и популярных в стране. Некоторые из них проходили в следственных материалах и привлекались к суду неоднократно, каждый раз — по более глубокому обвинению.

У многих людей нет-нет да возникали смутные сомнения, но вера в правдивость печати оказывалась сильнее.

Процессы происходили в «завершающий период строительства социализма в основном». С каждым годом все ощутимее чувствовалось приближение к желанной великой цели. К ней шли трудным путем, с величайшим напряжением моральных и физических сил, порой через большие испытания, даже лишения. Потому-то и предстали перед народом обвиняемые на тех процессах — не в образе противников, а непримиримых врагов всенародной борьбы за социализм.

Можно ли было относиться к врагам общенародной цели, сторонникам реставрации капитализма в СССР равнодушно, без ненависти?

Судили на тех процессах относительно не так уж многих людей. Потому-то элементарная логика и подсказывала продолжение суждения: «Разве их жалкая кучка, сама по себе, могла представлять реальную угрозу огромной стране, социалистическому строительству и многим миллионам его участников, без опоры внутри страны? Без массовой организации ее грязного дела? Не могла! Это — понятно каждому. Значит, должен быть, не мог не быть большой заговор — с тысячей, сотнями тысяч его участников!..»

И этот «заговор» усиленно «раскрывали» «ревнители спокойствия народа» Ягода, Ежов и Берия. От «имени народа» и «во имя его самого» они с многочисленными сообщниками творили «очищение от скверны» всюду. И в рядах комсомола тоже.

И еще была у молодежи, казалось, неистребимая, непререкаемая вера в Сталина, в его величие, глубокую прозорливость, всеосведомленность, непогрешимость — вера почти в его святую правоту. Пели о нем искренне, с воодушевлением:

Сталин — наша сила боевая,
Сталин — наша юность и полет.
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет...

Слова и ноты этой песни родились в то жуткое время и были опубликованы многими газетами. С нее начинались утренние передачи Всесоюзного радио. Звонкие голоса комсомольцев быстро разнесли песню по стране.

Одновременно печать набирала и нагнетала тему о «врагах народа». С декабря 1937 года ответственным ре-

дактором «Комсомольской правды» стал Николай Михайлов. На это он красок не жалел.

Косарев, конечно же, в который раз воскрешал в памяти многие события своей работы и личной жизни. Скрупулезно, с пристрастием анализировал их, пытался даже уличить себя в утрате бдительности. И никак не мог найти для того оснований: «вроде бы все всегда было в норме — политической близорукостью не страдал. Скорее наоборот — активно помогал партии изобличать оппозиционеров и уклонистов всех мастей и оттенков; громко во всеуслышание персонально клеймил всех их, и искренне верил, что вершит правое, чистое и честное дело...»

И невольно в памяти возникали эпизоды из событий минувших лет.

«Когда же снаряды серьезных обвинений стали падать в «комсомольском квадрате»?»

Вспомнились, наверное, события — далекие и близкие. Те, к которым имел косвенное, весьма отдаленное отношение (генсек — всегда генсек, и за все, что творится в комсомоле, он несет моральную ответственность), и те, что касались его непосредственно...

Кажется, первый удар пришелся в 1929 году на Тараса Кострова. Здесь у Саши имелись прямые основания для таких размышлений: «При Тарасе «Комсомолка» допускала ошибки в оценке позиций правых уклонистов. Костров сам по этому поводу публично выступил с покаянием...»

Следующим возник Лазарь Шацкин. Косарев не мог не вспомнить, как в 1930 году он издал брошюру «Комсомол в борьбе за линию партии». В ней он и воздал «на всю катушку» Шацкину — за примиренчество со взглядами опять-таки правых. За ту брошюру многие авторитетные работники Косарева хвалили: «Актуально, смело, принципиально!..» Иначе он и не мог. По Шацкину получалось, что тот, кто не был в той или иной оппозиции, кто никогда не уклонялся от линии партии, тот не может быть стойким большевиком, очевидно, по правилу: «На чем же ты научишься, если не на собственном опыте или на собственных ошибках». Много и часто Косарев беседовал с Бубекиным о таких вывертах Шацкина.

А это произошло в декабре 1930 года. Тогда он санкционировал «Комсомольской правде» публикацию статьи «Непростительная «забывчивость». О брошюре тов. Чаплина «Основы юношеского движения». Санкционировал, наверняка сокрушаясь: «Эх, Коля-Коля! Ну что же ты

наделал? Ну, прочитал ту лекцию на центральных комсомольских курсах... А зачем же поддался на уговоры пропагандистов и напечатал в «Юном коммунисте», а потом в издательстве «Пролетарий» эту лекцию в виде пособия для кружков по истории юношеского движения. Ведь были же в ней упущения? Были! И как ты только мог, умная голова, в брошюре на такую тему не подчеркнуть, кто комсомол является боевым помощником партии в борьбе за ее генеральную линию? А ведь не только не подчеркнул — даже не обмолвился... Время пришло — тебе и это лыко в строку, мой любимый медведь, вшили... А результат? В итоге подсказали «с самого что ни на есть верху» ивановским комсомольцам сногсшибательную «идею» — вынести на комсомольскую конференцию, а затем и на девятый съезд комсомола предложение — снять с Чаплина и Шацкина звание почетных комсомольцев. Я же сам на той конференции был. А что оставалось делать? Под высоким контролем стоял этот вопрос. Немудрено, что и на других комсомольских конференциях такие решения были приняты.

На съезде же такое решение прошло без сучка и задоринки — сняли почетное звание с ветеранов движения...»

Выступая на IX съезде ВЛКСМ, Косарев, напомнив, что Чаплин был «прекрасным и способным комсомольским работником», искренне сокрушался, что Николай не смог «превозмочь себя». Превозмочь? В чем?!

А события аналогичного характера наслаивались одно на другое.

В декабре 1931 года Сталин опубликовал в журнале «Пролетарская революция» письмо «О некоторых вопросах истории большевизма». Обращенное против троцкистских измышлений и оценок роли Ленина в борьбе с «оппортунизмом, оно знаменовало начало сталинских претензий на «последнее слово» в общественной науке. Сталинское слово постепенно канонизировалось.

Через несколько дней «Комсомольская правда» обрушилась на брошюру Оскара Рывкина о втором съезде комсомола с резкой критикой за «протаскивание в ней троцкистского хлама». Критика была заслуженной. Но сегодня Косарева поразило другое. Автор редакционной рецензии умело увязал позицию Рывкина с ошибками в изложении истории большевизма, которые Сталин подверг критике в письме в журнал «Пролетарская революция»...

Да, ничего не скажешь, — исподволь и не вдруг, но

периодически и густо ложились такие снаряды в «комсомольском квадрате»: Шацкин, Рывкин, Чаплин — все в прошлом первые лица в комсомоле. Еще гуще и уже с трагическими последствиями они ложились в 1937 году.

На следующем, V пленуме, состоявшемся в феврале 1938 года, из 93 членов ЦК ВЛКСМ, избранных на X съезде ВЛКСМ, присутствовало только 40 человек. По существу, он уже был неполномочным рассматривать персональные вопросы. Но рассматривал. Пленум даже утвердил решения бюро ЦК ВЛКСМ об исключении из состава Центрального Комитета 35 человек, среди них и первого секретаря Ленинградского обкома комсомола Иосифа Вайшлю — как «неоправдавших, невнушающих политического доверия...».

Мог ли противостоять и противостоял ли этому Косарев?

Нельзя сразу, без обиняков, дать на этот вопрос однозначный ответ. Тем более занять любую из диаметрально противоположных, крайних позиций.

Но можно и должно найти путь по имеющимся историческим источникам, совершить поиск правдивого варианта ответа, без претензии на абсолютную истину в последней инстанции.

Как же развивались события после августовского пленума ЦК ВЛКСМ 1937 года, на котором Косарев после встречи со Сталиным получил — не предупреждение, как раньше, — сигнал? Сигнал по тем временам настолько серьезный и угрожающий, что иного он бы вывел надолго из строя, вверг в паническое состояние, а то и сломил бы напрочь! Уходили же люди добровольно из жизни, не дождавшись своей горькой чаши, последнего глотка из нее?

Только не Косарев.

Несмотря на грубые нападки в печати, по существу политическую компрометацию, Косарев поехал в командировку в Донецкую и Харьковскую комсомольские организации.

Каждый факт из этой командировки, да что — факт! — малейший штрих о поведении Косарева в ней для выяснения ответа необычайно важен и поучителен.

Поражает в ней самообладание Косарева.

Самообладание, источником которого могла быть только искренняя вера в правое дело и убежденность в непогрешимости и неуязвимости собственной позиции.

«В купе, — вспоминал об этой командировке Виктор

Сорокин, — нас было трое: Косарев, Бенционов — инструктор отдела рабочей молодежи и я. Косарев в дороге много читал, в частности «Братья Шелленберг» Келлермана. Он не вел никаких разговоров о предстоящей работе в Донбассе, а интересовался нашими «духовными» интересами и общим развитием».

В Донецке члены бригады ЦК застали секретаря обкома комсомола Андреева в подавленном состоянии. Не таясь, он чистосердечно признался, что со дня на день ожидает ареста. Но он честный коммунист, никакой вражеской работы не вел и с врагами связи не имел. Косарев пожурил его за малодушие и начал подробно расспрашивать о каждом работнике обкома, о секретарях горкомов и райкомов ВЛКСМ. Вечером он встретился с секретарем обкома партии Э. К. Прамнэком, переведенным сюда из Горького. Косарев рассказал о беседе с Андреевым и просил Прамнэка поддержать его, помочь обрести уверенность в своих силах. На другой день, когда работники ЦК снова встретились с Андреевым, его как подменили — это уже был живой, энергичный человек.

Косарев выехал в Донбасс в отчетно-выборную кампанию в райкомах и горкомах ВЛКСМ. На месте он уточнил, где в ближайшие дни будут проводиться комсомольские конференции, и составил обширный список организаций, в которых должен побывать. Чтобы реализовать намеченное, вставали, чуть забрезжит рассвет, а в гостиницу возвращались после полуночи, часто оставаясь без ужина. Косарев без устали посещал шахты и заводы и везде внимательно знакомился с руководящими работниками заводских, районных и городских организаций ВЛКСМ.

«На одной из районных конференций города Донецка, — рассказывал Сорокин, — мы сидели в президиуме, и Косарев с большим интересом слушал, как идет обсуждение кандидатур, выдвинутых в состав РК ВЛКСМ.

Один комсомолец выступал с отводами многих кандидатов, обвиняя их в связях с «врагами народа». Часто его очередное выступление делегаты встречали сдержанным шумом. Этот комсомолец также был в списках для тайного голосования.

Во время перерыва, когда счетная комиссия приступила к подсчету голосов, Косарев меня спросил, как я думаю, выберут ли этого комсомольца в состав РК ВЛКСМ? Меня этот вопрос несколько удивил. Конечно, выберут. Но он возразил:

— Плохо ты наблюдаешь. Его провалят. В нашей работе надо быть наблюдательным. Надо внимательно прислушиваться не только к содержанию выступлений, но и к тону этих выступлений и к тому, как на них реагируют слушатели. Человек, который не умеет наблюдать, не может быть хорошим руководителем. Надо уметь и создавать такую обстановку, в которой люди могли бы высказать откровенно все, что у них наболело. В этом искусство руководителя.

Комсомольца забаллотировали...»

В Донбассе Косарев впервые обратил внимание на большое количество исключений из комсомола. Перед отъездом он говорил на эту тему с секретарем обкома комсомола Андреевым:

— Запустили разбор заявлений от неправильно исключенных комсомольцев. Эти заявления надо немедленно разобрать. С врагами надо бороться, надо их разоблачать, но нельзя бить своих. Слишком много у вас исключают из комсомола. Не может быть у нас такого засорения чуждыми элементами.

Косарев советовал проверить работу прежде всего тех райкомов ВЛКСМ, где больше, чем в других, исключают из комсомола.

Из Донбасса Косарев выехал в Харьков на перевыборную городскую конференцию ВЛКСМ.

Рассказ о ней полностью продолжим от лица Виктора Сорокина: «Обычно комсомольские конференции проходили живо, и уж без песни никогда не обходилось. Запоют делегаты одной организации, смотришь, другая делегация затягивает свою песню. Получалось какое-то своеобразное соревнование.

Песня нас объединяла.

Но на этой конференции ничего подобного не было. Делегаты быстро расселись по местам, и в зале наступила гробовая тишина. Прения шли вяло. Прошел примерно час, и Косарев тихо сказал мне:

— Ты не замечаешь, что люди чем-то придавлены? В чем дело?

Вскоре все выяснилось. Перед перерывом было предоставлено слово председателю мандатной комиссии. На трибуну вышел человек в форме НКВД (госбезопасности) и без всякого смущения заявил:

— К нам поступили сведения, что руководящие работники Богодуховского РК КП(б)У арестованы. С ними долгое время работала нынешний секретарь Харьковского

обкома ЛКСМУ Дунашева. Есть предложение исключить ее из состава делегатов конференции как врага народа.

Косарев буквально подскочил на стуле. Его невольное движение не осталось незамеченным и в зале, и в президиуме. Наступила напряженная тишина. Ждали, что скажет секретарь ЦК ВЛКСМ.

Наконец председатель спросил:

— Какие будут предложения?

Все молчали, молчала и Дунашева.

Тогда взял слово Косарев и спокойно предложил сделать перерыв, а после перерыва обсудить вопрос о Дунашевой.

Он позвонил секретарю обкома КП(б)У Гикало, который ответил, что политически доверяет товарищу Дунашевой и нет никаких оснований снимать ее с работы секретаря обкома. Тут же выяснилось, что в предыдущие заседания уже несколько делегатов исключены из состава конференции за связь с «врагами народа».

Косарев долго беседовал с Дунашевой и высказал свое недовольство ее поведением на конференции, допустившей бесконтрольные действия председателя мандатной комиссии.

После перерыва Косарев обратился к делегатам:

— Вы, посмотрите, что у вас творится. Вы боитесь смотреть друг другу в глаза. Вы не доверяете друг другу. Вы исключаете делегатов конференции за связи с «врагами народа», не разобравшись в существе дела.

Он говорил, что такая обстановка вносит замешательство в ряды ВЛКСМ, что этим замешательством могут воспользоваться и настоящие враги народа и перебить честные, преданные партии кадры.

— Вся наша сила в монолитности, в дружной самоотверженной работе. Надо готовиться к решающим боям с фашизмом.

Его выступление часто прерывалось сначала робкими, а затем все более дружными аплодисментами. Лед тронулся. С трибуны Косарева проводили под бурю долго не смолкавших аплодисментов. Я смотрел на него, он был суров и задумчив».

Поздно ночью у Гикало Косарев рассказал, как проходила городская конференция, и попросил собрать через два дня ответственных партийных работников Харькова. Как член Оргбюро ЦК ВКП(б) он имел на это право. За дни пребывания в Харькове он узнал многое об исключениях из комсомола, обнаружил, что грубо нарушается

принцип индивидуального подхода к комсомольцам при разборе их персональных дел. Часто райкомы ЛКСМУ даже не вызывали исключенных в первичных организациях, особенно по контрреволюционным мотивам, а заочно штамповали решения об исключении из комсомола. «Позор! Какой позор!» — скрипел сквозь зубы Косарев.

Массовые исключения из комсомола в Донбассе и Харькове встревожили Косарева. Человек действия — он немедленно позвонил в ЦК ВЛКСМ и дал задание подготовить к его приезду полные данные по этому вопросу из областей и республик всего Советского Союза.

На совещании ответственных партийных работников в Харькове Косарев был особенно угрюм и серьезен. Он кратко доложил о положении в комсомольских организациях и потребовал ликвидации «чрезвычайного положения»: «Попираются элементарные правила внутрисоюзной демократии, — говорил он. — Партия боролась и будет бороться за монолитность своих рядов, будет изгонять из своих рядов чуждые элементы, нытиков и маловеров. Комсомол, являясь школой разносторонней государственной деятельности, в этой борьбе полностью поддерживает партию, но нельзя шарахаться и бить свои кадры. Таким положением могут воспользоваться враги Советской власти. Партийные руководители должны помочь комсомольским организациям исправить ошибки и прекратить избиение ни в чем не повинных людей».

Здесь умышленно почти полностью процитировано воспоминание Виктора Петровича Сорокина, самого ставшего жертвой необоснованных репрессий, с целью отвести имеющиеся упреки в адрес Косарева якобы за его попустительство репрессиям в комсомоле на их начальном этапе. Живы и ближайшие родственники Косарева, испившие свою горькую чашу преследований за брата, мужа и отца, и родные тех комсомольских работников, которых он не сумел защитить, а то и публично (думаю, что и искренне) критиковал.

У всех их как живая рана — незатихающая скорбь и боль утраты. И проклятье породителям того жестокого времени, черная тень которого накрыла многие советские семьи, нанесшим эти нерубцующиеся раны, до сих пор потрясающие сознание людей.

Пусть авторы упреков задумаются над следующим фактом. 3 октября 1937 года А. В. Косарев написал Сталину записку, в которой, как свидетельствует В. Ф. Пикина, он указывал:

«Мною получено в Харькове до 150 заявлений о неправильном исключении из комсомола и снятии с работы по мотивам связи с врагами, враждебной работы и т. п. По малейшему поводу и зачастую без разбора исключают из комсомола...»

Далее он писал: «Самостраховка выгодна врагам партии, потому что честных людей на основании простых слухов, без разбора, без малейшей проверки выгоняют из наших рядов, тем самым озлобляют их против нас. Отказ от разбора предъявляемых обвинений, имеющий место в Харькове, выгоден только нашим врагам».

Это он писал «самому» Сталину. Два месяца спустя после встречи с ним в ЦК ВКП(б) и гнетущего разговора, завершившегося сталинским обвинением Косареву: «Вы не хотите возглавить эту работу!»

Он обратился к Сталину уже после того, как стало известно, что П. П. Постышев, рискнувший у Сталина заступиться за оклеветанного государственного и партийного деятеля И. В. Коссиора, был тотчас же смещен с занимаемого поста секретаря ЦК КП(б) Украины и переведен в Куйбышевский обком партии...

Это ли не образец принципиальности, партийного и гражданского мужества Александра Косарева? Прозрения, наконец.

В этот тяжелый период Коммунистическая партия продолжала успешно осуществлять роль авангарда рабочего класса и всех трудящихся. Центральный Комитет ВКП(б) принимал меры по дальнейшему укреплению партийных организаций, совершенствованию их работы.

Важное значение в улучшении партийно-политической работы, исправлении извращений и ошибок, допущенных местными партийными организациями, сыграли решения январского (1938 года) Пленума ЦК ВКП(б).

Он вскрыл и решительно осудил факты произвола над честными коммунистами, формально-бюрократического отношения к апелляциям исключенных из ВКП(б), отметил, что парторганизации слабо выявляли и разоблачали отдельных карьеристов, старавшихся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии.

В духе январского Пленума ЦК ВКП(б) проходил в марте 1938 года и пленум ЦК ВЛКСМ. С докладом «Об ошибках, допущенных комсомольскими организациями при исключениях из комсомола и формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из

ВЛКСМ и о мерах по устранению этих недостатков» выступила секретарь ЦК ВЛКСМ Валентина Пикина.

За три квартала 1937 года по стране было исключено из комсомола 72 740 человек. Из них как враждебных элементов и двурушников 34 454 человека. За два последних месяца ушедшего года на имя Косарева в ЦК поступило 4333 жалобы. Половину — составляли апелляции на неправильное исключение из ВЛКСМ. Саша сидел мрачный; руки, сжатые в кулаки, тяжело лежали на столе президиума. Он не улыбнулся, когда Пикина рассказала о печально-анекдотическом факте. Приведем его по стенограмме: «Секретарь Ленинградского обкома тов. Любин сам себе стал не доверять (смех в зале), включил всех людей в список тех, кого надо проверить, и сам себя послал на проверку в НКВД (смех)». А Саше было не до смеха. На душе постоянно «кошки скребли».

Нет. Косарев не «зациклился» на борьбе за чистоту комсомольских кадров и рядов ВЛКСМ.

Общественная жизнь вокруг кипела многими страстями. И в его личной жизни были события, от которых в другое время он бы только радовался. Трудящиеся Орджоникидзевского металлургического завода и донецкой шахты «Юнком» назвали его своим кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Выборы, первые всенародные выборы в высший орган власти страны, состоялись на исходе 1937 года и вылились в подлинный праздник. На первой сессии Верховного Совета СССР Косарева избрали членом его президиума.

Кандидатуру Косарева выдвинули и в депутаты Верховного Совета Российской Федерации.

21 июня 1938 года Саша выступал на двадцатитысячном митинге перед избирателями — жителями города Дзержинска Горьковской области:

— Я стремился, — говорил он, — быть честным большевиком и гражданином Родины. Я обещаю вам не щадить ни сил, ни жизни во имя нашей великой Родины, во имя партии, во имя всепобеждающего могучего советского народа.

Это было одно из последних публичных выступлений Косарева. Потом была еще речь с трибуны Мавзолея В. И. Ленина на параде физкультурников, еще несколько незначительных выступлений. Но не было уже в них прежнего, столь присущего Косареву, юношеского задора.

И не потому, что сам он стал старше, а новые высокие обязанности и звания делали его солиднее, что ли. Подспудно события тех месяцев не могли не отразиться на нем. Стал он замкнутым, сдержанным. А центральные газеты последней четверти 1938 года как бы отражали искусно прикрытое, но уже наличествующее неприятие Косарева, постепенно образовавшуюся пустоту вокруг его имени. На полосах газет еще появлялись косаревские статьи и редкие корреспонденции о пребывании комсомольского вожака в организациях, но делалось это редакцией «Комсомольской правды» как будто бы нехотя, как-то тускло, невыразительно — по незримой, но «осязаемой» затухающей линии.

В августе 1938 года в Нью-Йорке открылся II Всемирный юношеский конгресс борьбы за мир. Косарева на него не пустили. Впервые за всю свою международную деятельность он не узнал причины отказа. А ему так хотелось (и необходимо было) многое сказать на этом конгрессе. За два месяца до его открытия Саша с тревогой писал: «Мы не знаем, когда пробьет час войны. Но мы знаем, что он пробьет».

До нее оставался только год.

Косарев послал в Нью-Йорк — Вассар Колледж приветствие конгрессу: «...советская молодежь чувствует себя тесно связанной со всемирным движением молодежи в защиту мира и со своей стороны готова поддержать всякую инициативу и всякое действие, могущее содействовать обеспечению мира между народами».

...29 октября 1938 года. В тот октябрьский вечер в Большом театре состоялось юбилейное заседание пленума ЦК ВЛКСМ. Присутствовал И. В. Сталин, другие руководители партии и государства. Был короткий доклад Косарева и большая речь секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова. От внимательных читателей «Комсомольской правды» не мог ускользнуть такой факт: на первой полосе газета опубликовала Приветствие ЦК ВКП(б) комсомолу, а всю оставшуюся площадь номера занял Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями командиров и бойцов Красной Армии, пограничной охраны, членов семей комначсостава, работников госпиталей и торгового флота, отличившихся в боях с японскими провокаторами у озера Хасан. Только на четвертой — последней полосе «Комсомольской правды» была опубликована статья Косарева «Молодой человек страны социализма».

Саша, конечно же, задумывался: «Не означает ли это приближение его эпилога?», но гнал такие мысли прочь и действовал так, как подсказывало ему мужественное сердце коммуниста и партийная совесть.

Постановление январского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП(б) имело большое значение в укреплении единства рядов партии, способствовало улучшению работы партийных организаций. Однако и после него имели место необоснованные исключения из партии и комсомола. Органы Наркомата внутренних дел, поставленные вне контроля партии и государства, продолжали нарушать социалистическую законность. По клеветническим доносам были обвинены во враждебной контрреволюционной деятельности и репрессированы многие крупные партийные, советские и комсомольские работники.

Насколько и в этой обстановке Косарев пытался противостоять необоснованным исключениям из комсомола, свидетельствует его оценка действий инструктора ЦК ВЛКСМ Ольги Мишаковой. Может быть, ее имя не заслуживает упоминания рядом со светлым именем Александра Косарева? Но без этого не понять последних месяцев работы Косарева, ее печального исхода.

Написать просто, что он был ею оклеветан, оболган, — значит, ничего не сказать. Не раскрыть подлости, вершившейся этой женщиной, законченной карьеристкой, нравственно грязным человеком, против Косарева, — значит, скрыть от современного молодого человека факт: просто так не арестовывали. Нужна была основа — донос.

Мы часто вспоминаем о тяжелых утратах тех лет, но милостиво относимся к тем, кто «вершил свой грязный суд», занимался клеветой, доносительством. Не потому ли до последних пор лились потоки разнузданной клеветы в анонимных письмах, в которых за строкой незначительной правды об ошибках честного человека на него обрушивался океан измышлений анонимщика.

Вся жизнь Мишаковой была обставлена ложью, склоками, наветами на людей. Вся биография ее наполнена «белыми пятнами», за которыми легко просматривается ее стремление прорваться все выше и выше — сделать карьеру. Наступившая полоса репрессий способствовала ей, создавала «идеальные» условия для реализации своих честолюбивых замыслов грязными средствами.

Сегодня можно только поражаться тому, как Мишакова проникла в аппарат ЦК ВЛКСМ? Как Косарев — человек разборчивый и внимательный к кадрам (в те вре-

мена тем более) — просмотрел серьезные изъяны в ее биографии: наглую ложь о партийности, беззастенчивое преувеличение участия в общественной работе? Должен же был он, наконец, заинтересоваться вопросом: «Какими путями Мишакова — далекий от комсомольской работы человек — оказалась на ответственной работе в Киевском райкоме комсомола Москвы?» Косарев, так рьяно боровшийся с протекционизмом в комсомоле, не мог не видеть, что не было у Мишаковой оснований быть принятой на работу в ЦК ВЛКСМ. Весь ее стаж комсомольской деятельности — четыре месяца! Разве это основание для работы в главном штабе ВЛКСМ?

Все эти факты должны были натолкнуть Косарева на серьезные размышления.

Или у нее был уж очень сильный покровитель?

Об этом Косарев узнал много дней спустя, когда, видимо, уже ничего серьезного сделать не мог.

Мишакова же искала подходящего случая, чтобы «реализовать» себя. И обстановка сама помогала создавать нужную ей ситуацию — в этот раз на XIV Чувашской областной комсомольской конференции.

Инструктор ЦК, приехав в Чебоксары, безосновательно потребовала роспуска собравшихся на конференцию делегатов по тем мотивам, что комсомольская организация Чувашии еще не развернула работу «по разгрому врагов».

Действовала Мишакова нагло, как будто была облечена высокими полномочиями, но от Косарева они не исходили.

Ее самовольные действия пыталось пресечь бюро Чувашского обкома партии. Оно отвергло ее требование. «Лишь вмешательство Маленкова, — вспоминала В. Ф. Пикина, — дало Мишаковой определенную поддержку в ее провокационных действиях».

Шантажируя, угрожая и запугивая, Мишакова добилась исключения из комсомола секретарей обкома Сымокина и Терентьева и ряда других руководящих работников комсомола Чувашии. На конференции она провокационно заявила:

«...Конференция не выполняет основной своей задачи — разоблачать всех врагов, которые не разоблачены. Вы думаете, что у вас среди секретарей райкомов нет врагов?..»

Состоявшийся вскоре после конференции пленум Чувашского обкома партии осудил поведение Мишаковой и

отметил, что многие комсомольские работники Чувашии необоснованно были объявлены врагами народа и исключены из комсомола и партии. Это решение было направлено в ЦК ВЛКСМ.

15 марта 1938 года ЦК ВЛКСМ рассмотрел заявление бывшего первого и бывшего второго секретарей Чувашского обкома ВЛКСМ товарищей Сымокина и Терентьева. Докладывал секретарь ЦК ВЛКСМ Петр Вершков.

Мишакова вела себя вызывающе, хотя до заседания у Косарева был с ней нелицеприятный разговор. Завершился он ее заявлением — ухожу на другую работу! Выпалила его дерзко. От волнения челка-бабочка ее короткой прически, обычно тщательно прилизанная, свесилась на лоб. Сквозь прядь белобрысых волос на Косарева сверкали злые щелки глаз. Она в упор смотрела на Косарева, не мигая, нахально, торжествующе, будто не ей, а ему предстояло покинуть в ЦК свой служебный пост.

На бюро Косарев был краток. По существу, он только огласил решение:

«1. Отметить, что, выполняя Задание ЦК ВЛКСМ по руководству Чувашской областной конференции комсомола, т. Мишакова допустила грубейшие ошибки, в силу чего люди — честные перед партией зачислялись в разряд политически-сомнительных, а то и пособников врагов народа. В частности, это нашло свое выражение в отношении б/первого и б/второго секретарей обкома комсомола тт. Сымокина и Терентьева.

2. Отменить решение конференции по отношению тт. Сымокина и Терентьева в части, где их обвиняют пособниками врагов народа.

3. Перевести тов. Мишакову с должности инструктора ЦК ВЛКСМ на другую работу».

Никто не ведал, на какую «другую» работу переходила она.

Не слышал Косарев и телефонного разговора Мишаковой:

— Соедините меня, пожалуйста, с Лаврентием Павловичем. Передайте, звонит Мишакова из ЦК ВЛКСМ...

Имя наркома внутренних дел Берия, сменившего на этом посту Ежова, произносили так запросто далеко не все — оно навевало тревогу, даже страх...

— Лаврентий? Это — Ольга! «Он» выгнал меня из ЦК...

— ?

— Нет, не в буквальном смысле слова. В решении написано: «перевести на другую работу...» Что? Говоришь, «не волнуйся, тебя и ожидает другая работа...» Хорошо — я потерплю...

Удивительно, как Косарев — опытнейший человек, хорошо разбиравшийся в людях, не разглядел патентованной аферистки? Он спохватился слишком поздно, уже после этого заседания бюро, дав указание разослать запросы в партийные комитеты по старым местам работы Мишаковой с просьбой выслать ее политхарактеристику. Но кто-то очень опытный и властный оперативно упредил его. Саша так и не дождался на них ответов, а они многое бы раскрыли ему...

Решение о Мишаковой приняли в марте, но она, казалось, и не собиралась покидать здание ЦК. Какая-то «таинственная сила» благоволила ей. Несмотря на принятое решение, секретариат ЦК вернулся в августе к рассмотрению ее заявления об освобождении от работы в аппарате ЦК, теперь уже «по личной просьбе» да еще... с предоставлением отпуска?!

Время шло, и Мишакова продолжала развивать свое грязное дело. 7 октября 1938 года она написала заявление Сталину, в котором вновь оклеветала многих партийных и советских работников, называя их врагами народа, а себя представила пострадавшей за борьбу с ними.

13 ноября Косарев, мрачный, как зловещая грозовая туча, односложно ссылаясь на «указание свыше», предложил членам бюро принять решение: «т. Мишакову восстановить на работе инструктора ЦК ВЛКСМ по пропаганде, как неправильно освобожденную от этой работы в аппарате ЦК».

Члены бюро сидели как провинившиеся, пристыженные, всепонимающе смотрели на Косарева и искренне сочувствовали ему. Стыдно было не за себя. За собственное бессилие перед обстоятельствами.

Стыдно было еще и за то, что вот сейчас, только что все они — люди вроде бы до этого честные и не из робкого десятка — спасовали не только перед обстоятельствами — перед людской подлостью, ее торжеством.

Для дальнейших переживаний и оценки собственных действий у многих из них оставалась ровно неделя. О дальнейшем развитии событий рассказала В. Ф. Пикина:

«По указанию Сталина 19—22 ноября 1938 года был созван пленум ЦК ВЛКСМ, на котором лично присут-

ствовали Сталин, Молотов, Маленков. На этом пленуме Сталин взял под защиту Мишакову, а справедливые действия бюро ЦК ВЛКСМ расценил как пособничество врагам народа.

На слова одного из ораторов о том, что в работе комсомола имеется много ошибок, Сталин заявил:

«А может, это система, а не ошибки? Слишком уж много ошибок после всего происшедшего. Два года вредительство ликвидируется, а ошибок все еще очень много. Нет ли тут системы?»

На предъявляемые ему обвинения А. В. Косарев заявил: «Лично я чувствую себя абсолютно спокойным, потому что совесть моя чиста. Никогда я не изменял ни партии, ни советскому народу и не изменю. Вот это я и должен заявить».

А. В. Косарев был снят с работы.

Я хорошо помню наш последний разговор с ним. Кончилось заседание пленума, Александр Васильевич, уже не секретарь ЦК ВЛКСМ, зашел в свой, теперь уже бывший, кабинет. Я пошла к нему. Долго мы разговаривали с ним. Он так и не мог понять, что же происходит. Он говорил, что еще не все кончено, что он будет писать Сталину».

Вера в сталинскую справедливость у Косарева была очень крепкой. И не исключено, что искал Саша в те дни первопричину своего отстранения от работы в комсомоле не в Сталине, не в утрате его доверия к себе, а в сталинском окружении из числа руководителей Наркомата внутренних дел.

В те дни после пленума ЦК ВЛКСМ мысль Косарева работала обостренно, вытаскивая из закоулков памяти такие эпизоды, которые в былую пору показались бы ему незначительными, несущественными — так твердо чувствовал он себя, столь неуязвимым, так уверен был в поддержке самого.

Когда же это могло произойти?

Когда же он, Косарев, восстановил их против себя: задел обостренное самолюбие и мелочность одного; намекнул другому на его способность пойти на любую сделку с собственной совестью; дал основание затаить ненависть к себе — третьему?

Все это было так давно.... Кажется, в апреле 1932 года состоялся парад физкультурников-значкистов ГТО. А сейчас этот день отчетливо всплыл в памяти Косарева. В тот день Красную площадь точно восточный ковер выт-

кали яркие майки спортсменов всех десяти районов Москвы. Трибуны по обе стороны Мавзолея переполнены. На самом Мавзолее — Сталин в окружении Кагановича, Ворошилова, Микояна, Ярославского и других...

Ровно в 15 часов с боем курантов на всю площадь раздалась команда: «Смирно!»

Теперь все взоры обратились к воротам Спасской башни. Косарев хорошо помнил, как он с председателем Всесоюзного совета физкультуры и спорта Антиповым, секретарем ВЦСПС Шверником и Ягодой вышли из них для принятия рапорта. Почему-то Ягода вышел шага на полтора вперед. Но командующий парадом, как бы не замечая этого движения наркома внутренних дел, отдал рапорт, обращаясь непосредственно к Косареву. Почему? Причина так и осталась неизвестной. Но от Сталина движение Ягоды и нарочитое поведение командующего не осталось незамеченым.

— Что же это, Ягода, не ты, а Косарев рапорт принял? Докладывал-то твой — «динамовец»!

Сталинское окружение дружно рассмеялось. А Ягода, кусая губы, молча отошел в сторону. С Косаревым он с тех пор разговаривал холодно и только в крайней необходимости.

А Ежов? С ним отношения у Косарева стали натянутыми после совместной работы в комиссии по расследованию дела об убийстве С. М. Кирова, когда Саша позволил себе усомниться в точности окончательного вывода.

Оставался Берия. С ним-то Косарев в свое время и допустил непростительную промашку. Берия тогда был секретарем Закавказского бюро ЦК ВКП(б) и постоянно допускал «злоупотребления властью», гонения на неугодных ему людей.

Саша хорошо запомнил ту встречу с другим руководителем из Закавказья — Багировым, оказавшимся человеком мелким, злым, склонным к доносительству. Разве мог тогда Саша даже подумать, чем обернется его встреча с Багировым на даче? Сидели за ужином, запивая сациви прекрасным грузинским вином. Багиров нещадно нес Берия, а Косарев хмуро слушал его, временами только удивленно вскидывая брови: «Неужели?»

Наконец Саша произнес:

— Я хочу поднять тост за настоящее большевистское руководство в Закавказье...

Багирова как подменили. Подобострастно улыбаясь, он

прямо-таки вскочил с поднятым вверх фужером, а Косарев закончил свой тост неожиданной фразой:

— Которого там нет!!!

На другой же день этот тост стал известен Берия. Наверное, напрасно среди этих эпизодов искал Косарев причину своего отстранения от дел. Пожалуй, то были лишь факты, сопутствовавшие, формировавшие «накопительные ведомости» противников Саши, среди которых ни один не имел полноты власти для принятия рокового комсомольскому вожаку решения.

«Косарев никак не мог понять, — утверждала В. Ф. Пикина, — что Сталин лишил его своего доверия и благосклонности. Ему, Сталину, нужны были и в руководстве комсомолом люди, слепо и беспрекословно поддакивающие, усердно помогающие чинить произвол над честными работниками, запугивать кадры».

Рассказ о биографии Александра Васильевича Косарева подходит к концу.

Никто, кроме самых близких и родных, не в состоянии рассказать о днях, прожитых Сашей после того зловещего пленума. Передадим это выдержкой из статьи внучки — Саши Косаревой:

«— Саша вернулся с пленума в смятении, — рассказывает мне бабушка. — Но покоя не было и дома: мы тогда жили на даче, — выйдешь в парк — за каждым деревом стоят, смотрят. Он говорит: «Я так не могу, поедем к маме». — «Поедем».

Сели в машину. Обычно, когда подъезжали к КП, ворота тут же раскрывались. А тут заперты. Через какое-то время, не скоро, все же открыли их. Отправились мы. А за нами сразу... хвостик, другая машина. Мы к Сашиной маме, а они за нами. Саша и говорит: «Что толку...»

Вернулись на дачу.

Так прошло три дня. На четвертый он пытался позвонить Сталину. «Уже четыре дня прошло, что же это такое? Решайте».

— Не волнуйся, Саша, — успокоили его из приемной. — Ты изнервничался, устал. Все будет в порядке. Пошлют на работу. Все обойдется.

Саша буквально ожил. «Поедем куда-нибудь, допустим, на Дальний Восток, будем там работать». Словно крылья выросли у него.

Потом мы поднялись к себе в спальню — дача была

двухэтажная. Слышим телефон — «дрын-дрын-дрын». Саша спял трубку, звонит в ЦК комсомола дежурному: «Мне никто не звонил?» — «Нет, никто». Прошло какое-то время. Я говорю: «Саша, ты слышишь шаги на лестнице?» — «Встань, посмотри», — отвечает.

Я открыла дверь спальни.

Поднимается, никогда этого не забуду, человек в форме, в носках, на цыпочках, с каким-то желтым длинным лицом».

Свидетельствует В. Ф. Пикина: «За «врагом народа» А. В. Косаревым приехал сам Берия. Кажется, это был первый случай, когда Берия присутствовал при аресте. Косарева он люто ненавидел».

Из рассказа Марии Викторовны Нанейшвили:

«Вот они поднялись. «Товарищ Косарев, одевайтесь, поедем». Белый стал, прямо матовый. «Напрасно, — говорит, — это вы. Я честный человек». — «Ничего, там разберутся. Поедем». Я спрашиваю: «А вещи какие-нибудь надо?» — «Ничего не надо, завтра все передадите. Только скорей, скорей».

Когда уже выходили, меня как молнией ударило, я говорю: «Саша, обожди! Больше ведь не увижу...»

АВТОРСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Передо мной газеты за 23 февраля 1939 года — пензенская, ленинградская, московская... Мне хочется знать, чем бы напомнили они об Александре Васильевиче Косареве, хоть тоненькой ниточкой, хоть намеком связали бы с ним самим, его делами. Я хочу заглянуть как бы в продолжение поступи комсомольских дел, которые были целью всей его жизни.

В газетах много праздничных официальных материалов. Неудивительно, для советских людей это был именно праздничный день — День Красной Армии и Военно-Морского Флота...

Пензенская газета вышла со статьей «Вооружать комсомольские кадры революционной теорией». Члены ВЛКСМ поголовно готовились изучать «историю ВКП(б). Краткий курс».

...Ленинградская «Смена» напечатала резолюцию VII областной комсомольской конференции. Еще осенью Косарев обещал приехать на нее обязательно.

...«Рабочая Москва» передавала «Дневник партийных

конференций». Перед коммунистами Бауманского района выступила депутат Верховного Совета СССР Татьяна Федорова. От имени метростроевцев она заверила делегатов, что строители подземной магистрали соорудят еще более красивые станции-дворцы. И как бы в подтверждение ее слов в зал Центрального клуба строителей, где заседала конференция, проникли глухие звуки грозной подземной канонады.

— Слышите? Это комсомольская бригада проходчиков Пономарева при помощи аммонала прокладывает трассу Покровского радиуса метро!

Косарев хорошо знал этого ударника Московского метростроя, много раз встречался и с Татьяной Федоровой.

А «Комсомольская правда» неизменно «забивалась» официальными материалами. И 23 февраля тоже. Три полосы — сплошь одни имена и фамилии награжденных. Но на четвертой полосе приютилось стихотворение Маргариты Алигер «Присяга»:

А если когда-нибудь я солгу,
А если когда-нибудь я смогу
Нарушить святую высокую
клятву, —
Пусть ветры меня разорвут
на куски,
Море затопит, горы раздавят,
Презренные кости засыплют пески
И даже следа моего не оставят.

23 февраля 1939 года была жестоко оборвана жизнь Александра Васильевича Косарева. Яркая, чистая, честная, оставившая в жизни комсомола и истории нашей Родины глубокий незатерявшийся след.

В этот день была оборвана жизнь, но не память о нем. Хотя ноет еще тяжелая душевная рана. Из-за того ее боль, что мало, до удивительного мало имеется овеществленных свидетельств этой памяти.

В 1973 году на доме, в котором жил последние годы Косарев, была установлена мемориальная доска.

В дни больших комсомольских торжеств в моей квартире раздаются телефонные звонки. Молодые люди спрашивают: «Где в Москве памятник Саше Косареву?» Они хотели бы возложить цветы...

Что могу я сказать им в ответ?

Так и идут они на улицу Серафимовича. Он знаменит, этот дом с мемориальной доской А. В. Косареву. На нем несть числа таким доскам. Так и кладут парни и девуш-

ки — наследники косаревских дел — свои скромные букетики алых гвоздик у подножия самого дома: больше некуда...

Есть в Первомайском районе Москвы еще Дом пионеров имени А. В. Косарева. Спасибо первомайцам. Здесь на берегах сохранившейся речки Хапиловки и протекали детские годы будущего комсомольского вожака. В Севастополе именем Косарева назвали одну из улиц.

Вот уже и двадцать лет минуло, как покинуло стапели Адмиралтейского судостроительного завода судно «Косарев» — плавучий рыбоконсервный завод, оснащенный приборами и оборудованием по последнему в те времена слову техники. Но молодые корабелы решили, что мало этого для судна под таким именем. И внесли в него как бы частицы боевой романтики былых лет и этим связали в единую цепь дела и подвиги нескольких комсомольских поколений. В самом начале строительства корабля они приварили к закладной секции деталь станкового пулемета, поливавшего огнем фашистов, рвавшихся к бастионам Брестской крепости. Заложили в сердцевину и кусок брони от линкора «Марат». Броню доставили из Кронштадта. Вспомнили молодые адмиралтейцы, что генеральному секретарю ЦК ВЛКСМ Александру Косареву в 1933 году было присвоено звание почетного краснофлотца этого линкора.

Скоро минет полвека с того трагического дня — 23 февраля 1939 года. Намного больше, чем жил и творил Александр Косарев. Он ушел из жизни в неполные 36 лет. Вечно молодым он и останется в нашей памяти и в памяти будущих комсомольских поколений. Не будет, не должна быть забыта память о нем — коммунисте и комсомольце, каждый шаг сознательной жизни которого был связан с партией и комсомолом.

Им он был беспредельно предан. До последнего дня своей жизни. До последней капли крови. «Коммунисты и комсомольцы, — писал он, — это революционеры не на один день, не на один месяц, не на один год».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. В. КОСАРЕВА

1903, 14 ноября — Родился А. В. Косарев.

1913, май — Начало трудовой деятельности.

1917, февраль — Начало участия в революционном движении пролетарской молодежи.

1917, осень — Вступил в Московский союз рабочей молодежи «III Интернационал».

1918, ноябрь — Вступил в ряды Российского Коммунистического Союза Молодежи — РКСМ.

1919, 8—15 октября — В дни партийной недели в Москве вступил в ряды Российской Коммунистической партии (большевиков).

1919, конец октября — Тайком отправился на защиту Петрограда от банд Юденича.

1920, весна — Петроградским губкомом комсомола направлен на учебу в трехмесячную районную политшколу, по окончании ее остается заведующим политкурсами в Центральной комсомольской школе (Петроград).

1921, 4 марта — Приступил к работе инструктором Василеостровского райкома комсомола Петрограда.

1922, 15 января — Московским комитетом РКСМ направлен на работу первым секретарем Баумaнского райкома комсомола Москвы.

1922, декабрь — Назначен заместителем заведующего орготделом МК РКСМ.

1923, 10 мая — Возвращается на работу первым секретарем Бауманского райкома комсомола.

1924, 23—31 мая — Делегат XIII съезда ВКП(б), участвует в работе съезда.

1924, 2 сентября — Решением ЦК ВЛКСМ переведен на работу в Исполкоме Коммунистического интернационала молодежи — КИМ.

1924, 15 ноября — Направлен ЦК ВЛКСМ на работу первым секретарем Пензенского губкома комсомола.

1925, 16—23 июня — Делегат IV Всесоюзной конференции РЛКСМ.

1925, 18—31 декабря — Делегат XIV съезда ВКП(б). Участвует в подготовке проекта резолюции съезда «О работе комсомола».

1926, начало января — Направлен в составе бригады ЦК РЛКСМ в Ленинград для разъяснения комсомольцам решений XIV съезда ВКП(б).

1926, 26 февраля — Избран первым секретарем Московско-Нарвского райкома комсомола Ленинграда.

1926, 11—22 марта — Делегат VII съезда ВЛКСМ. Избран в состав ЦК ВЛКСМ.

1926, 23 апреля — Откомандирован в распоряжение ЦК ВЛКСМ.

Утвержден заведующим оргraспредотделом (заворгом) ЦК ВЛКСМ и введен в состав секретариата Центрального Комитета комсомола.

1927, 24—30 марта — Делегат V Всесоюзной конференции ВЛКСМ.

1927, 27 марта — Избран на IV пленуме ЦК ВЛКСМ секретарем ЦК комсомола.

1927, 12 мая — Избран первым секретарем Московского комитета комсомола. Одновременно секретарь ЦК ВЛКСМ.

1927, 2—19 декабря — Делегат XV съезда ВКП(б). Избран членом ЦКК ВКП(б).

1928, 5—16 мая — Делегат VIII съезда ВЛКСМ. Избран секретарем ЦК ВЛКСМ.

1929, 24 марта — Избран на III пленуме ЦК ВЛКСМ генеральным секретарем Центрального Комитета ВЛКСМ.

1929, 20—28 мая — Делегат V Всесоюзного съезда Советов. Избран членом ЦИК СССР.

1929, 17—24 июня — Делегат VI Всесоюзной конференции ВЛКСМ. Выступил с отчетом ЦК ВЛКСМ.

1929, 21 июля — Участвует в работе международного антиимпериалистического конгресса молодежи во Франкфурте-на-Майне.

1929, 23—29 апреля — Делегат XVI конференции ВКП(б).

1930, 26—13 июля — Делегат XVI съезда ВКП(б). Избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

1931, 16—26 января — Делегат IX съезда ВЛКСМ. Выступил с отчетом ЦК ВЛКСМ.

1931, 8—17 марта — Делегат VI Всесоюзного съезда Советов. Избран членом ЦИК СССР.

1932, 30 января — 4 февраля — Делегат XVII конференции ВКП(б).

1932, 1—8 июля — Делегат VIII Всесоюзной конференции ВЛКСМ. Выступил с докладом «Четвертый завершающий год пятилетки и задачи ВЛКСМ (соревнование и ударничество и т.д.)».

1933, 22—24 сентября — Возглавляет делегацию советской молодежи на мировом антивоенном конгрессе в Париже. Выступает с докладом о положении и работе советской молодежи. Избран в Международный комитет борьбы против фашизма и войны.

1933, 28 октября — Президиум ЦИК СССР наградил А. В. Косарева орденом Ленина.

1934, 26 января — 10 февраля — Делегат XVII съезда ВКП(б). Избран членом ЦК ВКП(б). На I пленуме избран членом Оргбюро ЦК ВКП(б).

1935, февраль — Делегат VII съезда Советов СССР. Избран членом ЦИК СССР.

1935, 25 апреля — Участвует в последнем заседании Международной конференции молодежи за мир, свободу и прогресс в Париже.

1935, 25 апреля — Участвует в расширенном заседании Международного бюро по подготовке интернационального слета молодежи в Париже.

1935, 26 сентября — 11 октября — Возглавляет делегацию Ленинского комсомола на VI конгрессе КИМа (Москва). Выступает с докладом, посвященным 15-летию речи В. И. Ленина на III съезде РКСМ «Задачи союзов молодежи».

1936, 11—21 апреля — Делегат X съезда ВЛКСМ. Выступил с докладом — Отчет ЦК ВЛКСМ. Избран генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ.

1936, 18 июля — Участвует в заседании Международного бюро всемирного объединения молодежи за мир, свободу и прогресс в Париже.

1936, 31 августа — 6 сентября — Участвует во Всемирном конгрессе молодежи в Женеве. Делает доклад о коммунистической точке зрения на проблемы мира.

1937, 12 декабря — Избран депутатом Верховного Совета СССР первого созыва.

1938, 17 января — Избран на первой сессии Верховного Совета СССР членом Президиума Верховного Совета СССР.

1938, 26 июня — Избран депутатом Верховного Совета РСФСР первого созыва.

1939, 23 февраля — Трагическая смерть А. В. Косарева.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Александр Косарев. Сборник воспоминаний. М., 1963.
Астров В. Круча. М., 1966.
Васютин В. Ф. Об ошибках подлинных и мнимых (ЦК РКСМ и вопрос о внутрипартийной дискуссии, декабрь 1923— январь 1924 г.). — Позывные истории. Сб., вып. 7. М., 1982, с. 229—239.
Галин Б. Время далекое — товарищи близкие. М., 1970.
Гурвич Л. М. В Московском Истмоле. — Позывные истории. Сб., вып. 7, с. 240—253.
Гурвич Л. М. Комсомол — инициатор и организатор массового туризма в СССР. — Позывные истории. Сб., вып. 8. М., 1985, с. 186—204.
Зиновьев А. Боевой отряд интернационалистов. Из истории международной деятельности ВЛКСМ (1918—1954 гг.). М., 1977.
Киров С. М. О молодежи. М., 1969.
Колосов Марк. Славное честное имя. — «Литературная газета», 1963, 14 ноября.
Косарев А. За живое конкретное руководство в комсомоле. М.—Л., 1927.
Косарев А. Задачи Ленинского комсомола в период реконструкции. Л., 1929.
Косарев А. Ленинский комсомол к XVI партсъезду. М., 1930.
Косарев А. Большевистскому поколению ленинское руководство. Речь на октябрьском пленуме ЦК ЛКСМУ. М., 1931.
Косарев А. За большевистские темпы плюс качество. Доклад и заключительное слово на IX Всероссийском съезде ВЛКСМ. М., 1931.
Косарев А. Производительно работать, культурно жить. Доклад на 7-й Всесоюзной конференции ВЛКСМ. М., 1932.
Косарев А. Четвертый завершающий год пятилетки и задачи комсомола. Доклад на VII Всероссийской конференции ВЛКСМ. М.—Л., 1932.
Косарев А. Ленинскому комсомолу большевистский стиль работы. Л.—М., 1933.
Косарев А. Отчет ЦК ВЛКСМ X Всесоюзному съезду Ленинского комсомола. М., 1936.
Косарева Александра. Вожак. — «Юность», 1987, № 4, с. 2—10.
Меренкова Татьяна. Александр Косарев. — Вожаки комсомола. Сб. М., 1974, с. 227—315.
Меренкова Т. Александр Васильевич Косарев. — Коммунисты. Сб. М., 1977, с. 408—429.
Мильчаков А. И. Первое десятилетие. Записки ветерана комсомола (изд. 2-е, доп. и перераб.). М., 1965.

Нагаев Герман. Ради счастья. М., 1974.
Наше рождение. Московский истомольский сборник (до I Всероссийского съезда). М., 1924.
Незабываемые годы. Сборник очерков о становлении Советской власти и первых шагах комсомола в Пензенской губернии. Саратов, 1982.
Новоплянский Д. Четыре строки. История одной записки В. И. Ленина. — «Правда», 1968, 3 ноября.
Очерки истории Ленинградской организации ВЛКСМ. Л., 1969.
Очерки истории Московской организации ВЛКСМ. М., 1976.
Очерки истории Пензенской организации КПСС. Изд. 2-е, доп. и перераб. Пенза, 1983.
Первое десятилетие. Воспоминания ветеранов партии москвичей. М., 1982.
Пикина В., Диментман А. Руководитель ленинского стиля. — «Молодой коммунист», 1963, № 11, с. 31—37.
Под знаменем партии. Документальные очерки истории Пензенской комсомольской организации. Саратов, 1976.
Рябов В. В., Артемов А. А. Александр Косарев — секретарь Пензенского губкома комсомола. — Позывные истории. Сб., вып. 7, М., 1982, с. 220—228.
Славный путь Ленинского комсомола. История ВЛКСМ. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1978.
Центральный партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС.
Центральный архив ВЛКСМ.
Московский партийный архив Института истории партии МГК и МК КПСС.
Архив А. М. Горького Института мировой литературы имени А. М. Горького.
Журналы: «Молодой коммунист», 1918—1939.
Газеты: «Знамя ленинца» (Пенза) за 1925 год; «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов гор. Москвы и Московской области» за 1918 год; «Комсомольская правда» за 1926—1939 гг.; «Ленинградская правда» за 1926, 1939 гг.; «Рабочая Москва» за 1939 год; «Рабочая Пенза» за февраль 1939 года; «Смена» (Ленинград) за 1926 и 1939 гг.; «Советский спорт», 1987, 8 марта и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Трущенко Н. В.

Т 80 Косарев. — М.: Мол. гвардия, 1988. — 399[1] с., ил. — (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр. Вып. 15 (692)).

ISBN 5-235-00734-4

Книга Н. Трущенко о генеральном секретаре ЦК ВЛКСМ Александре Васильевиче Косареве в 1929—1938 годах, жизнь и работа которого — от начала и до конца — была посвящена Ленинскому комсомолу. Выдвинутый временем в эпицентр событий огромного политического звучания, мощной духовной силы, Косарев был одним из активнейших борцов — первопроходцев социалистического созидания тридцатых годов.

Книга основана на архивных материалах и воспоминаниях очевидцев.

Т $\frac{4702010200—280}{078(02)—88}$ **Без объявл.** **ББК 66.75(2)2**

ИБ № 6305

Трущенко Николай Владимирович

КОСАРЕВ

Заведующий редакцией С. Лыкошин
Редактор В. Левченко
Младший редактор М. Печенева
Художественный редактор А. Степанова
Технический редактор Т. Кулагина
Корректоры В. Назарова, Е. Дмитриева, Н. Самойлова, Н. Хасаия

Сдано в набор 06.07.88. Подписано в печать 01.09.88. А01137. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 21 + +0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 23,83. Учетно-изд. л. 23,9. Тираж 150 000 экз. (1-й завод 75 000 экз.). Цена 1 р. 70 к. Зак. 1757.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-235-00734-4

1 р. 70 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ